Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации

Российское историческое общество

Казанский (Приволжский)
федеральный университет

Первая мировая война и Государственная Дума

Материалы Международной научной конференции

Казань, 17–18 октября 2014 года

Издание Государственной Думы
Москва • 2015

УДК 342.532:94(47+57)«1914/1918»(082)
ББК 67.400.6я431+63.3(2)524я431
Г72

Редакционная коллегия
В. А. Летяев, В. Г. Малушков, К. И. Могилевский,
А. Е. Петров, Р. Р. Хайрутдинов, Р. А. Циунчук

Г72 **Первая мировая война и Государственная Дума:** Материалы Международной научной конференции. Казань, 17–18 октября 2014 года / Сост. и отв. ред. Р. А. Циунчук. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 240 с.

ISBN 978-5-9907115-1-8

В сборнике представлены тексты докладов и сообщений участников Международной научной конференции «Государственная Дума и Первая мировая война» (Казань, 17–18 октября 2014 года), в которой приняли участие известные отечественные и зарубежные учёные. В докладах и сообщениях рассматриваются различные аспекты деятельности Государственной Думы Российской империи в период Первой мировой войны.

Книга адресована учёным, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется отечественной историей.

УДК 342.532:94(47+57)«1914/1918»(082)
ББК 67.400.6я431+63.3(2)524я431

© Аппарат Государственной Думы, 2015

Содержание

От составителя 6

Приветствие 9

Акульшин П. В., *Рязанский государственный университет, Россия.*
Депутаты Государственной Думы от Рязанской губернии
и политические процессы в столице и провинции
в годы Первой мировой войны 10

Алексеев И. Е., *Аппарат Президента Республики Татарстан, Россия.*
Казанский депутат Ф. Н. Казин в Государственной Думе:
«Это был стойкий и убеждённый работник...» 16

Алимгазинов К. Ш., *Архив Президента Республики Казахстан,*
Жугенбаева Г. С., *Институт истории и этнологии, Казахстан.*
Казахские депутаты I и II Государственной Думы
в период событий 1916 г. в Туркестане 20

Аронов Д. В., *Государственный университет –*
учебно-научно-производственный комплекс, Россия.
Либеральная составляющая думского законотворчества
периода Первой мировой войны 29

Багирова И. С., *Институт истории*
Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан.
Общественно-политические процессы в Азербайджане
и отражение их в деятельности депутатов
Государственной Думы в годы Первой мировой войны 35

Братолюбова М. В., Деордиева А. Н.,
Южный федеральный университет, Россия.
Деятельность казачьих депутатов Государственной Думы
Российской империи в годы Первой мировой войны 44

Бродовская Л. Н., *Казанский федеральный университет, Россия.*
«Как нам обустроить послевоенную Россию»:
взгляд депутата И. Годнева из воюющей страны 50

Витухновская-Кауппала М., *Хельсинкский университет, Финляндия.*
Финский вопрос в Государственной Думе
и Временном правительстве, 1914–1917 гг. От большой
«программы русификации» до проектов полного самоуправления 59

Воронкова И. Е., *Орловский государственный институт экономики и торговли, Россия.*
Думские дебаты о международных отношениях и приоритетах внешней политики Российской империи начала XX в. 68

Гребенкин И. Н., *Рязанский государственный университет, Россия.*
От войны Великой к войне Гражданской: депутаты Государственной Думы у истоков Белого движения 78

Гронский А. Д., *Белорусский государственный университет информатики и электроники, Беларусь.*
Думские депутаты глазами жандармов в период Первой мировой войны (по воспоминаниям сотрудников политической полиции) 83

Дёмин В. А., Гнатюк Л. В., *Московский государственный индустриальный университет, Россия.*
Законодательная деятельность Государственной Думы и Государственного совета в годы Первой мировой войны 88

Златина М. А., *Российский государственный педагогический университет, Россия.*
Обсуждение вопроса о черте еврейской оседлости в IV Государственной Думе в годы Первой мировой войны (июль 1914 – август 1915 гг.) 95

Ивакин Г. А., *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.*
Общественно-политическая деятельность правоконсервативных сил в период Первой мировой войны и развитие российского парламентаризма 103

Котюкова Т. В., *Институт всеобщей истории РАН, Россия.*
Туркестанское направление национальной политики в Государственной Думе в годы Первой мировой войны 110

Куликов С. В., *Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия.*
Прогрессивный блок и левые фракции IV Государственной Думы и Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917 гг.) 121

Купцова И. В., *Московский государственный университет, Россия.*
Государственная Дума и художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны 135

Лавринович Д. С., *Могилёвский государственный университет, Беларусь.*
Деятельность депутатов, избранных на территории Беларуси, в IV Государственной Думе 142

Левин В., *Иерусалимский университет, Израиль.*
Еврейская национальная квазиавтономия
в Российской империи: парламентская политика,
гражданское общество и вопрос беженцев
в период Первой мировой войны 150

Лукоянов И. В., *Санкт-Петербургский институт*
истории РАН, Россия. Прогрессивный блок: история создания 158

Михайлова Е. М., *Чебоксарский кооперативный институт,*
филиал Российского университета кооперации, Россия.
Правые партии Поволжья и Государственная Дума
в 1914–1917 гг.: отношения в преломлении военного времени 165

Рябухин И. В., *Пермский национальный*
исследовательский университет, Россия.
Депутатский запрос как инструмент политического
давления в годы Первой мировой войны 172

Сидоренко Н. С., *Челябинский государственный*
педагогический университет, Россия.
Парламентская деятельность уральских депутатов
в годы Первой мировой войны 180

Соколов А. С., *Рязанский радиотехнический университет, Россия.*
IV Государственная Дума и вопросы
денежно-кредитной политики России 189

Соловьев К. А., *Институт российской истории РАН, Россия.*
Государственная Дума в годы Первой мировой войны:
к историографии вопроса 194

Холяев С. В., *Ярославский государственный*
технический университет, Россия.
В союзе с Государственной Думой: Земгор на острие
политического конфликта (сентябрь 1915 – июнь 1916 гг.) 203

Циунчук Р. А., *Казанский федеральный университет, Россия.*
Мусульманская фракция IV Государственной Думы
накануне и в годы Первой мировой войны 211

Чирков А. А., *Институт российской истории РАН, Россия.*
Военная комиссия IV Государственной Думы
в годы Первой мировой войны 221

Юрковский Р., *Варминско-Мазурский университет, Польша.*
Польские депутаты Государственной Думы
и Государственного совета и их деятельность
в начале Первой мировой войны 229

От составителя

Прошедшая в рамках Международного научного форума «Великая война 1914–1918 годов: Россия, Европа и исламский мир» Международная научная конференция «Государственная Дума и Первая мировая война» (Казань, 17–18 октября 2014 года) заняла особое место среди научных симпозиумов и конференций в России и за рубежом, посвящённых событиям Первой мировой войны 1914–1918 годов. Её целью являлось рассмотрение всего комплекса международных и внутренних проблем России, отразившихся в политических дебатах и законодательной деятельности первого российского парламента – Государственной Думы.

Идея проведения Международной научной конференции, посвящённой отражению в истории думского российского парламентаризма такого эпохального события как Первая мировая война, впервые прозвучала на первом заседании Российского исторического общества в Казани, проведённом 17 июля 2014 года, и была поддержана Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председателем Российского исторического общества С. Е. Нарышкиным. Конференция «Государственная Дума и Первая мировая война» была включена в список приоритетных проектов Российского исторического общества на 2014 года.

Актуальность этой конференции была продиктована тем фактом, что многообразная и исключительно интенсивная деятельность Государственной Думы в экстремальных условиях Первой мировой войны всё ещё относится к числу недостаточно изученных проблем как в отечественной, так и в зарубежной литературе. При этом важно констатировать, что именно в период войны Государственная Дума стала центром притяжения и поиска консолидации различных политических и национальных сил, поддерживала инициативы общественных и благотворительных организаций, сотрудничала с активом Союза земств и городов (Земгор), военно-промышленными комитетами, предлагала власти реальные проекты неотложных реформ, была готова взять на себя большую ответственность за судьбы страны. Очевидно, что в деятельности Государственной Думы сфокусировались практически все стороны социально-экономической, политической и социокультурной жизни многонациональной Российской империи.

Приветствие в адрес участников форума (конференции) направил Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин. В пленарном заседании приняли участие и выступили с приветствиями депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Ф. А. Клинцевич, заместитель Председателя Государственного Совета Республики Татарстан Р. А. Ратникова, депутат Государственного Совета Республики Татарстан, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета И. Р. Гафуров. Также были озвучены приветствия от Российской ассоциации историков Первой мировой войны и Ассоциации исследователей российского общества (АИРО XXI).

Доклады учёных из 7 зарубежных стран – Азербайджана, Беларуси, Израиля, Казахстана, Польши, Финляндии, из вузов и академических учреждений многих городов России подробно отразили различные, ранее практически не исследованные специально темы: Государственная Дума и международные отношения в предвоенный и военный период; отражение военных действий в думских дебатах; деятельность депутатов на фронтах войны и в регионах страны; власть и Государственная Дума в политических процессах в период войны; законодательная и запросная работа Государственной Думы в военный период; деятельность думских комиссий; Государственная Дума и перевод экономики на военные рельсы; Государственная Дума и денежно-кредитная политика в военный период; думские фракции и общественно-политическое движение в России в годы войны; Государственная Дума и национальные вопросы в России в период войны, проблемы беженцев в думских дебатах; создание и деятельность Временного комитета Государственной Думы; Государственная Дума периода Первой мировой войны в архивных материалах и кинофотодокументах, дневниках, мемуарах, публицистике и художественной литературе.

От имени оргкомитета Международной научной конференции «Государственная Дума и Первая мировая война» выражаем благодарность всем исследователям, принявшим участие с докладами в настоящей конференции, а также учреждениям и общественным организациям за поддержку в подготовке и проведении конференции.

Участникам Международного научного форума
«Великая война 1914–1918 годов: Россия, Европа и исламский мир»
(г. Казань, Казанский федеральный университет, 17 октября 2014 года)

Приветствую участников Международного научного форума в Казани, посвящённого Первой мировой войне.

Обсуждая ключевые события и уроки той эпохи, вам предстоит затронуть немало интересных аспектов, в том числе связанных с историей дореволюционной Государственной Думы. Народные избранники вместе со всей страной переживали победы и поражения, вносили законодательные инициативы в поддержку фронта, стремились помочь комплектованию армии и укреплению промышленности в тылу. Депутаты и сами сражались на фронте, а некоторые из них разделили судьбу русских солдат в плену.

Убеждён, что ваша научная дискуссия позволит по-новому взглянуть на хронику Первой мировой войны и ещё раз оценить непростой путь российского парламентаризма.

Желаю всем участникам форума плодотворной работы.

Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации,
председатель Российского исторического общества,
председатель Организационного комитета
по подготовке мероприятий, связанных
со 100-летием начала Первой мировой войны,
С. Е. Нарышкин

П. В. Акульшин,
Рязанский государственный университет, Россия

Депутаты Государственной Думы от Рязанской губернии и политические процессы в столице и провинции в годы Первой мировой войны

Выборы в Государственную Думу четвёртого созыва в Рязанской губернии проходили в обстановке острой политической борьбы, участники которой обладали опытом трёх предшествующих избирательных кампаний[1]. В качестве противоборствующих сторон выступали «правые», которых олицетворяли губернские власти, и местные либералы в лице деятелей земского и городского самоуправления. Деятельность «правых» в Рязанской губернии оживилась в конце 1911 г. после вступления в июле этого года в должность епископа Рязанского и Зарайского Димитрия (Николая Сперовского). Накануне выборов в IV Государственную Думу он выступил инициатором воссоздания Рязанского губернского отдела «Союза русского народа», став его председателем[2]. Его деятельность в качестве лидера «правых» на региональном уровне была полностью поддержана губернатором князем А. Н. Оболенским, вступившим в эту должность в августе 1910 г. Он лично посетил собрание возродившегося в Рязани отдела СРН и пожелал ему успехов[3].

Рязанский губернатор и епископ делали ставку на административное давление на оппонентов и пытались консолидировать голоса православного духовенства в поддержку «правых» кандидатов. Современник-октябрист отметил, что избирательная кампания в IV Думу в губернии сопровождалась таким беспрецедентным массированным давлением епископа и губернатора на представителей духовенства, что у них было «отнято право на собственную волю» и они явились «лишь материалом для выборов»[4].

Выборы в IV Думу в Рязанской губернии сопровождались активизацией деятельности местных сторонников партии кадетов (кадетские партийные группы в Рязани, Зарайске и Касимове, которыми руководили А. С. Салаз-

---

[1] См.: Акульшин П. В., Князева И. С. Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной Думе Российской империи. Рязань, 2011. О плодотворности регионального подхода к проблемам см.: Циунчук Р. А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004.

[2] Димитрий (Николай Сперовский) (1865–1929), епископ Рязанский и Зарайский (1911–1917). Для понимания его взглядов и провинциального варианта российского консерватизма его эпохи значительный интерес представляет его брошюра «О верховной власти вообще и о преимуществе самодержавия в особенности» (Рязань, 1912).

[3] Рязанская жизнь. 1912. 20 августа. О князе А. Н. Оболенском (1872–1924) см.: История рязанской власти. Рязань, 2007. С. 202–205.

[4] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.115. Оп. 1. Д. 53. Л. 428–429 об.

кин, в 1909–14 гг. – городской голова этого города и бывший депутат II Государственной Думы, и его брат С. С. Салазкин)[5]. Они провели своих сторонников в выборщики по 1-й и 2-й городским куриям.

Рязанские октябристы, в отличие от выборных кампаний в I и III Думу, не смогли организовать успешную предвыборную работу. Ответственность за это один из местных деятелей этой партии возлагал на председателя губернской организации «Союза 17 октября» Н. С. Китлова[6], который, по его мнению, хотя и именовал себя октябристом, но в действительности принадлежал к «крайне правым и притом с особой преданностью к местному губернатору», считавшему октябристов «революционерами»[7]. Фактически рязанские октябристы разделились на два лагеря: «правый», к которым, по признанию Китлова, относилась «большая часть октябристов» в губернии, которые были «в сущности националистами»[8], и «левый»[9].

Пока губернские власти сосредоточили все свои ресурсы на борьбе с «левыми октябристами», рязанские кадеты смогли заручиться поддержкой почти всех крестьянских выборщиков. На предвыборном собрании выборщиков, организованном кадетами А. В. Елагиным и Н. В. Растовым, был оформлен союз этих сил и намечены общие кандидаты в Думу. Блок располагал 45 голосами из 100 прибывших в Рязань выборщиков. Его соперники – «правые» и примыкавшая к ним часть октябристов – могли рассчитывать на твёрдую поддержку 49 голосов[10].

В итоге, среди восьми депутатов, которые представляли Рязанскую губернию в Государственной Думе четвёртого созыва, в отличие от предыдущей думской кампании, не было ни одного кандидата от «Союза русского народа». Некоторым утешением для губернских властей явилось то, что депутатами Думы были избраны «умеренные правые» – данковский уездный предводитель дворянства П. П. Кузьмин и священник С. И. Остроумов, примкнувшие в Думе к фракции националистов[11]. Из намеченного блоком кадетов и «левых» октябристов списка из 8 кандидатов в Думу прошли два кадета: касимовский

---

[5] Салазкин Аркадий Сергеевич (1870 – после 1919), предприниматель и общественный деятель. Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 546–547. Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932), медик, общественный деятель, директор Петербургского женского медицинского института (1905–1911 гг.), отстранён от должности по политическим соображениям, в августе-октябре 1917 г. – министр народного просвещения (Хвостов А. И. Салазкин Сергей Сергеевич // Рязанская энциклопедия. Т. 2. Рязань, 2000. С. 344).

[6] Китлов Николай Семёнович (1847–?), председатель рязанского губернского отдела «Союза 17 октября» (1909–1912), действительный статский советник, землевладелец Ряжского уезда, земский и судебный деятель (Хвостов А. И. Китлов Николай Семёнович// Рязанская энциклопедия. Т. 3. Рязань, 2002. С. 263).

[7] ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 53. Л. 36 об.

[8] Там же. Л. 122 об.

[9] Акульшин П. В., Князева И. С. Указ. соч. С. 188.

[10] Рязанский вестник. 1912. 19 октября, 20 октября; Акульшин П. В., Князева И. С. Указ. соч. С. 194.

[11] Кузьмин Пётр Петрович (1861–1938), дворянин, землевладелец Данковского уезда, деятель дворянского сословного самоуправления (Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия... С. 308). Остроумов Степан Иванович (1861 – после 1929), православный священник, общественный деятель (Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия... С. 435–436).

городской голова, председатель Нижегородского ярмарочного и биржевого комитета А. С. Салазкин (54 голоса) и присяжный поверенный Н. В. Растов (55 голосов)[12]. Остальные четыре депутата формально считались членами «Союза 17 октября»: председатель Касимовской земской управы Н. А. Мансуров[13], зарайский городской голова, бывший депутат I Государственный Думы Н. И. Ярцев, городской голова губернского центра Н. И. Родзевич[14] и волостной старшина из Зарайского уезда Г. М. Миляков[15]. Таким образом, все усилия властей, в том числе беспрецедентное массированное давление епископа и губернатора на духовенство, не привели к желаемому результату.

В отличие от предшествующих трёх созывов Государственной Думы в Рязанской губернии в 1913–1914 гг. дважды проходили довыборы, в ходе которых влияние «административного ресурса» было более ощутимо, чем в ходе общей избирательной кампании. В 1913 г. они были связаны со скоропостижной смертью 22 января на заседании фракции одного из рязанских кадетов Н. В. Растрова. Его преемник А. В. Иванов примкнул к фракции октябристов[16]. Один из рязанских октябристов, представляющих в Думе, Н. А. Мансуров сложил в феврале 1914 г. с себя полномочия в связи с избранием предводителем дворянства Касимовского уезда, его сменил в июле 1914 г. П. С. Новиков, примкнувший к фракции националистов[17].

Проявивший большую активность в ходе думских выборов в качестве фактического руководителя «либерального» блока в Рязанской губернии А. С. Салазкин являлся в Думе четвёртого созыва докладчиком бюджетной и согласительной комиссий, принимал участие в бюджетной, о торговле и промышленности комиссиях, а также в комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов. Кадет Н. В. Растов в IV Думе был избран в комиссию по местному самоуправлению, но его деятельность оборвала скоропостижная смерть[18].

---

[12] Акульшин П. В., Князева И. С. Указ. соч. С. 196. Растов Николай Васильевич (1845–1913), дворянин, действительный статский советник (1905), судебный деятель, член партии кадетов с 1905 г. (Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия... С. 518–519).

[13] Мансуров Николай Александрович (1870–?), потомственный дворянин, землевладелец Касимовского уезда, врач, земский деятель (Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия... С. 354).

[14] Родзевич Николай Игнатьевич (1847–1921), юрист, общественный деятель, городской голова Рязани (1906–1912) – Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия ... С. 524.

[15] Миляков Григорий Михайлович (1867–?), из крестьян Зарайского уезда, торговец (Боиович М. М. Члены Государственной Думы. Портреты и биографии. Четвёртый созыв. 1912–1917 гг. М. 1913. С. 368).

[16] Иванов Анатолий Васильевич (1875–1953), личный потомственный гражданин, землевладелец Зарайского уезда, земский деятель (Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия... С. 216–217).

[17] Новиков Пётр Сосипатрович (1864 – после 1917), личный дворянин, землевладелец Данковского уезда (Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия... С. 354).

[18] П. Н. Милюков, выступая на совещание думской фракции кадетов 2 февраля 1913 г., так отозвался о Н. В. Растове: «Фракция в думе не успела ещё ближе ознакомиться и вполне оценить то ценное приобретение, каким являлся покойный деятель, вводивший в своё время судебные уставы и в течение всего последовавшего безвременья пронёсший доныне ту внутреннюю стойкость духа и убеждений, которую он выковал в горниле 60-х годов» (Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 388).

Заметной фигурой среди «либеральных» рязанских деятелей в IV Государственной Думе оказался Н. И. Родзевич, который приобрёл известность в думских кругах как товарищ председателя Комиссии по судебным реформам. 30 января 1913 г. он выступил в Думе с речью в связи с докладом министра о правонарушениях в деятельности некоторых школьных родительских комитетов, призвав не спешить с вопросом закрытия родительских комитетов [19]. Родзевич также работал в других комиссиях: редакционной, по городским делам (в две сессии – товарищем председателя), для рассмотрения законопроекта об обязательственном праве, по народному образованию. В 1915 г. он вошёл в особую комиссию для обсуждения вопроса о желательности законодательного предположения о кооперативных товариществах и их союзах, работал в комиссии по судебным реформам.

Среди «правых» депутатов ярко проявил себя С. И. Остроумов, который на заседании 25 января 1913 г. выступил по вопросу о борьбе с пьянством, назвав его «исконным врагом русского народа и всего человечества» [20]. Он также работал в комиссиях для выработки законопроекта о собраниях, печати, об изменении общего устава о пенсиях и единовременных пособиях, в продовольственной комиссии, комиссии о народном здравии.

Остальные депутаты от Рязанской губернии в IV Государственной Думе преимущественно работали в комиссиях. П. П. Кузьмин был товарищем председателя земельной комиссии, входил в состав комиссий по Наказу, по запросам, в комиссию по рассмотрению законопроекта о преобразовании полиции в Российской империи, по направлению законодательных предположений, но отказался работать в бюджетной комиссии. Он выступил 5 ноября 1913 г. с предварительным отчётом о результатах работы комиссии по запросам за период первой сессии IV Думы (комиссия рассмотрела 22 запроса, 8 запросов было отклонено, в 14 запросах должны были быть изменения относительно главных пунктов формулировок этих запросов). Как заметил Кузьмин: «В большинстве случаев составители запросов не заботятся о результате рассмотрения этих запросов в комиссии и, выходя на трибуну, они в большинстве случаев говорят не о срочности запроса, а по существу, причём успевают обычно исчерпать в полной мере существо самого запроса» [21]. Кузьмин призывал ограничить время выступления пятью минутами, «пожалеть дорогую всем трибуну молодой русской Государственной Думы», которая, по словам Кузьмина, «погибает под напором 92 процентов неосновательно построенных запросов» [22].

Октябрист Н. А. Мансуров являлся товарищем секретаря комиссии о народном здравии, входил в комиссии по народному образованию, по местному самоуправлению. Н. И. Ярцев входил в комиссии торговли и промышленности, по городским делам, о народном здравии, по делам православной церкви. Не выступали с думской трибуны Г. М. Миляков и П. С. Новиков,

---

[19] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. Заседание 18. 30 января. СПб, 1913. Стб. 1192–1195.

[20] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. Заседание 17. 25 января. СПб, 1913. Стб. 1014.

[21] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия вторая. Заседание 9. 5 ноября. СПб, 1913. Стб. 746.

[22] Там же. Стб. 747.

избранные в Думу на дополнительных выборах. Г. М. Миляков являлся членом земельной комиссии, комиссий по народному здравию, по рыболовству, по рабочему вопросу, по старообрядческим делам, сельскохозяйственной комиссии. П. С. Новиков вошёл в комиссии продовольственную, земельную, о народном здравии, по городским делам.

Начало Первой мировой войны вызвало у большинства жителей Рязанской губернии, как и всей России, стихийный взрыв патриотизма. Не остались от него в стороне и депутаты от Рязанской губернии, которые приняли активное участие в организации помощи действующей армии и организации работы тыла в составе Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. А. С. Салазкин занимал должности уполномоченного Особого совещания по транспорту, Особого совещания по продовольствию представителя и Министерства земледелия. Н. И. Родзевич являлся членом Всероссийского союза городов и уполномоченным 38-го передового отряда Российского общества Красного креста имени Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. П. П. Кузьмин состоял членом Исполнительной комиссии Общедворянской организации помощи больным и раненым воинам и был избран рязанским дворянством уполномоченным санитарного поезда. П. Н. Новиков возглавил в Рязанской губернии Комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам и Комитет по оказанию помощи беженцам. По поручению Министерства земледелия возглавлял в своём уезде заготовку продовольствия и снаряжения для армии. В Зарайском уезде этим же занимался А. И. Иванов[23].

Но по мере нарастания военных неудач и экономических трудностей на смену патриотическому энтузиазму стало приходить недовольство деятельностью правящих верхов в лице монарха и назначаемых им министров. Одним из проявлений этого стало образование в августе 1915 г. «Прогрессивного блока». К нему примкнули и шесть из восьми рязанских депутатов: националист С. И. Остроумов, октябристы Г. М. Миляков, А. В. Иванов, Н. И. Ярцев, кадет А. С. Салазкин, прогрессист Н. И. Родзевич, который являлся членом блока до 31 октября 1916 г., когда фракция «прогрессистов» покинула это оппозиционное объединение.

Все они в ходе событий Февральской революции 1917 г. и последующих месяцев сыграли заметную роль в формировании новых властных структур в центре и на местах. П. П. Кузьмин по поручению Временного комитета Государственной Думы в марте-апреле 1917 г. объезжал Юго-Западный фронт в качестве комиссара Временного комитета и Временного правительства. Затем он был командирован Временным комитетом Государственной Думы в Псковскую и Рязанскую губернии для координации работы с войсками и населением. А. С. Салазкин 1 марта 1917 г. был назначен комиссаром в Петроградское телеграфное агентство, 10 марта по решению Временного комитета он был избран в Совет министра земледелия по продовольствию, 15 марта стал членом Общегосударственного продовольственного комитета. В конце марта министр земледелия Временного правительства А. И. Шингарев назначил А. С. Салазкина уполномоченным по продовольствию судовых команд. 8 апреля Салазкин получил полномочия комиссара Временного правительства по делам Нижегородской ярмарки. Н. И. Родзевич в февральские

[23] Акульшин П. В., Князева И. С. Указ. соч. С. 215.

дни был назначен членом Комиссии Временного комитета Государственной Думы по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов. Он вышел из её состава 2 марта 1917 г. в связи с отъездом в качестве комиссара Временного комитета в Ревель, затем был избран представителем в Совещание при Главном комитете по делам о расчётах за реквизированное или уничтоженное по распоряжению властей имущество. Вскоре Родзевич был командирован по решению Временного комитета в Комиссию об арестованных при прокуроре Петроградской судебной палаты, затем был командирован в Главный морской штаб для расследования убийства матросами командира 2-го флотского экипажа и его помощника. В марте 1917 г. он был направлен в 175-й пехотный запасной полк, расквартированный в Новгородской губернии, для восстановления порядка и противодействия появившимся в полку агитаторам, которые призывали солдат оставлять воинские части, возвращаться в деревню и отбирать у помещиков землю. Родзевичу удалось провести успешные меры по борьбе с антивоенными агитаторами в полку. А. В. Иванов по поручению Временного комитета Государственной Думы отправился в Рязанскую губернию для информирования населения. А с 30 марта занял должность комиссара Временного комитета Государственной Думы и Временного правительства в районе расположения Западного фронта. П. Н. Новиков был назначен комиссаром Временного правительства в Данковский уезд[24].

За время существования Государственной Думы четвёртого созыва и в ходе бурных событий, последовавших за Февральской революцией, депутаты от Рязанской губернии накопили значительный опыт и стали заметными политическими фигурами. Но активно участвуя в общероссийской политической жизни, они оказались в положении «генералов без армии». За ними не оказалось реальной поддержки в регионе, который они представляли в общероссийском представительном органе. Когда Февральская революция на восемь месяцев привела их к власти, у них не оказалось сил для её удержания не только на общероссийском уровне, но даже и на региональном уровне.

[24] См.: Николаев А. В. Комиссары Временного комитета Государственной Думы (февраль – март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времени. СПб. 1995. № 5. С. 46–74; Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия... С. 308, 546–547, 524; Акульшин П. В., Князева И. С. Указ соч. С. 224–225.

И. Е. Алексеев,
Аппарат Президента
Республики Татарстан, Россия

Казанский депутат Ф. Н. Казин в Государственной Думе: «Это был стойкий и убеждённый работник…»

Фёдор Нилович Казин родился 14 июля 1857 г. в селе Байтеряково (Дмитриевское) Лаишевского уезда Казанской губернии в семье потомственного дворянина Нила Дмитриевича Казина и его первой жены – Екатерины Фёдоровны (урождённой Лихачёвой), был крещён в православии.

Род Казиных в 1860 г. был внесён в 6-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии[25]. Своё имущественное положение потомки Н. Д. Казина определяли как «удовлетворительное». В 1905 г. Ф. Н. Казин имел в общем владении с братьями 1557 десятин земли при селе Байтеряково – в качестве родового имения, а также в общем владении с ними – 347 десятин земли в том же Лаишевском уезде – в качестве благоприобретённого имения.

Ф. Н. Казин учился во 2-й Казанской гимназии, но курс её не окончил. Был зачислен в 7-й запасный пехотный батальон вольноопределяющимся и в октябре 1877 г. командирован «для прохождения курса наук» в Казанское юнкерское училище, но вскоре был уволен. Как отмечалось в его «формулярном списке» 1914 г., «в походах против неприятеля и в самых сражениях» не участвовал и наказаниям не подвергался[26].

В 1879 г. Ф. Н. Казин был определён в штат канцелярии казанского губернатора, но уже в 1881 г. уволен в отставку «по домашним обстоятельствам». В 1882–1883 гг. был помощником старшего сортового содержателя экипажных магазинов Кронштадтского порта, но уволился со службы «по домашним обстоятельствам». В августе 1883 г. стал младшим помощником правителя канцелярии казанского губернатора.

Следующий период жизни Ф. Н. Казина был связан с Тетюшским уездом Казанской губернии. 3 марта 1884 г. он был утверждён в должности непременного члена Тетюшского уездного по крестьянским делам Присутствия. В сентябре 1884 г. Тетюшским мировым съездом избран непременным членом (дважды переизбирался). В 1884 г. избран на 3-летие почётным мировым судьёй по Тетюшскому уезду (также дважды переизбирался). Министр внутренних дел 16 июня 1891 г. утвердил Казина в должности земского начальника 1-го участка Тетюшского уезда. Он избирался гласным Тетюшского и Лаишевского уездных земских собраний.

В 1905 г. дворянством Лаишевского уезда он был избран депутатом. Впоследствии Ф. Н. Казин переизбирался на следующие трёхлетия: в 1908, 1911 и в 1914 гг. В 1903 г. он был утверждён непременным членом Казан-

---

[25] См.: Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь / Сост. Г. А. Двоеносова. Казань, 2001. С. 265.

[26] См.: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 407. Оп. 1. Д. 938. Л. 50.

ского губернского Присутствия. Согласно одному из поздних отзывов, «Фёдор Нилович отличался исключительной доброжелательностью, мягкостью обращения и добротой, оставившими после себя неизгладимое впечатление у всех, кто имел случай обратиться к нему с тем или иным ходатайством, служить с ним вместе или быть просто знакомым»[27].

Безупречная служба Ф. Н. Казина обеспечила ему быстрое продвижение по чиновной лестнице: в 1910 г. он был произведён в действительные статские советники, был награждён пятью орденами и медалью.

Информация о личной жизни Ф. Н. Казина весьма отрывочна и противоречива. В «формулярных списках» о его службе, датированных 1905 и 1914 гг., содержится информация о том, что Ф. Н. Казин был холост. По другим данным, Фёдор Нилович «к 1912 г. был женат». Кроме того, в объявлениях о его кончине и поминовении фигурирует «вдова покойного».

Являясь твёрдым приверженцем монархического строя, Ф. Н. Казин не находил нужным заниматься активной политической деятельностью и, как свидетельствует историк А. А. Иванов, долгое время настоятельно отказывался от избрания членом Государственной Думы[28]. По информации Д. М. Усмановой, «в период выборов в I и II Думы в съезде землевладельцев по Лаишевскому уезду» участвовал его брат – «беспартийный прогрессист» Н. Н. Казин, который «был избран выборщиком на губернский съезд, однако в депутаты не прошёл»[29].

Сам Ф. Н. Казин, по словам А. А. Иванова, был выдвинут в IV Государственную Думу правой общественностью Казанской губернии как «человек твёрдых убеждений и редкой работоспособности, трудолюбия и добросовестности». Он сообщает также, что Фёдор Нилович получил «в высшей степени лестную характеристику от казанского губернатора, направленную по запросу в МВД»[30].

20 октября 1912 г. Казанским губернским избирательным собранием Ф. Н. Казин был избран членом Государственной Думы четвёртого созыва (как выдвиженец от съезда крупных землевладельцев Лаишевского уезда). Будучи человеком консервативных взглядов, он вошёл в состав фракции «правых», а в следующем – 1913 г. – стал членом черносотенного «Русского Собрания»[31].

Ф. Н. Казин стал первым и единственным за всё время выборов в Государственную Думу от Казани и Казанской губернии «правым» (в «классическом» – черносотенном – понимании этого термина) депутатом. Его победа явилась не результатом политической борьбы, в которой казанские правые монархисты (черносотенцы) вследствие раскола и пикировки с «националистами» потерпели поражение, а «технического» соглашения внутри так называемой «курии землевладельцев», состоявшей, главным образом, из либералов «октябристского» толка.

Из депутатов от Казанской губернии в третьем и четвёртом составах Государственной Думы наиболее близко к «правым» оказывались только Н. Д. Сазонов (состоявший на протяжении второй сессии Государственной Думы третьего созыва во фракции «умеренно-правых», а затем перешедший во фракцию «русских националистов») и «умеренно-правый» Д. Н. Сверчков.

---

[27] См.: Казанский Телеграф. 1915. № 6522 (5 марта).

[28] См.: Иванов А. А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). С.-Пб., 2006. С. 170.

[29] См.: Усманова Д. М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной Думе России. 1906–1917. Казань, 2006. С. 337.

[30] См.: Иванов А. А. Указ. соч. С. 170.

[31] См.: Вестник Русского Собрания. 1915. № 9 (11 марта).

Взгляды Ф. Н. Казина вполне соответствовали тому созидательному настрою, который в целом был характерен для правых монархистов в период выборов в IV Государственную Думу. «Баллотируясь в Государственную Думу, – пишет А. А. Иванов, – правые представляли достаточно скромную (хотя реально и более выполнимую, нежели предвыборные обещания их политических противников) и в связи с этим заранее непопулярную для большинства избирателей программу, обещая прежде всего: укрепить „древнее благочестие“ и восстановить патриаршество; содействовать „истинному просвещению“ крестьян, которое оказалось бы полезным для их хозяйственных нужд; предоставить льготные условия приобретения земли крестьянами через Крестьянский банк; поддержать переселенцев путём предоставления льготных ссуд и широкой правительственной помощи; улучшить материальное положение и условия труда рабочих. Всем остальным гражданам правые обещали „спокойные условия для труда“» [32].

Придя в Государственную Думу работать, а не заниматься политиканством, Ф. Н. Казин предпочёл целиком и полностью сосредоточиться на работе в думских комиссиях по тому профилю, по которому он являлся профессионалом. Как отмечалось, в частности, в опубликованной 5 марта 1915 г. в газете «Казанский Телеграф» за подписью «Н. А.» заметке-некрологе «Памяти Ф. Н. Казина»: «Ф [ёдор] Н [илович] почти всё время проводил в разнообразных комиссиях, никогда не стремясь к эффектным выступлениям с думской кафедры, вполне справедливо полагая, что главная часть работ лежит именно в деятельности комиссий» [33].

По словам того же автора, Ф. Н. Казин оставался верен себе «и в своём новом звании»: «Та же доброжелательность, та же скромность, удивительно ясное понимание самых разнообразных вопросов и трудоспособность, которые отличали предшествующую деятельность Ф [ёдора] Н [иловича], неизменно сопутствовали ему и в его трудах в законодательной палате».

7 декабря 1912 г. Ф. Н. Казин был избран членом земельной комиссии и комиссии по местному самоуправлению, в которых и проработал на всём протяжении первой сессии Государственной Думы четвёртого созыва. Во время второй сессии – 1913–14 гг. – его депутатская нагрузка заметно возросла: продолжая работать в земельной комиссии и комиссии по местному самоуправлению, Ф. Н. Казин был также избран членом комиссии по судебным реформам и комиссии для выработки законопроекта о печати. При этом его коллегами по работе в комиссиях являлись и другие члены Государственной Думы от Казанской губернии, в том числе: в земельной комиссии – «националист» И. А. Рындовский и в комиссии по местному самоуправлению – октябрист В. В. Марковников.

Упоминаний о деятельности Ф. Н. Казина в качестве депутата Государственной Думы, по причине его самоустранения от публичной ораторской деятельности, сохранилось очень мало. Между тем, в некрологе, опубликованном 11 марта 1915 г. в «Вестнике Русского Собрания», особо подчёркивалось, что Ф. Н. Казин, помимо участия в «общих собраниях» и работе комиссий, «подписал несколько законодательных предположений: о введении всеобщего начального образования и др [угих]». Очевидно, что земская составляющая в его деятельности (со всем соответствующим ей «набором»: землеустройство, местное самоуправление, начальное образование, судебная практика и т. д.) брала верх над всем остальным.

---

[32] См.: Иванов А. А. Указ. соч. С. 30.

[33] См.: Казанский Телеграф. 1915. № 6522 (5 марта).

Кончина Ф. Н. Казина оказалась внезапной. Наступила она 2 марта 1915 г. в Казани, вызвав искреннюю скорбь в обществе. «Кончина его была настолько неожиданна, – писал “Казанский Телеграф”, – что, первоначально, друзья и знакомые Ф [ёдора] Н [иловича] отказывались верить печальному известию. Но, к несчастию, быстро облетевшая город весть подтвердилась. Фёдор Нилович внезапно скончался» [34]. В некрологе Ф. Н. Казина в «Вестнике Русского Собрания» говорилось: «Смерть этого выдающегося общественного деятеля вызвала глубокое сожаление у всех, знавших покойного. Это был стойкий и убеждённый работник, досконально изучивший народную жизнь и народные нужды и никогда не изменявший своим истинно-русским государственным убеждениям» [35].

Похороны Ф. Н. Казина 4 марта 1915 г. вылились в многолюдное прощание. Особое почтение почившему выразил казанский губернатор П. М. Боярский. Помимо него на отпевании в церкви Грузинской иконы Божьей Матери, по сообщению «Казанского Телеграфа», присутствовали: казанский губернский предводитель дворянства С. С. Толстой-Милославский, казанский вице-губернатор князь Л. Л. Голицын, уездные предводители дворянства во главе с казанским уездным предводителем дворянства, бывшим членом Государственной Думы третьего созыва, октябристом А. Н. Боратынским, председатель Казанской губернской земской управы, также – бывший член Государственной Думы третьего созыва, октябрист Н. А. Мельников, член Государственной Думы четвёртого созыва от Казанской губернии, октябрист В. В. Марковников и многие другие известные люди, а также многочисленные родственники Ф. Н. Казина из известных дворянских родов (Горталовы, Казины, Лихачёвы, Теренины и другие), «представители судебного мира и присяжной адвокатуры, непременные члены губернского присутствия, чины губернского правления и много молящихся». Было возложено множество венков, в том числе от членов Государственной Думы с надписью: «Члену Государственной Думы Фёдору Ниловичу Казину». Из публикаций «Казанского Телеграфа» явствует также, что «среди сослуживцев по губернскому присутствию и правлению и друзей» Ф. Н. Казина после его кончины «возникла мысль, взамен венков на гроб почившего учредить его имени койку для раненых в одном из лазаретов Земского союза». Известно также, что по состоянию на 7 марта 1915 г. на «койку имени Ф. Н. Казина», которую решено было открыть «в лазарете при Дворянском собрании (Земский союз)», было собрано уже 166 рублей [36].

Похоронен Ф. Н. Казин был на Арском кладбище, располагающемся ныне в центре Казани. До нашего времени на его могиле сохранился первоначальный памятник – большой чёрный каменный крест, в основании которого высечена надпись: «Ѳеодоръ Ниловичъ Казинъ родился 14 Іюля 1857 г. скончался 2 Марта 1915 г. » [37].

---

[34] См.: Там же.

[35] См.: Вестник Русского Собрания. 1915. № 9 (11 марта).

[36] См.: Казанский Телеграф. 1915. № 6525 (8 марта).

[37] См.: «Добрый человек будет вечно живым, и добрые дела будут вечно живыми» («Русское Собрание города Казани» и представители общественности провели на Арском кладбище столицы Татарстана первую «акцию памяти»...)//Русская народная линия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2014/07/11/dobryj_chelovek_budet_vechno_zhivym_i_dobrye_dela_budut_vechno_zhivymi/.

К. Ш. Алимгазинов,
Архив Президента Республики Казахстан,
Г. С Жугенбаева,
Институт истории и этнологиии, Казахстан

Казахские депутаты I и II Государственной Думы в период событий 1916 г. в Туркестане

Участие казахской демократической интеллигенции начала XX века в работе I и II Государственной Думы стало первым опытом политического взросления, идеологической борьбы, близким знакомством с либеральными идеями. Это было своего рода Рубиконом в формировании нового мировоззрения и иной формы работы по политическому и экономическому обустройству казахской степи, в отличие от уже имевших место традиционалистских, отчасти мусульманизированных течений, идей тюркизации края. Политический багаж, полученный представителями казахской интеллигенции в период их членства в Государственной Думе первого и второго созывов, послужил фундаментом для их дальнейшего общественного мировоззрения, выработал кредо демократических основ и способов политической борьбы. Безусловно, участие казахов в Государственной Думе стало очередной ступенью в борьбе против имперских колонизаторских амбиций царской администрации.

Интерес к деятельности казахов-депутатов I и II Государственной Думы, содержанию их политического мировоззрения, а также их последумский период борьбы напрямую созвучны с общественно-политическим и духовным состоянием современного казахстанского общества. Этот интерес, как справедливо подчёркивает казахстанский историк О. Озганбай, автор монографического исследования по проблеме, обусловлен анализом истоков казахстанского парламентаризма, созданием в истории независимого государства Казахстан двухпалатного законодательного органа. Намного важнее сегодня найти ответы не на вопросы что и как произошло, а задуматься над самим прошлым, попытаться понять, почему социумом был принят именно тот сценарий и ход истории, который сегодня является объектом пристального внимания исследователей.

Наследие казахской интеллигенции хранит множество документальных свидетельств исторических хроник того времени. В Архиве Президента Республики Казахстан касательно деятельности казахских депутатов I и II Государственной Думы, отложились сведения в фондах № 139, 141, 811[38]. И это не только официальные хроники, переписка, записки свидетелей, но и аналитические обзоры, разносторонний разбор событий. Поэтому можно сказать, что это важно и для историографии проблемы[39]: представители казахской

[38] Архив Президента Республики Казахстан. Путеводитель. Алматы, 2001. 164 с.

[39] Подробнее историография вопроса: Котюкова Т. В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008. 202 с.

интеллигенции выступили самыми первыми исследователями этого вопроса. Во многом именно этот выраженный акт общественной позиции в дальнейшем лёг в основу обвинительных приговоров 1937–1938 гг., вынесенных национальной интеллигенции начала XX века[40].

Было бы заблуждением целиком связывать причину волны вооружённых протестов и открытого недовольства казахов в 1916 г. лишь с появлением указа о призыве населения на тыловые работы. Главным вопросом начала XX века в казахской степи был вопрос о земле. Принятыми ещё 25 марта 1891 г. «Степными Правилами» казахская земля была передана в ведение и распоряжение государства, созданное затем в 1896 г. «Переселенческое управление» призвано было заняться распределением земельных ресурсов, выявлением «излишков земель». После же столыпинских реформ переселенческое движение получило широкий размах. В итоге этой политики стала разрушаться сложившаяся столетиями традиционная система жизнеобеспечения кочевого этноса. Именно в тот исторический отрезок времени наметились два идейных течения среди казахских демократов: сторонники переустройства степи в сторону урбанизации и оседлости – депутат II Государственной Думы Б. Каратаев (а также демократ М. Сералин) и сторонники сохранения кочевых устоев жизни. Этой точки зрения придерживались депутат I Государственной Думы А. Букейханов, депутат Думы второго созыва М. Тынышпаев, а также общественные деятели А. Байтурсынов, М. Дулатов, Х. Досмухамедов. Трибуной для обсуждения мнений стали издания «Казах», «Айкап».

К 1905 г. из общей численности населения края около 20 процентов составляли крестьяне и казачье сословие[41]. Резко изменившаяся демографическая ситуация, появление новых социальных страт, изменения в общественной жизни края, политические и экономические мероприятия царской власти привели к перестройке основ кочевой жизни, традиционного быта. Клубок всех проблем, вызывавших обеспокоенность и недовольство населения, был связан с земельным вопросом. Этот вопрос всегда цементировал внимание и озабоченность казахских депутатов Государственной Думы. Примкнув к мусульманской фракции в I Государственной Думе, они приняли участие в решении аграрного вопроса, был вынесен вариант решения о передаче земли в собственность областей, высказано требование о приостановке притока российских переселенцев.

Роспуск I Думы только усилил реформаторский дух национальной интеллигенции. Казахским демократам оказались близки идеи кадетов, которые в листовках и воззваниях к избирателям II Думы, активно ратовали за разрешение аграрной проблемы. Но одним из барьеров, который часть местного населения могла преодолеть, было требование о владении русским языком для избираемых в Думу. Развернувшаяся борьба во II Думе по переселенческому вопросу инициировала депутатский запрос от депутатов малых народов империи, где было озвучено обвинение правительству в неподготовленности проводимой переселенческой политики. Казахский депутат, юрист Б. Каратаев в дискуссии по этому запросу, докладывая о состоя-

[40] Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. Алматы, 1995. 256 б.

[41] Озганбай О. Государственная Дума России и Казахстан (1905–1917). Алматы, 2000. С. 84.

нии земельного вопроса в Степном крае, по сути, открыто охарактеризовал проводимую политику царизма как колонизаторскую. В аграрную комиссию II Думы вошёл другой депутат, казах М. Тынышпаев. Несмотря на то, что ни I, ни II Думы так и не оказались способны решить аграрный вопрос в Азиатской части России, тем не менее, для казахской интеллигенции участие в работе I и II Дум стало полезным и нужным опытом в их дальнейшей политической борьбе.

После роспуска 3 июня 1907 г. II Думы и лишения казахов права избирать своих депутатов в высший представительный орган Российской империи, ареной для публичного выражения своих взглядов по обустройству казахского края стала местная пресса. Газета «Казах», выпускавшаяся в те годы казахскими демократами, аккумулировала в себе весь накал вопросов вокруг этой ситуации. В дальнейшем на страницах газеты «Казах» бывшими думцами активно обсуждался вопрос о призыве казахского населения на тыловые работы по царскому указу 1916 г. и его последствия.

Для народов, находившихся в составе Российской империи, Первая мировая война 1914–18 гг. оказалась губительной не только ввиду разрушительной природы войн и социальных катаклизмов, но и в силу ряда латентных факторов последствий войны: изменения мировоззрения казахского социума, модерации новых регламентов политического, социального и отчасти поведенческого стереотипа в традиционном сознании. Иммунитет кочевника – коллективиста по природе, сформированный за долгие столетия функционирования кочевой системы жизнеобеспечения казахского кочевого этноса, был разрушен в какие-то считанные дни событий 1916 г. в Казахстане и на территории ряда других, ныне уже суверенных стран Центральной Азии. В Казахстане, впрочем, и не только, тема событий 1916 г. была и остаётся одной из тех ключевых болезненных точек бифуркации в строительстве нации, изучение которых с привлечением как новых архивных источников, так и новых взглядов на проблему и современных методологических дискурсов исследования, самой постановки научной задачи актуально. Ревитализация демократических идеологем прошлого, носителями которой стала национальная элита в лице казахских депутатов Государственной Думы, органично вписывается в звенья обновления общественно-политических институтов современного Казахстана.

Как известно, после вхождения казахских земель в состав Российской империи, казахское население, вызывавшее крайнее недоверие и именуемое инородческим или туземным, было освобождено от несения воинской службы. Военная муштра и повинность воспринимались коренным населением как что-то далёкое и чуждое и, следовательно, как всё новое и незнакомое, оно вызывало явное отторжение и большую боязнь. У казахов один вид человека с ружьём вызывал страх. Указ 1916 г. о призыве на тыловые работы был воспринят как призыв на фронт с несением воинской повинности. Это было полной неожиданностью, вызвало переполох в обществе, стали муссироваться самые различные слухи, что особенно тревожило бывших казахских депутатов Государственной Думы.

Вопрос о несении воинской повинности не раз поднимался на страницах газеты «Казах» (№№ 166, 178, 179, 184 газеты, начиная с декабря 1915 г.). Газета отражала сопричастность народа к происходящим военным событи-

ям. Это данность, случившийся объективный факт и обстоятельство, которое следует принять и которое может выпасть на долю любого народа, отмечал бывший член II Государственной Думы России М. Тынышпаев[42]. В его политическом наследии отложились несколько документов касательно событий 1916 г.: показания следователю Верненского окружного суда; свидетельства в официальные органы власти о причинах восстания в Семиречье и в регионе Сырдарьи; записка о восстании военному губернатору Сырдарьинской области и др.[43]. Задаваясь вопросом о том, какого рода повинности предстоит нести казахскому населению, пешими или конными, он отмечал, что многие из казахов, в том числе и сам он, вровень с русскими, в целях защиты своей земли, склонялись к службе в конных отрядах. И лишь небольшая часть казахов была согласна нести военную службу пешими. Однако отсутствие у казахов свидетельства о рождении могло затруднить ситуацию с призывом. Отмечая в связи с этим объективную невозможность призыва казахов в ближайшее время на военную службу, он делал выводы о том, что даже в случае положительного решения вопроса о призыве казахов последнее вызовет трудности. Для информирования центральной власти и выработки путей решения этого вопроса в Петербург была направлена делегация во главе с бывшим членом I Думы А. Букейхановым. Газета «Казах», освещавшая это, информировала, что итогом этого стало то, что вопрос о призыве казахов был отложен. Но вплоть до июня вопрос о том, какого рода воинскую повинность должны нести казахи, оставался открытым[44].

25 июня вышел указ, по которому всё мужское казахское население в возрасте 19–43 лет подлежало срочному призыву. Население, абсолютно не готовое к такому повороту событий, оказалось в замешательстве. Казахские демократы высказали мнение о том, что такое важное решение государственного масштаба было принято без всяких подготовительных мероприятий. Возникали кривотолки среди негативно настроенных к казахскому населению русских о том, что первые будут в роли «пушечного мяса» выставлены на передний план боевых действий, где им предстоит копать окопы, станут живым щитом для регулярных частей русской армии. Стали муссироваться слухи о том, что казахов заставят есть свиное мясо, затем их всех оставят в России и принудят к крещению. Всё это вело к росту социального напряжения среди уже взбудораженного местного населения.

В первой половине июля в Семиречье, где компактно проживали русские переселенцы, был обнародован приказ военного губернатора Фольбаума, где также отмечалось, что местное население призывают не для несения воинской повинности, а на тыловые работы. Это в свою очередь ещё больше усилило разные слухи, росло недовольство, усилились протестные настроения. Казахская интеллигенция оказалась в растерянности от того, что не знала ответы на множественные вопросы[45]. В заявлении казахов Верненского уезда на имя туркестанского генерал-губернатора получила отражение вся эмоциональная палитра и атмосфера высокой социальной напряжённости, в котором пребы-

---

[42] Жүгенбаева Г. Мұхамеджан Тынышбаевтың өмірі мен қызметі. Алматы, 2000. 226 б.

[43] Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 811. Оп. 20. Д. 67. Л. 1–25.

[44] Восстание 1916 года в Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата, 1947. С. 21–22.

[45] Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 41.

вало казахское общество: идут разговоры о том, что ныне окопы копают впереди или позади линии нахождения войска, поэтому очень высок риск именно для рабочих, тогда как солдаты, в отличие от них, вооружены и находятся внутри окопов, а не снаружи, и выходят оттуда только при необходимости. Рабочие же безоружны, и к тому же, поскольку им приходится рыть окопы, всегда первыми находятся под прицелом врага[46]. Такие слухи влияли на сознание безграмотного населения. Бывшие думцы-казахи оказались меж двух огней[47]: желания отстоять тезис о том, что навыки воинской муштры и дисциплинированности полезны (особенно в условиях военного времени), и массовыми слухами о саботаже и протесте, отказе подчиниться указу. Этому способствовало также и то, что местами власти, в своём стремлении спешного исполнения указа, активно использовали силу. Подливали масло в огонь и нечистые на руку мелкие чиновники, использующие власть при составлении призывных списков, манипулируя сведениями и наживаясь на этом. Призывая народ сохранять спокойствие и проявлять сдержанность, А. Букейханов и его соратники указывали, что нет смысла противиться указу и что это всё может лишь обернуться трагическим исходом для населения.

11 июля в газете «Казах» было опубликовано воззвание «К гражданам Алаш!» Бывший депутат Государственной Думы А. Букейханов, а также А. Байтурсынов, М. Дулатов, подписавшиеся под воззванием, приводили доводы «за» и «против» тех, кто считал нужным проявить непослушание царскому указу. Согласиться – это значит привести казахских шаруа к лишениям, возможной погибели казахских джигитов, к их тяготам и страданиям от воинской службы. Воспротивиться и высказать несогласие – значит обречь на смерть от рук внешнего врага весь народ; пытаясь спрятаться по домам, тогда как враг будет захватывать земли и дома. Заблуждение думать, что, отказав государству в помощи, оно оставит вас в покое. Наоборот, будет теперь уже на законных основаниях применять карательные меры[48]. Необходимо было выбрать из двух зол меньшее. Необходимо было предотвратить перерастание недовольства в вооружённый конфликт: хорошо вооружённые силы правительства могли легко причинить вред населению, никогда не державшему в руках оружие.

Тезис казахских депутатов I и II Государственной Думы о том, что для местного населения в настоящий момент путь открытого сопротивления и вооружённой борьбы не оправдан ввиду неготовности, был вызван не желанием оказать поддержку царской администрации или же симпатией к ней, а боязнью того, что открытая конфронтация только приведёт к трагическому исходу для казахов и киргизов[49]. Для бывших думцев это было стремлением оградить свой народ от опасных для него последствий необдуманных действий против власти.

Однако не вся образованная часть казахского населения была такого же мнения. На другой стороне, среди объединившихся вокруг газеты «Казах», оказались те, кто проводил активную агитацию за саботаж призыва, уни-

---

[46] Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 811. Оп. 20. Д. 756. Л. 43–44.

[47] Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 42.

[48] Байтұрсынов А., Дулатов М. Алаштың азаматтарына!//Қазақ. 1915. 11 шілде.

[49] Қойгелдиев М. Алаш қозғалысы. Алматы, 1995. 187 б.

чтожение списков и открытое сопротивление мероприятиям царской администрации. Одним из ярких казахских представителей в Семиречье стал Т. Бокин (1890–1918 гг.), участник борьбы за Советскую власть в Казахстане, убитый алашордынцами в 1918 г. Популистские лозунги самосохранения и отказа от гибели на «чужой войне» находили благоприятную почву и сторонников в серой неграмотной массе местного населения. Подпитанные социальной неприязнью ко всему чуждому на бытовой почве эти лакуны вынужденной комплиментарности сознания казахского населения к русским переселенцам в одночасье оказались опустошёнными, и место их заняли агрессия и неприязнь всего инонационального. В таких случаях «эмоциональный компонент этнического стереотипа... действует сильнее, нежели когнитивный, так как затрагивает сферу подсознательного и менее подвержен изменениям» [50]. Итог – открытая вооружённая конфронтация на ярко выраженном национальном фоне. Уже к августу большая часть Семиречья была охвачена восстанием. После визита к генералу Куропаткину, бывший думец М. Тынышпаев ещё раз призвал пишпекских киргизов проявлять сдержанность, тем самым он до последнего момента надеялся, что удастся избежать открытой конфронтации и кровопролития. Но в скором времени он сам подвергся домашнему аресту [51].

Столкновения носили характер вооружённых стычек между казахами и русскими переселенцами в крае, чувствующими за собой поддержку со стороны властей, что приводило к самым разным издевательствам над казахами. Так, в Капальском уезде Семиреченской области русские казаки и вовсе не давали казахам проявлять в какой бы то ни было форме свои убеждения и находили всякие причины для наказания. Ношение старой сабли или казахского бытового ножа рассматривались как попытки проявления недовольства и вооружённого бунта. Архивные документы зафиксировали случай, когда под такой формулировкой были схвачены двое казахов, попавшиеся русским казакам по пути следования, затем их число пополнилось ещё 11 казахами, без всякого объяснения они были расстреляны [52]. В другом месте, Алтын Емеле, таким же образом были расстреляны 30 казахов. Член IV Государственной Думы А. Ф. Керенский пишет в своём дневнике о многочисленных карательных экспедициях и случаях беззаконного уничтожения местного населения, будучи в сентябре в Туркестане в связи с серьёзными беспорядками среди местного населения [53].

В некоторых волостях, где население не выражало желание присоединиться к восстанию, искусственно разжигали межнациональную рознь, запугивали насильственным захватом русскими переселенцами и казаками казахских земель. И таких фактов в документах немало. Так, казах из волости Самсы, в своём заявлении писал, что когда начались волнения в кочевых областях соседнего Пишпекского уезда, из-за боязни, что восставшие заставят его присоединиться к ним, призывал русских по соседству к объединению в борьбе против бунтарей. Последние в качестве залога потребовали людей.

---

[50] Сужиков М. Межнациональные отношения в Казахстане: Теория и практика регулирования / Сужиков М., Татимов М., Ахмеджанов А. и др. Алматы, 1993. С. 124.

[51] Жүгенбаева Г. Мұхамеджан Тынышбаевтың өмірі мен қызметі. Алматы, 2000. 35 б.

[52] Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 811. Оп. 20. Д. 755. Л. 205–206.

[53] Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 120.

Тогда были направлены во главе с начальником волости 12 человек. Сами мы, продолжал очевидец, собирались к перекочёвке в соседнее село Покровка, не затронутое восстанием. Однако вернувшийся под утро еле живым и смертельно раненым один из 12 человек сообщил нам, что остальные 11, вместе с начальником волости, погибли от рук русских. Так, вместо протянутой руки помощи казахи находили смерть. Напуганные этим, с мыслями переждать волнения на летних пастбищах, мы обратились в бегство в сторону Александрова. Хотя мы и не принимали участия в волнениях, бандиты, стремясь оправдать своё зверское поведение, приписали нас к восставшим. Русским крестьянам, прибывшими вместе с русскими казаками в казахскую степь, таким вот образом удавалось становиться хозяевами плодородных земель. От безысходности и голода обнищавшим казахам приходилось после русских, которые уже успели собрать урожай с их же полей, довольствоваться крохами, оставшимися за ними[54].

Власти спешно приступили к подавлению восстания. В Семиречье были направлены карательные отряды. Вооружённые пулемётами отряды выступали против безоружного населения. Тюрьмы были переполнены. М. Тынышпаев по приказу прокурора окружного суда Верного был допрошен следователем касательно его отношения к восстанию[55]. Копия записи допроса была направлена туркестанскому генерал-губернатору. Этот документ можно считать первой попыткой анализа состояния дел: изложены политические, социально-экономические аспекты колонизации региона, его последствия для традиционных устоев кочевого народа. На конкретных примерах, от времени формирования переселенческого комитета в Верном в 1905 г., раскрывается процесс превращения Семиречья в колонию, даётся оценка деятельности переселенческого комитета. Воцарившееся беззаконие на местах, взяточничество приводило местами к открыто выраженному недоверию к властным структурам, расценивавшим это как сопротивление и протест против государственной политики. Положение 1868 г. настолько ввело в заблуждение казахов, отмечалось в документе, что теперь во время выборных кампаний и партийных дискуссий и вовсе уходили на последний план вопросы земельного стеснения, поскольку ни одни выборы не проходили без взяток и подкупа[56]. Это не могло не оказать своё негативное воздействие и на ход всех событий 1916 г. Пример этому – известное «дело Ботбаева», когда управляющий волостью А. Курбангалиев при составлении списков призывников не включил в него никого из своих сторонников, тогда как туда попали все сподвижники его оппонента, что, разумеется, привело к открытому недовольству, подстрекательствам, вооружённым бунтам и даже расстрелам населения[57].

М. Тынышпаев, будучи приставленным в качестве переводчика к помощнику уездного начальника, подполковнику Тризне, объездил несколько уездов Семиречья (Аулиеатинский, Пишпекский). Своими наблюдениями от увиденного он поделился в письмах на имя военного губернатора Сырдарьинской

---

[54] Бедствия киргизов // Туркестанские ведомости. 1917. 9 авг.

[55] Государственный Архив Республики Узбекистан. Ф. И-I. Оп. 31. Д. 1186. Л. 16–25.

[56] Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата, 1993. С. 36.

[57] Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 811. Оп. 20. Д. 755. Л. 205.

области[58]. Он отмечал, что население оказалось не готово к Указу 1916 г., происходило полное непонимание его содержания, требовалось скорейшее проведение разъяснительной работы властей среди коренного населения, чего не произошло. В итоге – многочисленные случаи кровавых столкновений на национальной почве, открытое противоборство казахских и русских селений. Прикрываясь законом и силой оружия, русские крестьяне совершали разбой мирных селений казахов, которые без сопротивления и своевременно предоставляли списки рабочих по царскому Указу. Испуганное этим население разбегалось, побросав свои дома и селения. Остро встал вопрос о возвращении беглецов в родные волости. Однако и при этом встречались случаи открытой вражды и недопонимания: так, пристав Пишпекского уезда потребовал написать объяснительные возвращающимся обратно 500 местным жителям. Но по возвращении в посёлок Белые Воды они тут же были расстреляны вооружёнными русскими крестьянами. И это было не единичным случаем. Возникновение и причины таковых происшествий, приведших к грабежу казахских аулов русскими крестьянами, автор письма связывает с отсутствием разъяснительной работы среди коренного населения об Указе 1916 г., с недееспособностью и бездействием местной русской власти[59]. Подполковнику Тризне, объезжавшему казахские селения лишь в сопровождении своего переводчика и без военного отряда, путём разъяснительной работы с населением удалось добиться уменьшения страхов у народа и внести определённое успокоение.

Письмо бывшего депутата II Думы М. Тынышпаева не осталось без внимания. Генерал-адъютант А. Н. Куропаткин распорядился о расследовании этого вопроса в Аулиеатинском уезде[60]. Уездный начальник Кастальский, которому было поручено изучить вопрос, отмечал, что в Семиреченской области, оказавшей сопротивление проводимой политике, причины могут вполне скрываться в агитации против русских эмиссарами Германии, Турции – в приграничных с Китаем уездах. У русского населения уезда нет оружия. Боясь получить увечья во время восстания, они не могли сами выступить зачинщиками погромов, разбоев и вооружённых стычек. В смерти же казахского населения повинны они сами. Так, казахи на участке Мерке у села Новотроицка убивали русских из села Кузьминка, грабили их хутора. И только затем русские крестьяне вынуждены были выступить против казахов, подытоживал Кастальский. По его мнению, после победы над восставшими в Семиреченской области казахи признали силу власти русского правительства и сами же вернулись на свои места проживания[61].

Восстание потеряло свою силу уже в октябре. Свыше 200 тыс. человек, что составляло на тот период более 20 % населения Семиреченской области, осенью через снежные перевалы откочевало в Западный Китай[62], где их ожидала горькая участь – голод и трудовое рабство. Но даже после кровавых событий лета и начала осени 1916 г. царская администрация всё ещё продолжала призыв казахского населения.

---

[58] Государственный Архив Республики Узбекистан. Ф. И-I. Оп. 31. Д. 1200. Л. 1–3.

[59] Государственный Архив Республики Узбекистан. Ф. И-I. Оп. 31. Д. 1200. Л. 3-об.

[60] Там же. Ф.И-I. Оп. 31. Д., 1200. Л. 1.

[61] Там же. Ф.И-I. Оп. 31. Д., 1200. Л. 5–9.

[62] Там же. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 35. Л. 4–10.

Жалобы, письма и рапорты думцев-казахов о событиях 1916 г. не остались без внимания. А. Ф. Керенский, по итогам своей рабочей поездки в Туркестан, подготовил отчёт о событиях 1916 г., который был заслушан на закрытом заседании IV Государственной Думы в декабре 1916 г.[63]. Докладчик отмечал, что причиной всего того, что произошло в Туркестане, является исключительно центральная власть, объявившая и проведшая в жизнь указ о призыве на тыловые работы с нарушением требований закона. В продолжение всей войны с местного населения шли реквизиционные сборы, сборы лошадей, кибиток, верблюдов. Власти на местах создали условия, при которых казахское население стало голодать. И теперь ко всем фронтам прибавился новый Туркестанский фронт[64].

В результате восстания особенно пострадали те казахские хозяйства, где отмечалось наибольшее сопротивление. Был установлен штраф за участие в восстании, что вконец обессилило местное население[65]. Бывшие думцы во главе с членом I Государственной Думы А. Букейхановым оказывали всемерное содействие в решении вопросов о возвращении бежавших казахов, в возвращении с фронта мобилизованных на трудовую повинность, помогали приобрести обратные проездные билеты, содействовали организации работы образованных комитетов и комиссий по разрешению и урегулированию вопросов, связанных с последствиями восстания. Подавление восстания вооружёнными карательными отрядами, массовые беспорядки, межнациональная бойня – всё это оставило неизгладимый след в памяти казахских и киргизских шаруа о событиях 1916 г., ставших в их сознании олицетворением трагических страниц Первой мировой войны и её отголоска на территории Казахстана.

---

[63] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане... С. 697.

[64] Цитата по: Жакыпбеков Ж. Ж. Проблемы советской историографии восстания 1916 года в 20–30-х гг. XX века [электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр. Лаборатория общественно-политического развития стран ближнего зарубежья. URL: http://www.ia-centr.ru/.

[65] Озганбай О. Государственная Дума России и Казахстан (1905–1917). Алматы, 2000. С. 168–169.

Д. В. Аронов,
Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс, Россия

Либеральная составляющая думского законотворчества периода Первой мировой войны

Либеральное законотворчество периода Первой мировой войны неоднократно становилось предметом исследования как отечественных, так и зарубежных специалистов[66]. При этом в нём стоит выделить две основные тенденции. Прежде всего речь идёт об изучении собственно думского законотворчества как одной из сторон политической истории России, истории отечественного парламентаризма. В этом случае собственно Первая мировая война выступает как один из важнейших факторов, оказывающих влияние на сущность и формы этого процесса, его политическую составляющую[67]. С другой стороны, в отечественной историографии сформировался массив работ, связанный с изучением той составляющей думского законотворчества, которая непосредственно связана с нормативно-правовым обеспечением специфических общественных отношений, вызванных именно участием России в войне. Вместе с тем представляются вполне целесообразными исследования, посвящённые влиянию войны на парламентскую практику думских политических партий, коррективы, которые вносились в их стратегию и тактику в период военных сессий Думы, динамику соответствующих изменений. Небезынтересен и вопрос о предпочитаемых в данный период формах парламентской активности. Собственно, ряд аспектов партийно-политической практики кадетов и выступают предметом рассмотрения в настоящей статье.

Наиболее известным и изучаемым эпизодом либерального законотворчества Первой мировой войны традиционно является период, связанный с участием кадетов и других либеральных политических сил в деятельности Прогрессивного блока. В этом случае мы можем говорить, прежде всего, о программе правовых реформ самого блока, деятельное участие в которых приняли конституционные демократы, создавшие по инициативе М. М. Винавера особую законодательную комиссию[68]. К февралю 1916 г. как реально возможные к внесению в Думу рассматривались следующие законопроекты

---

[66] Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии. 1907–1917 гг. М., 1991; Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994; Он же. Прогрессивный блок//Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. Сб. статей и документов. М., 1999.

[67] Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе. 1906–1917 гг. М.: Юрист, 2005.

[68] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3-х тт./Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 240–241.

Прогрессивного блока: «О кооперации», «О волостном земстве», «О земстве на окраинах», «Городская реформа» и такой интересный законопроект, как «О введении трезвости навсегда». Развёрнутую программу законотворчества в области финансового и бюджетного законодательства представил съезду А. И. Шингарев[69]. В докладе П. Н. Милюкова «О тактике партии кадетов во время войны» осуществление законодательной программы блока было определено как одна из приоритетных задач конституционно-демократической партии в Государственной Думе[70]. Как следует из титулов и содержания законопроектов, их можно отнести к общелиберальному тренду политики «малых дел», направленных на использование законотворческого механизма Государственной Думы в условиях третьеиюньской политической системы.

Активность в области думского законотворчества проявила и партия прогрессистов, которая на заседании думской фракции 14 июля 1915 г. обсудила законодательную деятельность парламента, признав необходимым рассмотреть в IV Думе законопроекты о реформе земского положения, о введении волостного земства, об уравнении крестьян в правах с прочими сословиями и др.[71]. В определённой мере можно говорить и о программе Прогрессивного блока как документе, содержащем основные ориентиры его законотворческой работы в Думе[72]. Законотворческая часть программы была не столь обширна и предполагала в большинстве пунктов восстановление действия уже имевшихся законов – амнистии, восстановление прав профсоюзов и рабочей печати, реформы в области национально-государственного устройства страны. Законодательной программе был посвящён девятый пункт, где речь шла об уравнении крестьян с другими сословиями, введении волостного земства, реформировании земского и городского положений, распространении земства на новые территории России, принятии ряда законопроектов в социальной сфере.

Как вполне справедливо полагает исследователь истории Прогрессивного блока Э. Вишневски, «центр тяжести программы лежал не в программе работ законодательных учреждений, а в смене правительства и системы управления»[73]. Между участниками блока возникли серьёзные разногласия по поводу конкретных направлений законотворческой работы в Думе. Октябристы-земцы и представители групп центра считали, что необходимо рассматривать «законопроекты, непосредственно связанные с нуждами военного времени», а все остальные «должны пока отойти на задний план». Фракция «Союза 17 октября» считала, что блок не имеет готовых законопроектов, в связи с чем необходимо активизировать работу основных думских комиссий. Фракция прогрессистов настаивала на рассмотрении «коренных внутренних реформ»

---

[69] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 327–335.

[70] Там же. С. 259–260.

[71] Утро России. 1915. 15 июля. Цит. по: Вишневски Э. Прогрессивный блок // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. Сб. статей и документов. М., 1999.

[72] IV Государственная Дума. Фракция народной свободы. «Военные сессии» 26 июля 1914 г. – 3 сентября 1915 г. Ч. I. Отчёт фракции. Пг., 1916. С. 33–34.

[73] Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994; Он же. Прогрессивный блок // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. Сб. статей и документов. М., 1999.

в стране. Иную позицию занимали кадеты, предлагавшие начать обсуждение собственных законопроектов: «О крестьянском равноправии», «О реформе городового и земского положений и о волостном земстве»[74].

Особенности развития политической ситуации в России не позволили Прогрессивному блоку перейти к сколь-нибудь комплексной реализации данной позитивной законотворческой программы. Соответственно, большинство из предполагаемых к разработке законопроектов либо остались на бумаге, либо дошли только до обсуждения в рамках работы думских комиссий. Традиционно наибольшую активность в этом направлении проявила Конституционно-демократическая партия, имевшая большой резерв законотворческих наработок предшествующего десятилетия, тематически совпадавших с программой Прогрессивного блока.

В связи с этим представляется целесообразным упомянуть ряд программ, предполагавших определённое смещение акцентов в законотворческой деятельности Конституционно-демократической партии, выработанных её представителями, придерживавшимися различных подходов к реформированию социально-политического строя России. Отечественные исследователи выделяют в Конституционно-демократической партии ряд течений в зависимости от степени радикальности предлагаемых способов преобразований[75]. Некоторые из них имели наработки, которые вполне можно квалифицировать как программы законотворческой деятельности. Так, например, Д. И. Шаховской предложил собственную программу ближайших требований партии: реорганизация правительства (обновление состава, изменение политического курса и перестройка его структуры путём создания новых министерств), переустройство местной власти (смена ряда губернаторов, введение земства на окраинах России, в Сибири и на Кавказе, расширение круга лиц, имевших избирательные права при выборах земств). Кроме этого, в его программу были включены требования проведения через Думу законов, посвящённых нормативно-правовому регулированию деятельности кооперативов, трудовых отношений, статуса профсоюзов, а также создания новых думских комиссий (в т. ч. по расследованию причин неподготовленности армии к войне)[76]. Кадеты, придерживавшиеся правых взглядов, по-прежнему подчёркивали, что «основной источник силы кадетской партии всё же заключается «не в стране, не в союзах или кооперативах», а прежде всего Государственной Думе и законодательной работе»[77].

Данная программа подверглась критике со стороны Ф. И. Родичева, А. И. Шингарева и других, с точки зрения перспектив её практического воплощения в рамках реальной политики. Оппоненты Д. И. Шаховского счи-

---

[74] РГИА Ф. 627. Оп. 1. Д. 44. Л. 2–3. Цит. по: Вишневски Э. Прогрессивный блок // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. Сб. статей и документов. М., 1999.

[75] Шелохаев В. В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. Сб. статей и документов. М., 1999; Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 68–70; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. М., 1967. С. 84–86.

[76] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3-х тт./Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 186, 221–222.

[77] Цит. по: Шелохаев В. В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 130–136.

тали её избыточно правой для левых политических сил и слишком левой для правого крыла Государственной Думы. С левыми течениями кадеты расходились в принципиальном вопросе об участии в войне, и в целом партия склонялась к более консервативной позиции. Одним из наиболее известных её выразителей стал В. А. Маклаков, использовавший в своих выступлениях ставшую широко известной аллегорию о «безумном шофёре» и обозначивший приоритетные направления политики партии. Часть кадетов, поддерживавшая своего бессменного лидера П. Н. Милюкова, предпочитала прежнюю линию думского законотворчества, т. н. «органической работы», сформировавшейся в период «бережения Думы», ограничивая её вопросами бюджета и т. п. Эта позиция подвергалась активной критике со стороны ряда местных организаций партии, левой части Центрального комитета.

Что же касается вопроса о целесообразности выдвижения представителями Прогрессивного блока требования ответственного министерства, то здесь конституционные демократы остались политическими реалистами, для которых главным критерием верности предлагаемой обществу программы преобразований выступали интересы практической политики, а не следование теоретическим догмам. Говоря о «министерстве доверия», А. И. Шингарев отмечал: «Сейчас нам советуют быть «дерзкими», внести «героические» формулы, т. е. требовать ответственного министерства. Всё это довольно легко, но это будет актом политической ошибки» [78]. Аналогичную позицию занимал и П. Н. Милюков, который считал время войны неподходящим для реализации этого требования, говоря о том, что, когда придёт время, «партия скажет не только об ответственном министерстве, но и о более широких требованиях своих» [79].

На конференции 6–8 июня 1915 г. Милюков дал и анализ понятия «ответственного министерства», увязывая его с широкомасштабной программой правовых реформ. В своём докладе «О политическом положении» он говорил: «Ответственность» министерства в смысле политическом, по нашим основным законам, не существует и может быть осуществлена или путём изменения текста закона, или – что гораздо чаще наблюдается в истории конституционализма – путём формирования неписаной практики. Партия не исключала ни одного из этих двух способов осуществления политической ответственности министров, но она представляла себе это осуществление в такой обстановке, при которой немыслимо правильное функционирование народного представительства ... провести одну только «ответственность» – значило бы снять один из трёх «замков», не трогая остальных двух: лучше сказать, такая одиночная реформа при противоречащей ей остальной политической обстановке просто была бы невозможна». Он указал, что, «отказываясь в данный момент от требований «ответственного министерства» в своём смысле, партия отказывается и вообще от требований о смене министерства» [80].

---

[78] Доклад петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. Сб. статей и документов. М., 1999.

[79] Цит. по: Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 62.

[80] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 123.

Главной задачей, из решаемых в ходе законодательной деятельности партии в Думе, VI съезд Конституционно-демократической партии (18–21 февраля 1916 г.) определил борьбу «с попытками реакционеров уничтожить народное представительство или ограничить его права»[81]. В качестве направлений законотворчества либералов в 1916 г. выступала органическая работа в области социального законодательства, народного образования, инициирования рассмотрения законопроектов о местном самоуправлении, защита принципов равноправия народностей и государственной автономии Финляндии, принятие бездефицитного бюджета[82].

Однако на конференции Конституционно-демократической партии, проходившей 22–24 октября 1916 г., вопросы законодательной работы упоминаются лишь в контексте заявления о том, что партия в области «проведения законодательных мер» всегда руководствовалась «целью поддержания связи с широкими слоями населения»[83].

Также можно выделить несколько этапов законотворческой работы конституционных демократов, связанных с переоценкой места и роли этой деятельности в думской практике. На смену законодательной инициативе (в той или иной мере присутствовавшей в предыдущих Думах) приходит превалирование агитационно-пропагандистских аспектов в парламентской активности партии. Соответствующие задачи первоначально были сформулированы на партийной конференции, проходившей 23–25 марта 1914 г. исходя из практики III Государственной Думы.

Во время Первой мировой войны формально мы могли бы говорить об активизации законотворческой деятельности отечественных либералов в области законодательной регламентации основных прав человека. Как известно, в Государственную Думу был внесён пакет законопроектов, практически повторяющий тот, который может быть выделен по результатам изучения материалов Думы второго созыва. Однако если мы обратимся не к формально-юридическому анализу текстов законопроектов и их сравнению с содержанием предшествующих им аналогичных проектов, а к их значению с точки зрения целеполагания, то ситуация предстаёт несколько в ином свете.

В IV Думу был внесён законопроект «О неприкосновенности личности», который сопровождается проектами нормативно-правовых актов, в той или иной мере связанных с основными правами человека. В их числе были законопроекты «О свободе собраний», «О свободе союзов», «О свободе печати», «О всеобщем избирательном праве», «О свободе совести», а также «О неприкосновенности депутатов». О результативности этих инициатив говорит отчёт фракции прогрессистов, где указывалось, что «все они похоронены в недрах вопроса о желательности их, хотя бы, кажется, не может быть и спора о желательности того, что необходимо»[84].

Однако смысл подобного массового «вброса» законопроектов заключается не в надежде в условиях участия страны в Мировой войне реализовать

[81] Там же. С. 211.

[82] Там же. С. 214.

[83] Там же. С. 348–351.

[84] Фракция прогрессистов в IV Государственной Думе. Сессия первая. 1912–1933 гг. Вып. 1. СПб., 1913. С. 55.

свою программу законотворческой деятельности практически десятилетней давности, относящейся совсем к иной эпохе. Она явно направлена на реализацию тактической линии, намеченной в период первой сессии Государственной Думы четвёртого созыва, когда законотворческая работа была в силу неблагоприятных для партии условий подчинена задачам агитационно-пропагандистского характера.

Соответственно, говоря об активизации законодательной деятельности кадетов в IV Государственной Думе, следует учитывать данное обстоятельство. Несмотря на совпадение вносимой совокупности законопроектов IV Думы с аналогичными законопроектами периода Думы первого и второго созывов, в данном случае речь идёт о достижении по преимуществу агитационно-пропагандистского эффекта, т. е. о достижении иной цели, чем ранее. Однако с точки зрения анализа данных законопроектов как документов юридического характера, оценки применяемой юридической техники и т. д. они представляют собой обширный и благодатный материал для соответствующей характеристики законотворческой деятельности отечественных либералов.

И. С. Багирова,
Институт истории Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан

Общественно-политические процессы в Азербайджане и отражение их в деятельности депутатов Государственной Думы в годы Первой мировой войны

Весь 2014 г. прошёл под знаком столетия начала Первой мировой войны, оставившей неизгладимый след в истории человечества и потрясший его невиданным до тех пор количеством жертв и разрушений.

Начавшие войну немецкие правящие круги разрабатывали программу создания «Всегерманского рейха», включающего в себя огромные территории от Скандинавии до Персидского залива. В Генеральном штабе Германии совещались также о том, каким путём можно «смертельно ранить Россию – действием против Петербурга на севере или разрушением угольных шахт и нефтяных вышек на юге». Вместе с тем был разработан и план создания Тифлисского наместничества под германским протекторатом, охватывающего весь Кавказ и Закавказье с нефтеносными землями Апшерона[85].

Важная роль в реализации планов Германии отводилась Турции, ставшей её экономическим и военным союзником. Вместе с тем Турция вынашивала и собственные планы, объявив войну джихадом и призвав мусульман всего мира к объединению. Но турецкое правительство вело переговоры не только с мусульманами, но и с грузинскими социал-федералистами, и с армянскими дашнаками, обещая им создание национальных автономий. Мусульманам же (азербайджанцам) в случае их поддержки Турции были предложены часть Северного Кавказа вместе с Дагестаном, Бакинская и часть Елисаветпольской губернии[86]. Однако дальнейшие поражения Турции сделали нереальными эти планы.

Что касается России, то её экспансионистские стремления в Азии мало кем подвергаются сомнению, поскольку «имперский менталитет правящей бюрократии не допускал мысли о хотя бы временном отказе от великодержавной роли, по крайней мере, в традиционных восточном и славянском вопросе»[87], что также предполагало овладение проливами.

Война вызвала неоднозначную реакцию в различных слоях азербайджанского общества. Социальные верхи единодушно выступили с поддержкой России в войне, это нашло своё отражение как в публичных выступлениях общественных деятелей, так и в официальных документах и заявлениях. В Баку,

---

[85] Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1968. С. 115, 119.

[86] Altstadt A. L. The Azerbaijani Turks. Power and Identity under Russian rule // Hoover Institution press.Stanford, California. 1992. P. 76 .

[87] Виноградов В. Н. Ещё раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 68.

Елисаветполе и других городах прошли патриотические манифестации и митинги, торжественные молебны в мечетях, где выражалась готовность отдать все свои силы и жизнь «за отечество и престол»[88]. Очередной съезд бакинских нефтепромышленников в декабре 1914 г. вынес решение пожертвовать для фронта 1 млн. руб. и предложил ввести с января 1915 г. попудный сбор на эти цели[89]. По инициативе общественности были созданы комитеты по сбору пожертвований среди населения и организации благотворительных госпиталей. Многие азербайджанцы – выходцы из высших сословий, несмотря на отсутствие призыва мусульман в армию, вступали в неё добровольно. Всего на фронтах воевало около 200 офицеров-азербайджанцев.

Азербайджанский депутат IV Государственной Думы М. Ю. Джафаров от имени членов Мусульманской фракции назвал войну освободительной и в то же время отметил, что поскольку «русская армия несёт свободу зарубежным народам, то тем более та же свобода должна быть возвещена и многочисленным народам, входящим в состав Российской империи»[90]. Прогрессивные слои общества, внешне сохраняя лояльность правительству, надеялись обернуть последствия этой войны в максимально выгодное для своего народа русло. Показательны в этом отношении слова будущего премьер-министра Азербайджанской республики Фатали хана Хойского, сказанные им в 1915 г.: «После войны всё изменится, сильные державы выйдут из неё слабыми и израненными, и тогда наступит наше время диктовать свои условия, что означает свободу для нас. Эта свобода исходит от нашей силы, наших денег и нашей нефти. Поэтому не забывайте: мир нуждается в нас больше, чем мы в нём»[91].

Одной из наиболее болезненных тем являлась воинская повинность, которую, как известно, не несли мусульманские народы. Ещё в мае 1914 г. председателю Мусульманской фракции IV Думы К. Б. Тевкелеву было направлено письмо из Баку за подписью кавказских мусульман с просьбой доложить премьер-министру нужды мусульман, одной из которых являлась необходимость отбывать воинскую обязанность в рядах русской армии[92]. Но царские власти ограничились лишь объявлением призыва 3000 азербайджанцев на военно-оборонительные работы, что вызвало недовольство местного населения и протест депутатов Мусульманской фракции[93]. Благодаря усилиям фракции призыв «инородцев» на оборонительные работы был отсрочен до 15 сентября. Тем не менее, с началом войны назрела необходимость в формировании военных частей из «воинственных кавказских народов». 27 июля 1914 г. с разрешения императора началось формирование Татарского конного полка в составе Кавказской туземной дивизии[94]. Полк

---

[88] Каспий. Газета. 1914. 25 июля.

[89] Нефтяное дело. 1914. № 24. С. 19.

[90] Сеидзаде Д. Б. Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку, 1991. С. 112.

[91] Цит. по кн.: Swietochovski T. Russian Azerbaijan, 1905–1920. Cambridge University: 1985. P. 111.

[92] Сеидзаде Д. Б. Указ. соч. С. 113–114.

[93] Баку. Газета. 1916. 20 авг.

[94] Опрышко О. Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия. Нальчик, 2007. С. 3.

воевал на австро-венгерском фронте. Вместе с тем, в общественном мнении кавказских мусульман в отношении к воюющим сторонам произошёл раскол и часть азербайджанцев в качестве добровольцев воевала на стороне единоверцев в турецкой армии.

Были в Азербайджане и организации, видевшие спасение народа лишь в единении с Турцией. Одной из них являлась действовавшая в Нахичевани организация «Муджахидин» (Самоотверженные). Организацией велась не только агитационная, но и практическая работа по добыче данных о количестве воинских эшелонов, переправка денег в Турцию через Тебриз, а также вербовка добровольцев в турецкую армию[95]. Деятельность организации стала приобретать такой масштаб, что в декабре 1916 г. почти все её члены во главе с её лидером М. Б. Мир-Гейдарзаде были арестованы[96].

В сентябре 1915 г. на место И. И. Воронцова-Дашкова кавказским наместником был назначен великий князь Николай Николаевич, более терпимо относившийся к мусульманам. Встреча посетившего Баку по дороге в Тифлис наместника была организована с большими почестями, на неё собрался весь цвет бакинской элиты. На нового наместника возлагали большие надежды как представители городских властей и буржуазии, так и прогрессивной интеллигенции. Городской голова Л. Л. Быч, промышленники И. Гаджинский, Г. З. Тагиев вместе с выражением верноподданнических чувств высказали и надежду на введение в крае земства, высшего учебного заведения, суда присяжных, разрешение национального вопроса и пр.[97] От мусульманского населения Елисаветполя была получена телеграмма, в которой говорилось, что «Кавказ, эта жемчужина короны, засияет своим естественным блеском в руках мудрого представителя нашего обожаемого Великого Государя»[98]. Наместник в своей речи пообещал проведение на Кавказе всех назревших реформ и разрешение конфликтов при условии «доверия» к нему края. Однако была сделана оговорка, что практическое осуществление требований политического характера в настоящий момент, «когда миллионы людей на поле сражений подставляют грудь вражеским пулям», не представляется возможным «сейчас же, на месте»[99].

Некоторые уступки были сделаны лишь в области прессы. С личного разрешения наместника в октябре 1915 г. М. Э. Расулзаде начал издавать газету «Ачыг сёз» (Открытое слово), которая до 1918 г. являлась центральным органом Мусавата. «Ачыг сёз» впервые в мусульманском мире была названа «ежедневной тюркской газетой», а язык, на котором она издавалась, назван тюркским, а не татарским, как было принято его называть русскими властями. В передовице первого номера газеты, написанной самим М. Э. Расулзаде и озаглавленной «Наш путь», давалась оценка войны и выдвигались новые задачи. Несмотря на пожелания «нашей общей Родине России успехов и победы в войне», в этом же номере М. Э. Расулзаде приводит мысль А. Гусейнзаде и З. Гекалпа о «тюркизации, исламизации, модернизации», рас-

[95] АПДУП АР (Архив политических документов Управления Президента Азербайджанской Республики). Ф. 276. Оп. 8. Д. 528 а. Лл. 1–3, 9, 15–17, 19–21.

[96] Там же. Лл. 59, 70.

[97] Известия Бакинской городской думы. 1916. № 9–10. С. 121.

[98] Баку. 1915. 17 сент.

[99] Каспий. 1915. 15 сент.

крывая содержание этого ставшего впоследствии девизом Мусавата и АДР лозунга. «Основой взятого нами пути, – пишет он, – является национализм... Каждая нация для своего прогресса нуждается в трёх основах: язык, религия и эпоха... По языку мы – тюрки... по религии мы мусульмане... Будучи мусульманами, мы, тюрки, входим в интернационал ислама, почитая одного бога и имея общую культуру. Но если хочешь жить независимо..., необходимо вооружаться современной наукой, искусством. Таким образом, если хочешь работать за здоровую и просвещённую нацию, необходимо признать три основы – тюркизация, исламизация и модернизация» [100].

Желая России победы в войне и выражая патриотические чувства, Расулзаде в то же время заявляет, что в награду за этот патриотизм все нации, в том числе и мусульмане, ожидают, что «обновлённая Россия не откажет проживающим под её милосердным крылышком народам в естественной свободе, обеспечивающей будущую культурную жизнь» [101]. Таким образом, идеи общеисламского единства, которые мусаватисты проповедовали ранее, отступают на второй план перед интересами нации, её прогресса и культурного обновления. «Какая бы сторона ни победила в войне, – писал Расулзаде, – этот мир не может быть долгим и прочным, если отдельные нации не получат свободу и право на существование... Независимость получат только те народы, которые будут полностью заинтересованы в своих государственных интересах, и тогда только можно рассчитывать на исполнение своих надежд и достижение своих идеалов» [102].

Патриотические настроения разделяли тогда практически все отделения российских политических партий в Азербайджане, за исключением большевиков.

Большая часть статей бакинских газет военного периода, помимо освещения хода военных действий, была посвящена работе Мусульманской фракции IV Государственной Думы, на которую азербайджанская интеллигенция возлагала большие надежды. Деятельность фракции обстоятельно освещал в газете «Каспий» Дж. Гаджибейли (псевдоним Дагестани) в цикле статей «Петербургские письма», «В Мусульманской фракции», «Заметки мусульманина».

В Мусульманскую фракцию IV Думы входило 7 депутатов вместо 9 в III Думе: 3 депутата от Уфимской, 1 – от Оренбургской, 1 – от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний, 1 – от Дагестана и 1 – от Самары [103]. В I Думе было 25 человек, во II Думе – 35. По избирательному закону 3 июня 1907 г. представительство мусульман было сокращено.

В IV Думе задачу защиты интересов степного и туркестанского населения принял на себя 27-летний выпускник юридического факультета Московского университета, помощник присяжного поверенного Мамед Юсиф Джафаров. Одним из главных и наболевших вопросов, поднимаемых Мусульманской фракцией в Думе, был переселенческий вопрос. В выступлениях М. Ю. Джафарова постоянно озвучивались ходатайства местного на-

---

[100] Ачыг сёз. 1915. 2 окт.

[101] Там же.

[102] Rəsulzadə M. Ə. Azərbaycan cümhuriyyəti. Bakı. 1990. S. 25–26.

[103] Каспий. 1913. 3 апр.

селения Закавказья, а также Степных и Туркестанских областей по поводу переселения крестьян из центральной России. Депутат указывал на полное отсутствие какой-либо рациональной системы и планомерности в этом деле, называя его «вандальским способом», изымающим лучшие земли у местного населения и передающим их переселенцам. К тому же в Закавказье плотность населения часто была выше, чем в Европейской России. Депутатам из Закавказья удалось убедить Думу проголосовать за то, чтобы при переселении не нарушались явно законные интересы коренного населения[104].

Неоднократно поднимался Джафаровым вопрос о целесообразности введения земства в Закавказье, необходимость которого ещё более обострилась в годы войны. В марте 1916 г. он вместе с депутатами от Закавказья Скобелевым и Пападжановым вновь поднял этот вопрос, напомнив, что он имеет уже полувековую историю. До войны власти объясняли, что местное население ещё не подготовлено к этой форме управления, во время войны же начали обещать ввести земства после окончания военных действий. Между тем земская реформа давно назрела, в крае отсутствовали нормальные пути сообщения, медицинская помощь, просвещение сельского населения и т. д. Один из кадетских лидеров Д. И. Шаховской внёс этот вопрос в программу ближайших требований партии[105].

В апреле 1914 г. Мусульманская фракция добилась издания своего печатного органа – газеты «Миллет», издавал её С. Г. Джантюрин[106]. К сожалению, газета, вызвавшая большой резонанс среди российских мусульман, не пользовалась такой же популярностью на Кавказе, т. к. выходила на языке казанских татар.

Широкое обсуждение вызвал вопрос о создании постоянно действующего Бюро при фракции, состоящего из представителей мусульманства всей страны, предложенного уфимской газетой «Дурмуш» и московской «Слово». «Ачыг сёз» выступила за создание Бюро, которое явилось бы той политической организацией, которая более деятельно отстаивала бы интересы мусульманства России и содействовала бы активизации общественного мнения к нуждам мусульман[107].

В феврале 1916 г. в Петрограде было проведено совещание Мусульманской фракции, на которой и было создано Бюро. Оно сыграло определённую роль в выдвижении Мусульманской фракции предложений о восстановлении представительства мусульман и получении прав выносить на обсуждение свои национальные и религиозные нужды, а также вопросов увеличения представительства мусульман в городских думах[108].

Ухудшение положения на фронтах, усиление экономической разрухи, рост забастовочного движения и неспособность правительства справиться с проблемами вызвали резкий рост оппозиционных настроений во всех слоях общества. 18 июля 1915 г. кадетами и прогрессистами в Государственной

---

[104] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. Ч II. СПб. 1913. Стб. 1763.

[105] Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М. Наука. 1988. С. 68.

[106] Каспий. 1916. 18 апр.

[107] Ачыг сёз. 1916. 4 янв.

[108] Там же. 3, 4, 7 марта.

Думе был поставлен вопрос о власти, «опирающейся на доверие всех живых сил страны» [109]. В начале августа к требованию создания «правительства доверия», которое было выдвинуто Московской городской думой, присоединилась и Бакинская городская дума, о чём городской голова Л. Л. Быч уведомил телеграммой Председателя Государственной Думы Родзянко [110].

Одновременно в Государственной Думе начались переговоры между различными фракциями, завершившиеся 9 августа 1915 г. образованием так называемого Прогрессивного блока, в который вошли 236 из 422 членов Думы. Не присоединились к блоку только крайне правые и крайне левые депутаты [111]. Центральным пунктом программы блока было требование создания «министерства общественного доверия», опирающегося на Думу.

В программу блока помимо ряда политических требований были включены и национальные вопросы [112]. Однако они касались в основном автономии Польши и Финляндии. Нужды мусульман страны в программе не упоминались. Мусульманская фракция Думы также оказалась вне блока. По поводу отказа фракции от вхождения в Прогрессивный блок представители последнего приводили самые невразумительные причины, в частности, отсутствие якобы чётко выраженных программных требований фракции [113]. Но и после того, как М. Ю. Джафаров объявил о требованиях фракции отмены юридических, религиозных и национальных ограничений в отношении мусульман, включающих и изменение закона от 3 июня в отношении Туркестана и Казахстана, представители Прогрессивного блока по инициативе А. Ф. Керенского отказались поддержать эти требования под предлогом военных действий, и заявление Джафарова о вхождении в блок не было принято [114]. Объяснением столь бестактного шага, как представляется, являлась не сама программа Мусульманской фракции, суть которой мало в чём изменилась со времён III Думы, а совсем другая причина. Компромисс между думскими фракциями в виде Прогрессивного блока был заключён не ради законодательной программы, а с целью смены правительства для обеспечения победы в войне. Для представителей блока был важен сам факт сплочения 2/3 Думы, чтобы «ссадить это неспособное правительство не путём революции, а органическим давлением общественных сил» [115]. Для привлечения же в блок Мусульманской фракции кадетам и прогрессистам пришлось бы лишиться союза с октябристами, всегда выступавшими против отмены ограничений в отношении инородцев. Обе фракции (кадеты и прогрессисты) предпочли, по словам М. Ю. Джафарова, «пойти по оппортунистическому пути соглашения с октябристами и более правыми, пожертвовав 20-миллионным мусульманским населением» [116].

---

[109] Дякин В.С Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. Л. 1967. С. 106.

[110] Баку. 1915. 5 сент.

[111] Думова Н. Г. Указ. соч. С. 52.

[112] Дякин В. С. Указ. соч. С. 107–108.

[113] Ачыг сёз. 1916. 16, 21 февр.

[114] Там же. 21 февр.

[115] ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации). Ф. 523. Оп. 3. Д. 9. Л. 53 а.

[116] Каспий. 1916. 9 дек.

Редактор выходившей в Казани газеты «Юлдуз» Садри Максудов опубликовал статью «Прогрессивный блок и наша фракция», в которой заявил, что невхождение в блок явилось крупной ошибкой Мусульманской фракции [117]. На что Джафаров ответил, что будь хоть какая-то возможность войти в блок, фракция бы это сделала и этому не помешала бы никакая гордыня. Противоположной точки зрения придерживался ряд азербайджанских политиков, считая, что «фракция должна действовать самостоятельно, не навязываясь никому и не входя ни в какие временные блоки», и для этого у неё есть программа партии «Иттифаги Муслимин» [118].

Тем не менее, образование Прогрессивного блока было встречено с большим воодушевлением как в общественных, так и в торгово-промышленных кругах Азербайджана, недовольных экономической политикой правительства в военное время. Все ведущие бакинские газеты опубликовали материалы о создании блока и его программные документы. Газета «Баку» охарактеризовала создание блока как факт огромного государственного значения, благодаря которому «заложен фундамент парламентаризма в истинном и глубоком смысле этого слова» [119]. «Каспий» также приветствовал создание блока и особенно его лозунг «министерства доверия», включавшего в свой состав наиболее популярных думских деятелей. «Об образовании работоспособного правительства, действительно сплочённого и объединённого определённой программой, опирающейся на доверие и сочувствие страны, – отмечалось в одной из передовиц газеты, – говорит не Керенский, не Милюков, а почтённые старцы из Государственного совета, которых трудно заподозрить в любви к новшествам... Даже хранители устоев заявили, что так дальше жить нельзя» [120]. Газета «Ачыг сёз» также вполне в либеральном духе стала выступать с поддержкой Прогрессивного блока, печатать его программу и даже защищать его от крайне правых фракций Думы, способствующих своими действиями против блока «расчленению государства» [121].

По мере углубления политического и экономического кризиса, прихода к власти «нового» премьера Горемыкина на страницах бакинских газет стали появляться статьи, открыто выражающие недовольство «пагубной для страны» политикой царского правительства, которая «привела страну на третий год войны в состояние какого-то ошеломления» [122]. К концу 1916 г. Прогрессивным блоком было выдвинуто уже более решительное требование о создании «ответственного министерства», к которому присоединилась и Мусульманская фракция [123].

К концу 1916 г. революционный кризис в России был налицо. Экономический развал, небывалый рост цен, военные поражения, постоянные смены в правительстве продемонстрировали всему российскому обществу полную неспособность царизма контролировать ситуацию в стране. Вся Россия была

---

[117] Каспий. 1915. 14 ноября.

[118] Ачыг сёз. 1916. 1 дек.

[119] Баку. 1915. 28 авг.

[120] Каспий. 1915. 29 ноября.

[121] Ачыг сёз. 1915. 5 дек.

[122] Каспий. 1916. 13 нояб.

[123] Там же. 23 нояб.

охвачена забастовочным движением. В Баку 17 января 1917 г. в механических мастерских Нобеля началась стачка, она продолжалась до 31 января и закончилась частичным удовлетворением требований рабочих[124].

Весть о Февральской революции была получена в Баку 2 марта 1917 г. и встречена ликованием всех слоёв общества и национальностей. Особый подъём вызвало сообщение об объявлении Временным правительством всеобщей амнистии политзаключённым: в первые дни революции в Азербайджане на свободу вышло 600 человек[125].

Орган нефтепромышленников журнал «Нефтяное дело» писал: «Давнишняя мечта молодой России о политической свободе и действительно конституционном политическом строе осуществилась полностью и в самых широких границах»[126]. На рауте по случаю Новруз байрама будущий премьер Ф. Х. Хойский огласил текст телеграммы, посланной в Петроград в адрес Родзянко и председателя Мусульманской фракции от имени 30 мусульманских общественных организаций г. Баку, в которой отмечалось, что «возвещённые Временным правительством основы гражданской, политической, национальной и религиозной свободы и равенства всех граждан государства Российского будут отныне незыблемы, и мусульмане, освободившись от вековых гонений низвергнутого в прах режима, возродятся к новой светлой созидательной жизни в свободной России»[127].

8 марта 1917 г. Мусульманская фракция передала Совету министров заявление в связи с опубликованной программой деятельности Временного правительства. Фракция рекомендовала правительству не повторять ошибок прежнего режима и при назначении должностных лиц руководствоваться не только их партийной близостью к кабинету, но и тем, насколько они знакомы с бытом, языком и особенностями мусульманского населения[128].

9 марта Временное правительство отстранило от деятельности Кавказского наместника великого князя Николая Николаевича, назначив для управления краем Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ) во главе с членом IV Думы кадетом А. Харламовым. В его состав вошли также думские депутаты М. Ю. Джафаров, А. Чхенкели, М. Пападжанов и др.[129]. Выступая на митинге, посвящённом учреждению нового органа власти, М. Ю. Джафаров особо подчеркнул, что на них возложена обязанность временного управления Кавказом до тех пор, пока не соберётся Учредительное собрание и не выработает основных законов[130]. Он также призвал народы Кавказа к единению и отметил несвоевременность выставления в данный момент национальных лозунгов, считая, что этим также должно заняться Учредительное собрание[131]. С призывом прийти к Учредительному собранию объединёнными общими стремлениями и идеалами обратился ко всем

---

[124] Очерки истории Компартии Азербайджана. Т. 1. Баку. 1985. С. 273.

[125] Там же. С. 274.

[126] Нефтяное дело. 1917. № 5. 16 марта.

[127] Баку. 1917. 10 марта.

[128] Сеидзаде Д. Б. Указ. соч. С. 122.

[129] История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1963. С. 776.

[130] Каспий. 1917. 18 марта.

[131] Там же. 19 марта.

кавказским мусульманам и выдающийся политический деятель, депутат I Думы А. М. Топчибашев[132].

Однако не все общественные деятели собирались откладывать решение национального вопроса до Учредительного собрания. В частности, объединившаяся с Тюркской партией федералистов, партия Мусават провозгласила более далекоидущую цель – проведение в жизнь идеи федеративной республики в рамках демократической России. На открывшемся в Баку 15 апреля I съезде кавказских мусульман М. Э. Расулзаде выступил уже с требованием территориальной автономии для мусульман России, решение о которой должно было вынести будущее Учредительное собрание. Эту же идею отстаивал М. Э. Расулзаде и на проходившем в Москве с 1 по 11 мая 1917 г. Всероссийском мусульманском съезде, где было принято его предложение, гласившее, что «формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах»[133]. Однако эти лозунги не успели претвориться в жизнь, произошёл октябрьский переворот, после которого уже приобрело реальные очертания достижение национальной независимости, что и было осуществлено 28 мая 1918 г. через объявление первой в истории Азербайджанской Демократической республики.

[132] Каспий. 1917. 18 апр.

[133] Программные документы мусульманских политических партий. Оксфорд, 1985. С. 27.

М. В. Братолюбова, А. Н. Деордиева,
Южный федеральный университет, Россия

Деятельность казачьих депутатов Государственной Думы Российской империи в годы Первой мировой войны

Исследование «парламентского опыта» думской казачьей фракции в период Первой мировой войны существенно дополняет имеющиеся представления о деятельности всей Государственной Думы в канун революционных событий. Объединение в рамках единой внепартийной фракции представителей различных казачьих регионов даёт возможность для исследования воззрений и представлений широкого спектра казачьего населения, их взаимодействия и интеграции. Существенной переоценки заслуживают также многочисленные общественно-политические стереотипы, существующие по отношению к казачеству, многие из которых не имеют под собой реального подтверждения фактами. Возникновение в условиях современной российской действительности всевозможных казачьих организаций, объявляющих себя продолжателями традиций казаков, вызвало неуклонное возрастание интереса к их дореволюционным предтечам.

Представляется важным исследовать партийный состав казачьей группы IV Государственной Думы; проследить воздействие социально-экономических и политических изменений в России в период 1914–1917 гг. на деятельность представителей казаков в Думе; раскрыть отношение казачьих депутатов к проблемам, связанным с войной, и меры к их преодолению; осветить внедумскую деятельность депутатов-казаков в период Первой мировой войны; выявить роль и значение казачьей фракции в контексте политической истории России.

Всего в Думе всех четырёх дореволюционных созывов было более восьмидесяти казачьих депутатов. Казачество смогло делегировать в Думу ряд общественных и политических деятелей, сыгравших в парламенте видную роль. Казачья внепартийная группа в IV Государственной Думе была официально зарегистрирована и состояла из пятнадцати человек – казаков из основных казачьих регионов России (только один казак – А. П. Сидоров – из Самарской губернии)[134]. В. А. Харламов, М. С. Воронков, А. П. Савватеев, Ф. В. Черячукин, А. А. Назаров, И. Н. Ефремов и Е. Д. Логвинов представляли в Думе Область войска Донского. Кроме донцов, представителями казачества в IV Думе были депутаты: войска Кубанского – К. Л. Бардиж; Терского – М. А. Караулов; Уральского – Ф. А. Ефремов; Забайкальского – С. А. Таскин; Оренбургского – М. И. Канашев; Астраханского – И. К. Ерымовский; Амурского и Уссурийского – И. М. Гамов[135]. Возглавлял казачью группу в Думе четвёр-

[134] Государственная Дума. Четвёртый созыв. Сессия первая. Справочник. СПб., 1913. С. 188.

[135] Сватиков С. Г. Россия и Дон. (1549–1917 гг.). Белград. 1924. С. 556.

того созыва донской казак, депутат всех четырёх созывов Василий Акимович Харламов, секретарём был М. А. Караулов (Терек)[136].

По роду занятий часть казачьих депутатов была атаманами разных уровней. Среди депутатов-казаков также были учителя, присяжные поверенные, мировые судьи. Значительное число казачьих депутатов было по своему профессиональному уровню вполне подготовлено к законотворческой деятельности, где востребованными были юридическая подготовленность и компетентность, ораторские способности, чёткая позиция и умение её отстаивать. Многие депутаты-казаки занимали активную гражданскую позицию, помимо думской работы участвовали в различных научно-просветительских обществах, были видными общественными деятелями. Донцы В. А. Харламов и И. Н. Ефремов были нештатными корреспондентами газет, занимались литературным трудом. Терский казачий депутат М. А. Караулов являлся редактором-издателем ряда общественно-политических журналов. Некоторые депутаты-казаки занимались научным трудом, М. А. Караулов выпустил в свет ряд работ по истории Терского казачества, что сыграло огромную роль в ознакомлении русского общества с культурой, экономическим положением казачества начала XX в.

По своим политическим убеждениям большинство депутатов-казаков вопреки надеждам властей, которые считали казачество монархически настроенной, консервативной частью российского народа, тяготело к либеральному центру. Партийный состав казачьей группы в IV Думе был однородным: шесть человек одновременно входили во фракцию прогрессистов, девять были членами фракции кадетов[137]. Популярность либералов среди казачества на выборах в Думу интерпретировалась по-разному. Сами либералы считали успех кадетов возможным благодаря пробуждению у казаков «старинного духа свободы»[138]. Консерваторы, казачья администрация утверждали, что либеральные казаки-думцы не выражают интересы всего казачьего населения, называли их «ложными казаками», казачьей интеллигенцией, заражённой оппозиционностью[139].

Казачья фракция в Думе получила общеупотребительное название – «Казачья группа». Она представляла собой фракционную структуру без учёта партийной принадлежности. В основу её создания был положен этно-сословно-территориальный принцип. Именно этно-сословно-региональные проблемы стали тем стержнем, вокруг которого происходило объединение казачества в единое общественно-политическое движение в стенах российского парламента и в стране. Цель фракции была в предварительном обсуждении вопросов, в подготовке ораторов, согласовании позиций депутатов-казаков, составлении запросов о незакономерных действиях властей, в составлении самостоятельных законопроектов. Перед фракцией стояли координационные задачи, намечался и широкий план агитационно-

---

[136] Там же.

[137] Государственная Дума: указатель к стенографическим отчётам. Четвёртый созыв. Сессия первая. 1912–1913. СПб., 1913.

[138] Крюков Ф. Д. О казаках // Русское богатство. 1907. № 4. С. 27; Цитрон А. 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906. С. 97.

[139] Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 68. Лл. 1, 9.

разъяснительной деятельности: объезды казачьих местностей депутатами, издание отчётов о думской деятельности и пр.

В Думе четвёртого созыва редакционная комиссия Казачьей группы в составе В. А. Харламова, А. А. Назарова, Ф. В. Черячукина, М. А. Караулова выработала программу, защищающую интересы российского казачества. В её основу был положен «Терский наказ войсковому депутату» [140]. Программа состояла из пятнадцати разделов и касалась важнейших для казачества вопросов: земли, самоуправления, воинской службы, образования [141]. Депутаты-казаки от Области войска Донского одновременно работали в «Донской группе депутатов и членов Государственного совета» под председательством члена Государственного совета В. И. Денисова [142]. Пять депутатов-казаков (астраханец, кубанец, терец, оренбуржец и дончанин) параллельно примкнули к «Думской группе депутатов-крестьян», состоящей из тридцати человек. М. А. Караулов даже вошёл в исполнительное бюро этой группы [143]. Своей целью названная внепартийная группировка видела разработку и проведение через Думу специально крестьянских и казачьих законов, отстаивание интересов сельского населения (крестьянского и казачьего). Был принят устав группы, по которому полноправными членами этой группировки могли стать только депутаты, избранные по крестьянской и казачьей куриям [144]. Таким образом, депутаты-казаки по происхождению, но прошедшие в Думу по другим куриям, могли допускаться на собрания без права решающего голоса по особому постановлению. Малочисленность Казачьей фракции в Думе вынуждала их идти на блокирование с другими парламентскими объединениями. Можно зафиксировать у казаков чёткую позицию в выборе партнёров и степени возможного компромисса.

В период работы Думы в столицу часто приезжали специальные делегаты, посылаемые казаками Дона, Кубани, Урала, Сибири и других казачьих регионов Российской империи. Станичники обращались к членам Казачьей фракции за помощью, привозили и посылали с мест наказы, петиции. В ходе думских дебатов в столицу привозили приговоры станичных сходов, посылали письма, где формулировали требования и пожелания. В парламенте Казачья фракция имела характер общеказачьего центра.

Деятельность казачьих депутатов может быть охарактеризована, с одной стороны, выступлениями депутатов в общем собрании Думы в качестве докладчиков или ораторов, с другой, – участием их в думских комиссиях. Обозначенные два критерия отчасти дополняют друг друга, так как выступления в общем собрании и участие в комиссиях не всегда пропорционально, участие в большом числе комиссий далеко не во всех случаях сопровождалось частыми выступлениями с трибуны Государственной Думы и наоборот. Характеризуя работу депутатов-казаков в Государственных Думах четырёх созывов, изучив стенографические отчёты Дум, материалы заседаний Казачьей фракции, можно сделать вывод о широком поле деятельности казаков. Они

---

[140] Караулов М. А. Письма казачьего депутата // Терские ведомости. 1912. 23 ноября.

[141] Казаки в Думе // Донская жизнь. 1912. 20 декабря.

[142] Казаки в Думе // Донская жизнь. 1913. 27 февраля.

[143] Караулов М. А. Письма казачьего депутата // Терские ведомости. 1912. 30 ноября, 19 декабря.

[144] Там же.

выступали в качестве ораторов или докладчиков на общих собраниях Думы, следили за общим ходом думских дел, знакомились с материалами, вносимыми в Думу различными ведомствами, принимали участие в их обсуждении в комиссиях и подкомиссиях. Основным средством выражения требований были запросы в адрес министров или главноуправляющих отдельными властными структурами[145]. Среди вопросов, обсуждавшихся в Думе четвёртого созыва, наиболее важными для казаков были проблемы политико-правового положения казачества как военного сословия в составе Российской империи и земельный вопрос. Большинство казачьих депутатов требовало раскрепощения казачества, выступало за облегчение материального положения казаков, уменьшения тяжести воинской повинности и за переход от централизованного бюрократического правления к «свободной демократии» на основе самоуправления казачьих областей. В то же время они выступали за сохранение казачества как самостоятельной этносословной общности. Думская работа объединяла казачьих депутатов в довольно плотную группу, которая, расходясь по политическим вопросам, была единой в защите казачьих интересов. Накануне Первой мировой войны ни один коренной вопрос казачьей жизни не был решён правительством и Думой.

Изучение деятельности казачьих депутатов в Думе четвёртого созыва позволяет сделать вывод, что наиболее плодотворная работа в годы Первой мировой войны пришлась на четвёртую сессию (июль-сентябрь 1915 г. – февраль-июнь 1916 г.). Казачьими депутатами было подписано более 50 законодательных предложений. Среди предложений, имевших общегосударственное значение, важную роль играли подписанные ими законопроекты, касающиеся организации помощи фронту и тылу.

Казачьи депутаты И. Н. Ефремов, М. А. Караулов, Е. Д. Логвинов приняли деятельное участие в образовании Прогрессивного блока, а И. Н. Ефремов даже вошёл в состав его бюро. Казаки – депутаты Государственной Думы сыграли большую роль в создании и деятельности организаций по оказанию помощи фронту. Так, казачий депутат и бессменный руководитель (в III–IV Думах) думской фракции прогрессистов И. Н. Ефремов являлся членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Оно было учреждено в 1915 г. как общегосударственное учреждение для регулирования работы военной промышленности, обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства и обеспечения армии и флота предметами боевого и материального снабжения. И. Н. Ефремов во время Первой мировой войны работал в думском отряде Красного креста на австрийском фронте, куда был командирован Думой.

Казачьи депутаты активно работали в возникших в период войны Военно-промышленных комитетах, в комитетах Всероссийского земского и городского союзов. Донской казачий депутат Ф. В. Черячукин возглавил Донокубанский комитет Всероссийского Союза Городов с филиалами во всех крупных городах региона[146]. Комитет занимался организацией госпиталей и лазаретов, снабжением их медикаментами, продовольствием, приёмом и размещением беженцев. В. А. Харламов был основателем и председателем

[145] Дулимов Е. И. Казачьи организации и их представители в Государственной Думе 1906–1914 // Учёные записки Донского юридического института. Т. 8. Р. н./Д., 1998. С. 50–51.

[146] ГАРО. Ф. 826. Оп. 2. Д. 165. Л. 13.

Доно-кубанского комитета Всероссийского земского союза, в состав которого вошли шесть местных комитетов Донской и Кубанской областей[147]. Комитет сразу же развернул активную деятельность по обустройству в Донской и Кубанской областях беженцев и эвакуированных с Юго-Западного фронта, открытию продовольственных пунктов, развёртыванию госпиталей и лазаретов, организации санитарных поездов и складов с медикаментами и перевязочными материалами. Уже через полгода после начала войны на средства Всероссийского земского комитета в Ростове был построен первый лазарет. Присутствовавший на открытии лазарета В. А. Харламов отметил, что это очень важный шаг в деле лечения прибывших с фронта раненых, предоставлении им необходимой медицинской помощи, снабжении всем необходимым[148]. К концу войны Доно-кубанский комитет Всероссийского земского союза содержал 18 500 коек на Дону и на Кубани для раненых и больных воинов с Кавказского и Юго-Западного фронтов.

В марте 1916 г. казачьи депутаты приняли участие в работе IV Всероссийского съезда Союза городов. Там В. А. Харламов выступил с резкой критикой властей, обвиняя их в борьбе с Государственной Думой и общественными организациями «в то время как вся Россия должна объединяться для победы»[149].

Казачьи депутаты зачастую являлись инициаторами создания Военно-промышленных комитетов в казачьих регионах. Они стремились сделать ВПК центрами объединения патриотически настроенных сил казачьих областей. Идея создания организованного тыла оказалась востребованной и привлекла к сотрудничеству с Военно-промышленными комитетами различные организации, биржевые комитеты, городские управы. Так, например, в качестве представителя Всероссийского земского союза Василий Акимович Харламов вошёл в состав Ростовского областного военно-промышленного комитета, учреждённого в июне 1915 г. Основой деятельности Ростовского военно-промышленного комитета являлась работа по снабжению фронта всем необходимым, включая военное снаряжение, амуницию и продовольствие. Ростовскому областному ВПК удалось объединить не только комитеты Области войска Донского, но и Военно-промышленные комитеты Северного Кавказа[150]. Участие ВПК в промышленной мобилизации и привлечение предприятий к исполнению военных заказов внесло значительный вклад в дело снабжения армии.

В начале 1916 г. была создана «Общеказачья организация», объединявшая всё российское казачество. Во главе «Общеказачьей организации» стоял депутат от Терского казачества М. А. Караулов. Большой вклад в формирование её региональных структур внесли казачьи депутаты А. П. Савватеев, К. Л. Бардиж, И. М. Гамов, Г. Л. Логвинов, В. А. Харламов, С. А. Таскин и др. Эта организация играла заметную роль в жизни всего казачества. Задачи организации были определены так: сбор пожертвований на нужды ка-

---

[147] Четвёртая Государственная Дума. Фракция партии народной свободы. «Военная сессия». Отчёт фракции. Петроград, 1916. С. 77–79.

[148] Приазовский край. 1915. 13 февраля.

[149] ГАРО. Ф. 826. Оп. 2. Д. 165. Л. 13.

[150] Отчёт о деятельности Ростовского-на-Дону областного Военно-промышленного комитета Вып. 5. Р. н./Д., 1917. С. 7.

заков-воинов; доставка пожертвований в казачьи части; ходатайства перед военным министерством и различного рода учреждениями по вопросам, относящимся к коренным интересам казаков; оказание помощи казакам и их семьям[151]. Средства организации складывались из добровольных пожертвований частных лиц, различных общественных объединений. «Общеказачья организация» располагала развитой сетью областных и региональных представителей, действующих как связующее звено между местным населением и самой организацией[152].

Анализ работы думских казачьих парламентариев в годы Первой мировой войны позволяет сделать вывод о том, что их деятельность сводилась больше к постановке общероссийских проблем, напрямую относящихся к участию России в войне. Однако совершенно ясно, что эти проблемы имели прямое отношение к интересам каждого региона России и к нуждам всех жителей казачьих областей. Большинство проблем, затрагивающих местные интересы, которые поднимали казаки – депутаты в Думе, так и остались нерешёнными. Казачьи депутаты оставили свой яркий след в истории Государственной Думы, внесли свою посильную лепту в становление и развитие российского парламентаризма.

[151] Доклад по отчёту Общеказачьей организации с 1 марта по 31 декабря 1916 года // Казачья жизнь. Еженедельник. 1917. № 1.

[152] Там же.

Л. Н. Бродовская,
Казанский федеральный университет, Россия

«Как нам обустроить послевоенную Россию»: взгляд депутата И. Годнева из воюющей страны

Первая мировая война изменила соотношение сил в России: от внешнего всенародного единства до противостояния власти и общества, нашедшего яркое отражение в полемике в Государственной Думе. Изменились и условия, в которых приходилось работать депутатам и правительству. Во-первых, в годы войны Государственная Дума не могла собираться регулярно и в итоге исполнительная власть была вынуждена прибегать к чрезвычайно-указному праву; во-вторых, в это время центр власти сместился в сторону Царского Села, и Совет министров всё больше играл техническую роль, не претендуя на самостоятельность [153].

Обострение взаимоотношений депутатов и правительства всё чаще проявлялись в сфере законотворчества. При этом министры, в большинстве своём, опасались Думы, а депутаты не испытывали симпатии к министрам, руководителям ведомств и высшим чиновникам. Но политическая ситуация вынуждала их к совместной работе, хотя часто они говорили на разных языках: руководители ведомств ставили перед депутатами конкретные, технические вопросы законотворчества, а народные избранники в своих ответах часто выходили на политические сюжеты [154].

Одним из главных защитников принципа решения всех проблем на основе закона был депутат Государственной Думы от Казанской губернии третьего и четвёртого созывов (1907–1917 г.), бывший приват-доцент Казанского университета Иван Васильевич Годнев [155]. По воспоминаниям одного из лидеров кадетской партии Владимира Набокова, «постоянно встречая его фамилию... в думских отчётах в связи... с юридическими вопросами и спорами по толкованию закона, я составил себе представление о нём как о знатоке нашего права, как о человеке, хотя, быть может, и не получившем юридического специального образования, но приобретшем соответствующие познания на практике и умеющем ориентироваться в юридических вопросах» [156].

---

[153] Соловьев К. Взаимодействие Совета министров и представительных учреждений России в годы Первой мировой войны // Российская история, 2014. № 5. С. 50–51.

[154] См.: Там же. С. 61.

[155] И. В. Годнев окончил Галичское духовное училище (1869), Нижегородскую духовную семинарию (1873), медицинский факультет Казанского университета (1878), доктор медицины (1882). В III и IV Думах входил в состав комиссии по выполнению государственной росписи доходов и расходов, с 1909 года был её председателем, также был товарищем председателя комиссии о народном здравии. С августа 1915 года – член Особого совещания для обсуждения и проведения мероприятий по перевозке топлива, продовольствия и военных грузов. Во время Февральской революции был членом Временного Комитета Государственной Думы и его комиссаром в Сенате. В марте-июле 1917 года – Государственный контролёр Временного правительства первого и второго составов: http://hrono.ru/biografIbio_g/go.

[156] Набоков В. Д. Временное правительство и большевистский переворот. London, 1988. С. 72. http://www.sakharov-center.ru/asfcd/autn?

И. В. Годнев (1854–1919 гг.), будучи выходцем из обер-офицерской среды, получил сначала духовное, а затем медицинское образование в Казанском университете. Он активно участвовал в общественной жизни губернии: являлся гласным Казанского губернского и уездного земских собраний, членом Казанской городской думы (непрерывно с 1891 по 1917 г.). Он был избран в Государственную Думу третьего и четвёртого созывов от Казанской губернии, где был членом фракции «Союза 17 октября», также входил в бюро Прогрессивного блока. В Думе он выступал в основном по бюджетным вопросам[157], вопросам «народного здравия», неоднократно привлекал внимание к фактам нарушения исполнительной властью законов и собственных постановлений и в связи с этим призывал к проведению реформ органов государственной власти.

В годы Первой мировой войны И. В. Годнева, как и многих других депутатов, волновало расширительное толкование ст. 87 Основных законов, которое, по воспоминаниям П. Н. Милюкова, «пышным цветом» расцвело при министре внутренних дел Н. Маклакове. Это означало, что «все изменения в государственном хозяйстве, вызываемые войной (и не только ею), спешно проводились решениями Совета Министров и осуществлялись царскими указами. Началось соперничество министерства с военным командованием из-за пределов власти между фронтом и тылом»[158]. «Правительство отменяло законы, изменяло, приостанавливало их и издавало новые. На этом же основании законы принимались обер-прокурором Святейшего Синода, опекунским советом, ведомством императрицы Марии, не обладающими законодательными функциями»[159].

И. В. Годнев 9 декабря 1916 г. указывал с думской трибуны, что Манифест 17 октября 1905 г. и ст. 86 Основных законов чётко определяют, что «отныне ни один закон не может быть проведён без одобрения народных представителей»[160]. Его не устраивала позиция Сената, который «по закону с 1905 года должен следить, чтобы ни один из законодательных актов, имеющих значение закона, не был распубликован, если порядок его издания не соответствует тем требованиям, которые предъявляются Основными законами к изучению законов»[161]. Годнев полагал, что, рассматривая применение ст. 87, нужно исходить не из целесообразности принятых по этой статье мер, а из законности их применения, т. к. «законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оных без всякого изменения и распространения»[162]. Он признавал, что ещё одной проблемой широкого толкования ст. 87 было то, что по отношению занятий Государственной Думы Основные законы признают «перерыв занятий» (ст. 99) и «прекращение занятий» (ст. 87). «Прекращение занятий» возникало в связи с роспуском I и II Госу-

---

[157] П. Н. Милюков отзывался о нём как о человеке, «склонном энергично защищать права Государственной Думы в области бюджета». См.: Усманова Д. Депутаты от Казанской губернии в Государственной Думе России. 1906–1917. Казань, 2006. С. 323.

[158] Милюков П. Н. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 166.

[159] Государственная Дума: Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. Заседание 14. 9 декабря 1916 г. Пг., 1917. Стб. 1003–1004.

[160] Там же. Стб. 1014.

[161] Там же. Стб. 1004.

[162] Там же. Стб. 1008.

дарственных Дум, а у III Думы в связи с истечением полномочий. Поэтому до открытия II и III Дум все мероприятия, проведённые по 87 статье, были законны, и возражать против их законности депутаты не могут. Но «во время работы Думы IV созыва правительство стало издавать в порядке ст. 87 такие меры, которые не вызывались чрезвычайными обстоятельствами и не имели никакой связи с войной». Годнев указывал: «Часть принятых мер не распубликовывались иногда по нескольку месяцев. А некоторые мероприятия были приняты буквально накануне открытия Государственной Думы, например, многомилионный законопроект, предоставляющий правительству право усилить полицию в полтора раза» [163]. В результате, делал вывод казанский депутат, «правительство стало искусственно прерывать работу Государственной Думы для проведения своих законов», что подтверждает Собрание узаконений в 1914–1916 гг., и большинство законодательных мер было принято во время перерывов работы Думы. И. Годнев подчёркивал, что работники сенатской типографии завалены «законодательной» работой в период, когда прерваны занятия законодательных учреждений [164].

В итоге, И. В. Годнев утверждал, что расширительное толкование ст. 87 приводит к тому, «что нарушаются те права, которые были предоставлены в 1906 году Основными законами всему русскому народу и депутатам Думы, которых выбрал народ и которым дал на сохранение эти права». И для восстановления нарушенных прав народа (и Государственной Думы) необходимо «отвергнуть все законопроекты без изъятия, как бы хороши они ни были, если только они проведены с нарушением требований ст. 87» [165].

Ещё одна проблема, по которой И. В. Годнев выступал в Думе, была связана с общей системой управления государством и той «дистанцией», которая отделяла верховную власть от народа и его представителей. Об этом он говорил 29 ноября 1916 г., касаясь организации продовольственного дела в России. В России, по его мнению, в период войны сложилось как бы два государственных управления – одно на фронте и в местностях, которые объявлены на военном положении, другое – во всей остальной России. И эти два управления никак не связаны между собой, «так как между фронтом и тылом стоит глухая стена». И. В. Годнев полагал, что «плохое снабжение армии продовольствием связано с тем, что положение об управлении войсками во время войны вышло только 16 июня». И делал вывод: что «при таких обстоятельствах никакой предварительной подготовки продовольственного дела не могло быть, не говоря уже о том, что правительство не могло предвидеть ту широкую постановку продовольственного дела, которое при такой громадной войне потребуется» [166].

П. Н. Милюков позднее вспоминал об этом времени, что в тылу практически «царствовал Маклаков» и «тыл был ещё менее приспособлен к ведению серьёзной и долгой войны. Не было никакой системы в заготовке продовольствия для армии и транспортировке как рекрутов, так и припасов. Перевозки были организованы плохо не только от недостаточности желез-

[163] Государственная Дума: Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. Заседание 14. 9 декабря 1916 г. Пг., 1917. Стб. 1005.

[164] Там же. Стб. 1007.

[165] Там же. Стб. 1014.

[166] Там же. Заседание 10. 29 ноября 1916 г. Стб. 538–539.

нодорожной сети, но и от неумения организовать движение по ней. Перевозки производились от случая к случаю, пробки из поездов, скопившиеся на узловых станциях, останавливали всякое движение. Вагоны приходилось сжигать или спускать под насыпь, чтобы освободить путь. В результате страдали и армия, и местное население, и пассажирское движение, и перевозка торговых грузов. Разобраться во всём этом и организовать Россию для войны правительство было не в состоянии» [167].

17 августа 1915 г., когда экономический кризис начал разрастаться, были учреждены Особые совещания и среди них было учреждено Особое совещание по продовольствию под председательством министра земледелия. Но выступая на заседании Думы 29 ноября 1916 года, И. В. Годнев заявил, что Министерство земледелия до войны вопросами организации продовольственного дела не занималось. Поэтому подготовленных кадров оно не имело, что привело к тому, что на местах уполномоченных по закупкам выбирали «из лиц случайных, состоявших либо на земской службе, либо в местной администрации, т. е. это были лица случайные, временные и зачастую работающие на других должностях» [168]. С такой оценкой Годневым работы земцев не соглашался П. Н. Милюков, который считал, что это были люди, знающие страну изнутри, знакомые с её потребностями и привыкшие их удовлетворять. И именно они принялись за дело, не дожидаясь распоряжений сверху [169].

Главное, что одновременно не была учреждена соответствующая центральная организация, которая занималась бы упорядочением продовольственного дела в стране. И поэтому кроме Особого совещания и министра земледелия вопросами продовольствия занимались и те органы, которые существовали в мирное время, например, Учреждение сельской продовольственной части империи или министерство торговли. И. В. Годнев полагал, что нужно «создавать единую исполнительную власть, которая объединила бы фронт и занималась бы не только продовольствием, но и транспортом». Рассматривая проблему создания единой исполнительной власти, И. В. Годнев констатировал, что «от продовольственного дела должен быть отстранён Совет министров, который подменяет собой Особое совещание, и Председатель Совета министров, который получил особые полномочия на основании Высочайшего утверждения от 1 июля 1916 года. Это постановление – нигде не опубликованное – давало особые полномочия по снабжению армии, флота и организации тыла, и привело к полному хаосу» [170].

В этой же связи в Думе был поставлен вопрос о Государственном контроле. Обсуждая доклад по исполнению государственной росписи доходов и расходов, И. В. Годнев поддержал проект нового закона о Государственном контроле, т. к. «сегодня Государственный контроль не имеет той полноты власти и того положения, которое он должен занимать в системе государственной

---

[167] Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 170–171.

[168] Государственная Дума: Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. Заседание 10. 29 ноября 1916 г. Стб. 542–543.

[169] Милюков П. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 171.

[170] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. Заседание 10. 29 ноября 1916 г. Стб. 543–545, 547. И. В. Годнев не раз отмечал, что не все распубликованные постановления приводятся в исполнение и наоборот реализуются нераспубликованные.

власти: он ограничен в своей деятельности по контролю за финансовыми оборотами государственных кредитных учреждений и не все чисто государственные учреждения отчитываются перед Госконтролем, также многие подконтрольные ведомства не отвечают на поданные Госконтролем запросы. В свою очередь и сам Государственный контроль годами не отвечает на запросы Государственной Думы, например, о доходах чиновников и выдаче наградных»[171]. Таким образом, слабый контроль государства не только мешал искоренять существующие недостатки, но и отрицательно влиял на развитие экономической мощи государства, что было особенно опасно в период войны.

Говоря о проблемах войны, И. В. Годнев серьёзно задумывался о послевоенном мире, размышлял о том, какой Россия выйдет из войны. По его мнению, это будущее станет зависеть и от уровня экономического развития страны, и от того, сумеет ли власть изменить образ жизни народа. Как человек государственный, с одной стороны, и «государственник», с другой, И. В. Годнев связывал с государством и с законами, которые могут быть приняты, возможность решения (или нерешения) тех или иных вопросов. Выступая докладчиком бюджетной комиссии по росписи кредитов на 1916 г., он утверждал, что будущее России во многом зависит от того, насколько правильно будет организовано Министерство торговли и промышленности и какие у него будут полномочия. Он отмечал, что за 10 лет своего существования это Министерство так и не стало независимым и «по всем вопросам, касающимся промышленности и торговли, зависит от министерств финансов, путей сообщения, внутренних дел». И именно слабостью Министерства торговли и промышленности он объяснял проблемы кредитной политики, железнодорожного строительства с привязкой к конкретной местности и слабое рабочее законодательство. И. В. Годнев был уверен, что будущее России, её независимость, богатство и процветание невозможны без сильной, развитой и устойчивой русской промышленности. Он предложил программу действий Министерства торговли и промышленности, включающую следующие основные составляющие: 1) выработка мер по содействию частной инициативе и притоку капиталов; 2) решение проблемы взаимоотношений казны и частных лиц, групп и органов самоуправления; 3) создание новых рынков – в Китае, Корее, Монголии; 4) развитие высшего профессионального технического, коммерческого и ремесленного образования; 5) передача нефтяного дела в монополию казны; 6) всемерное способствование развитию горного и нефтяного дела; 7) снижение влияния бюрократии в вопросах торговли и промышленности; 8) установление твёрдых правовых начал в рабочем вопросе и обязательное обновление законодательства, так как большинство норм торгового и биржевого устройства относятся к началу XVIII в.[172]

При этом И. В. Годнев особо выделял идею о том, что создать богатство страны возможно только в том случае, если будет создана свободная жизнь в государстве, то есть свободы будут гарантированы соответствующими законами[173]. Он ставил вопрос: что за люди будут жить в этом свободном и богатом государстве, где «закон оградит их язык и веру?»[174] Это будут люди,

[171] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Заседание 38. 17 марта 1916 г. Стб. 3526–3531.

[172] Там же. Заседание 40. 22 марта 1916 г. Стб. 3729–3736.

[173] Там же. Стб. 3733.

[174] Там же. Сессия третья. Заседание 1. 27 января 1915 г. Стб. 36.

ведущие здоровый образ жизни. И на заседании Государственной Думы 14 июня 1916 г., в разгар войны, И. В. Годнев выступил с докладом комиссии «О народном здравии». Представление важного законопроекта «Об утверждении на Руси трезвости» 14 июня 1916 г. И. В. Годнев начал с исторической справки и подчеркнул, что именно спиртное являлось важной составляющей наполнения сначала княжеской, а потом царской казны. И в итоге Россия вышла на первое место в мире по «смертности от опоя, по проценту алкоголиков, поступающих в психбольницы и проценту алкоголиков-преступников». Депутат указывал: «Если исключить младенцев из числа потребителей, то в деревне в год приходится 24 бутылки на каждого взрослого, в городах – 80 бутылок, в столицах – 140 бутылок в год». Он подчёркивал, что в итоге алкоголизм способствовал снижению умственных способностей, работоспособности населения и приводил к плохой наследственности[175]. И. В. Годнев также признавал, что жители губерний, исповедующие ислам, почти не потребляют спиртного: «Например, в Казанском уезде в той части, где живут преимущественно русские, на душу населения приходится 16 бутылок, а в той части, где большинство татары – 2 бутылки на душу». И это, по мнению депутата, результат запретов, исходящих от ислама, а вот в православии, по его мнению, нет «таких жёстких запретов» на употребление спиртного[176].

22 августа 1914 г. было опубликовано Высочайшее повеление о повсеместном прекращении в Российской империи продажи «для питьевого потребления» спирта, хлебного вина и водочных изделий. Но был ли «сухой закон» экстренной мобилизационной мерой во время войны? Борьба с массовым пьянством началась ещё в 1895 г., когда откупная система продажи питий была заменена государственной монополией на торговлю спиртным. В итоге выросли не только доходы казны (их доля превышала 1/5 государственного бюджета), но и общее количество потребляемого спиртного. Это вызвало обеспокоенность не только общественности, но и императора Николая II как поборника консервативных ценностей и народной нравственности. В стране начало формироваться антиалкогольное движение. Настаивавшего на сохранении алкогольной монополии В. Н. Коковцова сменил на посту министра финансов П. Л. Барк, предполагавший заменить «пьяные доходы» бюджета подоходным налогом[177].

Прекращение казённой винной торговли во время мобилизации являлось также заранее подготовленным шагом. Уже 17 апреля 1914 г. Министерство внутренних дел разослало по всем губерниям России секретный циркуляр, уведомляющий, что в случае начала военных действий необходимо полностью запретить торговлю водкой, а военный министр В. А. Сухомлинов в мае 1914 г. подготовил план закрытия в районах мобилизации всех питейных заведений, кроме ресторанов первого разряда. С 13 июля в России было введено в действие «Положение о подготовительном к войне периоде», а с началом мобилизации правительство ввело ограничение на продажу креп-

---

[175] Там же. Сессия четвёртая. Заседание 56. 14 июня 1916 года. Стб. 5397–5410.

[176] Там же. Стб. 5419.

[177] См.: Букалова С. В. Государственная политика трезвости в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления, 2014, № 3 (14). С. 20.

ких спиртных напитков[178]. И уже во время войны было принято Высочайшее повеление и постановление правительства относительно запрета продажи спиртного «для питьевого потребления».

Надо отметить, что осенью 1914 г. органы местного самоуправления также выступили за запрещение продажи спиртных напитков на период войны. В частности, в Казанской городской думе 23 сентября 1914 г. с таким предложением выступил сам И. В. Годнев. Несмотря на протесты и опасения ряда несогласных, что погибнут целые отрасли производства и торговли, Казанская городская дума поддержала предложение Годнева и запретила продажу и распитие спиртных напитков в черте города[179].

После принятия Высочайшего повеления ситуация начала меняться. «В исследованиях Общества извозчиков и фабрикантов Московского района указывалось, что прогулы сократились на 36%. В Воронеже на 80% уменьшилось число грабежей, на 64% сократилось число посягательств на хищение собственности»[180].

Изменилась и ситуация в Казанской губернии. В своём выступлении 27 января 1915 г. И. В. Годнев отмечал, что «в Казанском крае, как среди... русских, так и среди... и татарского, чувашского и черемисского населения, деловая жизнь с объявлением войны не только не уменьшилась, но, наоборот, она стала значительно оживлённее... Благосостояние народных масс у нас в крае значительно улучшилось, появилась трезвость, прекратилось пьянство и резко уменьшилась преступность. Все принялись за ту или иную работу... Стали пополняться сбережениями сберегательные кассы». Он сделал вывод: «Война всех как будто в крае возродила... Все надеются и ждут, что это возрождение усилится ещё больше, как только прекратится война»[181].

Но «закон – это только начало борьбы» с пьянством. «Только запретительных мер недостаточно. Всё общество должно изменить свои взгляды и привычки». Годнев предлагал: «а) поднять экономическое благосостояние трудящихся; б) улучшить гигиеническую обстановку; в) улучшить жилище, питание; г) улучшить правовое, гражданское и юридическое положение; д) устранить элементы неудовлетворённости, угнетённого состояния, которое служит причиной... употребления спиртных напитков; е) развивать народное образование и просвещение, увеличить число народных библиотек, читален, народных университетов и вообще всего, что может служить разумному развлечению народа; ж) устраивать экскурсии, музыкальные кружки и народные театры»[182], а также создать специальные организации – общества трезвости[183].

И. В. Годнев заявил, что срочно нужен закон о запрещении потребления спиртных напитков. «И он должен быть принят именно сейчас, т. к. сегодня

---

[178] См.: Букалова С. В. Указ. соч. С. 19–20.

[179] Усманова Д. Указ. соч. С. 214.

[180] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Заседание 56. 14 июня 1916 года. Стб. 5454–5455.

[181] Там же. Сессия третья. Заседание 1. 27 января 1915 года. Стб. 35–36.

[182] Усманова Д. Указ. соч. С. 215. – В начале 1915 года И. В. Годнев внёс в Казанскую городскую думу предложение об ассигновании дополнительных средств для осуществления мероприятий по поддержке и развитию культурных форм отдыха и развлечений.

[183] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Заседание 56. 14 июня 1916 г. Сб. 5455.

решается вопрос о том: быть ли России здоровой, быть ли России трезвой, быть ли России сильной, счастливой или не быть. Вопрос: пить или не пить равен вопросу: быть или не быть России сильной и счастливой страной»[184].

И. В. Годнев привлекал внимание депутатов к усилению раскола, который существовал между правительством и обществом[185]. По его мнению, ситуация в России в ноябре 1916 г. напоминала ситуацию в декабре 1611 г., когда было создано второе ополчение, овладевшее Москвой. После освобождения был созван Земский собор, избравший нового царя. В тот период «царь и Земский собор составляли единое... правительство, главной заботой которого было поддержать и укрепить восстановленный государственный порядок... Обе силы дорожили одна другой...»[186] И в 1916 г. Россию также должны спасти избранники народа, как бы заменившие собой Земский собор. Нужно, «чтобы представители народа и государственной власти вновь составили единое правительство», главной задачей которого было бы поддержание и укрепление государственного порядка, той государственной жизни, которая установлена и провозглашена Манифестом 17 октября и подкреплена Основными законами»[187]. Для решения этой задачи, по мнению И. В. Годнева, необходимо отстранить от власти то правительство, которое разделяет верховную власть, народ и его представителей. Необходимо «изменить всю систему управления, основанную на недоверии к обществу. Нужно немедленно сменить все власти, которые не пользуются доверием народа и не опираются на большинство его представителей. Без этих коренных изменений не только никакая организация продовольственного дела невозможна, но и хорошего России без этих перемен нельзя ждать»[188].

Слова депутата оказались пророческими. В условиях противостояния победили силы, которые не были настроены на конструктивную работу и призывали не к порядку и правовому государству, а звали на штурм и слом всего «старого и отжившего». И это была трагедия не только депутата Годнева, но и всей страны, которая медленно, но верно шла к созданию тоталитарного государства.

Период Первой мировой войны оказался для казанского политика И. В. Годнева весьма важным. В III Думе в 1907 году И. В. Годнев относился, скорее, к политикам «второго плана» (хотя и имел большой опыт работы в Казанском губернском и уездном земском собраниях и в Казанской городской думе), то есть он не был человеком, который бы, по мнению современников, «творил историю» и с его именем не связывали «коллективный образ прошлого»[189]. Также, по мнению кадетов, он был «скучным» докладчиком, хотя многие его выступления не раз прерывались и заканчивались аплодис-

---

[184] Там же. Стб. 5434–5436.

[185] П. Н. Милюков также отмечал, что правительство подозревает общество в революционных намерениях и вступило в открытую борьбу с ним. См.: Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. С. 168.

[186] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. Заседание 10. 29 ноября 1916 г. Стб. 552.

[187] Там же. Стб. 553.

[188] Там же. Стб. 553.

[189] Человек второго плана в истории. Выпуск 1. Ростов-на-Дону, 2004. С. 29–30.

ментами не только «справа», но и из «центра»[190]. Но он оказался одним из самых деятельных и активных депутатов (только в Думе четвёртого созыва он выступил 123 раза[191]) и серьёзным «оппонентом старого правительства»[192], особенно по экономическим и финансовым вопросам.

Работа в Думе изменила И. В. Годнева: он не только обрёл бесценный жизненный и политический опыт и, по словам В. Д. Набокова, превратился в одну из крупных политических фигур Думы[193], он также смог в годы войны и Февральской революции превратиться из человека «второго плана» в политика всероссийского масштаба. Подтверждением этого является его работа в Особом совещании, а после Февраля – во Временном комитете Государственной Думы, комиссаром в Сенате и государственным контролёром Временного правительства первого и второго созывов[194].

---

[190] Например, выступление на заседаниях 17 марта, 22 марта, 14 июня, 29 ноября 1916 года и др.

[191] Подсчитано Д. М. Усмановой. Указ. соч. С. 324.

[192] Милюков П. Н. Указ. соч. С. 267.

[193] Набоков В. Д. Указ. соч. С. 72.

[194] http://hrono. ru/biograf/bio_g/go.

М. Витухновская-Кауппала,
Хельсинкский университет, Финляндия

Финский вопрос в Государственной Думе и Временном правительстве, 1914–1917 гг. От большой «программы русификации» до проектов полного самоуправления

Так называемый «финляндский вопрос» вышел на авансцену российской внутренней политики в период правления Александра III. К этому времени присоединённое к России в 1809 г. Великое княжество Финляндское, изначально получившее ряд особых прав, уже обладало многими атрибутами государственности. У Финляндии были свой законодательный (сейм) и исполнительный (сенат) органы, решавшие вопросы экономического и общественного развития, своя валюта, таможенный барьер на границе с метрополией, своя почта и даже – с 1878 г. – свои войска. В 1880-х гг. было достигнуто господствующее положение финского языка. Экономическое развитие Финляндии продвигалось весьма быстрыми темпами, что привело к заметному росту её благосостояния.

Но как раз в этот период империей был взят курс на гомогенизацию и унификацию имперского пространства, и финляндский особый статус перестал устраивать власти. В 1898 г. генерал-губернатором Финляндии был назначен Н. И. Бобриков, итогом деятельности которого стали так называемый Февральский манифест (обнародован 3 февраля 1899 г.), сводивший роль финляндского сейма до совещательного органа, устав о воинской повинности (утверждён 29 июня 1901 г.), приведший к расформированию основных частей финляндских войск, и так называемый манифест о языке (подписан царём 7 июня 1900 г.), в соответствии с которым следовало постепенно переводить делопроизводство Великого княжества на русский язык [195].

По выражению Осмо Юссилы, «финская государственность была возвращена на миг» после подписания царём 4 ноября 1905 г. так называемого ноябрьского манифеста [196]. Принятые при Бобрикове законы были заморожены, и в дополнение к этому Финляндия получила самую радикальную в тогдашней Европе парламентскую реформу: на месте четырёхсословного представительного органа, сейма, возник однопалатный парламент, избираемый на основе всеобщего и равного избирательного права. Женщины получили право избирать и быть избранными [197]. Однако по мере угасания революции, начиная с 1907 г., «наступление на Финляндию» возобновилось. Его

[195] Период генерал-губернаторства Н. И. Бобрикова получил в финской историографии название «первый период угнетения». См.: Полвинен Т. Держава и окраина. Н И Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997.

[196] Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки: Ruslania, 2009.

[197] См.: Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998. С. 87–94.

возглавил премьер-министр П. А. Столыпин, а основной ареной борьбы его сторонников и противников во время премьерства Столыпина стала Государственная Дума[198].

Беспокойство российской власти в этот период вызывала, в частности, проявившаяся в годы революции нелояльность Финляндии, которая, по мнению властей, несла в себе угрозу имперской столице, расположенной в 35 километрах от границы с Великим княжеством. Кроме того, Финляндия, по мнению её критиков, недостаточно участвовала в экономических тяготах России (в частности, в расходах на оборону), и поэтому эксплуатировала метрополию экономически, жила и богатела за её счёт. Вызывало неудовольствие также неравноправие граждан России по сравнению с гражданами Финляндии на её территории. Наконец, раздражение вызывала резко выраженная национальная и культурная чуждость финляндцев, их демонстративное дистанцирование от империи, то, что в правой прессе определялось как гордыня, «финское зазнайство».

Дебаты по «финляндскому вопросу» проходили в III Думе трижды. Основным законодательным актом, резюмировавшим эти дискуссии, стал закон 1910 г. «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения», который стал кульминацией нового «похода на Финляндию». По этому закону права финского парламента резко ограничивались в пользу Государственной Думы и, частично, правительства Российской империи[199]. Следует упомянуть и одобренный в конце 1911 года закон об уравнении в правах русских граждан с финнами в пределах Финляндии[200].

Наконец, совсем накануне войны, в марте-июне 1914 г. в Думе прошло обсуждение вопроса об обложении пошлиной ввозимых из-за рубежа в Финляндию хлебных продуктов[201]. Суть проблемы заключалась в ограждении российского зернового экспорта в Финляндию от конкурировавшего с ним германского экспорта зерна на финский рынок. В июле пошлины были установлены вопреки мнению финляндского Сената. Эти меры носили антигерманский характер и являлись первым открытым ударом по автономии таможенного законодательства Великого княжества.

---

[198] См. об этом: Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 44–91. См. также: Витухновская М. А. «Финляндский вопрос» в Государственной Думе: спор о концепциях империи // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции / Науч. ред. А. О. Чубарьян. М., 2007. С. 406–416; Витухновская-Кауппала М. Политическая маркировка пространства Российской империи: Финляндия и Польша в думской дискуссии (1907–1912) // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917). Международная научная конференция. С.-Пб., Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сб. науч. статей / Ред. А. Б. Николаев. СПб., 2010. С. 127–141.

[199] См.: Государственная Дума. Стенографические отчёты. Третий созыв. 1910 г. Сессия третья. Часть IV. СПб., 1910. Стб. 2582. Более подробно о нормотворческой деятельности в отношении Финляндии см.: Бахтурина А. Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 237–241.

[200] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Третий созыв. 1911 г. Сессия пятая. Часть I. СПб.: Государственная типография, 1911. Стб. 781–854, 864–970, 1002–1070, 3266–3280.

[201] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1914 г. Сессия вторая. Часть III. СПб.: Государственная типография, 1914. Стб. 328–340; Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1914 г. Сессия вторая. Часть V. СПб., 1914. Стб. 374–428.

К началу Первой мировой войны были подведены итоги многолетней работы Подготовительной комиссии при Особом совещании по делам Великого княжества Финляндского под руководством статс-секретаря Н. Н. Корево. Комиссией была подготовлена обширная законодательная программа, призванная ещё сильнее привязать Финляндию к России[202]. В сентябре 1914 г. Николай II одобрил программу, но после начала войны ситуация коренным образом изменилась. Поскольку стратегическое и экономическое значение Финляндии для России возросло, вопрос о «наступлении» на Великое княжество был отложен. В Финляндии было объявлено военное положение, была усилена цензура. Финляндия прикрывала Петербург со стороны Балтики и северо-запада, поэтому на её территории, по линии Таммисаари-Порккала были созданы дополнительные укрепления. Минировалась акватория Финского залива, в Финляндии располагались российские войска[203]. Финская промышленность выполняла российские военные заказы – в этой работе была задействована третья часть всех рабочих, занятых в промышленности и строительстве.[204]

Как и в России, деятельность выборного органа Финляндии была приостановлена. Однако в январе 1916 г. правительство распорядилось о проведении новых выборов в сейм[205], которые состоялись в июле 1916 г. В этих выборах неожиданно и с большим отрывом победили социал-демократы (103 места из 200). Именно это большинство сыграло свою роль после Февральской революции[206].

Февральская революция вывела на авансцену российской истории Временный комитет Думы, а со 2 (15) марта – Временное правительство. Поскольку большинство членов его первого состава представляли либеральное крыло Думы, они почти сразу осуществили то, за что упорно боролись ранее – Великому княжеству Финляндскому были возвращены все его особые права. На заседании 7 марта был утверждён проект манифеста «об утверждении Конституции Великого княжества Финляндского и о применении её в полном объёме» [207]. Все принятые ранее акты и законы, в которых ущемлялись права финляндской автономии, были отменены[208].

---

[202] Об этой программе, которая получила в прессе название «большая программа русификации», см.: Rasila V. Vuoden 1914 venäläistämisohjelman synty // Historiallinen aikakauskirja. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1966. No 64. S.1–16; Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Учеб. пособие. Петрозаводск, 1992. С. 11–15; Юссила Осмо. Великое княжество Финляндское. С. 734–737.

[203] См. об этом: Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Учеб. пособие. Петрозаводск, 1992. С. 18–19; Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Учеб. пособие. Петрозаводск, 2008.

[204] Соломещ И. М. Указ. соч. С. 62.

[205] Так по традиции назывался парламент Финляндии.

[206] Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. С. 99.

[207] Журналы заседаний Временного правительства. В 4-х т. Том 1. Март-апрель 1917 года. / Отв. ред. тома Б. Ф. Додонов. М., 2001. С. 45.

[208] Текст акта «об учреждении конституции Великого княжества Финляндского и применении её в полном объёме» см.: Журналы заседаний Временного правительства. В 4-х т. Том 1... С. 48–49. О принятии этого акта см.: Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917–1920. Osa I. Helmikuu 1917 – toukokuu 1918. Porvoo-Helsinki: Werner Söderström osakeyhtiö, 1967. S. 25–26.

7 марта была полностью заменена административная верхушка российской власти в Финляндии: финляндским генерал-губернатором был назначен октябрист Михаил Александрович Стахович, а его помощником – барон Сергей Александрович Корф[209]. Месяцем позже, 26 марта (8 апреля), министром статс-секретарём Великого княжества был назначен инженер Карл Иоганн Алексис Энкель[210]. Воспоминания Энкеля, впоследствии неоднократно занимавшего должность министра иностранных дел Финляндии, являются одним из важнейших источников для анализа финско-российских отношений с апреля по декабрь 1917 г.[211]

Через несколько дней после своего назначения, 12 апреля[212], Энкель отправился из Петрограда в Хельсинки; в одном вагоне с ним ехал Керенский, который собирался посетить своего врача (незадолго до этого ему сделали в Кауниайнене[213] операцию на почках[214]). За день до этого торжественно открылась сессия финского парламента, и Энкель дал Керенскому прочесть речь, которую произнёс генерал-губернатор от лица Временного правительства, и ответную речь председателя парламента. Керенский разгневался: «Здесь же нет благодарности Временному правительству за то, что оно сделало на благо Финляндии! Я собирался завтра сам отправиться в парламент, но теперь об этом нет и разговора». Ушёл и заперся в своём спальном отделении.

На следующее утро Энкель осторожно вернулся к этому вопросу, посоветовав Керенскому посетить парламент, т. к. Финляндия относится к Керенскому с большой симпатией, и хотя его визит и приватный, от него многого ждут. Уговоры министра статс-секретаря подействовали, и, как пишет Энкель, Керенский сделал всё возможное, чтобы завоевать народные симпатии в Финляндии. Он посетил парламент, где обнимал главу сената Токоя, поцеловал двух депутаток-социалисток, а также возложил букет к памятнику поэта Йохана Людвига Рунеберга. Тем не менее, при посещении парламента Керенский объявил Токою, что предложения сената содержат требования, которые Временное правительство не может одобрить[215].

Этот инцидент можно считать прелюдией к дальнейшему, всё нараставшему противостоянию между Временным правительством и представителями Финляндии. Его суть состояла в следующем: министры Временного правительства были уверены, что Финляндия должна полностью удовлетвориться возвращением «до-бобриковских» законов, а большая часть финской

[209] Polvinen T. S. 24.

[210] SK (Suomen kansallisarkisto – Национальный архив Финляндии), Valtiosihteerin virasto (Канцелярия министра статс-секретаря), 198/1917.

[211] Enckell C. Poliittiset muistelmani. Osa I. Porvoo-Helsinki: Werner Söderström osakeyhtiö, 1956. Помимо изданных воспоминаний в распоряжении исследователей находятся несколько более ранних (1920–30-х годов) интервью Карла Энкеля. – SK, Carl Enckellin kokoelma (коллекция Карла Энкеля), kotelo 28 (коробка 28).

[212] Финляндия жила по грегорианскому календарю.

[213] Кауниайнен (швед. Grankulla) – город (в 1917 году посёлок) в Финляндии, расположенный в 15 километрах от Хельсинки.

[214] См. об этом: Huuska V. Kerenski ja Suomi – Venäjän kumoushomma 95 vuotta sitten. – Режим доступа: http://veikkohuuska.puheenvuoro.uusisuomi.fi/125468-kerenski-ja-suomi-venajan-kumoushomma-95-vuotta-sitten (дата обращения: 15.12.2014).

[215] Enckell C. Poliittiset muistelmani. S. 72–73.

элиты была с этим не согласна. Финские правоведы считали, что Временное правительство не могло заменить царя в качестве носителя высшей власти в Великом княжестве, ибо это противоречило концепции отдельной финской государственности и т. н. «теории персональной унии».

История формирования в среде финских интеллектуалов концепции финской государственности подробно показана в монографии Осмо Юссилы[216]. Смысл её сводился к тому, что Финляндия является особым государством, связанным с Россией союзными отношениями. Единственной связкой между ними выступает царь, являющийся Великим князем Финляндским. Эта теория имела огромное значение для формирования финской национальной идентичности, однако она же усилила и идейно-политическое противостояние между метрополией и Великим княжеством. После Февральской революции в глазах сторонников этой теории её центральное звено – Великий князь Финляндский – исчезло. Следовало, таким образом, заново строить отношения с метрополией, требуя делегировать финским органам власти всё больше прав.

По сути дела, весь период правления Временного правительства шло как бы перетягивание каната в финском вопросе – финляндцы добивались всё большего самоуправления, а Временное правительство стремилось удержать статус-кво. При этом и политический класс самой Финляндии не был в этом вопросе единым – споры шли вокруг желаемой степени обособления от России. Одни представители финской элиты (главным образом, представители буржуазных партий, т. н. старофинны и младофинны) считали, что у России следует требовать некоторой компенсации, а именно усиления самоуправления. Более радикальными были социал-демократы, настаивавшие на том, что Финляндии следует требовать назначения своего главы государства, который решал бы все вопросы её внутренней политики. Они требовали также международных гарантий особого статуса Финляндии, и были согласны делегировать России лишь вопросы внешней политики[217].

Финляндцы начали действовать незамедлительно. 14 апреля Карл Энкель посетил министра иностранных дел П. Н. Милюкова с целью обсудить с ним т. н. законопроект Антти Туленхеймо (руководителя юридического департамента сената) о передаче части властных полномочий от Временного правительства сенату Финляндии. Законопроект отличался относительно умеренным характером: всё, что касалось общегосударственных дел («интересов России») и сессий парламента оставалось бы в ведении Временного правительства, у русской власти оставалось бы и право разгона финского парламента. Однако большая часть экономических решений была бы передана хозяйственному департаменту сената (после предварительного заключения генерал-губернатора).

Однако и столь умеренный проект вызвал полное несогласие Милюкова. Тот принял Энкеля холодно и заявил, что он против расширения прав Финляндии. «Мы дали вам в Манифесте все права, которыми вы должны обладать, – говорил Милюков, – а теперь вы требуете большего. <...> У Временного правительства нет никаких прав изменять что-либо, это прерогатива Учредительного собрания. Мы должны сохранить

[216] Юссила О. Великое княжество Финляндское. С. 288–311.

[217] Ibid., S. 748–749.

Россию в том же виде, в котором она была, когда император отрёкся от власти» [218].

В своих воспоминаниях Энкель характеризует особенности в отношении некоторых членов Временного правительства к «финскому вопросу». Милюков, несмотря на свой статус защитника Финляндии, был, как видим, настроен жёстко. А. И. Гучков заявлял, что принципом взаимоотношений с Финляндией должно быть «ничего бесплатно», то есть Финляндии следует платить за справедливое решение русской властью финляндского вопроса. Г. Е. Львову «финский вопрос» был совершенно незнаком, он не высказывал своего мнения, а только просил финских юристов сформировать консолидированную позицию [219]. Именно Львов пообещал 23 апреля прибывшим в Петроград сенаторам Оскари Токою, Эмилю Сетяля и Антти Туленхеймо, что правительство рассмотрит предложения финнов. Однако пока рассматривался этот умеренный проект, в России назрели изменения. Разразился правительственный кризис, в результате которого состав правительства поменялся.

Обнадёженные сменой правительства, 23 мая в Петербург внезапно прибыли социал-демократ Токой и председатель конституционной комиссии парламента Юрьё Мякелин, которые попросили Энкеля срочно организовать их встречу со Львовым. На этой встрече Токой в агрессивном тоне выразил неудовольствие тем, что правительство до сих пор не дало ответа по поводу законопроекта, а также передал Львову более радикальные предложения социал-демократов. Львов, внешне спокойный, был возмущён. Возмущён, впрочем, был и коллега Токоя, депутат от партии старофиннов Туленхеймо, оценивший деятельность социал-демократов как провокационную [220].

Социал-демократы попытались заручиться поддержкой Советов. Делегация СДП Финляндии прибыла на первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший в Петрограде с 3 (16) июня по 24 июня (7 июля) 1917 года [221]. Финны рассчитывали на поддержку большевиков, которые ещё на своей апрельской конференции осудили финскую политику Временного правительства [222]. Однако большевики на съезде Советов оказались в меньшинстве (13,5%), а в глазах умеренных руководителей съезда, меньшевиков и эсеров, программа независимости Финляндии выглядела слишком радикальной. Финские делегаты, таким образом, опять не получили желаемого.

Финские социал-демократы продолжали надеяться на победу большевиков во внутрироссийской политической борьбе. Во время июльского кризиса им показалось, что момент настал. 5 (18) июля, когда восстание в Петрограде было в разгаре, сейм одобрил (136 голосов «за» и 55 «против») социал-демократический проект «закона о верховной власти», суть которо-

---

[218] Insinööri C. Enckellin kertomus huhtikuun 9–11 p: nä 1929 (Рассказ инженера Карла Энкеля 9–11 апреля 1929 г.). – SK, Carl Enckellin kokoelma, kotelo 28.

[219] Enckell C. Poliittiset muistelmani. S. 74–75.

[220] Insinööri C. Enckellin kertomus huhtikuun 9–11 p: nä 1929.

[221] Polvinen T. S. 73; Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosiaalidemokraatit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Tammi, 1987. S. 151–160.

[222] Ленин В. И. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Резолюция по национальному вопросу // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 31, М., 1969. С. 439.

го сводилась к тому, что верховная власть переходит от Временного правительства к парламенту Финляндии. Сейм принял также решение, что «закон о верховной власти» не будет направлен на утверждение Временному правительству. На исход голосования повлияло ложное сообщение Оскари Токоя о том, что Временное правительство пало.

Энкель предполагал, что в планы социал-демократов входило, дождавшись окончательной победы большевиков в Петербурге, организовать восстание в Финляндии с целью отсоединения от России[223]. Однако ситуация развивалась в противоположном направлении: 24 июля (6 августа) было сформировано второе коалиционное правительство, председателем которого стал Керенский, решительно державшийся линии сохранения status quo в финском вопросе. Он в тот же день вызвал к себе Энкеля и излил на него весь свой гнев. Керенский, как вспоминает Энкель, принял его в морском министерстве, стоя в центре зала в военном мундире и держа одну руку за спиной, в позе Наполеона. Он произнёс: «Что это вы, финны, творите? Вы объявили независимость, говорите, что вы свободны от России, не хотите одалживать нам денег. Хотите ли вы привести дело к тому, что Россия начнёт военные действия против вас и закроет между нами границу?»[224].

Было принято решение распустить парламент Финляндии и назначить новые выборы. 30 июля (12 августа) Стахович, по предложению Керенского, пригласил Токоя и председателя парламента Куллерво Маннера и сообщил им об угрозе вооружённой оккупации Финляндии русскими войсками, повторяя угрозу Керенского[225]. На следующий день, 31 июля, С. А. Корф прибыл в Петроград с манифестом о роспуске парламента. В знак протеста основная часть социал-демократов вышла из сената[226].

Однако по мере ослабления позиций Временного правительства, а особенно после начала выступления Корнилова, возросли опасения сената, что в России усиливается угроза установления диктатуры. Предварительно договорившись через Энкеля с Керенским, сенат решил подготовить открытое письмо о расширении его полномочий. 30 августа (12 сентября), когда войска Корнилова были на подступах к Петрограду, Керенский подписал это открытое письмо, которое незамедлительно было опубликовано в Хельсинки[227]. В письме говорилось «о передаче сенату Финляндии некоторых дел на окончательное разрешение». Фактически это было осуществление не принятого ранее закона Туленхеймо. Это письмо сохраняло в Финляндии силу закона, пока в стране существовала монархическая система правления, то есть до июля 1919 г.[228].

2 (15) – 3 (16) октября прошли консультации между конституционным комитетом Стольберга[229] и юридической совещательной комиссией

[223] Enckell C. S. 88.

[224] Ibid. S. 89–90.

[225] Ibid. S. 92–93.

[226] Polvinen T. S. 96.

[227] Enckell C. S. 100–101; Polvinen T. S. 97.

[228] Polvinen T. S. 97.

[229] Конституционный комитет под руководством правоведа Карло Юхо Стольберга был создан сенатом 31 марта; ему было поручено разработать положения о форме правления и взаимоотношениях с Россией. О его деятельности см., в частности: Юссила О. С. 751–770.

Временного правительства[230]. Обсуждались предложения Комитета по новой конституции и т. н. государственному акту, в котором определялся характер отношений между Финляндией и Россией. Как отмечает Осмо Юссила, законопроекты, предложенные комитетом, «вобрали в себя все те надежды и мечтания, которые лелеяли конституционалистские круги Финляндии...»[231] В них в завуалированном виде предлагалось фактически узаконить статус Финляндии как отдельного государства. Отмечалось, например, что Финляндия является республикой, что законодательную власть должны осуществлять парламент и государственный совет. В предложениях Комитета отсутствовала фигура генерал-губернатора, но появилась должность регента, который временно принял бы на себя права Великого князя. Ему принадлежало бы право окончательного утверждения законов Финляндии. Присутствие России обозначалось фигурой министра статс-секретаря, который должен был бы, по сути, являться послом Финляндии в России. Самоуправление Великого княжества должно было стать почти абсолютным, к компетенции российской власти следовало отнести лишь вопросы обороны и внешней политики. Однако и во внешнеполитических вопросах роль Финляндии значительно усиливалась, особенно в делах, касавшихся только её.

На предложения комитета Стольберга дал своё заключение генерал-губернатор Н. В. Некрасов[232]. Он подчеркнул, что проект должен, прежде всего, пройти рассмотрение российской верховной власти. Некрасов считал, что представителем России в Финляндии должен быть «верховный комиссар». Финляндия должна финансировать российские войска, находящиеся на её территории. Некрасов настаивал и на том, чтобы утверждение принятых сеймом законов осуществлялось российской властью. Фактически Некрасов стремился отстоять хотя бы часть из российских прерогатив, признавая невозможность сохранения пресловутого status quo[233].

5 ноября предложения комитета Стольберга были представлены Временному правительству. Энкель так вспоминает об этом: «На заседании царила нервозная атмосфера, оно то и дело прерывалось, когда председателя просили выйти, чтобы принять очередную делегацию, явившуюся в связи с подготавливавшимся большевиками мятежом. Юридический комитет высказал целый ряд соображений по внесению изменений. <...> Я был против изменений, однако правительство приняло их без обсуждения. В одном из пунктов этих изменений упоминался носитель верховной власти, однако особо не уточнялось, что имеется в виду власть российская. Когда я указал на эту неточность, А. Ф. Керенский, вспылив, воскликнул: “В Финляндии нет другого носителя верховной исполнительной власти“. Услышав, что в законопроекте шла речь о президенте Финляндии, он сразу уступил»[234]. Как видим, совсем накануне октябрьского переворота финны добились почти всех тех особых прав, за которые они так упорно сражались после падения монархии. Законопроект с поправками был принят, но ввести его в силу по понятным причинам не успели.

---

[230] Polvinen T. S. 98.

[231] Юссила О. С. 753.

[232] Министр Временного правительства Николай Виссарионович Некрасов был назначен генерал-губернатором Финляндии 5 (17) сентября 1917 г.

[233] Юссила О. С. 759–560; Enckell C. S. 107–114.

[234] Enckell C. S. 113–114.

Сразу после октябрьского переворота события развивались стремительно. 15 ноября финский парламент объявил себя носителем верховной власти, постановив отделить Финляндию от России. 27 ноября был назначен т. н. «сенат независимости» под руководством Пера Эдвина Свинхувуда. Однако от решительных действий финнов на первых порах удерживали боязнь дислоцированных в Финляндии российских войск и боязнь остаться без российского зерна. Тем не менее, полная неясность ситуации в России, а также нарастание напряжённости в самой Финляндии[235] вызывали ещё бóльшие опасения, – и в конце ноября сенат пришёл к выводу о необходимости срочного объявления независимости. 4 декабря Свинхувуд зачитал в парламенте объявление сената о том, что Финляндия взяла свою судьбу в свои руки, и правительство обращается к другим государствам с просьбой о признании. 6 декабря парламент 100 голосами против 88-ми принял Декларацию независимости Финляндии. Однако скандинавские страны, Германия, Франция, Великобритания и США отказались признать независимость Финляндии прежде, чем её признает Россия[236].

27 декабря представители социал-демократической партии Эдвард Гюллинг, Куллерво Маннер и Карл Виик встретились с Владимиром Лениным, который, выразив удивление, что рабочие Финляндии ещё не совершили революции, обещал поддержку. 28 декабря Карл Энкель, должность которого называлась уже «представитель Финского сената в России», и доктор Карл Густав Идман прибыли в Петроград, где в Смольном встретились с Лениным. Тот сказал им: «Дело очень простое. Ваше правительство напишет нам письмо, на которое мы сразу ответим».

30 декабря 1917 г. в Петроград прибыла делегация, состоявшая из Энкеля, Свинхувуда и Идмана. Энкель вспоминает, что большевики в тот день устроили какую-то большую демонстрацию, и в связи с этим граждане прятались по домам и улицы города были пусты. Финские представители не могли даже найти извозчика на Финляндском вокзале, и полпути прошли пешком. На следующий день делегация отправилась в Смольный с двумя экземплярами отношения, адресованного правительству России. Однако в Смольном выяснилось, что обращение в письме следовало изменить на «Совету Народных Комиссаров». Впопыхах перепечатали название (оставив, однако, в тексте формулу «правительство России»), и вновь доставили бумагу в Смольный, где должны были ждать её утверждения на заседании Совнаркома. Энкель живо описывает наполненную папиросным дымом комнату, многочисленных посетителей, работников Смольного, сновавших взад и вперёд по просторному залу. Финские посланники нервничали, но в 11 часов вечера бумага была подписана. Финляндия получила независимость. По просьбе финнов к ним вышел Ленин, который сердечно пожал всем троим руки и шутливо спросил: «Теперь вы довольны?». Свинхвуд воскликнул: «Да, да!» Произошла короткая беседа, и, попрощавшись, Свинхувуд отправился с драгоценным документом домой, в Финляндию[237]. 4 января 1918 г. независимость Финляндии была уже признана Францией и Швецией.

---

[235] С 14 ноября в Финляндии началась всеобщая забастовка, продолжавшаяся пять дней и донельзя накалившая атмосферу в стране.

[236] Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. С. 110–111; Enckell C. S. 153; Polvinen T. S. 164–165.

[237] Enckell Carl. S. 170–174.

И. Е. Воронкова,
Орловский государственный институт экономики и торговли, Россия

Думские дебаты о международных отношениях и приоритетах внешней политики Российской империи начала XX в.

Вопросы внешней политики Российской империи к началу XX в. были традиционно довольно закрытой сферой для обсуждения общественностью. Определённый сдвиг в этом направлении произошёл после начала русско-японской войны и позорного, во многом неожиданного, поражения России в войне с Японией, когда в печатных изданиях различного толка стали публиковаться первые, пока не систематизированные заметки о внешней политике государства. С появлением в политической жизни России Государственной Думы ситуация существенным образом изменилась, поскольку последняя получила право обращаться к министрам с запросами по смете Министерства иностранных дел, законопроектам, возникшим из обязательств, принятых Россией по заключённым международным договорам, утверждать ежегодные ассигнования на МИД и на открытие новых учреждений министерства за границей. Ограничивая допуск общественности в сферу внешнеполитических сношений государства, Николай II в 1906 г. отказал Думе в праве рассмотрения некоторых международных договоров и соглашений до их ратификации царём. Однако в 1907 г., признав нежелательным отклонять депутатские запросы ссылкой на 12 и 13 статьи, он разрешил министру иностранных дел «отвечать на обращённые к нему запросы и давать соответствующие разъяснения Государственной Думе», предварительно «испрашивая каждый раз всемилостивейших указаний Его императорского величества»[238]. Инициатива данной новации, несмотря на протестное мнение многих мидовских работников, исходила от министра иностранных дел А. П. Извольского и вызвана она была двумя причинами – объективной, т. е. необходимостью получать одобрение Думы на различного рода проекты, и субъективной – европейски ориентированный Извольский был заинтересован в создании определённого имиджа России (и собственного) в Европе.

Сразу оговоримся, ключевыми словами в разрешении Николая II были «разъяснение» и «испрашивание», т. е. речь ни в коей мере не шла о том, чтобы представители МИД присутствовали и выступали в Думе на постоянной основе, а думцы активно обсуждали внешнеполитический курс правительства. Однако появление Извольского на трибуне Государственной Думы в 1908 г. по причине рассмотрения законопроекта о преобразовании русской дипломатической миссии в Токио в посольство и его обсуждения депутатами вызвало определённые отклики думцев, которые имели соответствующую программатике их партий идеологическую окраску.

---

[238] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 207. Лл. 1–3.

Ещё один важный момент – далеко не все представители парламента считали возможным обсуждение вопросов внешней политики в заседаниях Государственной Думы, что предопределило частотность, содержательность и объём выступлений последних. Явными лидерами по «иностранным речам» были кадеты, в частности П. Н. Милюков, который был уверен в том, что, во-первых, обмен мнениями с парламентом не может навредить общему делу обеспечения национальных интересов, а во-вторых, при обращении за новыми средствами те, у кого просят денег, «имеют некоторое право знать, для чего и на каком основании обращаются к ним с этой просьбой» [239]. Следующими по активности шли представители Правой фракции – Пуришкевич В. М., Бобринский В. А., Марков 2-й (Марков Н. Е.) и др., далее – левый сектор Думы в лице Чхеидзе Н. С., Чхенкели А. И. До исключения из фракции социал-демократов за поддержку проекта строительства Амурской железной дороги Чиликин Ф. Н. Принимали участие в думских прениях по внешней политике и представители Мусульманской фракции Максудов С. Н., Джафаров М.-Ю., от фракции националистов – Крупенский П. Н.

Примыкающий к этому моменту аспект – временные рамки «вхождения» депутатов в сферу обсуждения вопросов внешнеполитического курса государства. Активность либерального сектора сохранялась на протяжении всего периода работы Государственной Думы, периодически брали слово для клеймения «реакционнейших затей дипломатии» за пределами России социал-демократы, рост активности Правой фракции отмечается после 1912 г. Данному факту есть соответствующее объяснение – если либералам, в частности кадетам, было что сказать Думе, поскольку, не отказываясь от имперских амбиций на международной арене, они систематически анализировали различные аспекты внешней политики государства и состояния международных отношений, пытаясь наполнить новым содержанием понятие «Империя», то для правых приоритетной задачей являлось поддержание официального курса. Для левых, – критика этого курса с классовых позиций, что не требовало постоянной и весьма затруднительной работы по «выуживанию», систематизации и последующему анализу материалов по проблемам внешней политики. Это и сказалось, в конечном итоге, на факте наличия или отсутствия у политических партий более или менее системных взглядов по указанному вопросу, которые позволили бы их представителям презентабельно говорить о мировой политике, международных отношениях и приоритетных направлениях внешней политики Российской империи.

В силу сказанного, наиболее полными и соответствующими реалиям начала XX в. представлениями о системе международных отношений, наметившихся и только намечающихся «узлах» межгосударственных противоречий, стратегии и тактики внешнеполитического поведения России на мировой арене, обладала Партия конституционных демократов, её представители в стенах Государственной Думы указывали, что возникновение блоковой системы в Европе, имея в виду Тройственный союз и Тройственное соглашение, стало следствием сложившихся в 70-х гг. XIX в. франко-германского, австро-русского, балканского узлов противоречий, а в 1890-х гг. и англо-германского узла, в оценках кадетов наиболее важного, ложившегося в ос-

[239] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Третий созыв. Сессия четвёртая. СПб, 1911. Стб. 3302–3329.

нову всех мировых отношений. Выбор России в пользу Тройственного соглашения был, по мнению кадетов, предопределён рядом факторов внешнего порядка. По Дальнему Востоку: именно Англия и Франция демонстрировали России своё стремление содействовать нормализации русско-японских отношений, в то время как Германия очевидно желала удалить Россию с Балкан и Ближнего Востока. На Среднем Востоке, в условиях приблизительного равенства положений Англии и России, у них обозначился общий противник – Германия, получившая в своё время турецкую концессию на строительство Багдадской железной дороги, могущей открыть ей путь через Австро-Венгрию, Балканский полуостров и Малую Азию к Персидскому заливу, что не устраивало обе вышеуказанные стороны. На Балканах и Ближнем Востоке явная экономическая и политическая экспансия Австро-Венгрии и Германии, противоречащая российским интересам, безусловно, толкала Россию в пусть и ненадёжные, особенно по вопросу проливов (Босфор и Дарданеллы), объятия Англии и Франции.

Но, как справедливо замечал лидер партии Милюков, блоковая система, призванная внести некоторый порядок в межгосударственные отношения и оцениваемая кадетами как «шаг вперёд в организации европейского мира», [240] изначально несла в себе дестабилизирующие мировую ситуацию элементы, названия которым – локальные межгосударственные конфликты с угрозой их перерастания в конфликт мировой и гонка вооружений, поскольку державы-союзницы рассчитывали на поддержку своих планов и действий членами блока. Ценность «дипломатических бумаг» в условиях борьбы за сферы влияния снижалась, а весомость аргументов «бронированного кулака» значительно повышалась.

Отметим, что вскользь вопрос о причинах гонки вооружений поднимался на майском 1914 г. заседании Государственной Думы социал-демократом А. Чхенкели, который увидел истоки этой гонки в тревоге иностранных государств по поводу Балканских войн и в «поисках всё новых и новых рынков и беспощадной конкуренции на этой почве между правительствами великих держав» [241].

Стоит сказать, что, несмотря на признание кадетами «бешеной скачки вооружений», они, вплоть до начала Балканских войн, ещё питали иллюзии «о мире во всём мире», но, оценили поражение Турции в Первой балканской войне как нарушение равновесия в Европе, которое подтолкнуло Германию к наращиванию военной мощи, а Англию сподвигло вернуться на позиции арбитра, чтобы, с одной стороны, «создать новую дополнительную гарантию против риска» [242]. Поскольку «чем бы ни кончилась война, победой Германии или России, европейское равновесие было бы подорвано. Германская гегемония в Европе или русская гегемония – не только в Европе, но и в Азии, – одинаково невыносимы для Англии. Ей пришлось бы опять напрягать силы...» [243], а с другой – остаться в стороне в случае континентальной войны. Многие депутаты пришли к пониманию хрупкости мира и необходимости России вос-

[240] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Стб. 349.

[241] Там же. Стб. 405.

[242] Там же. Стб. 371.

[243] Речь. 17 (30) 01. 1913.

станавливать свою военную мощь, не полагаясь на союзников, с которыми она была связана фактически частными соглашениями 1904 и 1907 гг., а также взять на вооружение политику не «колебания», но «балансирования» соответственно своим интересам на международной арене.

Ещё в 1912 г. либералы стали говорить о фатальности столкновения Германии и Англии в борьбе за мировое господство, в которое, помимо своей воли, Россия будет неизбежно втянута. К 1914 г., отмечая принципиальный отказ Германии от политики «миролюбия», поскольку к проблеме всеобщего мира она проявляла «наибольшую косность и скупость»,[244] продолжая «играть с огнём», «возбуждать национальные страсти»[245] и наращивать вооружения, кадеты призывали озаботиться укреплением дружественных отношений с Францией и Англией и были весьма категоричны относительно любых попыток сближения с Германией.

Качественно иной взгляд на сложившуюся в Европе блоковую систему и тенденции развития мировой политики имели представители Правой фракции. Отталкиваясь от речи Маркова 2-го, произнесённой в мае 1914 г. на заседании Государственной Думы (одобряемой лидером Пуришкевичем), можно сделать выводы о германофильском настрое правых. Как ранее Пуришкевич призывал не забывать о 100-летней русско-германской дружбе, так и Марков 2-й ставил вопрос о возможности изменить существующие группировки – «если не сразу, то постепенно». «Действительно ли, – заявлял Марков 2-й, – между Россией и Германией имеются такие неизбежные конфликты, которые нельзя обойти, и что нам делить с Германией и в чём Германия нам мешает и мы мешаем Германии?»[246]. Главный довод в пользу такой позиции – вопрос о проливах, в которые, по мнению Маркова 2-го, Россию не пускают именно Англия и Франция, но никак не Германия. Отсюда и вывод – поддерживая в целом правильную работу МИД, поставить под сомнение саму основу политики, т.е. «вот ту группировку Тройственного согласия, идущего против Тройственного союза». «Я думаю, – говорил Марков 2-й, – ... что лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией; это будет проще, и здесь, мне кажется, мы гораздо легче можем договориться. У нас нет причин для войны, нужна война между Францией и Германией, нужна война между Англией и Германией, да, но между Россией и Германией война не нужна ни для России, ни для Германии, это очевидно»[247]. В заключение Марков 2-й «поставил задачу» русским дипломатам – отыскать пути к заключению соглашения с Германией, перестав вести «донкихотскую» политику славянофильства.

Великая война 1914 г. опровергла надежды правых и полностью подтвердила прогнозы либералов. Патриотичные призывы ведения войны до победного конца с одной великой целью «отразить жестокого, неумолимого, сильного врага, очистить территорию нашу от него и этого врага навсегда окончательно сокрушить» раздавались в Государственной Думе на протяжении 1914–1916 гг., правда, со стороны и правых, и либералов несколько сме-

[244] Речь. 27.07 (9.08) 1910.

[245] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Стб. 373.

[246] Там же. Стб. 430.

[247] Там же. Стб. 431.

стились акценты. Первые, призывая к поиску путей выхода из тяжёлого положения и единения, обвиняли Государственную Думу и Государственный совет в увлечении пацифизмом, борьбе с идеей войны и неумением предотвратить последнюю. Вторые указывали, что тезис о доведении войны до победного конца имеет ключевое значение, что связано, во-первых, с необходимостью обезвредить, а затем призвать к ответственности Германию, которая, выбрав силовой вариант разрешения спора, вовлекла мир в войну, уже принёсшую человечеству многочисленные жертвы; во-вторых, с важностью возвращения малым народностям и второстепенным государствам – Бельгии, Сербии, Польше и армянам – того, «чего они лишились, когда встали вместе с нами на стороне права, на стороне цивилизации»; в-третьих, с осуществлением собственной важнейшей национальной задачи, суть которой – в получении выхода к свободному морю[248]. И только социал-демократы на январском заседании 1915 г. произнесли тезис о мире без аннексий, мире почётном, мире без всяких завоеваний, который связан с задачей внутреннего раскрепощения страны.

По вопросу о приоритетности направлений внешней политики Российской империи в понимании представителей различных фракций думцев, несколько нарушая хронологию поступления вопросов внешней политики в Государственную Думу, отметим, что ключевым направлением, безусловно, являлось европейское. Но для правых актуальной была ориентация на Германию, для либералов – на Францию и Англию. Вторым по значимости стояло балканско-ближневосточное направление, с развитием взглядов на которое связано два ключевых события – аннексия Австро-Венгерской империей Боснии и Герцеговины, а также Балканские войны. Наиболее активными в обсуждении первого были кадеты, мнение которых в данном случае было практически созвучно мнению МИД России – созыв конференции по вопросу аннексии, пересмотр на ней Берлинского трактата с учётом компенсаций для балканских государств и без рассмотрения вопроса о проливах для России, усиление положения славянских государств на полуострове путём создания союза с привлечением Турции.

Союз балканских государств и Турции, считали либералы, мог стать весомой составляющей в борьбе с австро-германизмом и значительно ускорить достижение целей внешней политики России на Балканах и Ближнем Востоке. Сквозь призму балканской политики рассматривался либералами и вопрос о проливах. Так, Милюков, выступая в Думе 14 апреля 1912 г., заметил, что для Ближнего Востока есть два варианта развития событий: достижение автономии ряда областей Турции с последующим созданием Балканской Федерации или, в случае неудачи данного предприятия – раздел Турции. В первом случае, в интересах России можно было бы взять под свой контроль процесс осуществления идеала балканской федерации, исключив возможность участия в нём другого государства. Во-втором, Россия должна была «стоять на сохранении целости турецких областей»[249], поскольку проливы Босфор и Дарданеллы в руках ослабленной Турции – гораздо выгоднее, чем они же в руках какой-либо великой державы.

---

[248] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг, 1916. Стб. 3242–3243.

[249] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Третий созыв. Сессия пятая. СПб, 1912. Стб. 2231.

Кадеты не могли оценить однозначно результаты Балканских войн, поскольку положительные результаты зачастую перекрывались отрицательным следствием. Так, усиление Сербии как форпоста российского влияния на Балканах сопровождалось растущим антагонизмом последней с Болгарией и чувством недоверия к России. «Потеряв» Болгарию, которая связала все свои неудачи с позицией России, последняя «приобрела» Румынию, но твёрдой уверенности в её позиции, как в своё время и болгарской, не имелось. Что касается Турции, то здесь результат в целом соответствовал чаяниям либералов: ослабленная, она всё же сохранила в своих руках контроль над проливами. Европейские блоки остались по составу в неизменном виде, но если в Тройственном союзе Германия неоднократно подтверждала верность своим союзническим обязательствам Австро-Венгрии, то в Антанте тень сомнения в общности интересов на Балканах и Ближнем Востоке обрела более чёткие очертания.

Для кадетов эти результаты были очевидны, и в своём анализе событий они пытались выстроить перспективу дальнейшего развития балканской истории. Коль скоро Бухарестский мир был «больным», следовало ожидать попыток его пересмотра «новыми дружескими или кровавыми усилиями его участников»[250] – очаги напряжённости либералы видели в Македонии и Болгарии. Первая вряд ли могла «отказаться от права на жизнь», вторая – сохраняла территориальные претензии к Сербии. Предвидя грядущие осложнения, кадеты затруднялись дать ответ на вопрос о том, какую роль будет играть в них Россия, ведь войны 1912–1913 гг. показали, что главными действующими лицами на Балканах стали сами балканские страны, – объединяясь в союз, они преследовали, прежде всего, свою цель – уничтожение турецкого господства.

Идею налаживания дружественных отношений с Турцией поддержал и развил представитель Мусульманской фракции Джафаров, который исходил из того, что надежды создать противовес Австро-Венгрии в лице балканского союза рухнули и потому теперь в интересах России сближение с Турцией, из которого она «извлечёт немало выгод не только во время международных отношений, но и в мирное время»[251], хотя надеяться на решение вопроса о проливах – это несбыточная задача.

Бурно отреагировали на внешнеполитические выступления Милюкова правые. Марков 2-й обвинил последнего в «крайней международности, космополитизме», даже профессорская степень лидера кадетов сыграла роль «красной тряпки» и вызвала весьма резкое утверждение о том, что «профессора, вообще, они очень примитивны, а проф. Милюков в особенности» потому, что последний пытался разъяснить думцам последствия той или иной дипломатической ноты для разрешения ситуации на Балканах. Тогда как искусство дипломатии, по Маркову 2-му, состоит в умении скрывать свои истинные намерения. Поддерживая МИД в том, что оно не ввязало страну в войну ради «интереса хотя бы прекрасных глаз, но глаз не русских, а глаз балканских», Марков 2-й присоединился к тезису «Балканы – для балканцев», правда, с оговоркой – «а проливы для русских».

---

[250] Речь. 25.07 (7.08) 1913 г.

[251] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Третий созыв. Сессия пятая. СПб, 1912. Стб. 470.

Роль России в балканских событиях социал-демократом А. Чхенкели оценивалась прямо противоположно. На его взгляд, русская дипломатия преследовала своим участием «не гуманные цели освобождения так называемых зарубежных братьев, а свои корыстные империалистические цели: захват проливов и Константинополя» [252]. Рецепт решения вопроса «по Чхенкели» – солидарное объединение всех балканских народов, их спасение через приход к власти, а вывод – «защитниками мира, если можно кого считать, то только пролетариат».

О жизненной важности для России проливов Босфор и Дарданеллы либералы говорили и в период Великой войны, ставя решение данного вопроса на один уровень с египетским для Англии, напоминая союзнице, что свою проблему она решила даже не дожидаясь окончания войны, объявив протекторат в октябре 1914 г. П. Милюков, выступая на заседании Государственной Думы 27 января 1915 г., отметил, что «страна наша питает к нашим союзникам полное доверие и высоко ценит тот вклад в наш общий успех, который ими уже сделан и который впоследствии ещё увеличится» [253], выражая также надежду на осуществление национальных задач России – приобретение проливов и Константинополя.

В 1916 г. Милюков подчёркивал, что присоединение проливов «не есть стремление к расширению или стремление к аннексии», а завершение территориального формирования России, ибо «в наше время государство без моря есть организм без необходимого органа». В то время, когда проливы находились в руках Турции, Россия могла ждать. Но «с тех пор, как появился в Константинополе Лиман-фон-Сандерс, с тех пор, как военным министром сделался германский ставленник, с тех пор, как турецкий флот перешёл в германские руки, и с тех пор, как этот флот создал повод для объявления войны в тот самый момент, когда это нужно было Германии, – с этих пор положение изменилось. Теперь, – подчёркивал коренную разницу момента лидер партии, – вопрос не в том – будут ли проливы русскими или они останутся турецкими. Вопрос теперь в том, будут ли проливы русскими или они останутся германскими?» [254]

Примерно равными по значимости воспринимались депутатами Государственной Думы персидское и дальневосточное направления внешней политики государства. Персидское направление обсуждалось на заседаниях Государственной Думы в связи с двумя событиями – революцией, начавшейся в Персии в 1906 г., и назначением в 1911 г. на должность Генерального казначея Персии американца Моргана Шустера. Не вдаваясь в детали, ограничимся лишь констатацией следующих фактов – для либералов было важно удерживать сложившееся по факту и закреплённое англо-русским соглашением 1907 г. преобладающее экономическое и политическое влияние России в северной Персии, поскольку персидский торговый рынок приносил значительные дивиденды торгово-промышленным кругам России, а финан-

---

[252] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Третий созыв. Сессия пятая. СПб., 1912. Стб. 400.

[253] IV Государственная Дума. Фракция народной свободы. «Военные сессии». Часть I. Пг, 1915. С. 3–4.

[254] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг, 1916. Стб. 3243–3244.

совая и политическая зависимость шахского режима позволяла в определённой степени гарантировать безопасность южных границ России. С началом революционных волнений в Персии, когда царское правительство явными и косвенными акциями стало демонстрировать своё предпочтение шаху Мохаммеду-Али, кадеты указывали на нежелательность русского вмешательства во внутренние дела страны. Организацию военной экспедиции в Персию в 1909 г. они поддерживали до тех пор, пока её функции ограничивались борьбой с анархией и наведением порядка в стране. Когда же шах был низложен, и в стране установилась относительная политическая стабильность, кадеты потребовали немедленного вывода русских войск как демонстрации доверия к новой персидской власти. Карательную экспедицию 1911 г., вызванную деятельностью Главного казначея Персии М. Шустера, либералы оценивали как несомненную и трудно поправимую ошибку, не прибавившую ничего нового к положению России в Персии, закрепившую негативное отношение последней к методам русской политики.

Неоднозначной была реакция на экспедицию 1911 г. в среде прогрессистов, которым, с одной стороны, обострение ситуации на Ближнем Востоке подсказывало решение о необходимости удерживаться от открытой интервенции, но, с другой, бойкот русских товаров, приносящий немало убытков, диктовал выступление в поддержку ввода русских войск. Правда, с оговоркой – их вывода после выполнения персидским правительством условий ультиматума. Октябристы и правые приветствовали расширение интервенции. Член Фракции правых С. А. Володимеров резко критиковал царское правительство за медлительность действий, а публицист князь Мещерский настаивал на исключении принципов гуманности при выполнении поставленных перед экспедиционным корпусом задач. В целом, внимание думцев к данному направлению практически уже сошло «на нет» к 1912 г., переместившись в сферу балканской политики Российской империи.

Вопросы дальневосточной политики в думских дебатах поднимались по последствиям русско-японской войны для межгосударственных отношений с Японией и Китаем, по факту Синьхайской революции и отношения к ней России, по желанию Монголии отделиться от Китая и выстраиванию в условиях ухудшения китайско-монгольских отношений двухстороннего диалога с участием России.

Анализируя речи депутатов различных фракций в период заседаний 1908 г., можно утверждать, что ясного видения внешнеполитической стратегии по дальневосточному направлению не имела ни одна фракция. Так, октябрист А. И. Гучков, лидер кадетов П. Н. Милюков, беспартийный граф А. А. Уваров выражали серьёзные опасения относительно заявленного русской дипломатией, обеспеченного соглашениями с Японией мира и спокойствия на Дальнем Востоке, что, в свою очередь, вызвало продолжительные дебаты по вопросу проекта строительства Амурской железной дороги. Суть обсуждений – стратегическое значение этой дороги: необходима ли она для обеспечения безопасности дальневосточных владений или для экономического освоения Приамурья. Правые считали, что её строительство значительно укрепит пошатнувшиеся позиции России в этом регионе; кадеты увидели в проекте намёк на возможность очередного витка «увлечения» Дальним Востоком; социал-демократы традиционно подходили к вопросу с классовых позиций.

В соответствии с партийными воззрениями были выстроены выступления думских фракций относительно признания Китайской республики. Кадеты поддержали курс внешнеполитического ведомства России на невмешательство во внутренние дела Китая, правда, подчеркнув, что признание республики стало во многом возможным благодаря внешнему фактору – нейтралитету, который соблюдался Европой, Америкой, Японией, который предоставил революцию и династию их собственным силам. Однако последующая политика России в отношении Китая подвергалась либералами критике, особенно в период решения т. н. «монгольского вопроса». Приняв на себя посреднические услуги между Китаем и Монголией, Россия «диктовала» программу соглашения Китаю, а монголам предлагала «дружеское содействие» в проведении в жизнь мероприятий административно-культурного характера, заключила в 1912 г. договор с Монголией, хотя изначально вопрос о признании автономии Внешней Монголии должен был решаться с Китаем. Особо следует отметить выводы либералов относительно признания автономии – на их взгляд, данное событие стало возможным лишь благодаря внутренней смуте в Китае. По мнению лидера кадетов Милюкова, «разложение Китая не остановилось, ... оно продолжается, и... попытки насильственной централизации приводят к обратному, приводят к тому, что окраины отделяются, и губернаторы провинций становятся независимыми сатрапами» [255].

Примечательно, что социал-демократия, негативно оценивая китайский курс царской дипломатии, от которого, кроме «палок в колёса», ничего ожидать нельзя, в ситуации с северной Монголией увидела «руку России», утверждая: подписанием договора 1912 г. последняя пыталась продемонстрировать, что «провозглашение республики ведёт к распаду Китая; стало быть, необходимо реставрировать императорскую власть. Во-вторых, она содействовала монгольскому хутухте объявить себя самодержавным государем... В-третьих, и это самое главное – она хотела изолированную северную Монголию присоединить к России» [256].

Действительно, некоторые шаги русской дипломатии создавали впечатление желательности присоединения Монголии, поскольку, словами Милюкова, «поддерживая автономные стремления монгольских князей, едва ли следовало так откровенно обнаруживать собственное стремление к установлению зависимости Монголии от России» [257], свидетельством чего являлось вмешательство России в дела управления Монголией; закрытие льготной 50-вёрстной торговой полосы на русской стороне границы, которая давала Монголии дешёвый чай, ткани и т. д. Милюков считал, что, взяв на себя ответственность за судьбу Монголии, Россия не должна была вести себя как новый колонизатор. Но «мы слишком спешим запустить руку в Монголию и, не утвердившись в ней как следует, мы хлопочем уже о концессиях» [258].

---

[255] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Стб. 367.

[256] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. СПб., 1913 г. Стб. 1067.

[257] ГАРФ, Ф. 579. Оп. 1. Т. 1. Д. 1444. Лл. 8 об–9.

[258] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. СПб., 1913 г. Стб. 1056.

1913 год стал итоговым в думском обсуждении курса России в отношении Китая и Монголии – в канун Великой войны думцы сосредотачивались на реалиях европейской политики.

Вне всякого сомнения, вынесение вопросов внешней политики на думскую трибуну в начале XX в. было новацией, которую не сразу приняли как часть самих думцев, так и часть представителей МИД России. Однако очевидная взаимосвязь внутренней и внешней политики государства, необходимость общественной поддержки внешнеполитических акций и мероприятий Российской империи способствовали, пусть и неравномерному, но всё же, вхождению думских представителей общественных и политических сил России в эту ранее традиционную закрытую сферу, в которой они ориентировались, опираясь на идеологию, приверженцами которой являлись.

И. Н. Гребенкин,
Рязанский государственный университет, Россия

От войны Великой к войне Гражданской: депутаты Государственной Думы у истоков Белого движения

Первая мировая война стала величайшим испытанием для всех сфер государственной и общественной жизни дореволюционной России. В этот период впервые проверке подверглась и политическая система думской монархии. С началом войны Дума поддержала правительственный курс, но в условиях развивавшегося общенационального кризиса именно она стала центром легальной политической оппозиции, откуда велась острая и нелицеприятная критика правительства, где строились планы реформы власти. К концу 1916 г. для значительной части общества Дума являлась символом борьбы с «тёмными силами», с ней связывались надежды на улучшения во внутренней ситуации в стране и вместе с тем положения на фронте. Не случайно в событиях Февраля 1917 г. Дума выступила одним из центров переворота, а известные депутаты и руководящие деятели ведущих думских фракций представляли наиболее влиятельную группу политиков.

В условиях, когда вопрос о продолжении войны занял одно из главных мест в ряду политических проблем новой России, её лидеры спешно искали надёжную опору в армии. Стараниями различных группировок в правящих кругах в весенние месяцы 1917 г. из среды высшего командного состава армии в политическом отношении наиболее выдвинулись генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов. Однако дальнейшая радикализация революционного процесса привела к тому, что представители либерального лагеря, ещё недавно являвшиеся оппозицией слева, после недолгого пребывания у власти оказались в оппозиции справа. Уже в июле-августе 1917 г. бывшие думские центристы приступили к активному содействию Верховному главнокомандующему Л. Г. Корнилову, с позицией и деятельностью которого связывали надежды на установление в стране твёрдой власти и пресечение активности левых революционных сил. Бывший глава думской фракции октябристов и военный министр первого состава Временного правительства А. И. Гучков создал группу, объединявшую ряд крупнейших российских промышленников, значительные финансовые средства которой решено было направить в распоряжение Корнилова для организации борьбы с влиянием Советов и большевиков.

Аналогичные цели преследовал образованный в мае Союз офицеров армии и флота. Первоначально направлявший его работу М. В. Алексеев координировал свои действия со структурами кадетской партии и непосредственно с её руководителями, в частности П. Н. Милюковым (главой партии и кадетской фракции в третьем, четвёртом составах Думы) и В. А. Маклаковым (членом кадетского ЦК, депутатом II, III, IV Государственных Дум). Руководящий орган – Главный комитет Союза офицеров армии и флота возглавил подполковник Леонид Николаевич Новосильцев, видный кадет,

депутат I и IV Государственных Дум. С мая по август 1917 г. он развивал большую активность по собиранию сил и оформлению офицерских организаций на фронте и в тылу, налаживанию их связей с политическими группами и объединениями, взявшими курс на антидемократический переворот. В преддверии корниловского выступления всё большее место в его деятельности стала занимать конспиративная составляющая. Среди конспиративных связей Союза офицеров армии и флота в Петрограде особенно важное место занимали контакты с Республиканским центром, в работе которого принимал участие другой известный думец, полковник Б. А. Энгельгардт (центрист, депутат IV Государственной Думы).

Несмотря на организационную разобщённость, обе ветви антидемократической оппозиции военных отражали в то время в принципе единую тенденцию. Генерал Алексеев, неприязненно относившийся к Корнилову, после августовского выступления писал Милюкову: «Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции...» [259]

Летом 1917 г. видные думцы заявили о своей поддержке корниловской программы чрезвычайных мер по укреплению порядка в армии и стране и принимали участие в кампании по формированию ударных батальонов из добровольцев тыла, а также в работе военно-общественных организаций и союзов. Наибольшей известностью среди них пользовалась Военная Лига. Благодаря тесным контактам со Ставкой и Главным комитетом Союза офицеров армии и флота Лиге удалось получить разрешение формировать свои отряды во фронтовой полосе. От имени организации к Верховному главнокомандующему обратились известные депутаты Государственной Думы В. В. Шульгин, В. Н. Пепеляев, А. А. Дуров, Д. Н. Чихачев: «Мы, нижеподписавшиеся, приняли решение поступить добровольцами в Действующую армию, полагаем, этот наш шаг с согласия Верховного главнокомандующего, может быть использован для привлечения некоторого, кроме нас, числа добровольцев... Соответственно с изложенным ходатайствуем разрешить нам нижеследующее: 1) Открыть запись в добровольческий отряд (при Военной Лиге, Сергиевская № 46/48). 2) Приступить немедленно к обучению записанных добровольцев» [260].

В октябре 1917 г. в Петрограде Алексеев приступил к созданию конспиративной офицерской организации, которую намеревался использовать в случае большевистского выступления. Эта деятельность осуществлялась при непосредственной поддержке бывшего депутата Думы, известного консерватора В. М. Пуришкевича и его организации «Русская государственная карта» [261]. После октябрьских событий в столице и прихода к власти большевиков генерал Алексеев вынужден был перенести базу формирования в Новочеркасск. Помощь в материальном и финансовом обеспечении организации ему неизменно оказывали известные общественные деятели, заметное место среди которых занимали бывшие думцы. Хозяйственной частью у Алексее-

[259] Наш Век. 1917. 13 декабря. № 12.

[260] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 366. Оп. 2. Д. 29. Л. 166.

[261] Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918–1920 годов. Т. 1. Париж, 1962. С. 21.

ва ведал Л. В. Половцов (националист, депутат III и IV Государственных Дум). По его свидетельству, первые серьёзные суммы для нужд «Алексеевской организации» в Новочеркасске удалось получить благодаря помощи Н. Н. Львова (члена ЦК партии кадетов, депутата I, III, IV Дум). Наиболее состоятельные добровольцы, «не имея сами наличных денег, воспользовались своими кредитоспособными именами и выдали векселя. По учёту векселей, при содействии Н. Н. Львова, в местных банках получилась сумма около 350 тысяч рублей, которые и спасли дело на некоторое время» [262].

В числе первых, кто по собственной инициативе примкнул к «Алексеевской организации», был В. В. Шульгин. В ноябре-декабре 1917 г. он прибыл в Новочеркасск, где рассчитывал содействовать М. В. Алексееву в формировании Добровольческой армии. В докладной записке А. М. Драгомирову Шульгин свидетельствовал: «В самом начале ноября месяца 1917 г., приехав в Новочеркасск, я имел беседу с генералом Алексеевым и его помощником Богаевским. Я имел намерение издавать на Дону “Киевлянин”, закрытый украинцами. Генерал Алексеев находил этот план желательным, но из разговоров с генералом Калединым и Богаевским выяснилось, что следует с этим делом повременить, ибо колеблющееся настроение казачества требует очень осторожного и не столько определённого, как лозунги “Киевлянина”, обращения» [263]. Шульгин стал 29 членом «Алексеевской организации», поступив в неё на правах военнослужащего. Алексеев напутствовал Шульгина: «Я прошу вас и приказываю вернуться в Киев и держать “Киевлянин” до последней возможности... и – присылайте нам офицеров» [264]. Работы было действительно много: «“Киевлянин” возобновился, и так как он вёл упорную борьбу за те же лозунги, за которые сражалась Добровольческая армия, то тяготеющее к Добровольческой армии офицерство находило живую связь в редакции... Так продолжалось два месяца, в течение которых по спискам Добровольческой армии из Киева было отправлено около полутора тысяч офицеров (сколько их дошло, неизвестно)» [265]. В дальнейшем В. В. Шульгин возглавлял тайную организацию «Азбука», которая до начала 1920 г. действовала как разведывательное отделение при Ставке Верховного Главнокомандования Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) [266].

В конце 1917 г. в Новочеркасске находилась группа известных кадетских деятелей во главе с П. Н. Милюковым и при участии В. А. Степанова (кадет, депутат третьего и четвёртого составов Думы), в том числе и членов «Совета общественных деятелей», с которыми Алексеев установил контакт ещё в Петрограде. Задачи делегации (вскоре преобразованной в «Донской гражданский совет») один из наиболее активных её членов М. М. Фёдоров определял так: «Служить связью Добровольческой организации с Москвой

---

[262] Половцов Л. В. Рыцари тернового венца. Прага, б/г. С. 12.

[263] К истории осведомительной организации «Азбука». Из коллекции П. Н. Врангеля, архив Гуверовского института // Русское прошлое. СПб., 1993. Кн. 4. С. 162. «Киевлянин» – издававшаяся В. В. Шульгиным в Киеве газета право-националистического толка.

[264] Шульгин В. В. 1917–1919 // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 180.

[265] К истории осведомительной организации «Азбука»... С. 163.

[266] См.: Репников А. В., Гребенкин И. Н. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 28–29.

и остальной общественной Россией, всемерно помогать генералу Алексееву в его благородном и национальном подвиге своим знанием, опытом, связями; предоставить себя и тех лиц, которые могли быть для этого вызваны, в распоряжение генерала Алексеева для создания рабочего аппарата гражданского управления при армии в тех пределах, какие вызывались потребностями армии и всей обстановкой её деятельности...» [267] Другой не менее важной задачей, которую решали члены делегации, был сбор средств для нужд «Алексеевской организации». Часть их (немногим более 360 тысяч рублей) в ноябре уже была доставлена Алексееву из Москвы. Именно московские представители приняли на первых порах самые энергичные меры, чтобы приостановить конфликт между генералами и задержать Корнилова в Новочеркасске.

С прибытием в начале декабря 1917 г. в Новочеркасск Корнилова и его ближайших соратников по августовскому выступлению ситуация вокруг руководства «Алексеевской организацией» обострилась. Сотрудничество Алексеева и Корнилова вследствие их крайне неприязненных отношений вероятно было бы невозможно, если бы не самые энергичные меры, принятые кадетскими представителями, чтобы приостановить конфликт между генералами и задержать Корнилова в Новочеркасске. На совместном с генералитетом совещании ими со всей определённостью было заявлено, «что руководители антибольшевистского движения могут рассчитывать на моральную и материальную помощь лишь при условии, что все они (Алексеев, Корнилов и Каледин) будут работать на Юге России совместно, распределив между собой роли и подписав составленное между собой соглашение. При этом было указано, что только после того, как это соглашение состоится и подписанное всеми тремя генералами будет передано представителям Англии и Франции, можно рассчитывать на получение денежной помощи от союзников» [268]. Итогом совещания стало подписание соглашения, определившего раздел полномочий между Алексеевым, Корниловым и Калединым и, таким образом, установившего в общих чертах порядок управления территорией, находившейся в пределах влияния добровольческих сил.

Непосредственное участие принял Милюков и в подготовке «Политической программы генерала Корнилова» – основного политического документа Добровольческой армии, получившего распространение в её начальный период. Программа преподносилась как личное кредо Корнилова, но подразумевала возглавляемое им широкое движение, более того – в ближайшей перспективе всероссийское правительство. Оценивая создавшуюся в России ситуацию как национальную катастрофу, ближайшей задачей Корнилов видел «сокрушение большевистского самодержавия и замену его таким образом правления, который обеспечил бы в стране порядок...» [269] В качестве важнейших положений программа декларировала основные гражданские и политические права и свободы, исполненные вполне в духе Февраля, что подтверждалось тезисом о закреплении «целесообразных завоеваний рево-

---

[267] Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991. С. 188.

[268] Из воспоминаний генерала Лукомского // Архив русской революции. Изд. И. В. Гессена. Т. V. Берлин, 1922. С. 140.

[269] Отчёт о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Изд. И. В. Гессена. Т. IX. Берлин, 1923. С. 285.

люции». По поводу разрешения наиболее сложных и принципиальных вопросов – о государственном устройстве и о земле – программа воздерживалась от всяких деклараций, относя их к сфере компетенции Учредительного собрания. Наименее ясно звучала позиция по национальному вопросу. С одной стороны, выдвигался тезис государственного единства, а с другой – утверждалось, что Польша, Украина и Финляндия должны быть поддержаны правительством новой России в деле национально-государственного самоопределения, «дабы этим ещё более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов» [270]. Таким образом, принципы «непредрешенчества», к выработке которых были причастны думские либералы и которые принято ставить в ряд причин поражения Белого движения, не могут однозначно считаться следствием политической наивности военных.

«Донской гражданский совет» просуществовал до середины января 1918 г., когда его члены, предвидя поражение калединского Дона, стали покидать Ростов под различными предлогами. В связи с этим генерал Алексеев предложил возглавить контрольную и финансовую часть при своём штабе Н. Н. Богданову, кадету, депутату II Государственной Думы, бывшему комиссару Временного правительства по Таврической губернии. Богданов принял финансы Добровольческой армии в наиболее трудный, заключительный период её борьбы на Дону. Накануне вступления в Новочеркасск советских войск Богданову предстояло оформить в казначействе получение последних крупных ассигнований Донского правительства в пользу Добровольческой армии на 7,5 млн. рублей. 1,5 млн. рублей наличными Богданову удалось получить и доставить в армию, уже выступившую к тому моменту в 1-й Кубанский поход. Оставшиеся 6 млн., которые невозможно было обналичить, Богданов «спрятал», выполнив переводы на казначейства внутри Донской области, чтобы воспользоваться ими при возвращении Добровольческой армии на Дон в мае [271].

С крушением монархии в России прекратили существование многие её политические институты, и среди них в первых рядах – Государственная Дума, немало сделавшая для «расшатывания» политической ситуации накануне революции. Её бывших депутатов ждали разные судьбы. Одни, пережив глубокое разочарование, навсегда покинули политическую сцену и растворились в людском море, другие, в силу собственного темперамента и амбиций не отказывались от участия в жизни государства и искали своё место в быстро менявшейся обстановке. Контакты известных думских политиков с лидерами военной контрреволюции в 1917 г. носили далеко не ситуативный характер. Их опыт, связи и влияние оказали неоценимую помощь вождям Белого движения на этапе его становления. Однако спустя год после революции партийное прошлое бывших думцев уже мало что означало для их политического выбора. Реалии Гражданской войны ставили их перед необходимостью выбирать между «своими» и «чужими», оставив прежние демократические иллюзии.

---

[270] Отчёт о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Изд. И. В. Гессена. Т. IX. Берлин, 1923. С. 285.

[271] Денежные документы генерала Алексеева // Архив русской революции. Изд. И. В. Гессена. Т. V. Берлин, 1922. С. 352–353; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 255. Л. 64–67.

А. Д. Гронский,
Белорусский государственный университет информатики и электроники, Беларусь

Думские депутаты глазами жандармов в период Первой мировой войны (по воспоминаниям сотрудников политической полиции)

Политическая полиция Российской империи стояла на страже интересов государственной безопасности, поэтому рассматривала деятельность политических, государственных, общественных и прочих институтов именно с точки зрения безопасности империи. Подобное отношение распространялось и на Государственную Думу. Возникшая как вынужденная уступка самодержавной монархии либеральной общественности, Государственная Дума уже способом своего появления должна была вызвать интерес сотрудников политической полиции. Тем более что две первые Думы оказались оппозиционны режиму и были распущены. В период Первой мировой войны Дума постоянно интересовала жандармов, поскольку через неё проходило выделение кредитов для военных нужд, а её депутаты часто делали заявления, связанные ходом войны.

Начало войны вызвало подъём патриотизма, который разделило абсолютное большинство российских подданных. Думцы в первые дни войны также были настроены очень патриотически[272]. Только депутаты-большевики вели антивоенную пропаганду, за что и были арестованы, но правительство в угоду либеральной общественности и по причине профессионального невежества товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского не позволило применить серьёзные наказания по отношению к большевикам[273]. Между тем, большевики устами В. И. Ленина уже в первые недели войны достаточно конкретно заявили о программе своих действий: «Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть: во-первых, всесторонняя, распространяющаяся и на войско, и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наёмных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войске всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран <...>; во-вторых, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д. <...>; в-третьих, в особенности борьба с царской монархией и великорусским, панславистским, шовинизмом и проповедь революции в России...»[274] Позже Ленин

[272] Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Минск, 2004. С. 6.

[273] Там же. С. 28.

[274] Ленин В. И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 26. Изд. 5-е. М., 1969. С. 6–7.

написал: «... нельзя великороссам защищать отечество" иначе, как желая поражения во всякой войне царизму...» [275].

Однако единение Думы с императором длилось недолго. Уже в 1915 г. наблюдается политическая активность некоторых депутатов, которая в условиях военного времени могла рассматриваться как антигосударственная пропаганда. Так, в 1915 г. А. И. Гучков заявил: «Если я не умру раньше, я сам арестую царя!» [276] Последний директор Департамента полиции Российской империи А. В. Васильев был уверен, что деятельность А. И. Гучкова была аналогична деятельности В. И. Ленина по ослаблению России в период Первой мировой войны [277]. Роль А. И. Гучкова в падении российской монархии признавало большинство русской эмиграции [278]. В то же время депутат IV Думы П. Н. Милюков заявлял, что в 1915 г. именно правительство «явно не хотело соблюдать условий молчаливого "перемирия", на которое шли партии в своём стремлении к единению» [279].

Показателем тотальной оппозиционности Думы правительству является отношение к назначенному на пост министра внутренних дел А. Д. Протопопову, бывшему товарищу председателя Думы. А. Д. Протопопов, имевший много друзей среди депутатов и сам бывший депутатом, после своего перехода в правительство вдруг ощутил враждебность, которая начала исходить от членов Думы [280]. Надо сказать, что фигура Протопопова в правительстве не вызывала симпатий даже у некоторых сторонников самодержавной монархии [281].

То, что оппозиционность Думы диктовалась не политическим профессионализмом депутатов, а всего лишь убеждением в собственной правоте, можно проиллюстрировать попыткой полицейской реформы 1916 г., подготовленной правительством. Дума провалила реформу, затянув её обсуждение. По словам депутата А. Ф. Керенского, это произошло потому, что логика реформы не вызвала у думцев никаких возражений, поэтому, если бы Дума согласилась с проектом, она подчеркнула бы профессионализм правительства, что выбивало почву для критики министров депутатами [282].

С началом войны полицейское руководство стало задумываться над ролью Думы. Бывший в то время министром внутренних дел Н. А. Маклаков не видел в депутатах Думы большой пользы для воюющей страны, однако подозревал их в антиправительственной пропаганде. Министр предлагал распустить Думу, но, по мнению бывшего жандармского генерала А. И. Спиридовича, не имел для этого «ни достаточного ума, ни опыта, ни характера, ни людей, которые бы поняли его и поддержали» [283]. Н. А. Маклаков, понимая

---

[275] Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Указ. соч. С. 108–109.

[276] Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 454.

[277] Там же. С. 453.

[278] Там же. С. 456.

[279] Милюков П. Н. История второй русской революции: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С. 21.

[280] Васильев А. Т. Указ. соч. С. 459.

[281] Заварзин П. П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 112–113, 117.

[282] Васильев А. Т. Указ. соч. С. 461.

[283] Спиридович А. И. Указ. соч. С. 121.

глубинные мотивы поведения наиболее активных думцев, видел в них будущую опасность для существования российской монархии, однако не смог объяснить императору и членам правительства, что дальнейшая работа Думы несёт реальную угрозу безопасности существующему режиму. Против Н. А. Маклакова начались возмущения либеральной общественности, и он был вынужден уйти в отставку. Тем не менее, вопрос о роспуске Думы поднимался и позже. Правительство так и не выработало чёткого отношения к дальнейшему существованию Думы в условиях военного времени. Причём, иногда сами руководители полиции объявляли о невозможности распустить Думу в данный момент, объясняя это общественным мнением и настроениями толпы, которые могли спровоцировать на выступление против правительства подверженное либерально-революционному влиянию население и распропагандированные воинские части Петроградского гарнизона[284]. Мнение о необходимости роспуска Думы на время войны высказывалось не только политической полицией, в частности, государственный секретарь С. Е. Крыжановский считал, что «с самого начала обойтись совсем без Думы, взяв на время войны опасных главарей под замок, <...> было бы, пожалуй, самое лучшее», а положение Думы и её трения с правительством в ноябре 1916 г. называл «самым невыгодным положением»[285].

Думцы подняли очень серьёзную проблему, волновавшую большинство мыслящего общества, – непопулярность Николая II и требование его отречения. Вся деятельность некоторых депутатов сводилась только к критике императора[286]. Популярность антиимператорских лозунгов достигала окраин. Так, в Иркутске имели широкое распространение листки с думскими речами П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского и А. И. Гучкова, основной мыслью которых был «призыв к перевороту и низвержению существующей царской власти», сопряжённый «с критикой действий членов Дома Романовых». То же самое наблюдалось и во Владивостоке[287]. Связанные с Думой Всероссийский союз городов и Всероссийский земский союз, по мнению жандармов, также приложили свою руку к распространению антигосударственной пропаганды[288]. Нужно отметить, что за отречение Николая II выступала не только оппозиция. Это поддерживала и часть монархистов (и даже бывшие сотрудники политического сыска, например, генерал А. В. Герасимов), которые видели в Николае II человека, дискредитирующего саму идею монархии[289]. Как противники, так и сторонники Думы указывают, что с думцами о смене императора беседовали даже родственники Николая II[290]. Они желали замены

---

[284] Курлов П. Г. Гибель императорской России М., 1992. С. 232.

[285] Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Вступ. ст., коммент.: А. В. Лихоманов. СПб., 2009. С. 155.

[286] Заварзин П. П. Указ. соч. С. 114–115.

[287] Там же. С. 117, 118.

[288] «Ника» [Кравец Н. А.] Воспоминания жандармского офицера // Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. СПб., М., 2002. С. 561.

[289] Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 337.

[290] Воейков В. Н. С царём и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта. Минск, 2002. С. 127, 176; Кантакузина Ю. Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876–1918 / Пер. с англ. И. Э. Балод. М., 2007. С. 145.

Николая II другим монархом. В Думе среди противников императора были и республиканцы. Одним из них оказался Председатель Думы М. В. Родзянко, который «был загипнотизирован заманчивой перспективой стать президентом республики и вёл себя как мальчик, который взялся за работу, не понимая смысла указаний и не имея необходимых сил, чтобы выполнить их» [291].

Падение монархии все деятели политического сыска связывают в первую очередь с оппозиционной деятельностью депутатов Думы, которые сумели убедить некоторых генералов не выполнять распоряжения военного руководства, способные усилить положение Николая II. Тесная связь думцев и генералитета дала возможность развиться событиям, переросшим в Февральскую революцию. Причём все деятели политической полиции, как занимавшие посты в структуре МВД, так и руководители сыска на местах, заявляли, что роль революционных организаций в свершении Февральской революции минимальна. Так, А. П. Мартынов, служивший в 1917 г. в Москве, в своих воспоминаниях пишет: «Если же рассматривать роль подполья в смысле непосредственного фактора, приведшего к революции, – она была ничтожна. Я настаиваю на этом утверждении, хотя бы оно показалось моим читателям необоснованным» [292]. Последний имперский директор Департамента полиции А. В. Васильев, как на главный фактор революции, указывал на «зловещую связь, возникшую между Думой и главнокомандующим армии», но заявлял, что основные лидеры революционеров были на тот момент обезврежены [293].

Сами думцы также дают возможность предположить, что политическая полиция не зря интересовалась настроениями в Думе и вокруг неё. Например, П. Н. Милюков писал, что «вначале тайно, а потом всё более открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революционного исхода» [294]. Эти строчки описывают ситуацию, сложившуюся осенью 1915 г. В. А. Маклаков был уверен, что депутаты Государственной Думы имеют определённую цель – ограничение монархии, которая расценивалась ими как более важная, чем единство во время войны. В частности, В. А. Маклаков писал: «Сторонники конституции и народовластия теряли веру в то, что монархия согласится добровольно себя ограничить, приходили к заключению, что она станет свою неограниченную власть защищать до конца, принося всё этому в жертву, и готовы были согласиться на бедствия революции, чтобы только избавиться от такого неограниченного самодержавия <...>. К тому же в те “наивные” годы” можно было не понимать всей глубины материальных и моральных потерь, которые приносит с собой революция, и на неё смотреть легко, как на печальное, но скоро проходящее осложнение» [295]. А открытие зимней сессии 1 ноября 1916 г., с точки зрения П. Н. Милюкова, «общественное мнение единодушно признало <...> началом русской революции» [296]. С этим мнением соглашался и противник любых изменений в форме правления последний

[291] Васильев А. Т. Указ. соч. С. 471.

[292] Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 390.

[293] Васильев А. Т. Указ. соч. С. 473.

[294] Милюков П. Н. Указ. соч. С. 23.

[295] Маклаков В. А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006. С. 318.

[296] Милюков П. Н. Указ. соч. С. 30.

дворцовый комендант В. Н. Воейков[297]. В начале 1917 г. некоторые депутаты обсуждали вопрос «о том, какую роль должна сыграть после переворота Государственная Дума»[298]. Политическая полиция не могла проигнорировать такие заявления, однако какое-либо противодействие подобным заявлениям или решение закрыть Думу так и не были реализованы правительством.

Пожалуй, самой точной формулировкой отношения политической полиции к деятельности Думы накануне революции могут служить слова А. Т. Васильева, произнесённые за несколько часов до начала Февральской революции: «... единственная организация, представляющая опасность для существующего порядка, – это Дума»[299]. П. Н. Милюков также поддержал полицейского бюрократа словами: «вмешательство Государственной Думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии»[300]. Однако некоторые представители имперской элиты не считали, что именно Дума является самой главной опасностью. В частности, великий князь Александр Михайлович писал Николаю II: «... я хочу сказать, как бы странно это ни прозвучало, что правительство и является тем органом, который готовит революцию. Народ не хочет её, но правительство делает всё, что в его силах, дабы появилось как можно больше недовольных, и отлично в этом преуспевает. Мы являемся свидетелями беспрецедентного зрелища революции сверху, а не снизу»[301].

Революция, произошедшая именно в феврале, была неожиданной, но к подобному развитию событий общество, по-видимому, было готово. Будущий активный участник Гражданской войны атаман Г. М. Семёнов писал: «Революцию все ждали, и всё же она пришла неожиданно»[302].

Таким образом, по мнению руководителей политического сыска Российской империи, Государственная Дума четвёртого созыва являлась важным источником антигосударственных идей, распространявшихся в либеральной среде. С такими идеями было трудно бороться, т. к. их носители имели депутатский статус, и могли подвергаться преследованию только в случае явных признаков состава преступления (как это было с депутатами от большевиков). Роспуск Думы в самом начале войны не произошёл по причине нежелания раздражать либеральную часть российского общества, имевшую в тот момент патриотические настроения. Позже из-за усилившейся шпиономании и критики действий Николая II Дума стала восприниматься либералами как единственный «правильный» институт. Роспуск Думы, предложенный МВД в ночь с 26 на 27 февраля 1917 г., оказался слишком запоздалым для сохранения монархической формы правления в России.

---

[297] Воейков В. Н. Указ. соч. С. 151.

[298] Милюков П. Н. Указ. соч. С. 33.

[299] Васильев А. Т. Указ. соч. С. 474.

[300] Милюков П. Н. Указ. соч. С. 36.

[301] Петибридж Р. Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побеждённых. 1905–1918 / Пер. с англ. И. Е. Полоцка. М., 2006. С. 95.

[302] Семёнов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М., 2007. С. 51.

В. А. Дёмин, Л. В. Гнатюк,
Московский государственный
индустриальный университет, Россия

Законодательная деятельность Государственной Думы и Государственного совета в годы Первой мировой войны

Как известно, в годы мировой войны по ряду причин интенсивность работы палат значительно снизилась. За 2,5 года войны прошло 39 заседаний Государственного совета, в то время как в период последней предвоенной сессии (IX) за 8 месяцев (ноябрь 1913 – июнь 1914 гг.) или за год с учётом летних каникул Совет заседал 59 раз[303]. IV Государственная Дума за годы войны провела 90 заседаний, а за свою вторую сессию (15.10.1913–14.06.1914) собиралась 111 раз[304]. Политическое значение палат значительно снизилось.

В Российской империи и после издания Основных государственных законов 1906 г. отсутствовал единый способ издания законов. Общее правило устанавливала статья 86[305] Основных законов, гласившая: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной Думы и восприять силу без утверждения государя императора»[306]. В то же время монарх имел право во время каникул Думы издавать чрезвычайные указы с временной силой закона, подлежащие последующему одобрению палат и утрачивающие силу в случае отклонения Думой или Государственным советом (статья 87 Основных законов). Этот способ нормотворчества активно использовался в 1906–1907 гг., затем до Первой мировой войны применялся лишь в единичных случаях, нередко со скандалом[307].

Согласно статье 11, «государь император в порядке верховного управления издаёт в соответствии с законами указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов»[308]. Т. е. административная власть императора не ограничивалась принятием мер для исполнения законов. Поэтому в порядке статьи 11, т. е. без участия и контроля законодательных па-

---

[303] Сессии Государственного совета // Государственный совет Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 246–247.

[304] Сессии Государственной Думы // Государственная Дума России. Энциклопедия. Т. 1. М. – Челябинск, 2013. С. 637–638.

[305] Номера статей Основных законов даются по кодифицированному тексту (Своду законов).

[306] Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. М., 2010. С. 551.

[307] См. подробнее: Дякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914)//Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 7. М., 1976; Демин В. А. Чрезвычайно-указное право в Российской империи // Государственная Дума России. Энциклопедия. Т. 1. М. – Челябинск, 2013.

[308] Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. М., 2010. С. 536.

лат, устанавливались некоторые общие нормы права. В частности, император толковал законы о полномочиях государственных учреждений, в т. ч. законодательных палат, издавал указы о правах должностных лиц, преобразовании правительственных служб с изменением их состава, компетенции и подчинённости, порядке присвоения чинов, переселениях, закрытии или реорганизации обществ, возникших в XIX в. с разрешения властей, студенческих собраниях и организациях и т. п.

Во многих случаях эти постановления вносили изменения в законы (в т. ч. рассмотренные Государственным советом), изданные до 1906 г. Эти указы, несмотря на возражения в Думе, юридической литературе и даже в бюрократических кругах, включались в Свод законов и в виде примечаний, и наряду с законами в основной текст.

Согласно статьям 14, 96 и 97 Основных законов, императором по представлениям Военного и Адмиралтейств-советов, а также Главных военного и военно-морского судов, подконтрольных военному и морскому министрам, устанавливались нормы военного (в т. ч. военно-уголовного и военно-процессуального) права и ряд других вопросов. 24.08.1909 г. Николай II утвердил положение Совета министров о толковании этих статей. В нём нормативные постановления императора по военным ведомствам вопреки статье 86 именовались «военными законами». Этот термин (и его производное «военное законодательство») стал активно использоваться в политическом дискурсе.

В то же время правотворчество в порядке «верховного управления» и «военного законодательства» имело очень серьёзные ограничения. В частности, этим способом никогда не менялись законы, одобренные Государственной Думой. Указы в порядке «верховного управления» в основном касались государственного управления и не могли пересматривать гражданское, уголовное (кроме военного), налоговое право, судоустройство и судопроизводство (кроме военных судов)[309].

Несмотря на разнообразие путей законодательства, с 1907–1908 гг. (начала работы III Государственной Думы) основным был предусмотренный статьёй 86 Основных законов. Остальные имели лишь ограниченное применение или использовались в порядке исключения. При этом именно Дума оказывала решающее влияние на законодательство. Государственный совет ограничивался корректировкой думских проектов, не пытаясь определять направления законодательства[310], утверждение же законопроектов императором в значительной степени было формальностью[311].

После начала Первой мировой войны положение изменилось. Между 15.07.1914 г. (объявление Австро-Венгрией войны Сербии) и 27.02.1917 г. было издано примерно 162 закона (не считая 2 бюджетов)[312]

---

[309] Подробнее см.: Ивановский В. В. Указ и закон по действующему русскому законодательству // Журнал министерства юстиции. 1912. № 5; Демин В. А. Закон и указ // Государственная Дума России. Энциклопедия. Т. 1. С. 234–235.

[310] Подробнее см.: Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. М., 2006. С. 97–102.

[311] За 11 лет действия Основных законов Николай II из примерно 3,5 тыс. проектов не утвердил лишь 2, притом относительно второстепенных (о штатах Морского генштаба в 1909 и об отмене ограничений для сложивших духовный сан в 1911).

[312] Подсчитано по: Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессии третья – четвёртая. Заседание 26 июля 1914 года. Указатели к стенографическим отчётам. Сессия пятая. Пг., 1914–1917.

и 647 чрезвычайных указов[313] по статье 87. Также значительно возросла роль императорских указов в порядке «верховного управления» и «военного законодательства». Имелись отдельных случаи издания актов законодательного характера отдельными министрами.

Через неделю после вступления России в войну, 26.07.1914 г. были проведены так называемого «исторические заседания» обеих палат. На них были одобрены два связанных с войной финансовых закона (утверждены императором на следующий день), носящих, скорее, политический, нежели нормативный характер. В частности, закреплялось прекращение обмена бумажных денег на золотую монету (уже введённое в чрезвычайно-указном порядке), а также были намечены основные направления финансового законодательства военного времени: увеличение налогов и сокращение не связанных с войной расходов. Однако и первое (за единственным исключением), и второе реализовывались в порядке статьи 87.

В думском законе устанавливалось повышение акцизов на табак и спиртные напитки. Последнее было вскоре перечёркнуто фактическим введением в порядке «верховного управления» и в меньшей степени статьи 87 «сухого закона».

Третья сессия IV Государственной Думы и десятая сессия Государственного совета состоялись в январе 1915 г. и были посвящены в основном принятию бюджета.

Первая часть четвёртой сессии IV Думы и одиннадцатая сессия Государственного совета прошли с 19.07 по 03.09.1915 г. Их основные законодательные итоги – законы об особых совещаниях, а также несколько проектов об усилении воинской повинности и расширении эмиссионного права Государственного банка. Первый из них (утверждён 17.08.1915 г.) предусматривал создание особых совещаний по обороне, топливу, продовольственному делу и перевозкам. Они возглавлялись министрами (соответственно военным, торговли и промышленности, земледелия и путей сообщения) и включали представителей правительственных ведомств, обеих палат, а также общественных организаций (Центрального военно-промышленного комитета, Земского и Городского союзов). На особые совещания возлагался высший надзор за деятельностью государственных и частных предприятий в соответствующей области с правом давать обязательные указания, устанавливать цены, конфисковывать товары, менять администрацию предприятий, производить их секвестр и т. п. Совещания считались высшими государственными учреждениями, подчинёнными непосредственно императору. В то же время они являлись совещательными коллегиями при соответствующих министрах, которые и принимали решения от их имени.

Особые совещания являлись важнейшими смешанными коллегиями, осуществлявшими регулирование экономики в военных интересах. В то же время было принято ещё несколько десятков постановлений об этом (в т. ч. с участием смешанных коллегий). Также на основе статьи 87 и неоднократно (и до, и после принятия законов) издавались постановления по воинской повинности и эмиссионному праву. Иногда для правового регулирования этих вопросов использовался административный порядок. Самый

[313] Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 Основных государственных законов. Дополнения 1–4. СПб. (Пг.), 1913–1917.

яркий пример – введение трудовой повинности для жителей Средней Азии 25.06.1916 г. В эту же сессию Дума одобрила проект о введении прогрессивного подоходного налога.

Вторая часть четвёртой сессии IV Думы и двенадцатая сессия Государственного совета имели место с 9.02 по 20.06.1916 г. Был издан закон о введении прогрессивного подоходного налога – единственная налоговая реформа за время войны, осуществлённая в законодательном порядке. Соответствующий законопроект был внесён в Думу ещё в 1907 г., но из-за сопротивления имущих классов его рассмотрение затягивалось.

Утверждённый 6.04.1916 г. закон предусматривал освобождение от налога имевших доход менее 850 руб. в год (Дума предлагала 1000, Совет при поддержке правительства – 700 руб.). Для остальных минимальная ставка составляла 0,6%, максимальная (для сверхдоходов свыше 400 000 руб. в год) – 12,5%. Налог распространялся также на юридических лиц[314]. Практического значения эта реформа не получила, т. к. закон вводился в действие с 1.01.1917 г., соответственно взыскание налога должно было произойти в конце 1917 г.

Последовавшее вскоре постановление об обложении прироста прибылей в военное время, как и остальные нормативные акты о налогах, были изданы на основании статьи 87.

Закон от 8.04.1916 г. об устройстве и эксплуатации телефонных линий предоставлял местному самоуправлению самостоятельно проводить телефонные линии (при отсутствии казённой, ранее для этого требовалось разрешение МВД) [315].

В четвёртую сессию Думы также были изданы законы о сокращении потребления мяса и о дополнении положения о призрении нижних воинских чинов и их семейств. Первый из них, утверждённый 30.06.1916 г., предусматривал запрет продажи говядины, свинины, баранины и продуктов из них со вторника по пятницу включительно (правительственный проект предусматривал лишь среду и пятницу), а также убой скота (кроме приготовления консервов и мороженного мяса) с понедельника по четверг включительно[316]. Второй закон, утверждённый 3.07.1916 г. и улучшавший положение семей мобилизованных, основывался на чрезвычайных указах[317].

---

[314] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Стб. 520, 556–646, 651–722, 745–777, 1001–1005, 1100–1101, 3506–3507, 3602, 4220, 4249–4254, 4326, 4355; Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия двенадцатая. Пг., 1916. Стб. 68–83, 96–124, 127–178, 184–234, 243–282, 330–430, 433–486, 489–523, 525–772, 777–781, 1189–1200.

[315] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия вторая. Ч. 1. СПб., 1914. Стб. 56–66, 97–145, 169–182, 1362–1365, 1778–1779. Сессия четвёртая. Стб. 3643, 3720, 4220, 4224–4226, 4326, 4355; Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия двенадцатая. Стб. 285–318, 783–858, 896–897, 903–904, 1268–1270, 1314.

[316] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 3985, 4336, 4490–4622, 4630, 4640–4660, 4664–4699, 4745, 5638, 5780, 5786, 5801–5803, 5813–3; Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия двенадцатая. Стб. 1548, 1719–1736, 1799–1800.

[317] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Стб. 245, 1257, 1588–1609, 2049–2050, 4732, 5780, 5791, 5801–5803, 5813–3. Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия двенадцатая. Стб. 324–325, 1271–1278, 1362–1363, 1384, 1815–1816.

Закон 3.07.1916 г. о повышении жалования университетским профессорам и преподавателям (предусматривал также отмену гонорарной системы, отмену согласия министра на оставление на службе проработавшего 25 лет профессора, увольнение не защитившихся в течение 5 лет приват-доцентов и др.[318]) стал единственным изданным с участием Думы нормативным актом об улучшении государственного аппарата. В чрезвычайно-указном порядке было издано несколько десятков указов об усилении полиции, а также создано Главное управление государственного здравоохранения (соответствующий указ был фактически отменён Думой).

Также Дума одобрила проекты о военной цензуре, равноправии крестьян (оба были ранее изданы в чрезвычайно-указном порядке), а также о кооперативах. Все три законопроекта не были рассмотрены Государственным советом до роспуска. Государственный совет передал в согласительную комиссию проект об ответственности чиновников, облегчавший привлечение их к следствию и суду за должностные преступления.

Пятая сессия IV Думы и тринадцатая сессия Государственного совета прошли с 1.11.1916 по конец февраля 1917 г. со значительными перерывами. Основным законодательным итогом сессии стала реформа административных департаментов Сената (закон 26.12.1916 г.), направленная на превращение его в независимого и эффективного блюстителя законности в государственном управлении. В частности, сенатские департаменты получили право представлять кандидатов на вакантные должности сенаторов. Был радикально реформирован порядок принятия Сенатом решений.

До реформы решения административных департаментов Сената могли приниматься по общему правилу единогласно (при этом наряду с сенаторами могли голосовать заинтересованные в деле министры) и с согласия обер-прокурора (правительственного чиновника, подчинённого министру юстиции). В случае разногласий или возражений обер-прокурора, поддержанного министром, дело переходило в общее собрание Сената, которое могло принять решение большинством в 2/3 голосов. В случае отсутствия квалифицированного большинства или несогласия с ним министра юстиции дело через I департамент Государственного совета представлялось императору. Такая процедура вела к тому, что сенатские решения обычно издавались лишь тогда, когда дело утрачивало актуальность. По закону 1916 г. все дела в административных департаментах должны были окончательно решаться простым большинством. Реформа должна была вступить в силу с 1.01.1917 г.[319].

Этот закон был единственной либеральной реформой, проведённой через палаты. В то же время 17.03.1915 г. на основании статьи 87 был издан указ о введении городского самоуправления в Польше (в последней думской редакции, приемлемой для поляков, голосовавших за неё). Важнейшей же либеральной реформой времён Первой мировой войны был основанный на высочайше

---

[318] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия вторая. Ч. 5. Стб. 903, 1113–1149, 1367–1368. Стб. Сессия четвёртая. Стб. 5637, 5650, 5781, 5786–5787, 5801–5803, 5813–4; Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия двенадцатая. Стб. 1696–1719, 1797–1798.

[319] Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия девятая. Пг., 1915. Стб. 2285–2588. Справочный листок Государственной Думы. Четвёртый созыв. Сессия пятая. № 31. С. 6. Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. Стб. 1031, 1082–1093,1107.

утверждённом положении Совета министров циркуляр управляющего МВД кн. Н. Б. Щербатова от 19.08.1915 г. о фактической отмене черты оседлости: иудеям разрешалось проживать по всей империи кроме столиц, дворцовых пригородов Петрограда, территорий казачьих войск и Туркестанского края.

В пятую сессию Дума окончательно одобрила законопроект о закреплении «сухого закона». Он предусматривал запрет на время войны на изготовление и продажу для пищевых целей спиртных напитков. Допускалась лишь выделка вина и его продажа в винодельческих местностях. Спустя год после ратификации мирного договора предполагалось разрешить повсеместную продажу вина российского производства с правом местного самоуправления ограничивать и запрещать её. 22.02.1917 г. особая комиссия Государственного совета единогласно одобрила этот проект, но общее собрание верхней палаты рассмотреть его не успело[320].

Согласительная комиссия рассмотрела законопроект об ответственности чиновников. Она предложила ввести право прокуратуры возбуждать дело о должностных преступлениях без согласия начальства, а также установить подсудность соответствующих дел суду присяжных. По газетным сведениям, принятие проекта было предрешено[321]. Дума в пятую сессию начала рассмотрение проекта создания волостного земства – ключевой реформы, которая должна была устранить неполноправие крестьян в местном самоуправлении.

В годы Первой мировой войны в России имелись целые направления законодательства, по которым вовсе не издавались законы по 86-й статье. В частности, вовсе без участия Думы издавались постановления о правилах ведения войны (о соблюдении международных конвенций, положении военнопленных и др.), смягчалось трудовое законодательство (разрешался ночной труд женщин и подростков на военных предприятиях и угольных шахтах), чины действующей армии получили судебный иммунитет, велась борьба с употреблением спиртных напитков, ограничивались гражданские и политические свободы. В частности, в порядке чрезвычайно-указного законодательства были введены военная цензура и разрешительный порядок выезда за границу. Циркуляр главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина от 15.04.1915 г. фактически отменил право крестьян выходить с землёй из общины.

В заключение можно отметить следующее. Как известно, Основные законы 1906 г. разделили законодательную власть между императором и двумя палатами. При этом решающее влияние на него оказывала Дума. После начала Первой мировой войны Дума, как было показано выше, утратила контроль над законодательством. Это было вызвано главным образом объективными причинами: в военное время парламентский законодательный механизм слишком медлителен и неповоротлив. Поэтому имело место активное использование чрезвычайно-указного права.

В парламентарных странах это не вызвало перехода парламента в оппозицию из-за наличия у него влияния на правительство. В России же Дума фактически потеряла свою долю государственной власти. Именно это обстоятельство привело к созданию Прогрессивного блока, объединившего наря-

---

[320] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Стб. 5397–5422, 5430–5446, 5501–5560, 5597–5637. Сессия 5. Стб. 1249–1250. Новое время. 1917. 23. 02. С. 3.

[321] Ответственность должностных лиц // Новое время. 03.12.1916. С. 4.

ду с оппозиционными ряд консервативных фракций, в принципе согласных с дуалистической монархией и ориентированных на сотрудничество с правительством. Как известно, отказ Николая II от полной или частичной ответственности правительства перед Думой привёл к переходу блока в полном составе в оппозицию и расколу сторонников третьеиюньской политической системы, что оказалось для неё гибельным.

М. А. Златина,
Российский государственный педагогический университет, Россия

Обсуждение вопроса о черте еврейской оседлости в IV Государственной Думе в годы Первой мировой войны (июль 1914 – август 1915 гг.)

На период Первой мировой войны приходится очередной виток обострения еврейского вопроса в России. Катализатором стала проблема расселения еврейских вынужденных мигрантов, волной хлынувших из охваченных войной западных губерний Российской империи вглубь страны, скапливавшихся вдоль восточной черты оседлости. Территория, где имели право проживать евреи, была буквально затоплена потоком еврейских беженцев и выселенцев, ставя на повестку дня вопрос о необходимости разрешения ситуации с правом жительства еврейского населения в Российской империи.

Вопрос о проблемах, вызываемых сохранением черты еврейской оседлости, поднимался на страницах периодической печати, в различных общественных организациях. Казалось бы, не могла остаться в стороне от данной злободневной темы и Государственная Дума, которая играла, по мнению историка Ф. А. Гайды, «одну из основных ролей в политической жизни страны»[322]. Но за период от начала Первой мировой войны до августа 1915 г., когда был принят циркуляр о временном разрешении евреям селиться в городах Российской империи вне черты оседлости, именно на открытых заседаниях Государственной Думы реже всего озвучивалась данная проблема. Не были приняты и предложения депутатов от национальных групп, фракций социал-демократов и трудовиков об отмене правовых ограничений, связанных с национальностью и вероисповеданием. Попробуем разобраться, почему именно такая ситуация сложилась в Думе вокруг вопроса о правовых ограничениях инородцев в целом, и о еврейском «правожительстве» в частности.

На первом «военном» заседании Государственной Думы, состоявшемся 26 июля 1914 г., напрямую не поднимался вопрос о черте оседлости и прочих правовых ограничениях евреев. Представитель Курляндской губернии Н. М. Фридман (вслед за другими депутатами, выступавшими от имени различных национальных групп) от лица русских евреев высказался в русле общей идеи о единении народа и власти во имя победы России над неприятелем и о выполнении евреями своего гражданского долга. Правда, в еврейской прессе было подчёркнуто, что после речи Фридмана «среди бурного восторга и криков «ура» долго ещё слышались слова «в исключительно тяжёлых правовых условиях жили и живём мы, евреи, и, тем не менее, всегда чувствова-

[322] Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1916). М., 2003. С. 48.

ли себя гражданами России»[323]. В этом случае Н. М. Фридман, скорее всего, не ставил своей задачей поднимать вопрос о правовых ограничениях евреев и акцента на этой проблеме специально не делал.

Проблема размещения вынужденных мигрантов ещё не была столь острой, как в последующие месяцы войны, и не требовала немедленного пересмотра законодательства о евреях (по архивным данным, первые выселенцы появились 29 июля 1914 г.)[324].

В период между сессиями Государственной Думы депутаты поднимали проблему черты еврейской оседлости на заседаниях различных общественных организаций. Например, литовец М. М. Ичас (Ковенская губерния), изучавший ситуацию в западных губерниях в качестве уполномоченного от Всероссийского союза городов, представил в Москве, «в Совете ВСГ доклад о положении беженцев в крае и о мерах, необходимых для оказания помощи пострадавшим от войны». В докладе говорилось, в том числе, о «стеснительных условиях для еврейских беженцев ввиду существования черты оседлости»[325].

Кроме того, что особенно важно, в этот промежуток времени партии решали для себя: войдёт ли вопрос о черте еврейской оседлости в перечень тем, которые можно будет вынести на обсуждение на следующей сессии Государственной Думы, или рассмотрение проблемы отношения властей к евреям пока всё ещё остаётся как бы под негласным запретом. Согласно протоколам ЦК кадетов, на заседании от 9 октября 1914 г. один из лидеров партии А. С. Изгоев предложил внести законопроект «о черте оседлости в Думу – притом не от имени кадетов, а от Фракции прогрессистов», и заявил, что «надо обсудить в своей среде, нельзя ли это поставить на очередь»[326]. В ответ П. Н. Милюков заметил, что «лично он в декабре ещё не решился бы поднимать подобные вопросы, а что будет в феврале, об этом трудно пока загадывать»[327]. 21 декабря 1914 г. было подтверждено решение во имя сохранения «национального единства» избегать обсуждения в Государственной Думе столь острых вопросов как сохранение черты оседлости и не критиковать слишком резко политику правительства в отношении еврейского населения. Хотя бывший депутат М. М. Винавер отмечал, что «политика эта такова, что он далеко не уверен в том, что отдельные представители национальных групп, входящие в число членов партии кадетов, найдут в себе силу воздержаться в Гос [ударственной] Думе от выступлений против правительства»[328]. П. Н. Милюков заверил, что Национальная группа решила, что «единство и мощь России сейчас должны стоять впереди всех вопросов»[329]. В воспоминаниях члена Политического бюро при еврейских депутатах С. М. Дубнова мы также обнаруживаем информацию, подтверждающую изначальную дого-

---

[323] Новый восход. 1914. № 30. 31 июля. С. 14.

[324] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9458. Оп. 1. Д. 167. Л. 116.

[325] Минский голос. 1914. 26 октября.

[326] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. (1912–1914). Т. 2. М., 1997. С. 409–410.

[327] Там же.

[328] Там же. С. 486.

[329] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. (1912–1914). Т. 2. М., 1997. С. 494.

ворённость кадетов и еврейских депутатов не поднимать во время третьей сессии IV Государственной Думы тем о положении евреев в России. «Накануне думского заседания наше совещание с депутатами обсуждало до поздней ночи текст декларации депутата Фридмана. Под давлением общего настроения Думы пришлось ограничиться новым изъявлением патриотизма, но с оговоркой, что за полгода войны мы «пережили многое и страшное» [330]. Подобные же сведения предоставляет нам пресса: в газете «Утро России» в январе 1915 г. сообщалось, что «в последние дни происходили совещания видных представителей кадетов и еврейских общественных деятелей. Обсуждался вопрос об отмене еврейских ограничений и о необходимости поднять снова вопрос о еврейском равноправии в Государственной Думе при открытии ближайшей её сессии. Кадеты указывали на несвоевременность обсуждения еврейского вопроса и практической постановки его в законодательных учреждениях в настоящий момент» [331]. Правда, согласно прессе, еврейские общественные деятели не согласились с аргументами кадетов, полагая, что проведение мероприятий, вроде предоставления повсеместного права жительства евреям – участникам войны, не противоречит интересам государства в текущий момент. В итоге евреи решили разослать министерствам особую записку по еврейскому вопросу.

В результате всех этих кулуарных переговоров надеждам и упованиям евреев на помощь Государственной Думы в решении еврейского вопроса [332] не суждено было сбыться. За день до открытия третьей сессии IV Государственной Думы, 26 января 1915 г., было устроено частное совещание думской комиссии с участием министров. На нём П. Н. Милюков «говорил обо всех безобразиях, которые творятся с евреями» [333]. Но министр внутренних дел Н. А. Маклаков заявил, что он сделал максимум для евреев. Дальше разговоров на закрытых частных встречах обсуждение положения евреев не пошло. На заседаниях зимней сессии Государственной Думы (27–29 января 1915 г.) представители кадетской партии, в соответствии с позицией, утверждённой ЦК ещё в конце 1914 г., продолжали придерживаться политики единения, не поднимая вопроса о черте еврейской оседлости и прочих правовых ограничениях евреев в России. А. И. Шингарев заявил, что Фракция народной свободы не будет прибегать к внутренней политической борьбе. Указывалось, что «перед лицом внешнего врага такая борьба должна умолкнуть, нельзя выражать её и в голосовании против бюджета» [334]. Депутат Н. М. Фридман, следуя решению, принятому на совещании кадетов с еврейскими лидерами, и подтверждая свидетельство С. М. Дубнова, лишь упомянул, что «за истекшие шесть месяцев евреи пережили многое и страшное, на долю их выпали неожиданные испытания, усугубившие и без того тяжкий гнёт бесправия», но «в час борьбы с внешним врагом» он не станет заострять на этом внима-

---

[330] Дубнов С. М. Книга жизни. Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. Иерусалим – Москва, 2004. С. 373.

[331] Утро России. 1915. 6 января.

[332] См.: Новый восход. 1915. № 3. 22 января. С. 1–3.

[333] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. (1915–1920) Т. 3. М., 1998. С. 50.

[334] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия третья. Пг. 1915. Стб. 151.

ния[335]. Вопрос о политике в отношении еврейского населения подняли только представители Трудовой группы. Тобольский трудовик В. И. Дзюбинский выступил с речью, в которой говорилось о том, что «наше правительство не только не прекращает прежние системы гонений, но и, совершенно не считаясь ни с переживаемым моментом, ни с огромными жертвами, которые несёт вся разноплеменная Россия, делает невыносимой жизнь бесправных евреев...» [336] Но это заявление не было поддержано другими фракциями. Кроме того, так и не прозвучало само предложение изменить правовое положение евреев хотя бы в области отмены той же черты оседлости. Таким образом, «главный орган выражения общественного мнения» на данном этапе решил промолчать. Правые партии и октябристы изначально не собирались поднимать тему еврейского правового положения. Кадеты и прогрессисты промолчали во имя сохранения «единства». Голос левых партий был слаб из-за немногочисленности состава фракций. Надежды евреев на Государственную Думу на этом этапе не оправдались.

Потерпев неудачу с Думой, еврейские депутаты решили обратиться напрямую к министрам. Как писал об этом С. М. Дубнов, началось «мыкание наших бедных депутатов по министрам» [337]. Помимо оповещения членов правительства о сложном положении евреев в прифронтовой зоне депутаты просили также отменить на время войны черту оседлости, не дающую возможности решить проблемы еврейских вынужденных мигрантов. 12 февраля 1915 г. Председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным была принята еврейская делегация, в состав которой вошёл и депутат Н. М. Фридман [338]. И. Л. Горемыкину было сообщено о положении еврейского населения в Польше в районе военных действий и помимо всего прочего был поднят вопрос о черте оседлости: «что нам делать с десятками тысяч беженцев и изгоняемых, ... они гибнут... между тем при свободе передвижения они могли бы расселиться, найти работу, устроиться...» [339] «Горемыкин обещал оказать содействие» [340], хоть и признался, что «если вы имеете в виду расселение вне черты оседлости, я не могу... закон» [341]. Во время визитов депутатов Думы Н. М. Фридмана и М. Х. Бомаша 23 февраля 1915 г. к И. Л. Горемыкину, а также к министру иностранных дел С. Д. Сазонову, тема черты оседлости не поднималась. Зато очень символично прозвучало вступительное слово Н. М. Фридмана к разговору с С. Д. Сазоновым: «Мы пришли рассказать вам, что не могли расска-

---

[335] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия третья. Пг. 1915. Стб. 33.

[336] Там же. Стб. 150.

[337] Дубнов С. М. Книга жизни. Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. Иерусалим – Москва, 2004. С. 375.

[338] Петроградские ведомости. 1915. 14 февраля.

[339] См.: Война. Россия. Евреи: Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 г. // Публикация В. Кельнера. Приложение к: Яшунский И. Российское еврейство и мировая война. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: http://www.jewish-heritage.org/kelner.htm

[340] День. 1915. 13 февраля.

[341] См.: Война. Россия. Евреи: Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 г. // Публикация В. Кельнера. Приложение к: Яшунский И. Российское еврейство и мировая война. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: http://www.jewish-heritage.org/kelner.htm

зать 27 января ... выступать с фактами и документами в такой день мы тогда считали неудобным. Мы сказали тогда то немногое, что можно было сказать. В настоящее же время мы считаем своим долгом осведомить вас по этому вопросу» [342]. Данные слова как нельзя лучше демонстрируют осознанное замалчивание этих тем кадетскими депутатами во время третьей сессии IV Государственной Думы. Проблема черты оседлости в марте 1915 г. формулировалась депутатами Н. М. Фридманом и М. Х. Бомашем перед министром финансов П. Л. Барком и министром внутренних дел Н. А. Маклаковым [343]. Но эти попытки еврейских депутатов решить проблему ограничений евреев тоже не увенчались успехом. Все министры расписались в своём бессилии устранить проблему черты еврейской оседлости.

Еврейское население решило ждать начала очередной сессии Государственной Думы в надежде, что депутаты фракций, поддерживающих отмену черты оседлости (прежде всего, кадеты, поскольку социал-демократы и трудовики и до этого не замалчивали подобные проблемы), изменят политику Думы по еврейскому вопросу. Тем более что следующая сессия Государственной Думы пришлась на момент апогея обострения ситуации с еврейскими вынужденными переселенцами. После массового поголовного перемещения евреев из прифронтовой зоны поток выселенцев, наслоившись на волны добровольных еврейских беженцев, полностью заполонил оставшуюся под российским контролем часть территории черты оседлости. Правительство вынуждено было открыть для евреев доступ в Тамбовскую, Пензенскую и Воронежскую губернии. Резолюции с требованием возбудить ходатайство перед правительством об отмене черты оседлости принимает ряд городских дум (Смоленская, Саратовская и пр.) [344], а также Всероссийский съезд Союза городов [345] и съезды ВПК. При таком ажиотаже вокруг вопроса о правовых ограничениях евреев в русском обществе Государственная Дума никак не могла проигнорировать данную тему без угрозы потерять свой статус «рупора общественного мнения». Тем более что еврейская пресса ожидала шагов именно от думцев: «в черте пробита брешь, ... но это случайные явления, вызванные необходимостью, а не система, свидетельствующая о повороте. Большое влияние на дальнейшую политику может оказать Государственная Дума» [346]. Подчёркивалось, что «открывшаяся при исключительных условиях новая сессия Государственной Думы привлекла к себе исключительное внимание. От Государственной Думы ждали решительных шагов в смысле устранения внутренних неустройств» [347]. Чем ответила на все эти ожидания Государственная Дума? Начав свою работу 19 июля 1915 года, на этот раз она не обошла вниманием положение еврейского населения, но поднять вопрос об устранении правовых ограничений, направленных против отдельных народов в целом, и проблему еврейской чер-

---

[342] См.: Война. Россия. Евреи: Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 г. // Публикация В. Кельнера. Приложение к: Яшунский И. Российское еврейство и мировая война. [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: http://www.jewish-heritage.org/kelner.htm

[343] Там же.

[344] Новый восход. 1915. № 12–13. 3 апреля. С. 53.

[345] Новый восход. 1915. № 7. 20 февраля. С. 24.

[346] Евреи и Россия. 1915. № 3. 21 июля. С. 2.

[347] Еврейская жизнь. 1915. № 4. 26 июля. С. 1.

ты оседлости в частности, рискнули немногие партийные фракции. На первом же заседании лидер Фракции прогрессистов И. Н. Ефремов подчеркнул, что «национальные несправедливости обострены», но специально о еврейском вопросе не упомянул. П. Н. Милюков от лица Фракции Народной свободы остановился в своей речи на проблеме обвинения еврейского населения империи в предательстве, которое нельзя слепо переносить на весь еврейский народ. Вскользь заметил, что «сегодня эта национальная политика осуждена самой властью, признавшей, что интересы граждан равны и равно заслуживают внимания без различий племён, языка и веры» [348]. Таким образом, кадетская партия, очень тонко намекая на равность прав граждан Российской империи, самого вопроса еврейского равноправия и проблемы черты оседлости так и не поставила. Депутат Н. С. Чхеидзе от имени левых с осуждением сообщил о выселениях евреев и взятии из их среды заложников [349]. Но, опять же, сам вопрос об изменении правового положения еврейского населения не ставился. 20 июля 1915 г., в Думе вновь выступил Н. М. Фридман. Представив факты верноподданнических настроений среди евреев Российской империи, он первый открыто поднял вопрос о черте оседлости: «Когда происходит стихийное передвижение масс, когда население перегоняют из одной части государства в другую, когда черта оседлости и так уже нарушена, когда евреев тысячами ссылают в Тамбовскую, Воронежскую губернии, в Сибирь, Дума находит несвоевременным дать этому народу право свободного передвижения. Таким образом, в области еврейского вопроса всё остаётся по-прежнему...» [350]. Завершил свою речь Фридман словами о том, что «от членов Государственной Думы зависит ... совершить то действие, которое может вывести еврейский народ из того отчаянного положения, в которое он поставлен» [351]. В ответ раздались рукоплескания лишь слева и на отдельных местах центра [352], как предвестник крушения надежд на проведение закона о равноправии инородцев в России.

Следующая попытка поднять вопрос о снятии ограничений со всех народностей, населяющих Российскую империю, была предпринята 20 июля 1915 года значительной группой представителей нерусских народов. Лидер Мусульманской группы К-М. Б. Тевкелев, «по поручению заседающих в Государственной Думе представителей от латышей, литовцев, армян, эстонцев, мусульманского и еврейского населения», предложил добавить в «формулу перехода к текущим делам пожелание о том, что в ближайшем будущем должны быть приняты меры: 1. К устранению всяких административных стеснений, направленных против отдельных народностей. 2. К отмене в законодательном порядке всех ограничительных законов, связанных с вероисповеданием и национальностью» [353]. Трудовая группа предложила свою формулу перехода, в которую было включено предложе-

---

[348] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Ч. 1. Пг., 1915. Стб. 96.

[349] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Ч. 1. Пг., 1915. Стб. 122,130.

[350] Там же. Стб. 156–169.

[351] Там же. Стб. 172.

[352] Там же. Стб. 173.

[353] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Ч. 1. Пг., 1915. Стб. 189.

ние о «необходимости настаивать на полном равноправии всех перед законом, что особенно неотложно ввиду исключительных гонений на евреев, украинцев и кавказских мусульман».[354] Принятие поправки к формуле перехода Тевкелева или Трудовой группы могло бы стать заметным шагом на пути решения национального вопроса в России, в том числе еврейского с чертой еврейской оседлости. За поправку К.-М. Б. Тевкелева высказалось 162 голоса против 191, «поправка была отклонена»[355], как и предложение Трудовой группы. Социал-демократический депутат А. Чхеидзе подчеркнул: «что касается поправок, которые внесли национальные группы, то мы поправки поддерживаем»[356]. Фактически попытку решить национальный, в том числе еврейский вопрос, сделали Трудовая, Социал-демократическая фракции и представители национальных групп в Государственной Думе. Представители кадетской партии и прогрессисты дальше осуждения правительственной политики не пошли, хотя часть из них также голосовала за поправки о введении равноправия. 1 августа 1915 г. тема национального вопроса вновь зазвучала в Думе, социал-демократ А. И. Чхенкели подчеркнул, что «съезд военно-промышленных комитетов», который вроде как не является политическим органом, также высказался «за устранение полицейских и административных стеснений, за равноправие евреев ...Перед Государственной Думой лежала обязанность поставить перед собой основные политические вопросы и стремиться к скорейшему их разрешению. Но большинство Думы, к которому примкнула и так называемая оппозиция, не пошло этим путём»[357]. Завершая речь, А. Чхенкели указывал, что «в стране ещё осталось много людей, которые верят, наивно возлагают на Государственную Думу большие надежды. Государственная Дума не оправдала этих надежд»[358]. В еврейской прессе критиковалась политика кадетов, но отмечалась последовательная позиция левых фракций Думы[359].

В дальнейшем в Государственной Думе вопрос о черте оседлости упоминался лишь 13 августа 1915 г. в связи с принятым циркуляром Н. Б. Щербатова о предоставлении евреям права проживания почти по всей территории России. Социал-демократ М. И. Скобелев указал, что «в Совете министров встал вопрос о черте оседлости в то время, когда волна еврейских беженцев, в большинстве случаев насильственно снимаемых со своих мест, уже смела в действительности эту средневековую плотину»[360].

Таким образом, частичная отмена черты оседлости была вызвана внутренними и внешнеполитическими факторами, отчасти проявилось и влияние общественности и депутатов Государственной Думы, у которых Н. Б. Щербатов выяснил мнение о планируемом решении правительства по еврейскому вопросу. Но парадокс состоял в том, что частичное снятие чер-

---

[354] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Ч. 1. Пг., 1915. Стб. 190.

[355] Там же. Стб. 196.

[356] Там же. Стб. 195.

[357] Там же. Стб. 276–277.

[358] Там же. Стб. 277.

[359] Еврейская жизнь. 1915. № 6. 9 августа. С. 1–2.

[360] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Ч. 1. Пг., 1915. Стб. 653.

ты оседлости было всё же инициативой правительства, а не Государственной Думы, в которой за снятие правовых ограничений открыто выступили только левые и национальные фракции. Кадеты и прогрессисты, сначала заботясь о сохранении «национального единства», а затем о поиске компромисса, в том числе, по еврейскому вопросу с участниками Прогрессивного блока, реальных шагов по еврейскому вопросу не предприняли и частично убирать черту оседлости пришлось «реакционному правительству».

Г. А. Ивакин,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия

Общественно-политическая деятельность правоконсервативных сил в период Первой мировой войны и развитие российского парламентаризма

Первая мировая война стала серьёзным испытанием для российской государственности, её политической и общественной системы. Черносотенные политические силы, получившие представительство в российском парламенте, приняли активное участие в общественно-политической деятельности в период 1914–17 гг.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. деятельность правомонархистов активизировалась в сторону поддержки правящего режима. Правые выступили активными сторонниками победоносного завершения Первой мировой войны. При этом значительное внимание черносотенцы уделяли патриотическому подъёму российского общества в условиях военных испытаний. В начале войны ряд правомонархически настроенных граждан, объединившись с частью октябристов, основали Московское общество «За Россию» (и одноимённую газету) во главе с председателем, присяжным поверенным В. Ф. Лошковым. Общество ставило цели: «Способствовать поддержанию достоинства и интересов Русского государства; способствовать развитию патриотических чувств; оказывать поддержку российскому воинству путём общественной помощи»[361]. Как отмечал председатель Общества В. Ф. Лошков, «в самом начале своей деятельности Общество встретилось с затруднениями...»[362] Из его слов следовало, что Общество обвинялось в организации беспорядков и погромов[363]. Это свидетельствует о том, что далеко не все инициативы черносотенства пользовались безусловной поддержкой правительства.

На протяжении Первой мировой войны черносотенные организации развернули активность, направленную на помощь армии и обществу. Одесский Союз Русских Людей продолжал свою просветительскую деятельность и в годы войны, но уже в несколько другом формате: «Кроме снабжения наших дорогих воинов бельём и продуктами, Союз принял участие также и в снабжении их духовной пищей: Союз принял участие в Комитете по снабжению раненых воинов произведениями печати, образовавшемся под председательством пом. градоначальника П. А. Столпакова»[364]. В отчёте Одесско-

[361] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102.00 ДП. Оп. 245. 1915. Д. 246. Т. 2. Л. 135.

[362] Там же. Л. 136–136 об.

[363] Там же. Л. 136 об.

[364] ГАРФ. Ф. 102.00 ДП. Оп. 246. 1916. Д. 244. Т. 2. Л. 56.

го СРЛ с 1 октября 1914 г. по 1 октября 1915 г. отмечалось: «Ещё в конце прошлого отчётного года Союзом открыт был сбор пожертвований деньгами и вещами для учреждённого при Союзе вещевого склада для нужд воинов ...При Союзе организован был военно-технический отдел, имевший целью объединение лиц, могущих работать для нужд армии и для выяснения тех средств, которыми располагал Союз»[365].

Всё же, несмотря на все рекомендации по усилению работы на местах, именно региональные отделения были слабым местом черносотенных организаций, особенно в годы Первой мировой войны. Так, в Хотимском отделе Всероссийского Дубровинского Союза русского народа, по данным жандармского управления Могилёвской губернии в 1916 г., большинство членов отдела находилось в действующей армии, «а нынешний его состав определяется в 33 человека, лиц, главным образом в возрасте, отличающихся приверженностью к спиртным напиткам»[366].

В Государственной Думе среди правых консерваторов звучали речи патриотические, демагогичные, направленные на своих врагов по конфессиям, чтобы если не уничтожить, то в значительной степени ослабить их влияние в стенах Думы, и в стране.

Православный священник из Бессарабии Н. Е. Гепецкий заявлял: «Ни разум, ни совесть наша не могут мириться с вандализмом, проявляемым солдатами Вильгельма. Во имя горячей любви к родине объединились все народности... война эта должна быть доведена до исчерпывающего конца; только в этом случае возможно освободиться от засилья воинствующего дикого германизма...»[367]

Военные трудности дали повод правомонархистам для острой критики своих политических оппонентов. В 1915 г. правомонархисты обрушили всю свою полемическую мощь на деятельность центристов и их политических союзников в Государственной Думе. Это было связано и с формированием в IV Государственной Думе Прогрессивного блока, выдвигавшего требования создания «министерства доверия», признания свободы вероисповеданий, проведения политической амнистии, представления автономии Польши.

Для черносотенцев были неприемлемы положения Прогрессивного блока о «министерстве общественного доверия», и даже реформы местного самоуправления, отмена сословных ограничений, развитие кооперативов и общественных организаций[368].

В годы войны черносотенцы обвиняли прогрессистов в двуличии и ложном патриотизме, обличая их «истинную» сущность. Черносотенцы прямо заявляли, ссылаясь на печатные органы своих оппонентов, что для них (либералов) «периоды народных бедствий и особенно войны являются наиболее подходящим временем для насильственного захвата власти»[369]. До начала 1915 г.

---

[365] ГАРФ. Ф. 102.00 ДП. Оп. 246.1916. Д. 244. Т. 2. Л. 67–68.

[366] ГАРФ. Ф. 102.00 ДП. Оп. 246.1916. Д. 244. Т. 1. Л. 147.

[367] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия третья. СПб., 1915. С. 24–28.

[368] Кузьмина И. В. Прогрессивный блок в IV Государственной Думе, 1915–1917 гг. Дисс... канд. историч. наук. М., 2000. С. 223.

[369] Речь профессора С. В. Левашева // Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановление и краткий отчёт. Москва, 1915. С. 9: ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 1916. Д. 358. Л. 339.

боевые действия для Российской Армии развивались успешно, что, по мнению черносотенцев, не позволяло врагам самодержавия полностью реализовать свои планы. На совещании монархистов, проходившем в Петрограде 23–25 ноября 1915 г., профессор-черносотенец С. В. Левашев говорил: «Потому так называемые прогрессисты до поры до времени надели на себя личину патриотизма и начали также произносить воодушевлённые речи о забвении всяких домашних споров и внутренних раздоров и о необходимости полного объединения для победы над врагом, устраивали санитарные поезда, лазареты, госпитали и т. п., а между тем чутко прислушивались к вестям с полей брани» [370].

27–29 августа 1915 г. в Саратове состоялось Совещание уполномоченных монархических организаций, которое констатировало: «С кафедры Государственной Думы льются революционные и бунтовщические речи. Левая печать поносит и высмеивает всё, что дорого русскому сердцу. Во внутренние города России хлынули сотни тысяч жидов, природных шпионов, смутьянов, агитаторов и ненавистников русского народа» [371].

К Всероссийскому Совещанию монархических организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде 26–28 ноября 1915 г. был подготовлен доклад председателя Аккерманского отдела СРН И. Гайдукова, в котором говорилось, что «существующий закон для наказания за призывы на улице к бунту и ниспровержению существующего самодержавного строя должен быть применён и к членам Государственной Думы и Совета, когда они этого заслужат, даже во время занятий в этих учреждениях» [372].

В постановлении Совещания (раздел «По вопросу о современном политическом положении») отмечалось, что «члены Государственной Думы и Государственного совета, составившие прогрессивный блок, являясь орудием международного заговора против России, задумали изменить существующий в России государственный строй, пользуясь переживаемыми нашей Родиной военными затруднениями, не останавливаясь даже перед сношениями с организациями, руководимыми правительством воюющей с нами державы («Украинская» организация), и потому являются ответственными и по общим законам, и как нарушители принесённой ими присяги или клятвенного обещания... » [373] Совещание постановило просить «Министра юстиции, как Генерал-прокурора, возбудить против лиц, входящих в состав Прогрессивного блока, уголовное обвинение» [374].

В связи с этим нельзя не сказать о том, что особое внимание черносотенцы уделяли национальному вопросу, который имел для них «цивилизационное» значение. На наш взгляд, было бы неверно записывать черносотенные организации в вульгарный антисемитизм, хотя справедливости ради нужно сказать, что встречались и такие мнения.

В целом, со стороны черносотенных организаций евреи обвинялись во враждебности государственным законам и к народностям, не принадле-

---

[370] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 1916. Д. 358. Л. 339.

[371] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 105.

[372] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. Л. 42 об.

[373] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 279.

[374] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 293.

жащим к еврейству. Ещё до войны председатель Киевского отдела Русского Собрания Б. М. Юзефович предлагал ограничить право евреев на получение образования»[375]. Евреям отказывалось в равноправии в политической сфере («плохо будет русским, если евреи проникнут в Государственную Думу»[376]), а в военный период евреям и связанным с ними лицам («жиды и их приятели русские изменники») приписывалась изменническая деятельность, связанная, например, с антивоенной агитацией[377]. В результате мы видим всё ту же демонизацию евреев, приписывание заговорщических устремлений (программа всемирного еврейства).

При этом ряд авторов, в частности Т. А. Шукшина, на анализе конкретной деятельности черносотенных организаций настаивает, что «важной составляющей «черносотенной» культуры была юдофобия».[378] Л. Кафра пишет про «антисемитский и по сути антибиблейский фашистский «Союз русского народа»»[379]. М. Н. Лукьянов уточняет, что некоторые консерваторы связывали опасность, исходившую от евреев, не только с особенностями их религиозного культа, но и с биологическими, расовыми характеристиками евреев, хотя перед началом Первой мировой войны расовое обоснование антисемитизма не вытеснило традиционного, опиравшегося на идею несовместимости иудаизма и христианства, расистские тенденции, возможно, оказали заметное влияние на консервативные трактовки национальных отношенийЯ[380].

Важно заметить, что у черносотенцев помимо евреев были и другие враги с национальным оттенком. Так, в донесении, поступившем 22 декабря 1915 г. в Департамент полиции, отмечалось, что Всероссийское совещание монархических организаций и правых деятелей, проходившее в Нижнем Новгороде 26–28 ноября 1915 г., постановило признать украинофильство («мазепинцы») «явлением крайне опасным, имеющим в виду расчленить Русь, чтобы воссоздать «украинскую» народность»[381].

На совещании монархистов, проходившем 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде, черносотенные организации в качестве внутренних врагов государства определили в постановлении «германцев»: «признать германцев, вступивших в русское подданство после 1870 г., иностранными подданными со всеми вытекающими из сего по закону последствиями... прекратить приём в русское подданство лиц немецкого происхождения, состоящих подданными враждующих с нами государств»[382]. Немцев как внутренних врагов

---

[375] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 43. Л. 1.

[376] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 33. Л. 4 об.

[377] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 849. Л. 16.

[378] См.: Шукшина Т. А. «Черносотенные» погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX века. Дисс. ... на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Челябинск. 2010. 208 с.

[379] Кафра Л. Еврейское вино для русской Церкви // Заметки по еврейской истории. Интернет-журнал еврейской истории, традиции, культуры. 2002, № 5 – http://berkovich-zametki.com/Nomer5/Kafra1.htm

[380] Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Автореф. дис. на соиск. учён. степ. д-ра историч. наук. С.-Пб. 2004. С. 29–30.

[381] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 1915. Д. 244 Т. 1. Л. 293.

[382] Совещание монархистов в Петрограде 21–23 ноября 1915 г. Постановление и краткий отчёт. М., 1915. С. 36.

рассматривали и некоторые отделы СРН. В докладе председателя Аккерманского отдела СРН формулировалась угроза «немецкого засилия»: «Немецкое засилие настолько пагубно для нас, что каждому очевидно. Немцы десятки лет готовились в Германии для разгрома России, а немцы, живущие в России, быстро завоёвывали мирным путём, захватив колоссальные пространства лучших земель на юге России, приготовляя почву для своих братьев из Германии, вытесняя преданный Самодержавному Царю русский народ в Сибирь и Тургайскую область»[383].

В качестве ещё одного врага черносотенцы определяли масонство, которое в их представлении, также носило ярко выраженный этнический характер. Масонов они отождествляли «с всемирным жидовским кагалом, <...> положившим самое начало масонской тайной организации во времена построения храма Соломона великим архитектором Хирамом, постепенно захватившим верховную власть над всеми масонскими ложами востока и запада и через них держащим в своих жидовских руках судьбу всех гоев, населяющих землю»[384]. Таким образом, черносотенцы придавали «сакрально-всемирный» смысл своей борьбе, так как в качестве врага они определяли не только конкретный народ или нацию (хотя на некоторые и указывали), но весь мир, якобы захваченный евреями-масонами.

Впрочем, иногда неприязнь к иноземцам выражалась в более мягких формах. Например, в одной из листовок отставным генерал-лейтенантом А. Навроцким формулировалась следующая мысль: «Чтобы были иноземцы на Руси всегда не рабы, но только гости, а не господа; чтобы их туча наше царство вновь не облегла, и Россия чтоб для русских матерью была»[385].

Не все правомонархические общества стояли на жёстких русских националистических позициях, были и те, которые в условиях нарастающего имперского кризиса во время Первой мировой войны к 1916 г. приходили к выводу о необходимости расширения национально-социальной базы движения. «Русскость» не переставала рассматриваться как самоценность, но предлагалось и понятие «славянскости». Наиболее ярко это проявилось в деятельности таких организаций, как например, Общество чешско-славянского единения. Первой целью устава этого Общества объявлялось «Объединение всех славян путём развития учений и качеств великих славян всех веков», а также «развитие сознания среди славян о кровном родстве и неизмеримой глубине древнеславянской земледельческой культуры»[386]. Конечной же задачей Общество ставило «полное освобождение славянского мира от вражеского и, вообще, чужого засилья»[387].

Между тем существовали черносотенные организации, считавшие возможным принимать евреев в свои ряды, одной из них был Отечественный монархический союз, возглавляемый В. Г. Орловым. Как отмечается в письме председателя отдела мастерских Московско-Курской железной дороги Союза имени Михаила Архангела А. Сталинского, направленном в Главную

---

[383] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. Л. 43–43 об.

[384] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 323.

[385] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.

[386] ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 698. Л. 18.

[387] Там же.

палату Союза 2 января 1916 г., «Орлов стал открытым сторонником евреев»[388], а деятельность его рассматривалась как провокаторская. Из письма следует, что В. Г. Орлов совершил подлог, заверив в органах МВД устав Отечественного монархического союза, в котором прописывалось, что «евреи ни в коем случае в Союз не принимаются»[389], но в печатной версии устава этой фразы уже не было[390].

Таким образом, ввиду разнородности движения сложно однозначно определить позицию черносотенцев по национальному вопросу. С одной стороны, их отличал непримиримый антисемитизм, граничащий с бытовой ксенофобией и шовинизмом, что особенно было характерно для низовых организаций. С другой стороны, в военный период лидеры черносотенного движения демонстрировали более умеренные взгляды по данному вопросу, критикуя другие национальности в политическом контексте.

Отдельно следует сказать и о том, что внутри самих черносотенных организаций активно распространялась информация, направленная против центристов и либералов. Показательным примером здесь может служить донесение агентуры, касающееся внутрипартийной деятельности Союза имени Михаила Архангела. 16 июля 1915 г. начальник Казанского губернского жандармского Управления полковник Калинин получил информацию от своего агента: «В Саратове издан секретный циркуляр Союза имени Архангела Михаила, в котором призывают быть готовыми для будущей борьбы, так как прогрессисты для своих революционных выгод устройств в будущем возмущений в России, желают использовать часть всего того, что теперь предпринимает мобилизация промышленности для нужд войны, дабы этим сбережённым материалом воспользоваться при будущих прогрессивных выступлениях для ограничения царской власти. Кадры прогрессистов готовятся для помянутого будущего революционного выступления»[391].

Вся охранительная сторона черносотенной идеологии ещё больше усилилась в годы Первой мировой войны, когда сохранение самодержавной православной монархии оказалось сопряжено с сохранением государственной целостности страны. Война дала новые основания для черносотенного мировоззрения, несколько переориентировав его направленность – с внутренней на внешнюю. Правомонархисты пытались сохранить хотя бы целостность системы управления страной, которая была на грани раскола, стремились выслужиться перед самодержавной властью.

Правоконсерваторы в сложный период Первой мировой войны, обострения межнациональных противоречий, внутриполитической нестабильности, угрозы «шпионажа и предательства...»[392] работали не как созидательная сила нации, а, скорее, раскачивали «лодку» российской государственности.

---

[388] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 246, 1916. Д. 244. Т. 1. Л. 10 об.

[389] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 246, 1916. Д. 244. Т. 1. Л. 9.

[390] Сложно судить об истинных намерениях В. Г. Орлова, но можно сделать как минимум два предположения: 1. Это была провокаторская деятельность (как она трактовалась членами Союза имени Михаила Архангела). 2. Это была целенаправленная деятельность по расширению социальной базы черносотенного движения. Остаётся фактом то, что была такая черносотенная организация, которая допускала принятие в свои члены евреев.

[391] ГАРФ. Ф. 102.00. Оп. 245.1915. Д. 244. Т. 1. Л. 87 б.

[392] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. Л. 40 об.

Не добившись от государства принятия решения об очередном реакционном выборном законодательстве и новой редакции Основных законов, они призывали к «немедленному роспуску Государственной Думы и Государственного совета по случаю того, что эти учреждения в настоящее время революционизируют страну и стараются поставить в народе свой авторитет выше авторитета Государя Императора...»[393], тем самым формируя в обществе сомнительные мысли о роспуске парламента и перегруппировке политических сил. К 1915 г. «придворная камарилья», чему во многом способствовала и деятельность самих черносотенцев, начала прорабатывать вопрос о роспуске IV Государственной Думы и об издании нового «Положения о выборах в Государственную Думу».

Для власти и правомонархистов главная задача заключалась в том, чтобы учесть ошибки прошлых избирательных кампаний: проанализировать положение в губерниях, и, самое главное, определить, на какие группы населения может опираться правительство. В дневнике императора Николая II по этому поводу написано: «В числе подготовительных мер надлежит указать на необходимость заготовления списков с отметкой о тех лицах, коих губернаторы не должны пропускать в следующую Думу...»[394]

Таким образом, вероятно, готовился проект, предполагающий новые изменения в избирательном законодательстве о положении Государственной Думы в политической системе Российской империи, меры по её укреплению, в числе которых допускалось проведение новых выборов. В целом, данные шаги были призваны укрепить политические позиции царя и поддерживающих его сил.

[393] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. Л. 40.

[394] Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск, 2003. С. 324.

Т. В. Котюкова,
Институт всеобщей истории РАН, Россия

Туркестанское направление национальной политики в Государственной Думе в годы Первой мировой войны

Учреждение Государственной Думы породило у народов Туркестана надежду на возможность на общегосударственном уровне открытой постановки вопросов, касающихся острых социально-экономических, правовых, религиозных и этнокультурных проблем, которые всё острее вставали на повестку дня, усиливая накал политической напряжённости в регионе. После роспуска II Государственной Думы по новому избирательному закону 3 июня 1907 г. население Туркестана было лишено избирательных прав. Общее национальное представительство в III Думе сократилось примерно до 100 депутатов, а в IV Думе – до 76 мест[395].

Дебаты в Думе по вопросу восстановления туркестанского представительства возникали, во-первых, в процессе рассмотрения того или иного законопроекта, касавшегося Туркестана (бюджет, сметы переселенческого Управления, земские повинности и т. д.); во-вторых, в результате депутатских запросов; в-третьих, в ходе обсуждения законопроектов о реформировании избирательной системы в России и введении всеобщего избирательного права.

Внутри самого Туркестана это движение можно условно разделить на два этапа. Первый этап: с июня 1907 г. по август 1915 г. В это время выступления за возвращение Туркестану избирательного права носили единичный характер, выражаясь в форме петиций и ходатайств местного населения, а также публикаций в печати. Второй этап: с августа 1915 г. до февраля 1917 г. На этом этапе активизируется деятельность национальной политической элиты, к решению проблемы подключились члены Ташкентской городской думы и т. д. Вопрос начинает подниматься на более серьёзный уровень. Стимулятором явилось резкое ухудшение экономической и политической обстановки как в регионе, так и в целом по стране, вызванное Первой мировой войной. Своей кульминации проблема туркестанского представительства достигла во время восстания 1916 г.

6 августа 1915 г. городской голова Ташкента Н. Г. Маллицкий по поручению городской думы отправил ходатайство в адрес военного министра[396]. Члены городской думы хотели возвращения избирательного права хотя бы Ташкенту, мотивируя свою просьбу своеобразием региона и некомпетентностью центральной власти (в том числе Государственной Думы) в принятии решений, непосредственно касающихся интересов края. Маллицкий заверял военного министра, что русское и туземное население послало бы теперь в Го-

[395] Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. М., 1976. С. 47.

[396] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 12. Д. 1906. Л. 2.

сударственную Думу людей «иного склада и направления». Начальник Главного штаба дал ответ туркестанскому генерал-губернатору: «Генерал от инфантерии Поливанов (военный министр. – *Т.К.*) не признал возможным дать означенному ходатайству дальнейшее движение». Военный министр дал указания туркестанскому генерал-губернатору собрать сведения о наличии в крае партий монархической ориентации[397]. После сбора информации было доложено: «Монархические организации в Туркестане крайне неорганизованы, а кое-где отсутствуют вовсе, а посему действенной политической силы не представляют»[398].

В местной печати всё чаще можно было встретить статьи следующего содержания: «... Не время ли вернуть Туркестану отнятое у нас в эпоху реакции 1907 г. представительство в законодательных учреждениях? Трудовой фракцией Государственной Думы, как известно, в самом же начале открывающейся на днях сессии Думы будет внесён законопроект о возвращении Туркестану права представительства»[399]. Туркестан с нетерпением ждал открытия пятой сессии IV Государственной Думы, на которой, как многим казалось, должна была решиться судьба туркестанского представительства. На открывшейся 13 декабря сессии о Туркестане говорили как никогда много. Но это было связано с восстанием 1916 г. в Туркестане, о чём речь пойдёт ниже, а вопрос об изменении избирательного закона рассмотрен так и не был. Его рассмотрение было вновь заморожено.

Согласно закону о всеобщей воинской повинности, введённому в Российской империи в 1874 г., на коренное население недавно завоёванных территорий Туркестанского края воинская повинность не распространялась. Местное население туркестанских областей не платило военного налога.

В 1912 г. Министерство финансов вошло в Государственную Думу с законопроектом об установлении военного налога, уплачиваемого в течение трёх лет в размере шести рублей в год освобождаемыми от военной службы лицами. Финансовая комиссия Думы высказалась за его отклонение[400].

С началом Первой мировой войны министр финансов, изыскивая источники новых поступлений в казну, в октябре 1914 г. представил в Совет министров свои предложения об установлении военного налога с лиц, освобождённых от военной службы, а также о введении на некоторых национальных окраинах империи особого налога, заменявшего исполнение воинской повинности, в качестве дополнительного сбора к существующим видам прямого обложения. Однако и этот проект встретил возражения со стороны думской комиссии при обсуждении государственной росписи доходов на 1915 г. Финансовое ведомство в декабре 1914 г. вновь направило его в Совет министров. Последним было принято решение распространить военный налог на лиц, не несущих личной воинской повинности, четырёх призывных годов – 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. в течение 18 лет[401]. Для всех областей Туркестанского

---

[397] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1133. Л. 17.

[398] Там же. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 1193. Л. 24.

[399] Туркестанский голос. 1916. 1 ноября.

[400] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 168.

[401] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 168.

края налог должен был взиматься в размере 21 % от суммы всех видов прямого обложения[402].

Закон об установлении военного налога получил одобрение со стороны царя 19 апреля и вступил в силу с 1 января 1915 г. В условиях войны это решение носило временный характер и военный налог был введён в крае только в связи с финансовыми трудностями, вызванными участием России в Первой мировой войне. Что касается исполнения воинской повинности, то дискуссия на эту тему была сложнее и возможное решение лежало в первую очередь в политической плоскости.

В марте-апреле 1912 г. военный министр В. А. Сухомлинов после поездки в Туркестан сделал вывод: «Инородческое население Туркестана привлекать к воинской повинности на общем основании не желательно как ввиду недостаточной их политической благонадёжности, так и малой культурности главной массы туземцев»[403].

14 июня 1915 г. в Ставке под председательством Николая II состоялось заседание Совета министров, на котором было намечено начать привлекать к отбыванию воинской повинности освобождённые категории населения[404]. В законопроекте приводились три причины, по которым нерусское население империи могло бы освобождаться от военной обязанности: политическая неблагонадёжность, низкий культурный уровень, выражавшийся в незнании русского языка, и слабое здоровье. Отметим, что всё русское население Туркестана, на которое распространялась отсрочка по отбыванию воинской повинности, было решено «безотлагательно привлечь на общих основаниях»[405]. В случае принятия данного законопроекта из одного Туркестана можно было (с учётом тех категорий русского населения, на которое так же распространялся ряд льгот и отсрочек) дополнительно мобилизовать 148 тыс. человек[406].

В августе 1915 г. Государственная Дума и Государственный совет высказались за незамедлительное привлечение к воинской службе коренного населения окраин, освобождённого от воинской повинности. Начальником Главного штаба на этот счёт в адрес туркестанской администрации был направлен запрос, на который последовал отрицательный ответ от временно исполнявшего обязанности туркестанского генерал-губернатора Ф. В. Мартсона. Проведение реформы призыва неизбежно влекло за собой изменение в работе существующих и, что самое важное, организацию новых административных органов – учреждений по воинской повинности. При этом в Туркестане, кроме Семиреченской области, посемейные списки нигде не велись. Эту работу, ввиду отсутствия в крае земских учреждений и дворянских присутствий, планировалось поручить уездным начальникам[407].

Генерал Мартсон приводил следующие аргументы: призыв коренного населения в ряды армии даже как временная мера в сложившихся условиях

---

[402] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 169.

[403] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 485. Д. 1250. Л. 24.

[404] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 5.

[405] Там же. Л. 6.

[406] Там же. Л. 32–33.

[407] Там же. Л. 41.

может вызвать недовольство. Указывал он и на религиозное единство коренного населения Туркестана «с народностями, настроенными к нам враждебно», в первую очередь с османской Турцией; его культурную, социально-бытовую и климатическую неадаптированность к российским и европейским условиям; отсутствие кадров из числа коренных народов Туркестана для формирования специальных «инородческих» частей. Кроме того, отмечал Мартсон, установление воинской повинности противоречит уже взыскиваемому с населения военному налогу [408].

Спустя несколько месяцев, в ноябре 1915 г., в Государственную Думу поступил законопроект Военного министерства «О привлечении к воинской повинности некоторых частей населения, освобождённых от неё до настоящего времени». Министерство считало несправедливым, что население центра несёт воинскую повинность за окраины. Военные угрозы, возникающие на туркестанской и кавказской границах, заставляли иметь там резерв обученных военному делу людей [409]. Кроме того, при подавляющем большинстве в Туркестане коренного населения было важно подготовить русское население «к самообороне на случай возможных внутренних волнений» [410].

Тексты законопроектов, представленных в июле (текст подготовлен в 1914 г.) и ноябре 1915 г., почти идентичны. Исключение составляли выводы – «призывать – не призывать». Если в законопроекте, подготовленном Военным министерством в 1914 г., призыв был отсрочен «до лучших времён», то в ноябре 1915 г. «привлечение теперь же» на общих основаниях киргизского населения Степных областей и Туркестана почиталось мерой, «вполне соответствующей общим государственным интересам» [411].

Нужды воюющей страны диктовали свои правила. Доклады 1915 г., представленные в Совет министров и в Государственную Думу, содержали уже совсем иные, чем в 1914 г., выводы о воинских качествах коренных народов Туркестана: «Что касается возможности отдельных вспышек неудовольствия среди киргизов, при введении у них воинской повинности, то такие вспышки, если бы они и возникли, должны быть без колебания подавлены в силу государственной необходимости; при впечатлительном же характере азиатов можно рассчитывать в этом случае на быстрое успокоение киргизской массы...» [412] Относительно представителей других национальностей Туркестана были высказаны соображения, что с учётом привычки к тёплому климату их можно призывать на службу преимущественно в южные военные округа [413].

Летом 1916 г. в Ставке состоялось совещание о производстве работ по устройству оборонительных сооружений в прифронтовых местностях. Выяснилось, что нужен 1 млн. человек. Из народов, не несущих воинскую повинность, собирались создать рабочие дружины общей численностью

---

[408] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. М., 1960. С. 86.

[409] Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 927.

[410] Там же. С. 298.

[411] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 340. Л. 10.

[412] Цит. по: Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 21–22.

[413] Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 22.

в 550 тыс. человек. Совет министров обсудил эту проблему на заседаниях в июне 1916 г.[414] Уже 6 июня 1916 г. Управление воинской повинности МВД направило секретную депешу туркестанскому генерал-губернатору, в которой сообщалось об одобрении законопроекта Советом министров в принципе. При этом управление просило генерал-губернатора ответить на вопрос: не следует ли опасаться каких-либо затруднений при призыве инородцев[415]. Вопрос, видимо, был задан формально, он не давал местной администрации времени на ответ, поскольку решение было принято.

25 июня 1916 г. Николай II подписал Указ «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ», распространявшийся на мужчин в возрасте от 19 до 43 лет. Целью указа являлось обеспечение рабочей силой ряда оборонительных сооружений, военных предприятий, то есть расширение возможности призыва на фронт русских рабочих, занятых на этих работах, путём замены их на «инородцев».

За отбывание этой трудовой повинности рабочие должны были получать денежное вознаграждение и находиться на полном обеспечении государства. Для сельского населения это означало потерю основной части работников в разгар полевых хлопковых работ. Кроме того, подписание указа совпало со священным для мусульман месяцем Рамадан.

В крае об указе узнали раньше его официального обнародования: его основное содержание было передано по телеграфу. 29 июня 1916 г. мобилизация была начата. По наряду край должен был направить на тыловые работы порядка 250 тыс. человек. Но уже 2 июля 1916 г. на совещании, состоявшемся у временно исполнявшего должность туркестанского генерал-губернатора М. Р. Ерофеева с участием военных губернаторов областей, краевая администрация пришла к единодушному выводу – уменьшить наряд хотя бы до 200 тыс. чел.[416]

Стоит подчеркнуть, что после завоевания Средней Азии, российская власть гарантировала местным народам освобождение от несения воинской повинности и долго это обещание исполняла. Но в тот критический для страны момент было решено использовать их для вспомогательных работ в тылу действующей армии. Мусульмане восприняли этот шаг как отказ от данных ранее обязательств и нарушение своих законных прав.

Местная администрация оказалась неподготовленной к проведению столь сложного и масштабного мероприятия. Очень скоро стали очевидны нарушения и злоупотребления, допускаемые в ходе мобилизации. Последствия не замедлили сказаться. Вскоре на огромной территории Туркестана разгорелось массовое восстание, реально угрожавшее как социально-политическому спокойствию на азиатских рубежах империи, так и её экономическому потенциалу.

---

[414] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 252–256.

[415] Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 304.

[416] Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957. С. 32–33.

Первым открытым проявлением недовольства стали события 3–4 июля 1916 г. в г. Ходженте. Весть о них облетела весь Туркестан. Вскоре восстание перекинулось на Самаркандскую и Ферганскую области. Наиболее крупное выступление произошло 13–21 июля в Джизаке. В нём участвовало несколько тысяч человек. Местные власти стали принимать экстренные меры по подавлению восстания, бросив против восставших карательные отряды.

В то же время некоторые местные общественные деятели также предприняли попытку привлечь внимание к сложившейся ситуации, они хотели просить депутатов приехать в край и на месте разобраться, как идут дела с набором коренного населения на тыловые работы, а также собирались ходатайствовать в Государственной Думе об отмене указа о призыве инородцев[417]. О проблеме стало известно в Думе, 21 июля 1916 г. депутаты Государственной Думы – В. А. Виноградов, Н. В. Некрасов, В. А. Ржевский, К. Б. Тевкелев – составили послание на имя военного министра и начальника Штаба Верховного главнокомандующего, в котором потребовали отложить набор рабочих и выработать подробные условия их призыва[418]. 29 июля в Петрограде под председательством М. В. Родзянко состоялось совещание депутатов Государственной Думы по вопросам мобилизации населения на тыловые работы. Депутаты просили Родзянко «побеседовать» с новым туркестанским генерал-губернатором А. Н. Куропаткиным. Родзянко немедленно по телефону переговорил с Куропаткиным, который обещал «принять всё сообщённое во внимание»[419].

После назначения Куропаткина генерал-губернатором края положение несколько стабилизировалось. Тем не менее Государственная Дума решила отправить в край свою комиссию, состоявшую из председателя Мусульманской фракции Государственной Думы К.-М. Б. Тевкелева, а также лидера Фракции трудовиков – А. Ф. Керенского[420]. Юность Керенского прошла в Туркестане, и при отсутствии депутатов от края он считался в Думе «экспертом» по туркестанским вопросам.

Прежде чем отправиться в Туркестан, Керенский от имени членов Государственной Думы отправил (24 июля 1916 г.) телеграмму на имя генерала М. В. Алексеева, начальника Штаба Верховного главнокомандующего[421]. В ней, в частности, говорилось, что изъятие части рабочих, волнения среди остальных в период хлопковой кампании грозит гибелью значительной части урожая хлопка, столь необходимого для государства. В связи с этим от имени Думы начальнику Штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексееву была передана убедительная просьба срочно отклонить проведение призыва до окончания хлопковой кампании, то есть до 1 ноября[422]. 30 июля 1916 г. был объявлен новый царский указ об отсрочке мобилизации.

---

[417] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 23.

[418] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 31, Д. 1144. Л. 51.

[419] Туркестанский голос. 1916. 30 июля.

[420] По первоначальному плану в Туркестан должны были отправиться депутаты К. Б. Тевкелев и М.-Ю. Джафаров, но в связи с тем, что на Кавказе после обнародования царского указа тоже произошли беспорядки, Джафаров был отправлен Государственной Думой для выяснения событий, происшедших в его избирательном округе.

[421] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1158. Л. 222.

[422] Там же. Д. 1202. Л. 3.

Газета «Туркестанский голос», комментируя приезд депутатов, писала: «Туркестан впервые со времени лишения его избирательных прав через посредство Керенского и Тевкелева будет выслушан в Государственной Думе, впервые за девятилетний промежуток там прозвучит основанное на личном изучении правдивое слово о нуждах населения и его надеждах. Край именно для прочности установления в нём успокоения нуждается в реформах прежде и больше всего. Проведение этих реформ и, в первую очередь, восстановление представительства от населения в законодательных палатах – вопрос срочной государственной необходимости» [423].

15 августа 1916 г. в Ташкент в сопровождении местных джадидских лидеров Шакира Мухамедиарова и Мустафы Чокаева прибыл депутат Думы К. Б. Тевкелев, а 17 августа – глава депутации А. Ф. Керенский. Губернаторам областей и чинам полиции предлагалось не чинить препятствий депутатам в деле личного ими посещения некоторых местностей Туркестана и ознакомления с причинами беспорядков на местах. Приезд депутатов дал возможность населению Туркестана надеяться на то, что на открывающейся ноябрьской сессии Государственной Думы будет внесён законопроект о пересмотре положения об управлении Туркестанским краем, а самое главное – будет поднят вопрос о восстановлении представительства от Туркестанского края. Вскоре в «Туркестанском голосе», появилась заметка: «Лишённый представительства Туркестан в новую последнюю сессию IV Государственной Думы будет молча следить за тем, как в Думе будут решать важные для него законопроекты, как будут налаживать его хозяйство, упуская одно, искажая другое, становясь в тупик перед незнакомым своеобразием туркестанской жизни» [424]. А. Керенский высказал твёрдое убеждение в том, что коренное население края благожелательно и лояльно настроено по отношению к русскому населению. При этом он сослался на совместный приём 30 августа и увиденное там «проявление единения между европейским и туземным населением, каковой радостный факт ему приятно констатировать, так как только такие отношения без проявления национальной и религиозной розни способны провести край по пути экономического процветания и свободной культурной жизни» [425].

Комиссия закончила свою работу. Но имела ли её работа практический смысл и пользу? Действительно, у Председателя Думы М. В. Родзянко 10 сентября состоялось частное совещание с участием около 30 депутатов Думы различных фракций, где А. Ф. Керенский возложил главную вину за беспорядки на краевую и туземную администрацию. «Первоисточник событий, – утверждал А. Ф. Керенский, – коренится в неправильных и незаконных действиях администрации вообще, а в частности, в совершенно неумелом применении закона о привлечении инородцев в рабочие дружины, причём население было совершенно не оповещено о предстоящем призыве, а сам призыв принудительными полицейскими мерами был проведён в большой мусульманский праздник» [426].

---

[423] Цит. по: Ковалев П. А. Революционная ситуация 1915–1917 гг. и её проявление в Туркестанском крае. Ташкент, 1971. С. 197–198.

[424] Туркестанский голос. 1916. 1 ноября.

[425] Туркестанский курьер. 1916. 2 сентября.

[426] Ковалев П. А. Восстание 1916 года в Средней Азии и русская буржуазия//Труды Средне-Азиатского гос. ун-та. Ташкент, 1953. С. 40.

Встревоженная вновь обострившейся в крае ситуацией Государственная Дума в очередной раз попросила Керенского разобраться в ней. Непосредственно перед началом нового набора рабочих в Туркестане Керенский послал вторую телеграмму генералу Алексееву с просьбой «во имя истинных интересов государства» приостановить мобилизацию на тыловые работы в Туркестане[427].

В декабре 1916 г. окончательно выяснилась неудача «второй волны» мобилизации. Группа членов Государственной Думы обратилась от имени фракций прогрессистов, кадетов, мусульманской фракции и меньшевиков с запросом к премьер-министру, министрам внутренних дел, юстиции и к военному министру по поводу событий «в некоторых местностях Туркестанского и Степного генерал-губернаторства». В запросах члены Государственной Думы теперь прямо обвиняли правительство в нарушении основных законов Российской империи и, в частности, 86-й статьи, гласившей, что никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной Думы и утверждения государя императора.

В этом документе также говорилось, что весь Туркестан и Степной край были потрясены возникшими событиями, хозяйственные и политические последствия которых сейчас ещё не поддаются учёту. В некоторых местах от доведённых до исступления туземцев пострадало русское население. Многие тысячи туземцев без различия пола и возраста уничтожены карательными экспедициями.

Из запроса трудовиков и меньшевиков: «Известно ли господам министрам, что объявленное военным министром высочайшее повеление от 25 июня с. г. не подлежало, как противоречащее 71 ст.[428] „Основных законов“ опубликованию; что при введении в действие сего повеления министр внутренних дел допустил превышение власти, а военный министр – бездействие власти, повлекшее за собой тяжкие для государства последствия; что при применении сего высочайшего повеления на местах чинами местной администрации совершён ряд должностных преступлений; и, если всё изложенное известно, то какие меры приняты к восстановлению силы закона в порядке управления и для незамедлительного привлечения к ответственности должностных лиц, нарушивших свой служебный долг и „Основные законы“ Российской империи»[429].

А вот строки из запроса прогрессистов: «Государственная Дума неоднократно указывала правительству на ненормальность того положения, при котором целые большие категории русских граждан, преимущественно инородцев Средней Азии и Кавказа, не несут воинской повинности. Государственная Дума настаивала на совершенной недопустимости дальнейшего сохранения этого изъятия в то время, когда кровь русских граждан льётся рекой в Мировой войне, требующей величайшего напряжения всех сил государства. Государственная Дума требует: в этой войне и инородцы, наравне со всеми гражданами русского государства, должны нести тяжёлую и почётную повинность крови, великую обязанность своей грудью защищать бла-

[427] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1158. Л. 222–223.

[428] Ст. 71 гласила: «Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона».

[429] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 8–9.

госостояние и целостность отечества ...Однако оно (правительство. – *Т.К.*) привлекло инородцев не к несению воинской повинности, а только к работе по государственной обороне, при которых инородцы ставятся в относительно безопасное положение по сравнению с теми, кто призывается под ружьё на фронт... Правительство смело и самоуверенно взяло на себя ответственность за проведение указанной меры, без участия законодательных учреждений. Мы предлагаем обратить наш запрос... к министру юстиции, на каком основании он допустил распубликование незакономерного мероприятия, а затем не возбудил уголовного преследования против лиц, виновных в превышении и бездействии власти» [430].

При изучении вышеприведённых запросов (особенно запроса от трудовиков и меньшевиков) может сложиться впечатление, что Дума при всех ограничениях действовала смело, оперативно и объективно. Но почему же депутаты не предприняли действенных мер сразу после обнародования указа, и восстание продолжалось с июня 1916 г. по февраль 1917 г.?

Нам представляется, что истинное стремление значительной группы депутатов Государственной Думы заключалось в том, чтобы, во-первых, показать, что основной причиной восстания явилось лишь опубликование царского указа и поспешное проведение набора; во-вторых, высказать критику действий правительства, и в первую очередь силовых министерств в отношении «восточных окраин». Керенский считал царский указ единственной причиной восстания, он заявил также, что при наборе в рабочие дружины следовало учесть «в каком порядке и когда это нужно привести в исполнение».

В крае начались судебные процессы над участниками восстания, и чтобы помочь мусульманскому населению защитить свои права, в качестве адвоката в Туркестан прибыл депутат Думы И. А. Ахтямов. Он выступил в окружных судах Коканда и Намангана и др.

События в Туркестане стали, наконец, предметом особого рассмотрения на пятой сессии Государственной Думы четвёртого созыва. По запросу депутатов Государственной Думы о событиях в Туркестанском и Степном краях состоялось два закрытых заседания – 13 и 15 декабря 1916 г. На них в общей сложности выступило пять депутатов: А. Ф. Керенский, М.-Ю. Джафаров, князь С. П. Мансырев, граф Д. П. Капнист 2-й и депутат М. С. Аджемов. Керенский выступил два раза, открывая и закрывая слушания.

Показателен состав выступивших депутатов: в нём не было представителей от Туркестана, лишённого избирательного права. Высказывались те, кто хоть немного имел представление о регионе: Капнист 2-й, участвовавший в ревизии графа Палена, Мансырев, когда-то служивший в крае податным инспектором, Аджемов – окончивший Лазаревский институт восточных языков. Джафаров представлял Мусульманскую фракцию Думы.

Выступление Керенского было эффектным и продолжительным. Он говорил о нарушении царизмом законов Российской империи и о незаконности самого «Высочайшего повеления». Нарушение, по его мнению, выразилось в том, что указ был принят без консультации с местными губернаторами. Выступивший затем Джафаров также утверждал, что «призыв состоялся в порядке, нарушающем основные законы Российской империи».

[430] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 12–13.

Он выражал возмущение тем, что незаконная повинность «осуществлялась... без учёта экономических и бытовых условий». Джафаров заявил, что всё зло проистекало из того, что «высшая краевая администрация передоверила это важное дело низшей туземной администрации». 15 декабря князь Мансырев отметил, что пока произвол местной администрации и центральной власти не будет прекращён, пока не будет в корне изменено местное положение об управлении краем, до тех пор «всегда возможно происхождение таких или более кошмарных событий» [431].

Депутат Капнист 2-й посвятил своё выступление бедам пострадавшего русского населения края, о которых якобы умолчал депутат Керенский. Капнист рассматривал восстание 1916 г. с точки зрения его угрозы для русской колонизации края, где, по его мнению, лежала хлопковая независимость России. Он обвинил власти в неосторожности и недальновидности. Депутат Аджемов обрушился на правительство. «... Ни один здравомыслящий человек, – подчеркнул он, обращаясь к Председателю правительства Штюрмеру, – который стоит во главе государства, не мог послать такую телеграмму: забрать мужское население от 19 до 40 лет». Кроме того, Аджемов увидел в восстании «хорошо продуманную помощь германцев» [432]. Мансырев уверял собравшихся, что разговоры о панисламистской интриге нужны лишь для того, чтобы «укрыться за этими интригами, как за щитом и покрыть недостатки своего управления», свалив с больной головы на здоровую.

В то же время управляющий делами канцелярии туркестанского генерал-губернатора В. Н. Ефремов доложил туркестанскому генерал-губернатору: «В результате обследования, притом крайне скороспелого и затруднявшегося незнакомством депутатов с бытом и языком туземцев, и явилась та картина, которая была нарисована.., картина односторонняя, а часто и неверным тоном подкреплённая к тому же фактическими данными, которые были подвергнуты неправильному обобщению или не стояли в действительности ни в какой связи с беспорядками или же совершенно не имели места, и ввиду всего этого получилась картина, совершенно не соответствующая действительности» [433].

Приезд комиссии Государственной Думы в Туркестан не дал практических результатов, но имел широкий общественный и политический резонанс. Местная политическая и торгово-предпринимательская элита ждала от приехавших решительных действий. «Мы надеемся на вас!» – восклицали они на встречах и банкетах. Но депутаты только уговаривали, успокаивали и уверяли, что в стране есть политические силы, желающие отстаивать не только интересы русского человека, но и интересы «туземца». Комиссия уехала, оставив обещания, а с собой увозя вывод об опасности проведения дальнейшей мобилизации в создавшихся условиях.

За 50 лет русского присутствия в крае и почти 10 лет работы Государственной Думы ни правительство, ни Дума так и не инициировали комплексного рассмотрения проблем социально-экономического и правового развития Туркестана. Как результат этой политики – повышенная конфликтность,

---

[431] Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сборник документов под. ред. П. Г. Галузо. Ташкент, 1932. С. 107–146.

[432] Там же. С. 155

[433] ЦГА РУз. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 20.

нестабильность и постоянно возраставший конфронтационный потенциала внутри туркестанского общества.

Дебаты в Государственной Думе передают лишь серьёзную обеспокоенность правительственных кругов за судьбу интересов метрополии в крае. Но власть как центральная, так и местная была куда более склонна к силовым методам решения острых социально-экономических и политических проблем, нежели конструктивному диалогу с обществом. Дума так и не приняла своего главного политического решения в отношении края – не вернула в Таврический дворец его депутатов. Именно такое решение могло стабилизировать непростую ситуацию в регионе. Но это было возможным лишь при системном изменении национальной политики Российской империи в отношении «окраин», в данном случае – Туркестана.

С. В. Куликов,
Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия

Прогрессивный блок и левые фракции IV Государственной Думы и Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917 гг.)

При изучении деятельности IV Государственной Думы периода Первой мировой войны отечественные и зарубежные исследователи обращаются, прежде всего, к ней самой, что вполне естественно, раз нижняя палата является главным объектом исследования. Однако без учёта отношений этой Думы и так называемых общественных организаций, возникших во время войны, – речь идёт о всероссийских Земском и Городском союзах, участвовавших в помощи больным и раненым воинам и Центральном и местных военно-промышленных комитетах – история IV Думы будет оставаться неполной. Особого внимания заслуживают отношения возникшего в августе 1915 г. Прогрессивного блока и левых фракций нижней палаты (Социал-демократической и Трудовой), прежде всего – лидеров Прогрессивного блока и перечисленных фракций, с Центральным военно-промышленным комитетом (ЦВПК) и его созданной в ноябре 1915 г. Рабочей группой, состоявшей из социал-демократов – меньшевиков. Отношения указанных акторов, однако, применительно только к Февральской революции, досконально проанализировал лишь А. Б. Николаев[434], который полагает, что Рабочая группа и ЦВПК играли подчинённую роль по отношению к Думе, хотя в историографии существует и иная точка зрения[435].

Постановка заявленной проблемы правомерна и потому, что лидеры Прогрессивного блока занимали руководящие позиции в ЦВПК: выборный член Прогрессивного блока в Государственном совете А. И. Гучков являлся председателем Бюро ЦВПК, прогрессист А. И. Коновалов был его заместителем, софракционер А. И. Коновалова А. А. Бубликов и член Прогрессивного блока в верхней палате Н. Ф. фон Дитмар также занимали посты товарищей А. И. Гучкова.[436]. А. Д. Протопопов даже утверждал, что во главе «военно-

[434] Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005.

[435] Куликов С. В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. // Российская история. 2012. № 1.

[436] В Бюро ЦВПК входили многие политики: из прогрессистских лидеров – М. А. Караулов, В. А. Ржевский и С. И. Франгулов, из кадетских – В. А. Виноградов, Н. К. Волков, С. В. Востротин, А. А. Добровольский, Ю. М. Лебедев, Н. В. Некрасов, М. И. Пападжанов, В. А. Степанов, М. В. Челноков и А. И. Шингарев, из октябристских – князь С. С. Волконский, И. А. Годнев, И. С. Клюжев и А. Д. Протопопов, из земцев-октябристов – М. Л. Киндяков, Н. В. Савич и Г. С. Унковский, из прогрессивных националистов – В. Я. Демченко, а также выборные члены Прогрессивного блока в Государственном совете Е. Л. Зубашев, Ф. А. Иванов, Н. Э. Крамер, Г. А. Крестовников и П. П. Рябушинский – Личный состав военно-промышленных комитетов. По 24 октября 1915 г. Пг., 1915. С. 5, 8–28.

промышленных комитетов стояли лидеры Прогрессивного блока законодательных учреждений»[437].

Непосредственные связи с Рабочей группой поддерживали немногие из перечисленных членов Прогрессивного блока. В частности, А. И. Гучков, по его признанию, относился «с большими симпатиями и доверием» к председателю Рабочей группы меньшевику К. А. Гвоздеву[438], являвшемуся «частым гостем» гучковского кабинета[439]. Полицейский аналитик характеризовал членов Рабочей группы как «всецело находившихся под сильнейшим воздействием г. Гучкова и его ближайших единомышленников»[440]. Кто же принадлежал к числу этих единомышленников? Выступая 2 марта 1917 г. перед революционной толпой в Таврическом дворце, лидер кадетской партии П. Н. Милюков отметил, что А. И. Коновалов и М. И. Терещенко были представителями «той либеральной группы русской буржуазии, которые первыми в России попытались организовать представительство рабочего класса»[441]. А. И. Коновалов, как указывал большевик А. Г. Шляпников, получил известность как «либеральный политик, душа военно-промышленных социалистов»[442]. «Меньшевики-оборонцы, – вспоминал эсер И. Мильчик, подразумевая членов Рабочей группы, – объективно являлись проводниками в рабочие массы лозунгов и директив левого фланга промышленной буржуазии – Коноваловых, Терещенко, Рябушинских, своих союзников по Военно-промышленному комитету»[443]. Итак, среди членов Прогрессивного блока стабильные отношения с Рабочей группой поддерживали лидеры октябристов и прогрессистов: А. И. Гучков и, соответственно, А. И. Коновалов и П. П. Рябушинский, а также близкий к ним формально беспартийный член Бюро ЦВПК М. И. Терещенко.

С левыми фракциями Думы и их лидерами Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенским, которые «тесно соприкасались с буржуазной оппозицией»[444], а также с социал-демократом Н. Д. Соколовым, возглавлявшим левый политический салон, Рабочая группа, по свидетельству большевика Р. Арского, «завязала тесные нити сотрудничества»[445]. В «оборонческий блок», отмечал А. Г. Шляпников, входили Социал-демократическая и Трудовая фракции, причём «официально связь с Рабочей группой поддерживали Чхенкели, Хаустов, Чхеидзе, Скобелев, Керенский»[446]. Более того, относительно Социал-

---

[437] Протопопов А. Д. Предсмертная записка. Август 1918 г. // Искендеров А. А. Закат Империи. М., 2001. С. 560.

[438] Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в ЧСК Временного правительства. В 7-и тт. М.-Л., 1924–1927. Т. 6. М.-Л., 1926. С. 286.

[439] Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х тт. М., 1992. Т. 1. С. 119.

[440] Буржуазия накануне Февральской революции. М.-Л., 1927. С. 184.

[441] Февральская революция 1917 г. Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 157.

[442] Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 37.

[443] Мильчик И. Рабочий Февраль. М.-Л., 1931. С. 30.

[444] Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 276.

[445] Арский Р. В Петрограде во время войны (Из воспоминаний)//Красная летопись. 1923. № 7. С. 87.

[446] Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 29.

демократической фракции Рабочая группа считала себя стоящей «на одном положении» с фракцией, тем самым указывая «на признание своей неприкосновенности в отношении правительственной администрации»[447]. Таким образом, контакты между членами левых фракций и Рабочей группой находились на более высоком уровне, чем это имело место с членами Прогрессивного блока, что выглядит абсолютно естественным.

Почему, однако, на создание Рабочей группы пошли лидеры фракций октябристов (А. И. Гучков) и прогрессистов (А. И. Коновалов и П. П. Рябушинский), чьи позиции были правее Кадетской фракции, формально занимая в Прогрессивном блоке более умеренные позиции? Секретарь Общего собрания ЦВПК и бывший народоволец М. В. Новорусский объяснял введение представителей рабочих в «организацию, враждебную им по классовым интересам», осознанием буржуазными лидерами «необходимости объединения всех общественных элементов на борьбу одновременно на два фронта: с врагом внешним и врагом внутренним, т. е. со старым режимом». Более того, согласно свидетельству М. В. Новорусского, руководители ЦВПК, «в большинстве представители капиталистических групп, легально и гласно допустили в свою среду инородную группу» именно для «подготовки революции»[448]. Осознание необходимости «буржуазной революции» ради достижения победы и соединило столь разных, на первый взгляд, политических деятелей, и осознание этой необходимости проявилось уже в начале деятельности Рабочей группы.

Начавшееся 29 ноября 1915 г. в Петрограде, в здании Совета съездов представителей промышленности и торговли на Литейном, 46, собрание выборщиков членов Рабочей группы, плавно перешедшее в её первое заседание, открыл А. И. Гучков, который намекнул на необходимость революции, подчеркнув, что «мы все должны победить врага и вместе с тем стремиться к самому лучшему устройству внутренней жизни России»[449]. «Первое заседание Рабочей группы, – вспоминал её секретарь Б. О. Богданов, – состоялось вечером, в главном зале Военно-промышленного комитета... “Охранял” заседавших, по-видимому, ожидая какого-то нежелательного вмешательства в их деятельность со стороны царских чиновников, вышагивавший по огромному залу знаменитый Александр Иванович Гучков... За всё время хождения по залу Гучков не проронил ни слова, подчёркивая этим полную самостоятельность и независимость рабочего представительства в самой гуще буржуазии»[450]. То, что председатель Бюро ЦВПК имел в виду революцию, недвусмысленно подтвердил председатель собрания К. А. Гвоздев, избранный председателем Рабочей группы.

---

[447] Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 276–277.

[448] Новорусский М. В. Рабочая группа Военно-промышленного комитета//Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2–3. С. 27–28, 29. Воспоминания М. В. Новорусского хотя и являются уникальным историческим источником, до сих пор не привлекали внимание исследователей – вероятно потому, что концепция этих воспоминаний находится в разительном противоречии с марксистско-ленинской парадигмой, под влиянием которой, вольно или невольно, до сих пор находится большинство как отечественных, так и зарубежных историков, изучающих предысторию и историю Февральской революции.

[449] Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 122.

[450] Богданов Б. О. Фрагменты воспоминаний//Богданова Н. Б. Мой отец – меньшевик. СПб., 1994. С. 195.

К. А. Гвоздев выступил за организацию «общественных сил России для борьбы с нападающей Германией и для борьбы с нашим страшным внутренним врагом – самодержавным строем». Говоря о том, о чём А. И. Гучков умалчивал, К. А. Гвоздев заявил, что «социальная революция не на очереди» и «власть должна перейти из рук правительства в руки буржуазии», поскольку Россия – «накануне буржуазной революции» и «центральным вопросом жизни является вопрос о замене власти помещиков властью буржуазии» [451]. Следовательно, в трактовке К. А. Гвоздева, а значит – и меньшевиков-оборонцев, победа и революция не противоречили друг другу, а были нерасторжимо связаны между собою, поскольку революция рассматривалась как единственная предпосылка победы. На первом заседании Рабочей группы она по предложению К. А. Гвоздева приняла резолюцию, которая, вспоминал Б. О. Богданов, имела «антицаристскую направленность» [452], иными словами – революционный характер, ибо в ней говорилось о необходимости «коренной ломки режима», причём «очередной задачей рабочего класса, всей демократии и всех искренних сторонников спасения страны» резолюция объявляла «борьбу за созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права». Выразив решительный протест по поводу отсрочки созыва Государственной Думы, Рабочая группа требовала немедленного созыва нижней палаты «как единственной сейчас общенародной трибуны и возможного организующего центра», поскольку «для спасения страны настоятельно необходимо вырвать власть из рук её нынешних носителей» [453]. После того, как К. А. Гвоздев озвучил резолюцию, А. И. Гучков заметил находившемуся около него А. И. Коновалову: «Какие молодцы наши рабочие» [454]. Неудивительно, что на состоявшемся 3 декабря 1915 г. общем собрании ЦВПК революционная резолюция Рабочей группы не только была полностью зачитана её представителями, но и не вызвала возражений со стороны руководителей ЦВПК [455], т. е. тех же А. И. Гучкова и А. И. Коновалова.

«После того, как Рабочая группа оформилась, – отмечал Б. О. Богданов, – она сразу же развернула интенсивную деятельность. Рабочая группа помещалась в здании Военно-промышленного комитета; на втором этаже она занимала две комнаты – в них размещался аппарат, в нижнем этаже – в парадных помещениях ЦВПК – происходили заседания. Эти парадные помещения были великолепно обставлены – дорогая, красивая мебель, ковры, картины и прочее. Заседания Рабочей группы происходили почти ежедневно, рабочие набивались в эти парадные помещения до отказа, люди сидели едва ли не друг на друге. Безусловно, вся эта мебель, ковры, украшения портились, однако хозяева помещений – Коновалов, Гучков и другие – ни словом не обмолвились, никак не выразили своего неудовольствия по этому поводу». В результате Рабочая группа «быстро превратилась в настоящий клуб

[451] Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 134, 135.

[452] Богданов Б. О. Указ. соч. С. 195.

[453] Меньшевики. Документы и материалы. 1903–1917 гг. М., 1996. С. 406, 408, 409.

[454] Хеймсон Л. Проблема политической и социальной стабильности в городской России накануне войны и революции: современный взгляд // Нестор. 2005. № 3. Между двух революций. 1905–1917. С. 189.

[455] Рабочее движение в годы войны... С. 278.

петроградских рабочих, в котором кипела политическая жизнь»[456]. На поддержку лидеров Прогрессивного блока Рабочая группа отвечала взаимностью, и на заседании ЦВПК 21 декабря 1915 г. выступила за «созыв Государственной Думы» и «спасение страны». На заседании ЦВПК 14 января 1916 г. Рабочая группа снова выдвинула аргументы в пользу необходимости «серьёзных социально-политических мероприятий во имя спасения страны», что также подразумевало, прежде всего, созыв Думы. Накануне её открытия 9 февраля 1916 г., пятью днями ранее, Рабочая группа на заседании ЦВПК 4 февраля предложила принять особую резолюцию о народном представительстве[457]. Признавая открытие Думы «крупным фактом» внутренней жизни, «способным сыграть значительную роль в деле организации общественных сил страны для её спасения», ЦВПК, по мнению авторов резолюции, должен был решительно настаивать на немедленной постановке в Думе «всех основных вопросов русской жизни, которые способны развязать и раскрепостить скованные силы и творчество народа»[458]. Хотя проект резолюции «в принципе» не противоречил взглядам большинства ЦВПК, но его заседание, не возражая против резолюции, передало её «для обработки» в Бюро[459], подготовившее более умеренную резолюцию.

Впрочем, умеренности руководителей ЦВПК хватило ненадолго, а именно – до проходившего в Петрограде 26–29 февраля 1916 г. Второго всероссийского съезда представителей военно-промышленных комитетов, при котором члены рабочих групп образовали самостоятельную Рабочую делегацию, выступавшую на всех заседаниях съезда как одно компактное целое и допускавшую на её совещания, в качестве «сведущих» лиц, членов Социал-демократической фракции М. И. Скобелева, И. Н. Тулякова и В. И. Хаустова[460]. Видимо, это способствовало дальнейшей революционизации как Рабочей делегации, так и в целом съезда, на пленарном заседании которого 26 февраля именно К. А. Гвоздев зачитал декларацию делегации.

Декларация провозглашала, что в заботах о «защите страны от внешнего вторжения и разгрома» рабочий класс «должен освободить себя от петли, затянутой на его шее полицейским режимом», и добиваться вручения власти «правительству, поставленному народом и ответственному перед ним». Очевидно, здесь подразумевалось не «ответственное министерство», формируемое палатами, а правительство, созданное революционным путём. «Аплодисменты всего зала, – сообщается в полицейском донесении о выступлении К. А. Гвоздева, – были ответом на это заявление». Показательно, что руководители съезда в лице А. И. Коновалова и Н. В. Некрасова, председателей Общего собрания и Секции труда, проявляли «самое широкое попустительство и поощрение к резким выступлениям рабочих по политическим вопросам»[461].

---

[456] Богданов Б. О. Указ. соч. С. 195.

[457] К истории гвоздевщины. «Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК // Красный архив. 1934. Т. 67. С. 35, 48.

[458] Меньшевики... С. 410.

[459] К истории гвоздевщины... С. 49.

[460] Меньшевики... С. 416.

[461] Рабочее движение в годы войны... С. 285, 286, 286–287, 287.

На заседании 29 февраля Общее собрание съезда одобрило и приняло подготовленную Рабочей делегацией резолюцию о Государственной Думе[462]. Резолюция призывала нижнюю палату «немедленно поставить на очередь дня основные вопросы русской жизни, разрешение которых способно развязать и раскрепостить скованные силы и творчество народа». Дума, провозглашала резолюция, «должна решительно стать на путь борьбы за власть и создание ответственного правительства, опирающегося на организующиеся силы всего народа». Бесспорно, что и здесь подразумевалось нечто большее, чем просто «ответственное министерство», образованное Думой в рамках парламентской процедуры, что подтверждается и резолюцией Рабочей делегации о текущем моменте. В ней Дума объявлялась «центром буржуазно-оппозиционного движения», поскольку она вступила «в конфликт со старой властью»[463].

На состоявшемся 9 марта 1916 г. заседании Продовольственного отдела ЦВПК, в котором участвовал А. И. Коновалов, открыто говорили, что правительство «никуда не годно и нужно его заменить другим, ответственным перед народными представителями», однако и здесь имели в виду правительство, образованное не эволюционным, а революционным путём, ибо, полагали лидеры ЦВПК, «путь соглашения с правительством надо бросить и „нужно объединиться“»[464]. Не случайно, что ещё в конце февраля 1916 г. полицейский аналитик отмечал: «в последнее время делается попытка – и, что замечательно, исходящая именно от буржуазии – мобилизовать силы рабочего класса», причём инициатива этого «исходит от ЦВПК, который поддерживает и всячески муссирует идею необходимости созыва Всероссийского рабочего съезда». «Деятельное содействие» созыву съезда оказывали А. И. Гучков, А. И. Коновалов и П. П. Рябушинский, однако первую скрипку играл именно второй из них. В марте 1916 г. А. И. Коновалов «взял на себя» организацию Всероссийского рабочего союза[465], аналога Совета рабочих депутатов, который, по его мысли, и должен был возникнуть на специально созванном Всероссийском рабочем съезде[466]. А. И. Коновалов, не возражая против уличных выступлений пролетариата, которому надлежало «ущемить хвост правительству и поднести кулак к его носу», даже был готов оплатить расходы по созданию Совета рабочих депутатов[467]. Своему покровителю вторила Рабочая группа, адресовавшая Государственной Думе, по окончании её пасхальных каникул, особое обращение, предлагая в нём Думе «выдвинуть, как очередную, совершенно нетерпящую отлагательства задачу, установление свободы организации»[468]. Попытка легального создания Всероссийского рабочего союза провалилась, так как правительство запретило проведение Всероссийского рабочего съезда.

---

[462] Буржуазия... С. 150.

[463] Меньшевики... С. 416, 417.

[464] Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке. [С]Пб., 1921. С. 784, 779.

[465] Буржуазия... С. 81, 97.

[466] Лемке М. К. Указ. соч. С. 786.

[467] Тютюкин С. В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России 1914–1917 гг. М., 1972. С. 297.

[468] К истории гвоздевщины... С. 67.

После летней передышки А. И. Коновалов опять активизировал свои усилия, направленные на политическую мобилизацию через Рабочую группу пролетарских масс и на содействие этому со стороны промышленников. Будучи 13 сентября 1916 г. в Москве, он общался с ними, предсказывая, на основании неких сведений, имевшихся в ЦВПК, «неизбежность революционного движения». «Спасение, – считал А. И. Коновалов, – в одном – в организации себя, с одной стороны, в организации рабочих – с другой»[469]. На Съезде представителей областных военно-промышленных комитетов, прошедшем 26–27 сентября 1916 г. в Петрограде с участием Рабочей группы, А. И. Гучков объявил о своём согласии «ополчиться на борьбу с правительственною властью»[470]. Представители же рабочих групп «заметно полевели» и относительно правительства стали высказываться «более резко, чем в обычное время»[471]. С октября Рабочая группа ЦВПК начала новую кампанию по организации массовой поддержки Прогрессивного блока. В заседании 17 октября Рабочая группа одобрила обращение к Государственной Думе, в котором заявила, что «первейшей обязанностью» Думы является «обуздание так называемой военной цензуры»[472]. В конце октября на проходившем при значительном скоплении рабочих заседании Комиссии по организации труда при Рабочей группе было принято постановление о том, что разрешение очередных задач «возможно только путём систематического и организованного участия рабочих в общественной жизни»[473]. Тогда же Рабочая группа направила в Думу заявление о том, что «спасение страны» «требует самого быстрого, решительного и коренного преобразования существующих политических условий... Иного пути, – подчёркивали гвоздевцы, – нет, и на него обязана твёрдо вступить Государственная Дума»[474].

Заседания Думы, чья осенняя сессия началась 1 ноября, когда П. Н. Милюков выступил со скандально знаменитой речью «Глупость или измена». «Вновь, – отмечалось в „Бюллетене Рабочей группы“, – внесли оживление в рабочую среду», которая усилила своё внимание к нижней палате[475]. Рабочая группа требовала от думского большинства «применить все возможные, не останавливаясь и перед самыми крайними, средства, чтобы путём свободно и широко распространённых думских отчётов ознакомить население и армию с работами Государственной Думы»[476]. Заявление Рабочей группы принял во внимание, прежде всего, ЦВПК.

«Знаменитые речи об измене царицы, о предательстве во время войны, читаемые повсеместно, – вспоминал Б. О. Богданов, – как бы подвели революцию к Думе. Речи оппозиционных депутатов, особенно социалистов, огромными тиражами печатались в типографиях и развозились по фабрикам,

---

[469] Буржуазия... С. 139, 140.

[470] Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.-Л., 1927. С. 160.

[471] Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 14, 28.

[472] Меньшевики... С. 437.

[473] К истории гвоздевщины... С. 88.

[474] Меньшевики... С. 438.

[475] К истории гвоздевщины... С. 90.

[476] Меньшевики... С. 439, 440.

заводам, различным предприятиям, университетам и прочее[477]. Дальнейшему левению Прогрессивного блока способствовала агитационная деятельность Рабочей группы на предприятиях Петрограда, которая в ноябре распространила по ним типовую резолюцию. Рабочая группа считала необходимым «немедленное и решительное преобразование существующего строя» и «организацию опирающегося на народ, на Думу, на все существующие общественные, рабочие и демократические организации правительства „спасения страны“»[478]. Даже А. Г. Шляпников в письме В. И. Ленину и Г. Е. Зиновьеву от 2 декабря 1916 г., подразумевая резолюция, нехотя признавал: «Провели её на незначительных заводах и отправились „депутацией“ к Родзянко»[479], т. е. к Председателю Думы.

На проходившем в Петрограде 12–15 декабря 1916 г. под председательством А. И. Коновалова и при участии Рабочей делегации и Фракции социал-демократов[480] совещании представителей областных военно-промышленных комитетов, Рабочая группа и ЦВПК открыто взяли курс на революцию. Резолюция, подготовленная Рабочей делегацией, постановляла: «Не борьба с отдельными прислужниками власти, ведущими страну к гибели, и не борьба с отдельными проявлениями режима, а бесповоротное устранение его и полная демократизация страны – вот очередная задача, которую должен выдвинуть в настоящий момент рабочий класс России в противовес робкой и туманной формуле борьбы с „тёмными силами“». Целью рабочего класса объявлялось «решительное устранение нынешнего режима и создание на его месте Временного правительства, опирающегося на организующийся, самодеятельный и свободный народ»[481]. Бундовец М. Г. Рафес полагал, что в резолюции Рабочей делегации «было впервые сформулировано требование свержения царской власти и образования Временного правительства»[482], а сотрудник ЦВПК Е. И. Омельченко подчёркивал, что в резолюции «отразилась вся программа революции»[483]. Действительно, по инициативе А. И. Коновалова Бюро ЦВПК поддержало Рабочую делегацию и в резолюции, принятой 14 декабря Совещанием в целом, декларировало, что только «ответственное правительство в единении с народом и с его помощью может вывести страну из тупика, в который она заведена старым режимом». Совещание призвало Государственную Думу «вместе с народом довести до конца свою борьбу за создание ответственного правительства и за уничтожение условий, благоприятствующих пагуб-

[477] Богданов Б. О. Указ. соч. С. 200. Богданов вспоминал подробно: «Вот к зданию Военно-промышленного комитета на Литейном подкатывает несколько грузовиков, доверху наполненных речами членов Государственной Думы. Не успели они ещё разгрузиться, как на других грузовиках, на извозчиках этот груз уже развозится по фабрикам, заводам, учреждениям. А там хватают, развозят, разносят и все уже читают, пересказывают, объясняют друг другу. В такой обстановке неудивительно, что революция пеклась как на дрожжах, а Государственная Дума перестраивалась на наших глазах».

[478] Меньшевики... С. 453.

[479] Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 306.

[480] Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 223.

[481] Меньшевики... С. 442, 443.

[482] Рафес М. Г. Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 179.

[483] Омельченко Е. И. Рабочая группа ЦВПК. Исторический очерк // Известия ЦВПК. 1917. № 221. С. 3.

ному вмешательству безответственных сил в дело управления страною и её судьбами в тылу и на фронте»[484].

После того, как 16 декабря правительство прервало занятия Думы на рождественские каникулы до 12 января 1917 г., на заседании 19 декабря Рабочая группа рассмотрела вопрос об организации на фабриках и заводах Петрограда до 12 января политических митингов, которые завершились бы в день открытия Думы всеобщей забастовкой. Революционной деятельности Рабочей группы способствовало, по сведениям Департамента полиции, «преступное попустительство, проявленное в отношении её ЦВПК во главе с членом Государственной Думы Коноваловым»[485]. А. Г. Шляпников указывал, что «в первой половине января» 1917 г. Рабочая группа «повернула свою политическую ладью по ветру революционной стихии» «с благословения ... фабрикантов Бюро ЦВПК»[486]. Поскольку в начале января правительство перенесло начало занятий Думы с 12 января на 14 февраля, Рабочая группа направила свои усилия на проведение 9 января, в годовщину «Кровавого воскресенья», однодневной стачки-протеста, выставив лозунги «против царского самодержавия во имя обороны и спасения страны»[487]. В результате 9 января в Петрограде бастовали 112 заводов и 144 498 человек[488].

Следующим этапом эскалации конфликта между властью и обществом должны были явиться приуроченные к открытию Государственной Думы 14 февраля всеобщая забастовка петроградского пролетариата и массовая демонстрация рабочих у Таврического дворца. Мысль о демонстрации возникла у А. И. Коновалова и П. П. Рябушинского. Согласно агентурной записке от 16 января 1917 г., группа, в которую входили «крупная промышленная и финансовая буржуазия из военно-промышленных комитетов с Коноваловым и Рябушинским во главе», «идёт на окончательный разрыв с правительством, чтобы принять участие в надвигающейся буржуазной революции для организации новой „здоровой“ власти, могущей раз и навсегда покончить с существующим строем, хотя бы даже путём замены его демократической республикой»[489]. «Манифестация, – вспоминал Б. О. Богданов, – мыслилась как большое движение, которое могло стать началом революции»[490].

В результате на заседании 16 января Рабочая группа решила устроить накануне 14 февраля митинги на петроградских фабриках и заводах для принятия резолюции, выработанной членами группы[491]. Резолюция призы-

---

[484] Журнал Совещания представителей областных военно-промышленных комитетов при ЦВПК. 14 декабря 1916 г. // Известия ЦВПК. 1917. № 215. С. 4.

[485] В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А. Д. Протопопова // Былое. 1918. № 13. С. 94.

[486] Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 29, 30, 31.

[487] Маевский Е. Предисловие // Канун революции. Из истории рабочего движения накануне революции 1917 г. Деятельность рабочего представительства при ЦВПК (по материалам). Сост. Е. Маевский. Пг., 1918. С. 8.

[488] Рабочее движение в Петрограде в 1912–1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958. С. 525, 526.

[489] Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.-Л., 1926. С. 385, 390.

[490] Богданов Б. О. Указ. соч. С. 198.

[491] В январе и феврале 1917 г. ... С. 103.

вала «весь рабочий Петроград» пойти 14 февраля к Думе, где высказаться за «решительное устранение самодержавия» и «немедленное учреждение Временного революционного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ». То же самое говорилось и в проекте примерной резолюции, распространявшемся по предприятиям: рабочим оставалось только вставить название своего завода. В резолюции Рабочая группа и её инспираторы из Бюро ЦВПК полностью раскрыли свои карты, поскольку в ней говорилось: «Правительство, ответственное только перед Думой, уже не способно остановить разруху в стране. Только правительство, организованное самим народом, опирающееся на народные организации, которые возникнут в борьбе, способно вывести страну из тупика»[492]. Во второй половине января – начале февраля резолюция была принята на большинстве крупных предприятий Петрограда, причём одновременно получили окончательное оформление и подчинённые Рабочей группе структуры, призванные воплотить намеченное выступление.

Для предотвращения революции в ночь на 27 января главный начальник Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов арестовал подавляющее большинство членов Рабочей группы, однако А. И. Коновалов[493] и А. И. Гучков[494] уговорили правительство оставить на свободе К. А. Гвоздева под предлогом его болезни, а потому он имел «полную возможность поддерживать связи с рабочими организациями и деятелями»[495], а значит – и руководить ими. В ответ на арест Рабочей группы уже 27 января на заседании Бюджетной комиссии Государственной Думы по поручению Бюро ЦВПК его член А. А. Бубликов сделал внеочередное заявление об аресте, после чего другой член Бюро, И. В. Годнев, предложил это заявление передать на рассмотрение председателя Думы в связи с подготовкой соответствующего запроса правительству, причём данное предложение было немедленно принято[496], а инициатива запроса предоставлена Фракции прогрессистов. На следующий день, 28 января, А. И. Гучков направил циркулярное письмо правлениям больничных касс, нацеленное на то, чтобы «к предстоящим протестующим выступлениям общественности по поводу ликвидации Рабочей группы приобщить тем или иным путём и рабочие массы столицы»[497]. Кроме того, по поводу защиты арестованных А. И. Гучков «имел переговоры с А. Ф. Керенским, который должен был стать во главе защиты»[498].

Координируя реакцию общественной и революционной контрэлиты на арест Рабочей группы, А. И. Гучков созвал 29 января в помещении Вещевого отдела ЦВПК (Невский, 59) и под своим председательством (при заместителе А. И. Коновалове) совещание представителей Бюро ЦВПК и его секретариата и Московского областного военно-промышленного ко-

---

[492] Меньшевики... С. 454, 455, 456, 457, 460, 461.

[493] Рафес М. Г. Указ. соч. С. 180.

[494] Падение царского режима... Т. 6. М.-Л., 1926. С. 286–287.

[495] Рафес М. Г. Указ. соч. С. 180.

[496] Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 19, 20.

[497] Буржуазия... С. 185.

[498] Падение царского режима... Т. 6. М.-Л., 1926. С. 287.

митета, рабочих групп ЦВПК и МОВПК, депутатов Государственной Думы (М. С. Аджемов, А. А. Бубликов, И. Н. Ефремов, М. А. Караулов, П. Н. Милюков, А. И. Шингарев и «ряд других» – все, кроме М. С. Аджемова и П. Н. Милюкова, члены Бюро ЦВПК) и выборных членов Государственного совета («4–5 представителей», среди них – В. И. Гурко и М. А. Стахович), Земского и Городского союзов (в том числе князь С. А. Друцкой) и других общественных организаций (всего – 35 человек)[499]. Для А. И. Гучкова имело значение, что многие из перечисленных деятелей были членами Особого совещания по обороне государства[500]. «Впервые после долгого перерыва», по сведениям полицейского информатора, в совещании лидеров «буржуазных партий» приняли участие Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенский[501]. Целью совещания было установление полного контакта между «всеми представителями оппозиционной общественности» и выработка «общего плана действий в борьбе с правительственною властью»[502]. В конце совещания присутствующие поддержали мысль о необходимости созыва нового совещания для того, чтобы «выработать путь для общей и более решительной борьбы с ныне существующей правительственной властью» и «избрать из своей среды особо законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности»[503]. Результатом совещания 29 января стало и распространявшееся Бюро ЦВПК особое воззвание, обращённое к общественным деятелям и организациям и к представителям Особого совещания по обороне, имевшее целью «повлиять на широкие общественные и рабочие круги в смысле понуждения их к протестующим выступлениям»[504].

Новое совещание состоялось 5 февраля[505] снова в помещении ЦВПК и под председательством А. И. Гучкова. Судя по всему, именно об этом совещании вспоминал П. Н. Милюков, отмечавший, что его участники говорили о «программе на случай революционных событий», подразумевавшей замену Николая II цесаревичем Алексеем Николаевичем, установление регентства великого князя Михаила Александровича и создание правительства во главе с Г. Е. Львовым[506]. Как сообщил уже в эмиграции А. И. Гучков одной из дочерей П. А. Столыпина – А. П. Столыпиной, в феврале 1917 г., незадолго до революции, образовался «комитет по подготовке мятежа», куда вошли он, А. И. Гучков, А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов и «многие другие»[507]. Не исключено, что данный комитет – это тот «особо законспирированный и замкнутый кружок», о необходимости образования которого говорили участники совещания 29 января. В те же дни, по воспоминаниям выборного члена Государственного совета П. П. Менделеева, во время обеда,

---

[499] Буржуазия накануне Февральской революции. М.-Л., 1927. С. 180, 180–181, 181.

[500] Падение царского режима... Т. 6. М.-Л., 1926. С. 285.

[501] Донесения Л. К. Куманина... С. 24.

[502] В январе и феврале 1917 г. ... С. 117.

[503] Донесения Л. К. Куманина... С. 24.

[504] Буржуазия... С. 184.

[505] Там же. С. 180.

[506] Милюков П. Н. Воспоминания. В 2-х тт. М., 1990. Т. 2. С. 244.

[507] Столыпина А. П. Человек последнего царя. Столыпин. Воспоминания//П. А. Столыпин в воспоминаниях дочерей. М., 2003. С. 108.

собравшего около 40 членов обеих законодательных палат (одним из них являлся А. И. Гучков), «мыслью о перевороте» были проникнуты «все собравшиеся, всё сказанное» [508].

Наконец, 9 февраля 1917 г. в кабинете Председателя Думы М. В. Родзянко произошло совещание лидеров оппозиции и руководителей ЦВПК, когда «самым неумолимым и резким» [509] по отношению к Николаю II, вспоминал М. В. Родзянко, оказался М. И. Терещенко. По сведениям Н. Д. Соколова, участники совещания решили, что переворот «откладывать дальше нельзя», а потому, когда царь будет возвращаться из Ставки верховного главнокомандующего, т. е. из Могилёва, его «в районе армии Рузского (Н. В., главнокомандующего Северо-Западным фронтом. – *С. К.*) задержат и заставят отречься» [510]. Очевидно, что в данном случае шла речь о реализации разработанного А. И. Гучковым плана государственного переворота, тем более, что 2 марта 1917 г., при возвращении Николая II из Могилёва, именно в штабе генерала Н. В. Рузского и именно А. И. Гучков и принял царское отречение. Как представляется, предметом обсуждения на совещаниях 29 января, 5 и 9 февраля являлся вопрос не о революции, как некой гипотетической возможности, а о совершенно конкретной революции, получившей название Февральской.

«Датой [начала] движения, – подразумевая Февральскую революцию, свидетельствовал один из участников совещания 29 января П. Н. Переверзев, – нужно считать арест Рабочей группы ЦВПК. Вспомните то возбуждение, которое тогда охватило все центральные организации, вспомните те совещания, которые устраивал Гучков с представителями лидеров думских партий, с представителями всех центральных организаций, с представителями Государственного совета; вспомните, что на этих собраниях впервые эти представители заявили, что наступило время активной борьбы с правительством, вспомните возбуждение, которое охватило тогда рабочие массы, вспомните те запросы, которые по этому поводу были внесены почти накануне великих событий. Вы тогда увидите причинную связь между той великой революцией, которая совершилась у нас, равной которой нет в мире, и между мелкой и крупной работой ЦВПК» [511]. Факт того, что арест Рабочей группы стал катализатором, непосредственно вызвавшим наступление Февральской революции, признавал и А. И. Гучков. Арест, по его мнению, «вызвал большое негодование и брожение в рабочей среде. Я думаю, – показывал лидер октябристов, – что всё это сыграло немалую роль в последующих февральских событиях» [512]. А. И. Гучков, правда, «забыл» упомянуть, что разжиганию «негодования и брожения в рабочей среде» более всего содействовал он сам! Роль Рабочей группы, – писала дочь Б. О. Богданова, – «была немалой. Однако разгром её сыграл, по-видимому, ещё большую роль и, возможно, решающую. Конечно, это всего лишь предположения, основывающиеся на логике событий, а не на фактах. Факты же скрыты под многопудовыми слоями

[508] Ганелин Р. Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С. 162–163.

[509] Родзянко М. В. Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 158.

[510] Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 95–96.

[511] Отчёт о торжественном заседании ЦВПК 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С. 15.

[512] Падение царского режима... Т. 6. М.-Л., 1926. С. 284.

фальсифицированной истории»[513]. Только сейчас, через сто лет, появляется возможность подтвердить предположения Н. Б. Богдановой.

Оставшиеся на свободе К. А. Гвоздев и члены Рабочей группы продолжали подготовку забастовки. «Организованная Рабочей группой стачка 14 февраля, – вспоминал меньшевик И. Юренев, – прошла весьма успешно»[514]. В этот день в Петрограде бастовали 52 завода и 84 164 человека[515], однако демонстрацию рабочих к Государственной Думе, – вспоминал А. Ф. Керенский, лидеры Прогрессивного блока отменили «по тактическим соображениям»[516]. Рабочая группа пошла навстречу оппозиции, так как «отнюдь не приурочивала этого движения к какому-либо дню», поскольку «рассчитала на разные моменты в течение всей сессии»[517]. Показательно, что к середине февраля А. И. Гучков, А. И. Коновалов и князь Г. Е. Львов (также входивший в Бюро ЦВПК) хотели «сделаться вождями и руководителями анархически-стихийной революции». Характеризуя их поведение, директор Департамента полиции А. Т. Васильев докладывал А. Д. Протопопову, что А. И. Гучков, А. И. Коновалов и Г. Е. Львов «самым беззастенчивым и провокационным образом муссируют настроение представителей руководящих и авторитетных рабочих групп, высказывая перед представителями последних уверенность свою в неизбежности уже „назревшего переворота“ и утверждая категорически, как неопровержимый и им достоверно известный факт, что „армия – по их проверенным сведениям и данным – уже приготовилась и выражает намерение поддержать все выступления и требования негодующего народа“». Результатом деятельности упомянутой троицы был другой факт – «всё более и более революционизирующегося настроения рабочей группы ЦВПК, представители коей, – подчёркивал А. Т. Васильев, – самым наивным образом начинают веровать в „силу“ гг. Гучковых, Коноваловых и К° и признавать, – по их собственным словам, – что от последних именно и будет зависеть последний и решительный сигнал к началу „второй великой и последней всероссийской революции“»[518].

Уже во время Гражданской войны Н. В. Савичу стало известно, что под эгидой ЦВПК функционировали два связанных друг с другом революционных центра: в первый из них входили «либералы», в т. ч. А. И. Коновалов, Г. Е. Львов, П. П. Рябушинский, М. В. Челноков, действовавшие «в верхах общества и армии», во второй, финансируемый первым, – «социалисты», прежде всего – А. Ф. Керенский, М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе, агитировавшие «в казармах и на фабриках». Взрыв в феврале 1917 г., по сведениям Н. В. Савича, дело рук второй организации, которая воспользовалась деньгами первой[519]. Представители «московской крупной промышленной среды» (и члены ЦВПК и Московского областного ВПК. – *С. К.*) А. И. Коновалов, П. П. Рябушинский,

---

[513] Богданова Н. Б. Указ. соч. С. 30.

[514] Юренев И. Межрайонка (1911–1917)//Пролетарская революция. 1924. № 25. С. 130, 133.

[515] Рабочее движение в Петрограде... С. 542.

[516] Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С. 169–170.

[517] Маевский Е. Указ. соч. С. 12.

[518] Буржуазия... С. 174.

[519] Савич Н. В. Воспоминания. СПб.-Дюссельдорф, 1993. С. 210, 211, 212, 290.

С. А. Смирнов и С. Н. Третьяков, – писал шталмейстер В. Ф. Винберг, – «жертвовали широко свои миллионы на дело подготовлявшегося Февральского переворота»[520]. Крупным жертвователем являлся также член Прогрессивной фракции IV Думы миллионер граф А. А. Орлов-Давыдов[521]. По свидетельству меньшевика Н. И. Иорданского, военное восстание 27 февраля готовилось «военной организацией», связанной «с заговорами кружка либеральных генералов и антидинастической группы Военно-промышленного комитета, но совершенно независимой от исторических революционных партий и их, слабых тогда, петербургских представительств». «Во главе заговора, – подчёркивал Н. И. Иорданский, – стояли представители Военно-промышленного комитета – Гучков, Коновалов и др.»[522].

Апофеозом тесного сотрудничества Прогрессивного блока и левых фракций Думы, с одной стороны, и Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, с другой, и оказалась Февральская революция. Подразумевая военно-промышленные комитеты, А. Д. Протопопов подчёркивал: «Оппозиционные политические деятели комитетов через рабочих депутатов установили связь с рабочими массами и организовали их в нужное время на борьбу с существовавшим строем за осуществление политических идеалов оппозиции»[523]. Не случайно, что 27 февраля, – доносил Л. К. Куманин, – именно после того, как в Таврический дворец «вошли представители рабочих групп», депутаты, собравшиеся в Полуциркульном зале, устроили частное совещание, в результате которого явилось постановление о передаче всех исполнительных функций Совету старейшин, который немедленно выбрал из своего состава Временный исполнительный комитет в составе 12 лиц»[524]. Имея в виду Рабочую группу ЦВПК, Е. Маевский констатировал, что «работа группы, всё время направлявшая внимание рабочей демократии к Думе, не пропала даром. Она сказалась в февральских днях, когда стихия революционного движения, после некоторых блужданий, влилась в то русло, на которое указывало своей годовой работой среди петроградского пролетариата рабочее представительство при ЦВПК»[525]. Накануне в ходе Февральской революции Дума, как инструмент борьбы за ниспровержение старого порядка, занимала по отношению к Рабочей группе и ЦВПК фактически подчинённое положение, хотя и была использована их лидерами в качестве символического вождя оппозиционного, а затем – и революционного движения.

---

[520] Винберг В. Ф. В плену у «обезьян» (Записки «контрреволюционера») // Верная Гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 93, 120, 161, 236, 237.

[521] Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной Думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 97.

[522] Иорданский Н. И. Военное восстание 27 февраля. Заметки // Молодая гвардия. 1928. Кн. 1. С. 170, 171.

[523] Протопопов А. Д. Указ. соч. С. 562.

[524] Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 31.

[525] Маевский Е. Указ. соч. С. 12.

И. В. Купцова,
Московский государственный университет, Россия

Государственная Дума и художественная интеллигенция в годы Первой мировой войны

Политическое самоопределение художника – традиционная тема в российской истории. Художественная интеллигенция – социальная группа, занятая созданием, сохранением и распространением художественных ценностей. Развитие взаимоотношений политической и художественной элиты в России прошло несколько этапов. Как отмечал исследователь А. В. Зябликов, с рубежа XVIII–XIX вв. до 1860–70-х гг. художественная литература играла роль интеллектуального центра, что выдвигало писателей на роль лидеров, идеологов общества. Русская национальная культура, одним из эпицентров которой была художественная интеллигенция, с первых шагов российской модернизации последовательно закладывала духовную основу для политической оппозиции. К 60-м гг. XIX в. политическая и художественная элита существовали, по сути, в едином лице – русских писателей, литературных критиков и публицистов[526].

Но с конца XIX в. не только интеллигенция переросла политику, но и литература, в силу её огромного духовного и художественного потенциала, переросла отведённые ей интеллигентской моралью утилитарные рамки[527]. Среди существовавших тенденций (исполнение «социального заказа», компромисс и полное неприятие политической тенденции) последняя оказалась наиболее продуктивной, что определило эстетику культурного ренессанса рубежа XIX–XX вв. Связано это было с усилившейся тенденцией к разделению сфер влияния искусства и политики, с появлением на общественной арене «профессиональных политиков».

Активное формирование в период первой российской революции новой политической элиты в связи с возникновением легальных политических партий и учреждением Государственной Думы способствовало разведению элит, художественной и политической. Ведущей позицией стала внепартийность, что не означало отрешённости писателей, актёров, музыкантов от политических проблем – напротив, сопричастность художественной интеллигенции политике была, как никогда велика[528]. Политическая самоидентификация художника шла методом проб и ошибок. Политические убеждения оказывали всё меньшее воздействие на его художественное творчество. В 1905–1907 гг. художественная интеллигенция видела свою роль в сохранении культуры. После революции в её среде наблюдались настроения усталости и разочарования в политике.

---

[526] Зябликов А. В. «Ясновидцы революции»: российская художественная интеллигенция в политических баталиях начала XX века. Кострома, 2002. С. 10.

[527] Там же. С. 12.

[528] Там же. С. 13.

Новый всплеск интереса к политике обозначился в период Первой мировой войны. Объяснить его можно как общей политизацией российского общества, так и кризисом корпоративной идентичности художественной интеллигенции, который выразился в возможности изменения статуса и места этой социальной группы в системе интеллигенция – власть – народ.

Политизация художественной интеллигенции неизбежно приводила к необходимости высказывания своего отношения к политическим событиям, институтам, лидерам и партиям. Связь художественной интеллигенции с Государственной Думой четвёртого созыва выражалась как в обсуждении в парламенте вопросов, касавшихся её профессиональной специфики, так и в выработке деятелями литературы и искусства отношения к этому политическому институту, а также и во взаимодействии с депутатами.

Деятели литературы и искусства выразили интерес к обсуждаемому в Государственной Думе проекту закона о военной цензуре. Летом 1915 г. был поднят вопрос о совершенствовании Временных правил. Докладчик – октябрист Д. П. Капнист считал, что военная цензура есть мера, исключительно имевшая назначением не допускать оглашения и распространения сведений, могущих повредить военным интересам государства. Прежний закон он считал неудовлетворительным и практически не осуществляющимся в жизни. Он признавал, что существовали полная цензура и частичная, что между выходом газеты в свет и проверкой предполагавшихся её публикаций в цензуре устанавливался слишком продолжительный срок. Докладчик отмечал, что цензура извратилась – из военной она понемногу превратилась в цензуру чисто политическую[529]. Он предлагал установить единую цензуру на всём пространстве, опубликовать перечень запретных тем в законодательном порядке. Комиссия по подготовке законопроекта предложила новый закон, в соответствии с которым военная цензура должна быть введена по всей стране, но не должна вмешиваться в вопросы внутренней политики. С критикой предложенного закона выступил лидер партии кадетов П. Н. Милюков. Он подчёркивал особую важность печати в том, чтобы организовать дух страны, дать выражение общественному подъёму, слить личные чувства в общие, коллективные чувства, направить эти чувства к общей национальной цели[530]. При этом он считал, что до войны печать была сравнительно свободна, а власть воспользовалась войной, чтобы уничтожить эту свободу[531]. Правые ратовали за усиление военной цензуры и одобряли существующую. Н. Е. Марков выступал за стеснение свободы ради государственной пользы[532]. В марте 1916 г. проект нового закона о военной цензуре был утверждён в чрезвычайно-указном порядке, что привело к ужесточению военной цензуры. Правила, устанавливаемые новым законом, ограничивали возможности для занятия профессиональной деятельностью писателей, публицистов.

Взгляды художественной интеллигенции на деятельность Государственной Думы определялись её политическими настроениями, общей ситуацией

---

[529] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. СПб., 1913–1917. Стб. 1006.

[530] Там же. Стб. 1055.

[531] Там же. Стб. 1057.

[532] Там же. Стб. 1039.

в стране, личными знакомствами с депутатами. Можно выделить три основные политические позиции.

Первую разделяло большинство деятелей литературы и искусства. Её можно назвать «сознательным неучастием» в политической жизни, аполитичностью, желанием дистанцироваться не только от политики, но и от разговоров о ней, поскольку политика мешала занятиям наукой и искусством. Это было данью традициям «чистого» творчества, следствием различных жизненных обстоятельств, удручающих впечатлений от политики царизма и от поведения политиков. Демагогия, карьеризм, беспринципность заставляли брезгливо морщиться, думские спектакли нисколько не восхищали. Иногда отчуждённое отношение к политике было временным состоянием, отчасти или полностью вызванным происходящими обстоятельствами[533].

Вторая позиция – «пассивное политическое участие». Проявлялась эта позиция в обсуждении в кругу друзей положения в стране, чтении легальных газет и литературных и общественно-политических журналов, содержащих критику правительственной политики, хотя нередко и завуалированную вследствие цензуры. Имели хождение и «апокрифические тексты» (печатные и переписанные от руки), например, речей П. Н. Милюкова или Н. С. Чхеидзе, произнесённых на заседании Государственной Думы 1 ноября 1916 г. Текст распространялся не только в столицах, но и в отдалённых губерниях[534]. В. Г. Короленко вспоминал: «У нас здесь ходят в списках точно запрещённые издания в прежние года – речи депутатов. Особенно речь Милюкова производит огромное впечатление в разнообразных, даже очень консервативных кругах. 1 ноября 1916 года Милюков выступил с обличением правительства...»[535]

Третья позиция – «активное политическое участие» включала как заинтересованность в политике без явных чётких политических симпатий отдельным политическим партиям и лидерам, участие в различных печатных изданиях, так и активные контакты с депутатами, участие в совместных политических дискуссиях и акциях. В газете «Русская воля» в годы войны печатались М. Горький, В. Короленко, А. Блок, А. Амфитеатров, Л. Андреев, А. Куприн, В. Муйжель, В. Князев, Ф. Сологуб, И. Бунин. В прогрессистской газете «Утро России»: А. Блок, К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Куприн, Л. Андреев. В кадетской газете «Русские ведомости»: Д. Философов, А. Аверченко. В эсеровских изданиях: К. Серафимович, А. Блок, И. Бунин, М. Пришвин, Б. Зайцев, С. Городецкий, Н. Гумилёв, Н. Клюев, Л. Андреев. Эту группу отличал постоянный интерес к деятельности Государственной Думы. М. Горький в письме к Е. П. Пешковой отмечал: «Всё здесь скверно. Даже Василий Маклаков ругается. Подлецы – сказал он по адресу правителей, за что и был лишён удовольствия ругаться на целые сутки. Кроме ругани – никаких удовольствий. Очень тревожно. А Коновалов? Молодец!»[536]

---

[533] Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Ленинград, 1988. С. 21.

[534] Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны: 1914–1917. Л., 1967. С. 276.

[535] Цит. по: Дякин В. С. Указ. соч. С. 276.

[536] Горький А. М. Архив А. М. Горького. Т. 9. Письма к Е. П. Пешковой, 1906–1932. М., 1966. С. 365.

Важно отметить, что представителей данной группы нередко связывали с думцами дружеские отношения. Так, Ф. Ф. Кокошкин был дружен с Вяч. Ивановым, В. Брюсовым, А. Белым, Ю. Балтрушайтисом и другими членами общества Свободной эстетики. Особое место в указанной группе занимали З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский, которые не только участвовали в обсуждении политических проблем наравне с политиками, но и пытались вернуть литераторам роль идеолога, как это было в XIX веке. Они не принадлежали ни к одной партии, но их посещали те, кто представлял различные политические группы. М. Вишняк вспоминал, что «ближе к 1917 г. они стали неким центром, вокруг которого скоплялись и вращались люди, вести, слухи, сплетни, которыми жил предреволюционный Петроград. Здесь обменивались мнениями, спорили, ставили прогнозы и строили планы»[537]. Это утверждение справедливо не только применительно к 1917 г., но ко всему периоду войны, о чём свидетельствуют дневниковые записи З. Гиппиус «Синяя книга». Как отмечали современники, её взгляды менялись. «С первой половины 1915 г. Гиппиус была за успешное продолжение и окончание войны – на свой лад. Она ни с правыми, ни со средними, ни с левыми, ни Дурново, ни Милюков, ни Чхеидзе. Она за революцию – творческое начало в отличие от эволюционно-творческого и революционно-разрушительного. В будущем она назовёт это честным центром или третьим путём. Гиппиус политически изменяла Струве ради Милюкова с Философовым, им ради Керенского, предавала Керенского – Савинкову и Корнилову, чтобы несколько лет спустя проделать тот же путь в обратном направлении»[538].

С первых дней войны З. Н. Гиппиус принимала участие в политических дискуссиях по поводу оценок участия России в войне. 1 апреля 1915 г. она записала в дневнике: «Эта зима – вся в глухом, беспорядочном... даже не в волнении, а в возбуждении каком-то. Сплетаются, расплетаются интеллигентские кружки, борьба и споры, разделяются друзья, сходятся враги... У нас частые сборища разных «групп», и кончается это всё-таки расколом между «приемлющими» войну и «до победы» (с лозунгом «всё для войны», даже до Пуришкевича и далее) – и «неприемлющими», которые, однако, очень разнообразны и часто лишь в этом одном пункте только и сходятся, так что действовать вместе абсолютно неспособны»[539]. Зинаида Николаевна не разделяла общего патриотического подъёма по поводу принятия войны, о чём неоднократно говорила, в частности, в ноябре 1914 г. в докладе на собрании Религиозно-философского общества. В мае 1915 г. она отмечала в дневнике: «Едва я открываю рот, как реальные политики накидываются на меня с целой тьмой возражений, в которой я, однако, вижу роковую глупость»[540].

Значительное место в оценке современных событий З. Н. Гиппиус отводила деятельности Государственной Думы. В предисловии к «Синей книге» она заметила: «Даже в самом Петербурге наша географическая точка была выгодна: мы жили около Думы у решётки Таврического сада»[541]. Крайне негативно она оценивала деятельность кадетской партии: «Да, и до войны

---

[537] Вишняк М. З. Н. Гиппиус в письмах // Новый журнал. 1954. Кн. 37. С. 185.

[538] Там же.

[539] Гиппиус. З. Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1917 // Гиппиус З. Н. Дневники. М., 1999. Т. 1. С. 385–392.

[540] Там же. С. 397.

[541] Там же. С. 383.

я не любила нашу «парламентскую оппозицию», наших кадетов. И до войны я считала их умными, честными... простофилями, «благородными иностранцами» в России... Я говорю о теперешнем моменте и думаю о кадетах, о нашей влиятельной думской партии, с точки зрения *политической целесообразности* (курсив. – *З.Г.*). Я сужу их линию поведения, насколько могу объективно, и – увы – начинаю видеть ошибки фатальные. Лозунг «Всё для войны!» может, при известной совокупности обстоятельств, звучать прежде всего как лозунг: «Ничего для победы» ...Ведь революция во время войны – помимо того, что она невозможна, – как осмелиться желать её?»[542]

Она обвиняла кадетов и их лидера П.Н. Милюкова в нерешительности и умеренности: «Государственный» муж Милюков произносил прекрасные слова, но... ответственного министерства не требовал. Воздержание, при всех обстоятельствах, его главное свойство»[543]. «Деятельность Милюкова... не полезна, и вот почему: она попустительна ко вреду. Есть моменты истории, когда позиция «умеренности» преступна, как позиция предательства. ...Они как будто увидели весь яд Дурново и видят его продолжающее действие, но все думают, как бы воспрепятствовать ему повежливее. Нет, и думание, и делание умеренной оппозиции сейчас, прежде всего, недейственно... Оно равняется нулю и останется нулевым практически. А так как, волею времени и совокупных причин, как раз от умеренных требуется сию минуту главное делание (они – в центре политики), то эта пустота – уже не нуль, а делание отрицательное – вред»[544].

Крайне негативно она оценивала деятельность Прогрессивного блока: «Он был так бледен, программа так умеренна, что иного результата и нельзя было ожидать. Царь смело разогнал либералов»[545]. З.Н. Гиппиус называла их «умеренно левыми», и ответственность за перерыв в сессии Думы 2 сентября 1915 г. возлагала на них. «Умеренно левые, те, кого сейчас вынесло на гребень политической волны, стали перед выбором: олибералить правых или умерить левых... Однако думские политики к.-д. сделали первый выбор: ещё умерив себя самих, они подтянулись к правой середине и правых к ней же подтянули для блока. Левые остались, как были, предоставленные себе. Только расстояние между ними и умеренными ещё увеличилось. А блок прекрасных «мечтаний», так естественно названных «бессмысленными», оказался просто бесплодным и для данной минуты *вредным* (курсив. – *З.Г.*): послужил роспуску Думы, а она была нужна как зацепка, надежда гласности, сдержка левой стихийности»[546].

Критические оценки звучали также в адрес «крайне левых». Ещё в годы первой российской революции З.Н. Гиппиус считала партию социалистов–революционеров лучше организованной, чем другие политические группы[547]. В годы Первой мировой войны её позиция стала более сдержанной, тем не менее, она выделяла эсеров среди других партий. К крайне левым она относила трудовиков и социал-демократов: «Левые знают свои средства:

---

[542] Гиппиус. З.Н. Указ. соч. С. 397.

[543] Там же. С. 404.

[544] Там же. С. 407.

[545] Там же. С. 408.

[546] Там же. С. 409.

[547] Pachmuss T. Zinaida Hippius: An Intellectual Profile. Carbondale, 1971. P. 191.

забастовки, личный террор... Они совершенно не годятся. Каждый час забастовки ослабляет армию, при данном положении этот час может растянуться неопределённо и превратиться в уличные бунты со всеми последствиями (самое страшное)»[548]. Деятельность Н. С. Чхеидзе называла «почтенной»[549] и опасной: «Поскольку она успешна – она опасна, и счастье, что она не успешна. Оторванная от центрально-важных сейчас левогосударственных политических кругов, неподвижно-консервативная в себе, деятельность неорганизованных «левых» с подкладкой не политики, а социализма (то есть внеисторической утопичности), – такая деятельность только и может быть или неуспешна, или вредна»[550].

С большой симпатией З. Н. Гиппиус относилась к А. Ф. Керенскому, с которым её связывали дружеские отношения. Он казался ей идеальным политиком, на которого можно влиять, и кто в перспективе смог бы реализовать её идеи: «Керенский приблизительно на моей позиции стоит не только по отношению к войне, но, главное, по отношению к данному внутреннему положению *военной* (курсив. – *З.Г.*) России»[551]. После Февральской революции она разочаровалась и в нём.

Выход из политического кризиса З. Гиппиус связывала с блоком умеренных и левых. «Спасти Россию сейчас можно не снизу. Её могли бы спасти только эти политические верхи. Но только в известном контакте, в каком-то сговоре, с крайне левыми, то есть поступившись известной долей своей умеренности, я не сомневаюсь, что при таком контакте и крайние поступились бы известной долей своей крайности»[552]. «Возможность перелома находится: влево от умеренных и вправо от левых, как раз *между ними* (курсив. – *З.Г.*). Правый блок свёл возможность осуществления перелома к минимуму. Наоборот, БЛОК ЛЕВЫЙ, то есть соединение УМЕРЕННЫХ с ЛЕВЫМИ, и только он один, мог бы найти и действительные средства в осуществлении перелома... если бы умеренные, приняв искренно и уже безоглядно лозунг «перелома», сблокировались бы с левыми в Думе, – они могли бы приложить к их кругам свои организационные способности и политические навыки. Получилась бы внутренняя *революционная сила* (курсив. – *З.Г.*), но сама себя сдерживающая от всех *несвоевременных* (курсив. – *З.Г.*) выступлений»[553]. Ответственность за обострение политического кризиса она возлагала на кадетов, которые выбрали блок с правыми вместо блока с левыми.

Анализ политической ситуации приводил её к неутешительному выводу, что «будет анархия. Нельзя не учитывать яркой возможности *неорганизованной* (курсив. – *З.Г.*) революции, вызываемой безумными действиями правительства в ответ на ошибки политиков[554].

После возобновления работы Государственной Думы Зинаида Николаевна отметила изменившуюся позицию кадетов. 4 ноября 1916 г. она писала:

---

[548] Гиппиус З. Н. Указ. соч. С. 411.

[549] Там же. С. 406.

[550] Там же. С. 407.

[551] Там же. С. 418.

[552] Там же. С. 408.

[553] Там же. С. 411.

[554] Там же. С. 412.

«Первого открылась Дума. Милюков произнёс длинную речь, чрезвычайно для него резкую...: «Теперь мы видим и знаем, что с этим правительством мы так же не сможем законодательствовать, как не сможем вести Россию к победе»[555]. Её вердикт жёсткий – рано для революции и поздно для реформы[556]. Анализируя ситуацию непосредственно перед февральскими событиями, З. Н. Гиппиус вновь возложила вину на Прогрессивный блок. 11 февраля 1917 г. она записала в дневнике: «Положение её (Думы. – *И.К.*) унизительно и безвыходно. При любом поведении (в рамках либерального блокизма) её достоинство опять ущербится. Minimum не достигнут, а ради него было пожертвовано решительно всем. Даже не приблизились к minimum'у, а для него не побоялись вырыть пропасть между умеренными государственными политиками и революционной интеллигенцией, вместе со смутными русскими революционными низами»[557]. А 25 февраля продолжила: «Дума – "заняла революционную позицию"... как вагон трамвая её занимает, когда поставлен поперёк рельс... У интеллигентов либерального толка вообще сейчас ни малейшей связи с движением... Бесплодно охрипли в Думе. И с каждым нарастающим мгновением они как будто всё меньше делаются нужны... Неужели так никогда и не поймут они свою ответственность...»[558]

Так. в годы Первой мировой войны активизировался процесс политизации художественной интеллигенции. Обострившийся кризис вызвал рост критических оценок происходивших событий. Неспособность императора и правительства вывести страну из кризиса приводила к надеждам на другие политические институты, способные это сделать, отсюда – повышенный интерес к деятельности Государственной Думы. Как отмечал исследователь Н. Н. Смирнов: «При всей возрастающей политизации в интеллигентской среде доминировали те, кто грядущие перемены по-прежнему связывал с достижением возможного компромисса между консерваторами (в лице царской фамилии и её администрации) и либералами (в лице Прогрессивного блока Государственной Думы). Их платформой по-прежнему оставался социально-политический конформизм. Ценой постепенности, шаг за шагом, уступка за уступкой рассчитывала большая часть интеллигенции изменить сложившуюся в стране ситуацию. Активности ждали от Прогрессивного блока, от возобновления 14 февраля 1917 г. работы сессии Государственной Думы, где, как предполагалось, усилиями лидеров буржуазных партий планировалось добиться у царя определённых уступок»[559]. Часть интеллигенции, напротив, именно в годы Первой мировой войны разочаровалась в возможностях представительной власти. Развитие революции первая группа связывала с Государственной Думой, вторая – с отказом от неё в пользу Учредительного собрания.

---

[555] Гиппиус З. Н. Указ. соч. С. 432.

[556] Там же. С. 434.

[557] Там же. С. 443.

[558] Там же. С. 451.

[559] Смирнов Н. Н. Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 269

Д. С. Лавринович,
Могилёвский государственный университет, Беларусь

Деятельность депутатов, избранных на территории Беларуси, в IV Государственной Думе

Динамика общественно-политической жизни на территории Беларуси в начале XX в. в значительной мере была вызвана участием различных политических сил в выборах в Государственную Думу. В регионе с многонациональным и поликонфессиональным составом населения избирательные кампании имели особенности по сравнению с центральными губерниями Российской империи. Исследование противоборства политических партий и общественных организаций в процессе выборов, а также деятельности депутатов, избранных в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилёвской губерниях, в IV Государственной Думе в годы Первой мировой войны, представляет особый интерес.

Для конституционных демократов участие в выборах было способом поддержания авторитета Конституционно-демократической партии как главного оппонента царского правительства из либерального лагеря, а также оживления деятельности местных отделов партии. В ноябре 1911 г. на совещании Кадетской фракции с делегатами местных групп, лидер виленских кадетов И. Д. Ромм заявил о необходимости образования в белорусских губерниях предвыборного блока различных национальных групп на основе общей прогрессивной платформы. Он считал, что местные организации партии должны иметь определённую свободу по программным вопросам [560].

Кадетским руководством были выработаны специальные рекомендации на время выборов, озвученные П. Н. Милюковым на заседании Петербургского городского комитета КДП. Учитывая национальное соперничество в общественно-политической жизни Северо-Западного края, он рекомендовал местным партийным группам не выступать во время избирательной кампании исключительно под кадетским знаменем. По его мнению, в белорусских губерниях от землевладельцев на выборах лучше было выставить прогрессивно настроенных земских деятелей, которых могли поддержать избиратели разных национальностей. «... Так как имя прогрессиста гораздо слабее звучит, чем кадет, то и в соглашение с ними неустойчивые, противные нам элементы будут вступать гораздо охотнее. В Думе же мы всегда сумеем сговориться, хотя и будем носить разные клички», – полагал П. Н. Милюков. Только на городских выборах, считал он, можно выставлять «чистых» кандидатов от КДП либо от союзных еврейских партий. Из 40 с лишним депутатов от Северо-Западного края, по расчётам П. Н. Милюкова, под кадетскими флагами должны были пройти не менее 10 [561].

---

[560] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 2. 1908–1914 гг. М., 2000. С. 338.

[561] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 102. Особый отдел. 1912 г. Оп. 242. Д. 27. Л. 25 об. – 26 об.

Пытались привлечь на свою сторону кадеты и поляков: достижение автономии Польши было одной из целей кадетской фракции в Государственной Думе. Правда, при этом конституционные демократы стремились установить «пределы польскому национализму, направленному к подавлению других партий в Западном крае»[562].

В сентябре 1912 г. виленские либералы начали издавать «Вечернюю газету». Её фактическим редактором был один из лидеров белорусского национального движения А. И. Луцкевич[563]. Политическая платформа издания базировалась на программе КДП. Однако в ней нашли отражение и местные особенности, в частности «краевая» идеология. Редакция писала: «Поддерживая стремление народной массы к развитию своей внутренней, культурной мощи, к поднятию своего благосостояния и созданию прочных экономических основ, мы не будем забывать об особенностях нашего края. Здесь никоим образом нельзя исходить исключительно из интересов какой-либо одной национальной группы: при разнообразии национального состава населения необходимо всё время иметь в виду интересы края, как целого. Только тогда может правильно развиваться и каждая отдельная народность». Подчёркивалось: «Сознание, что мы, живя на этой земле, становимся гражданами края, – вот наша исходная точка при выяснении нужд различных групп его населения»[564].

В избирательную кампанию включилось и «Белорусское общество», ориентировавшееся на кадетов, которое стремилось заручиться поддержкой и официальных лиц. 16 сентября в Белорусское общественное собрание были приглашены чиновник особых поручений при Совете министров А. А. Кон, управляющий канцелярией губернатора Д. Л. Новицкий, старший ревизор губернского акцизного управления А. П. Петров, редактор «Виленского вестника» В. В. Теплов. В своём выступлении А. А. Кон отметил, что миссия русского чиновничества в крае заключается в том, чтобы выдвинуть белоруса на поприще культурной и общественной работы[565].

23 сентября состоялось первое общее собрание русских избирателей Вильно, где присутствовало до 500 человек. На собрании выяснилось, что составление единого списка кандидатов в выборщики депутатов Государственной Думы от русского населения города невозможно по причине острых политических разногласий между группой прогрессистов, с одной стороны, и русскими националистами – с другой. В итоге было сформировано 4 списка кандидатов в выборщики от русских избирателей: внепартийного комитета, прогрессистов, Всероссийского национального союза, Свято-Духова братства. В список внепартийного комитета вошли кандидаты «Белорусского общества» В. П. Любарский, Н. А. Бовдзей и А. А. Кон[566].

Самостоятельно решил выступить на выборах член «Белорусского общества» М. С. Вруцевич, который решил обратиться за помощью в проведе-

---

[562] ГАРФ. Фонд 102. Особый отдел. 1910 г. Оп. 240. Д. 27. Л. 47–47 об.

[563] Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР / подгот. к печати, введение и комментарии В. Н. Михнюка, Н. М. Климовича и А. Н. Гесь. Минск, 1997. С. 34.

[564] От редакции // Вечерняя газета. 1912. 18 сентября. С. 1.

[565] Празднование годовщины Белорусского Общественного Собрания // Белорусский вестник. 1912. 23 сентября. С. 3.

[566] Общее собрание русских избирателей // Белорусский вестник. 1912. 1 октября. С. 1.

нии кампании к лидеру Конституционно-демократической партии П. Н. Милюкову[567]. Однако М. С. Вруцевич и другие представители белорусской «партии» не смогли пройти в Государственную Думу.

Прокадетский комитет русских прогрессивных избирателей выставил кандидатами в выборщики присяжных поверенных Л. И. Паволоцкого, К. Д. Зегница и дворянина Б. Л. Даниловича[568]. В начале октября 1912 г. прошли выборы, на которых больше всего голосов набрал Л. И. Паволоцкий – 868. Для победы же необходимо было получить 1050 голосов[569]. На повторных выборах, благодаря действиям местных властей, в выборщики по русской курии в Вильно были избраны Л. И. Паволоцкий и двое правых[570]. Благодаря административному ресурсу, победу одержал товарищ прокурора Виленской судебной палаты Г. Г. Замысловский (член Русского народного союза имени Михаила Архангела). Депутатом IV Государственной Думы стал и представитель Союза русского народа священник В. П. Юзьвюк[571].

Католическое население Виленской губернии ориентировалось на поддержку кандидатов от местного ополяченного дворянства и католической Церкви. Поэтому кадеты и их сторонники не расчитывали получить голоса выборщиков вне г. Вильно. Действительно, в Думу прошли 5 католиков, сформировавшие там ядро Белорусско-литовско-польской группы во главе с графом Л. С. Путткамером, примыкавшую к Польскому коло[572].

В Витебской губернии в период избирательной кампании кадетская партия, по полицейским данным, была, хотя и не особенно значительной по численности, зато хорошо организованной, и многие её члены занимали видное служебное положение[573]. Поэтому, по словам губернатора Витебский губернии в 1912 г., пришлось приложить немало сил, чтобы не пропустить революционные и оппозиционные элементы в нижнюю палату, а «избрать кандидатов русской группы». Он добавлял, что такой «успех» был заслугой руководившего выборным производством вице-губернатора А. Ф. Розена, а также уездных чиновников. Кроме того, «авторитетным влиянием на сельское население» оказало большую услугу православное духовенство[574].

Во время избирательной кампании стали более деятельными либеральные силы и в Минской губернии. В 1912 г. присяжный поверенный В. И. Чаусов начал издавать «Минскую русскую газету» с изложением предвыборной платформы местных оппозиционеров. Она включала в себя положения о неприкосновенности личности, свободе совести, слова, союзов, собраний и стачек, равенстве всех граждан перед законом, отмене сословных привилегий и смертной казни, независимости судов, всеобщем

---

567 ГАРФ. Фонд 579. Оп. 1. Д. 4004.

568 От русских прогрессивных избирателей города Вильны // Вечерняя газета. 1912. 29 сентября. С. 1.

569 Нравственная победа // Вечерняя газета. 1912. 7 октября. С. 1.

570 Итоги и перспективы // Вечерняя газета. 1912. 16 октября. С. 1.

571 Забаўскі М. М. Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). Минск, 1999. С. 184.

572 Там же.

573 ГАРФ. Фонд 102. Особый отдел. 1912 г. Оп. 242. Д. 27. Л. 39.

574 Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд 1430. Оп. 1. Д. 49012. Л. 12, 13.

бесплатном образовании, полной политической амнистии. По аграрному вопросу предполагалось принудительное отчуждение частновладельческих земель. По национальному – «удовлетворение потребностей национальных меньшинств в сохранении своего своеобразия». Предполагались: всеобщее избирательное право в органы местного самоуправления, отмена «Положения об усиленной и чрезвычайной охранах», ликвидация Государственного совета и создание ответственного перед Государственной Думой правительства (либо «правительства доверия»)[575]. Кандидатом в депутаты был выдвинут адвокат И. И. Метлин. В соглашение с минскими либералами вступила часть русских националистов во главе с И. Д. Чигиревым. Образовался прогрессивно-национальный блок[576]. Он стал главным конкурентом черносотенного Русского предвыборного комитета в работе среди православных избирателей. Для дискредитации И. И. Метлина правые стали распространять информацию о том, что он якобы участвовал в финансовых махинациях. Их кампания достигла своих целей, т. к. все кандидаты в депутаты, победившие на выборах 25 октября 1912 г., были ставленниками Русского предвыборного комитета.

Всплеск активности могилёвских конституционных демократов также приходится на 1912 г. «Эксперты» из Особого отдела Департамента полиции, оценивая шансы различных политических сил на победу в избирательной кампании, отмечали, что в городах Могилёвской губернии наиболее сплочёнными являлись оппозиционные элементы[577]. Но благодаря вмешательству губернских властей победу одержали консерваторы.

Таким образом, хотя во время избирательной кампании кадетам на время и удалось оживить деятельность кадетских организаций (за исключением Гродненской губернии), но провести своих кандидатов в IV Государственную Думу из-за противодействия властей они не смогли.

Несмотря на сильные позиции в III Государственной Думе, октябристы к выборам подготовились ещё хуже, чем кадеты. Организации октябристов сохранились к этому моменту только в Могилёвской и Витебской губерниях. В других губерниях на их основе были созданы отделы Всероссийского национального союза. «Особый отдел Департамента полиции так оценивал состояние дел в Витебской губернии осенью 1912 г.: „Октябристы, игравшие при предыдущих выборах видную роль, и имевшие значительное число сторонников, теперь представляют собой ничтожную по численности партию“»[578]. Поэтому октябристы пошли на заключение соглашения с другими монархическими партиями и организациями, приняв участие в создании Витебского губернского русского предвыборного комитета. Эта была организация, стоявшая на принципах русского национализма, отстаивавшая «единство и нераздельность Российской империи и ограждения во всех её частях интересов русской народности под властью самодержца всероссийского»[579].

---

[575] Наша платформа // Минская русская газета. 1912. 26 сентября. С. 2.

[576] Местная жизнь // Минское русское слово. 1912. 12 сентября. С. 3.

[577] Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции (совместное российско-белорусское исследование): В 3-х ч. / Под общ. ред. Э. М. Энтина. Гомель, 1993. Ч. 1. Политические партии России. С. 128.

[578] Там же. С. 122, 123.

[579] НИАБ. Фонд 2649. Оп. 1. Д. 426. Л. 2.

«Союз 17 октября» представляли В. С. Тутурин, священники А. М. Матюшенский и Н. К. Серебрянников[580]. В IV Государственную Думу от губернии попал октябрист Н. Н. Евреинов[581].

По сведениям Департамента полиции, накануне выборов в Могилёвской губернии отделы «Союза 17 октября» продолжали функционировать в Могилёве и Гомеле[582]. В IV Думу прошёл председатель Рогачевской уездной земской управы октябрист В. С. Дрибинцев[583].

Всего в IV Государственную Думу прошло 2 октябриста от белорусских губерний. Накануне Февральской революции 1917 г. к октябристам перешёл ещё один могилёвский депутат, крупный землевладелец Б. А. Энгельгардт[584].

Участие в избирательной кампании приняли представители Всероссийского национального союза. Стремление провести своих кандидатов способствовало сплочению консервативных сил Северо-Западного края. Из-за своей слабости они предпочли заключить союз с черносотенцами. В марте 1912 г. в Минске прошёл съезд губернских монархических организаций. На нём был создан Русский предвыборный комитет и утверждён его руководитель – слуцкий епископ Иоанн. 23 июня его полномочия были подтверждены Св. Синодом, который официально утвердил его в качестве председателя Минского губернского предвыборного комитета. Русский комитет призвал все монархические группы сплотиться вокруг лозунга «Православие, самодержавие, русская народность и неделимая Русь». К нему примкнули губернский отдел Союза русского народа, железнодорожный отдел Русского народного союза имени Михаила Архангела, Борисовский отдел Всероссийского национального союза (ВНС), православные братства и уездные русские дворянские организации. Кроме епископа Иоанна в руководящее ядро объединения вошли губернатор Я. Е. Эрдели и председатель губернской земской управы Б. Н. Самойленко[585]. Решено было ни в коем случае не блокироваться с инородцами и либералами. Даже по отношению к октябристам было признано, что союз с ними невозможен: к совместному голосованию могли быть допущены только отдельные члены «Союз 17 октября». Русский предвыборный комитет поддерживала газета «Минское русское слово», было налажено издание предвыборного листка под названием «Долой маски». Пропагандистская кампания, организованная епископом Иоанном, при поддержке властей позволила правым одержать убедительную победу: все 9 кандидатов, победивших на выборах 1912 г., были ставленниками правых и ВНС.

В начале 1912 г. Русский предвыборный комитет был образован также в Витебской губернии. Руководящую роль в нём играли представители ВНС,

---

[580] Устав общества «Витебский губернский русский предвыборный комитет». Витебск, 1912. С. 1.

[581] Забаўскі М. М. Указ. соч. С. 185.

[582] Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции (совместное российско-белорусское исследование)... С. 129.

[583] Забаўскі М. М. Указ. соч. С. 187.

[584] Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 1278. Оп. 5. Д. 1080. Л. 55.

[585] Собрание членов православных братств и монархических партий // Минское русское слово. 1912. 10 сентября. С. 2.

поддержку комитету оказывали губернские власти. В результате в IV Государственную Думу были избраны 5 правых и русских националистов[586].

Подобная же ситуация наблюдалась и в Могилёвской губернии, где всем заправляли националисты. Помещик Н. Н. Ладомирский за открытие нескольких новых отделов ВНС получил даже специальную грамоту от Совета партии[587]. Поддержку русским националистам оказывала местная администрация, представители которой даже вмешивались в сам ход выборов. В жалобе на постановление Могилёвской уездной комиссии по выборам указывалось, что «полиция считала себя вообще призванной пассивно, а где нужно и активно участвовать в выборах»[588].

В губернском избирательном собрании гомельский исправник Мизгайло прямо просил избирателей не давать голосов за неугодного ему кандидата, а когда же приступили к баллотировке по относительному большинству трёх последних кандидатов, появился чиновник для раздачи прогонных денег иногородним выборщикам. При выдаче денег им «внушалось, что, получая прогонные, [они] должны и голосовать за определённых лиц»[589]. В итоге правым и националистам в губернии удалось провести 6 депутатов[590].

Всего во Фракцию правых IV Государственной Думы вошло 4 депутата от Северо-Западного края, во Фракцию русских националистов и умеренно-правых – 23, в группу центра – 1, во Фракцию октябристов – 2, в Белорусско-литовско-польскую группу – 5, прогрессистом оказался 1 депутат[591]. Таким образом, около 4/5 (80 %) депутатов от Белоруссии примыкало к правому крылу Думы.

Несмотря на значительное представительство от западных губерний в нижней палате, никто из депутатов не поставил белорусского вопроса в Государственной Думе. Только один минский крестьянин С. Д. Вербило из Фракции русских националистов и умеренно-правых назвал себя белорусом[592]. Правые и националисты с думской кафедры требовали от правительства дальнейшего ограничения влияния поляков в крае, укрепления черты еврейской оседлости, сохранения единой и неделимой России при господстве русского народа и православия по всей империи.

Решающее влияние на развитие политической ситуации в стране оказала Первая мировая война. Большинство политических деятелей поддержало лозунг «внутреннего мира». Депутат Государственной Думы от Могилёвской губернии В. С. Дрибинцев заявлял: «Теперь не должно быть и несомненно не будет розни ни племенной, ни сословной, ни партийной... Мы своей работой должны связать себя невидимыми нитями с нашей дорогой армией и доказать ей нашу готовность идти на всякие

---

[586] Забаўскі М. М. Указ. соч. С. 185, 186.

[587] Коцюбинский Д. Ладомирский Николай Николаевич / Д. Коцюбинский // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / ред. коллегия.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 1996. С. 298.

[588] НИАБ. Фонд 2058. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 об.

[589] НИАБ. Фонд 2001. Оп. 1. Д. 2080. Л. 19, 19 об.

[590] Забаўскі М. М. Указ. соч. С. 187.

[591] Там же. С. 184–187.

[592] Забаўскі М. М., Пуцік У. С. Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906–1917 гг.) / М. М. Забаўскі, Минск, 1998. С. 56.

жертвы в заботе о борцах за Родину, об их семьях, об облегчении страданий раненых»[593].

Депутаты Думы от белорусских губерний приняли участие в организации и деятельности Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, военно-промышленных комитетов и других общественных организаций. Минское губернское земское собрание создало губернский комитет помощи раненым. В последующие годы в Минске были организованы склады продовольствия для Западного фронта, которые по своей вместимости уступали только московским[594]. Некоторые депутаты от Северо-Западного края приняли участие в боевых действиях. Могилёвской депутат Б. А. Энгельгардт в 1916 г. был награждён Георгиевским оружием[595]. Депутат Н. Н. Ладомирский (Могилёвская губерния) добровольцем ушёл на фронт, но попал в плен. В плену он отказался снять офицерские знаки отличия, за что был переведён в лагерь усиленного режима в Магдебурге. Несмотря на тяжёлые заболевания, германское командование отказалось освобождать Ладомирского в порядке обмена инвалидами до конца войны[596].

«Патриотическое единение» длилось недолго. В 1915 г. оно было сорвано германо-австрийским наступлением и оккупацией многих областей Российской империи, в том числе Виленской, Гродненской, части Минской и Витебской губерний. Либеральная пресса и общественные организации развернули энергичную борьбу за «министерство общественного доверия». В августе 1915 г. в Государственной Думе был образован оппозиционный правительству Прогрессивный блок. В него вошло большинство депутатов либеральных фракций, а также отдельные группы консервативного направления: от кадетов до левых (прогрессивных) националистов. Членами думского большинства стали и депутаты от белорусских губерний. Программа Прогрессивного блока предусматривала установление строгой законности в управлении, ликвидацию двоевластия военных и гражданских властей, обновление состава местной администрации и т. п. По польскому вопросу предусматривалась отмена ограничений в правах поляков на всей территории Российской империи, разработка законопроекта об автономии Царства Польского, пересмотр положения о польском землеустройстве. Последний пункт специально не расшифровывался, потому что депутаты не пришли к единому мнению по проблеме снятия ограничений с польского землевладения. Было решено встать на путь отмены нормативных актов, ограничивавших права евреев.

Белорусский вопрос не был отражён в программе Прогрессивного блока. Представители фракций националистов, октябристов и прогрессистов были сторонниками идеи сохранения «единой и неделимой России», они не признавали существования белорусского народа как самостоятельного этноса, а белорусский язык считали диалектом русского. Что касается Белорусско-литовско-польской группы, то, по замечанию историка Ю. Веселовского, «гэтыя краеўцы – шляхта, памешчыкі і большасць католікаў, якія выйшлі з

[593] Слобожанин В. П. Земское самоуправление в Белоруссии (1905–1917 гг.). Минск, 1994. С. 68.

[594] Там же. С. 70.

[595] РГИА. Фонд 1278. Оп. 9. Д. 917. Л. 3.

[596] Коцюбинский Д. Указ. соч. С. 298.

беларускага народу, не засталіся яму вернамі. Яны больш кіраваліся сваім багаццем... і ў канцы апынуліся ў польскім асяродзі»[597]. Современные белорусские историки категорически утверждают, что «сапраўдных абаронцаў сацыяльных і нацыянальных правоў беларускага народа ў Чацвертай Думе не было»[598].

[597] Весялоўскі Ю. Беларусь у Першай Сусьветнай вайне: (Гістарычны нарыс) / Рэд. А. Мірановіч. Беласток-Лендан, 1996. С. 25.

[598] Забаўскі М. М., Пуцік У. С. Указ. соч. С. 56.

В. Левин,
Иерусалимский университет, Израиль

Еврейская национальная квазиавтономия в Российской империи: парламентская политика, гражданское общество и вопрос беженцев в период Первой мировой войны

С конца 1870-х гг. часть еврейской элиты в России и за рубежом начала воспринимать евреев как модерную нацию. В рамках идей европейского национализма наиболее очевидным способом решения еврейского вопроса представлялось сосредоточение евреев на какой-либо территории и создание еврейского национального государства. Последователи идеологии, впоследствии названной сионизмом, полагали, что территорией, наиболее подходящей для создания еврейского государства, является древняя родина евреев, Палестина. Последователи же территориализма не верили в возможность колонизации Палестины и искали альтернативную территорию вне Европы, на которой можно было бы сформировать еврейское большинство. Оба плана предполагали миграцию нескольких миллионов евреев, что на практике представлялось сложно выполнимым[599].

На рубеже XIX и XX вв. в еврейской среде получила распространение идея диаспорного автономизма – создание еврейской национальной автономии в странах проживания евреев. Так как евреи не составляли большинства на какой-либо территории, то основой диаспорного автономизма стали теории австромарксистов К. Реннера и О. Бауэра об экстерриториальной национальной автономии. Суть этих теорий состояла в том, что все представители нации, признанной государством, вне зависимости от места их проживания, считаются одной национальной общностью и имеют право реализовывать национальные нужды на своём национальном языке. Зарегистрировавшиеся в «национальном реестре» имеют право избирать делегатов в орган, который защищает интересы их национальной автономии перед государством и имеет представительство в правительстве. Финансирование национальной автономии происходит как за счёт средств государственного бюджета – каждая нация получает долю, соответствующую её проценту в населении страны, – так и за счёт дополнительного налога, налагаемого автономией на своих членов[600].

---

[599] Лучшим исследованием о еврейских идеологиях и политических организациях в XX веке является Mendelsohn E. On Modern Jewish Politics. Oxford, 1993. О сионизме написано большое количество работ, наиболее полной из которых является трехтомное исследование Дэйвида Виталя: Vital D. Zionism. Oxford, 1982–1987. Напротив, о территориализме написано очень немного и наиболее современной является работа *Alroey G.* Ha-mahapekhah ha-shketah. Jerusalem, 2008. P. 217–236; см. также на русском языке: Гительман Ц. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней. М., 2008. С. 31–40.

[600] О еврейском диаспорном автономизме см.: Rabinovitch S. Jewish Rights, National Rites. Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia. Stanford, 2014. *Karlip J.* The Tragedy of a Generation: The Rise and Fall of Jewish Nationalism in Eastern Europe. Cambridge, Mass., 2013.

Еврейские теоретики рассматривали два типа экстерриториальной автономии. Еврейская социал-демократическая партия «Бунд» являлась сторонницей «национально-культурной автономии», т.е. считала, что отдельные еврейские учреждения на родном для еврейских рабочих языке идиш необходимы только в области культуры, в первую очередь, в сфере образования. Во всех других вопросах, считали бундовцы, у еврейского пролетариата нет интересов отдельных от общих интересов пролетариата[601]. Другие еврейские партии верили, что евреям необходима более широкая форма автономии, так называемая «национально-персональная автономия», включающая в себя сферы культуры, здравоохранения, экономики, а также вопросы поддержки эмиграции. Во время революции 1905–1907 гг. практически все еврейские политические партии, рассматривавшие евреев как нацию, в том числе и сионисты, включили в свои программы требование экстерриториальной автономии. Партии, которые ставили основной задачей интеграцию евреев в российское общество, резко выступали против самой идеи национальной автономии[602].

Еврейская национально-персональная экстерриториальная автономия была официально создана в двух странах, возникших после крушения Российской империи. На Украине она просуществовала с 1917 г. до падения Директории Украинской Народной Республики в 1920 г., однако в условиях Гражданской войны тяжело говорить о каком-либо упорядоченном её функционировании[603]. В Литве еврейская национально-персональная автономия была основана в 1918 г. и отменена в 1925 г.[604]

Данная статья ставит своей целью показать, что основные черты национально-персональной экстерриториальной автономии возникли в Российской империи в период Первой мировой войны. Ввиду необходимости реагировать на антиеврейские меры военных властей был создан единый политический центр российского еврейства – «Политическое бюро при еврейских депутатах Государственной Думы», в то же время для удовлетворения нужд беженцев была создана единая структура – ЕКОПО (Еврейский Комитет Помощи). Необходимо отметить, что обе организации действовали согласованно. На мой взгляд, Политическое бюро и ЕКОПО представляли собой организационный центр «автономии», а структуры ЕКОПО в российских городах, непосредственно занимавшиеся делами беженцев, были её местными органами. Вместе с тем эту систему нельзя однозначно назвать «национальной автономией». Во-первых, государство официально не признавало евреев нацией (как будет показано ниже, такое признание произошло де-факто, но не де-юре). Во-вторых, система «автономии» распространялась не на всё еврейское население империи, а только на 200–300 тысяч

[601] О Бунде и его идеологии см.: Mendelsohn E. Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Worker's Movement in Tsarist Russia. Cambridge, 1970. Tobias H. The Jewish Bund in Russia: From its Origin to 1905. Stanford, 1972. Френкель Й. Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство, 1862–1917. М., 2008. С. 229–334.

[602] О еврейской политике периода Первой русской революции см.: Френкель Й. Пророчество и политика. С. 187–228. The Revolution of 1905 and Russia's Jews/Eds. S. Hoffman & E. Mendelsohn. Philadelphia, 2008.

[603] О еврейской автономии в Украине см.: Abramson H. A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times, 1917–1920. Cambridge, 1999.

[604] О еврейской автономии в Литве см.: Liekis Š. «A State within a State?» Jewish Autonomy in Lithuania, 1918–1925. Vilnius, 2003.

еврейских беженцев: как бежавших при приближении немецкой армии, так и насильно выселенных русскими военными властями. В связи с этим «национальная квазиавтономия» является более подходящим термином для описания такой системы.

Центром политической жизни российского еврейства, как и всей России, была Государственная Дума[605]. Право избирать и быть избранными в Думу стало единственным улучшением правового статуса евреев, полученным во время революции 1905 г.[606]. Однако если в I Думу было избранно 12 еврейских депутатов, то в Думах последующих созывов их количество ограничивалось двумя или тремя[607]. Еврейские депутаты воспринимались как представители всего еврейского населения России перед Думой, властями и вообще народом России. В то же время сами депутаты не обладали достаточными возможностями и влиянием, чтобы действительно формировать еврейскую политику. Для направления деятельности депутатов при них создавались комитеты и комиссии из представителей четырёх еврейских политических партий – сионистов, автономистской «Фолькс-партией», прокадетской «Еврейской народной группы» и более левой «Еврейской демократической группы». Сионисты и диаспорные автономисты придерживались националистических позиций, а «Еврейская народная группа» и «Еврейская демократическая группа» не рассматривали евреев как нацию, а видели в них историко-религиозную этническую общность, которая должна интегрироваться в нееврейское общество, как это произошло в Европе, но не ассимилироваться с ним полностью[608].

Мировоззренческие противоречия между националистами и интеграционистами, между прокадетскими и более левыми силами были причиной непрекращающихся и зачастую очень острых конфликтов в комитетах при депутатах. Например, межпартийное совещание при депутатах III Думы в 1908–1909 гг. просуществовало всего около 12 месяцев. Ковенский комитет, созданный съездом еврейских деятелей в Ковно в конце 1909 г.[609], проработал лишь две думские сессии и распался перед выборами 1912 г. С началом работы IV Думы осенью 1912 г. единого комитета при депутатах не сложилось, а действовали две независимые группы: Ковенский комитет, состоящий только из руководителей «Еврейской народной группы», и совещание представителей трёх остальных

[605] Пересказ обсуждений еврейского вопроса в Думе см.: Миндлин А. Б. Государственная Дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб., 2014.

[606] Levin V. Die jüdischen Wähler und die Reichsduma//Von Duma zu Duma. Hundert Jahre russischer Parlamentarismus/Hg. D. Dahlmann & P. Trees. Bonn, 2009. S. 155–172.

[607] О евреях на выборах в первые Думы см.: Harcave S. The Jews and the First Russian National Election//American Slavic and East European Review. Vol. 9. 1950. P. 33–41. Levin V. Russian Jewry and the Duma Elections, 1906–1907//Jews and Slavs. Vol. 7. 2000. P. 233–264. Levin V. Politics at the Crossroads – Jewish Parties and the Second Duma Elections, 1907//Leipziger Beiträge zur jüdischen Geschichte und Kultur. Bd. 2. 2004. P. 129–146. О евреях на выборах в III–IV Думы см.: Levin V. Mi-mahapekhah le-milhamah: ha-politikah ha-yehudit ba-imperiyah ha-rusit, 1907–1914. Jerusalem, 2015. P. 46–65, 97–112.

[608] Об околодумской еврейской политике см.: Levin V. Mi-mahapekhah le-milhamah: ha-politikah ha-yehudit ba-imperiyah ha-rusit, 1907–1914. Jerusalem, 2015. P. 66–96, 113–128.

[609] О Ковенском съезде см.: Levin V. Mi-mahapekhah le-milhamah: ha-politikah ha-yehudit ba-imperiyah ha-rusit, 1907–1914. Jerusalem, 2015. P. 367–387. Gassenschmidt C. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900–1914: The Modernization of Russian Jewry. New York, 1995. P. 85–93.

партий. Отдельно от них действовал «Бунд», проводивший собственную парламентскую политику через социал-демократическую фракцию[610].

С началом Первой мировой войны все четыре несоциалистические еврейские партии объединились в «Политическое Бюро при еврейских депутатах Государственной Думы», а в качестве наблюдателя при нём присутствовал представитель «Бунда»[611]. Таким образом, был создан единый центр еврейской политики, координирующий деятельность в Думе, лоббистские усилия в правительстве и распространение информации о преследованиях евреев как внутри страны, так и заграницей. Ни одно из этих направлений не было радикально новым: и раньше политические деятели от разных групп стремились направлять работу депутатов, и раньше еврейские либералы общались с министрами с целью добиться послаблений в антиеврейской политике; уже с начала XX в. информация о еврейском вопросе распространялась за границей, а с уничтожением предварительной цензуры – и в России. Хотя еврейские социалисты, и в первую очередь «Бунд», в 1905 г. отвергали всякую возможность сотрудничества с «буржуазией», уже в 1909 г. они участвовали в Ковенском съезде еврейских деятелей[612]. Однако именно в период Первой мировой войны все политические группы в еврейском обществе создали устойчивую структуру, которая успешно проводила в жизнь слаженную политику, избегая при этом серьёзных внутренних конфликтов[613].

Условия парламентской деятельности еврейских депутатов во время войны серьёзно ухудшились по сравнению с предвоенными годами. Несмотря на унизительное обращение российской армии с евреями-подданными России (обвинение евреев в шпионаже в пользу Германии, взятие заложников у еврейского населения прифронтовых районов и выселение всего еврейского населения из большей части Ковенской и Курляндской губерний во время отступления 1915 г.), основной союзник еврейских депутатов – кадетская фракция – оказалась не готова активно отстаивать еврейские интересы в военное время. Такой же политики придерживался и возглавляемый кадетами Прогрессивный блок[614]. Наиболее ярко это проявилось в 1916 г., во время обсуждения запроса о двух антиеврейских циркулярах. В первом, так называемом Кафафовском циркуляре, МВД обвиняло евреев в скупке российской разменной

---

[610] Levin V. Mi-mahapekhah le-milhamah: ha-politikah ha-yehudit ba-imperiyah ha-rusit, 1907–1914. Jerusalem, 2015. P. 75–91, 122–124. О думской политике Бунда см.: там же, с. 304–328.

[611] О Политическом бюро см.: Кельнер В. Е. Политическое Бюро при еврейских депутатах IV Государственной Думы в годы войны, 1914–1917 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 68–95. Основными мемуарными источниками о Политическом бюро являются Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства (воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960. С. 81–108. Дубнов С. М. Книга жизни. Т. 2. Рига, 1935. С. 159–215.

[612] Об изменении политики еврейских социалистических партий после революции 1905–1907 гг. см.: *Levin V.* The Jewish Socialist Parties in Russia in the Period of Reaction // The Revolution of 1905 and Russia's Jews/Eds. S. Hoffman & E. Mendelsohn. Philadelphia, 2008. P. 111–127.

[613] Совместная деятельность во время войны сделала возможным участие всех еврейских политических партий в подготовке Всероссийского еврейского съезда в 1917 году. О подготовке Всероссийского еврейского съезда в 1917 г. см.: Altshuler M. Ha-nisayon leargen kinus klal-yehudi be-rusiyah ahar ha-mahapekhah//He-avar. Vol. 12. 1965. P. 75–89.

[614] О выселениях евреев см.: Goldin S. Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. № 1 (41). Spring 2000. P. 40–73.

монеты, а в другом – Министерство финансов сообщало своим чиновникам на местах о готовности евреев помогать немцам в сжигании урожая на полях с помощью особых машин. Кадетские лидеры Прогрессивного блока практически принудили еврейских депутатов заявить, что они удовлетворены объяснениями правительства и снять запрос с повестки дня, однако после этого все три еврейских депутата вышли из Прогрессивного блока[615]. Несомненным успехом еврейских парламентариев и Политического бюро была организация поездки Керенского в Ковенскую губернию с целью опровержения официального заявления Ставки о том, что евреи в местечке Кужи прятали немецких солдат в подвалах. По возвращении Керенский доложил, что в еврейских домах в этом местечке вообще нет подвалов. Но в целом думская деятельность еврейских политиков оказалась неудачной.

Гораздо успешней еврейские политики действовали в правительственных сферах[616]. В годы перед Первой мировой войной в отношении еврейского вопроса в правительственных кругах сложилась весьма напряжённая ситуация. Тон задавали крайне правые, которые были уверены, что евреи как группа несут ответственность за революцию 1905 года и что все евреи однозначно враждебны российскому государству. Инициативы крайне правых были очень опасны: постоянно циркулировавшие идеи об отмене призыва евреев в армию грозили их гражданскому статусу, а кровавый навет – дело Бейлиса в 1911–1913 гг. – попросту пытался лишить евреев человеческого облика. Кроме того, определение еврея на основе религии – как человека, лично исповедующего иудаизм, – начало заменяться расовым определением – как человека, чьи предки были евреями, вне зависимости от того, крестился он или нет[617]. Тяжело сказать, какой процент высших чиновников придерживался крайних антиеврейских взглядов, однако важно то, что именно они задавали тон в политике правительства по отношению к евреям и делали невозможным прагматический подход, например, поощрение лояльных монархических групп среди евреев или послабления в антиеврейском законодательстве[618].

Антисемитизм российских военных властей был прямым продолжением предвоенного государственного антисемитизма, однако разделение власти между Ставкой и Советом министров создало новые условия, в которых антиеврейская тенденция предвоенных лет перестала быть единственной. Натянутые отношения между Ставкой и Советом министров по ряду вопросов, в том числе и о выселении евреев (как и о выселениях в общем), сыграли свою роль в успехе еврейских лоббистов в деле отмены черты оседлости. Решением Совета министров основное ограничение географической мобильности евре-

---

[615] Hamm M. Liberalism and the Jewish Question: The Progressive Bloc//Russian Review. Vol. 31. 1972. P. 163–172. Ганелин Р. Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. // Вестник еврейского университета в Москве. № 3 (10). 1995. С. 4–37.

[616] Ганелин Р. Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 году // Вестник Еврейского университета в Москве. № 1 (14). 1997. С. 41–65. Кельнер В. Е. Война. Россия. Евреи. Стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 году // Вестник Еврейского университета. № 5 (23). 2001. С. 265–284. Гольдин С. Русское еврейство... С. 329–340.

[617] Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. London, 1986. P. 40–56.

[618] Levin V. Orthodox Jewry and the Russian Government: An Attempt at Rapprochement, 1907–1914 // East European Jewish Affairs. Vol. 39. №. 2. August 2009. P. 187–204.

ев, введённое ещё в конце XVIII в., было практически отменено. Существует два свидетельства, рассказывающих об обстоятельствах принятия этого решения. Яхонтов описывает, как министры согласились на отмену черты в обмен на обещания евреев содействовать российским военным займам за границей. Слиозберг, напротив, полностью отвергает эту версию, задаваясь резонным вопросом – кто из евреев мог взять на себя такие обязательства? – и утверждает, что именно он предложил идею министру внутренних дел Щербатову[619]. В контексте данной статьи, не важно, кто из них прав. Более значимо, что усилия еврейских политиков привели к тому, что евреи получили право селиться в городах по всей России, за исключением столиц и ещё нескольких местностей. Отмена черты была представлена как техническая мера для помощи беженцам, а в качестве концепции черта продолжила существовать. Однако ни у кого не было сомнений, что после войны право жительства евреев не может быть снова ограничено. Таким образом, Политическое бюро добилось беспрецедентного успеха, сыграв на противоречиях между Ставкой и правительством и подготовив почву информационной кампанией в прессе союзников об антиеврейских действиях России. Вместе с тем, отмена черты не создала «ощущения, что еврейский вопрос в России решён»[620].

Исполнительным органом квазиавтономии был Еврейской комитет помощи жертвам войны – ЕКОПО. Он был создан в самом начале войны, чтобы поддерживать семьи мобилизованных солдат, однако вскоре основной сферой его деятельности стало оказание помощи беженцам и евреям, выселенным военными властями[621]. Она включала в себя предоставление жилья, продовольствия и медицинской помощи, а в более долговременной перспективе – их трудоустройство и организацию школ для детей. Для выполнения этих задач ЕКОПО не стал создавать собственные структуры, а воспользовался уже существующими еврейскими организациями[622].

В книге о еврейской политике перед Первой мировой войной я выдвинул тезис о том, что к 1914 г. в России сложились основы еврейского гражданского общества, т. е. система структур, которые, не являясь государственными или коммерческими организациями, удовлетворяют нужды еврейского населения за счёт еврейских средств[623].

Старейшей организацией еврейского гражданского общества было ОПЕ – «Общество Распространения Просвещения среди евреев в России». Оно было создано в 1863 г. и в начале своей деятельности концентрировало усилия на распространении русского просвещения, однако в начале XX века ОПЕ стало в основном заниматься организацией еврейских школ и даже под-

---

[619] Слиозберг Г. Дела минувших дней. Т. 3. Париж, 1934. С. 335–342. Ср. Гольдин С. Русское еврейство... С. 357–368.

[620] Гольдин С. Русское еврейство... С. 368.

[621] О ЕКОПО см.: Zipperstein S., The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First World War // Studies in Contemporary Jewry. Vol. 4. 1988. P. 22–40. Sverdlova M. «Ha-vaad ha-yehudi le-ezrat nifgaei ha-milhamah» (ekopo) be-rusiyah, 1914–1916 // Yahadut zmanenu. Vol. 4. 1988. P. 269–288. Sverdlova M. EKOPO ve-ha-siyuah le-nifgaei ha-milhamah be-mars-oktober 1917 // Shvut. Vol. 13. 1989. P. 19–30.

[622] Об организации деятельности ЕКОПО см.: Слиозберг Г. Дела минувших дней. Т. 3. Париж, 1934. С. 330.

[623] Levin V. Mi-mahapekhah le-milhamah: ha-politikah ha-yehudit ba-imperiyah ha-rusit, 1907–1914. Jerusalem, 2015. P. 403–430.

держкой традиционных религиозных школ – хедеров. Во время войны «Общество Просвещения» создавало школы для еврейских беженцев, а так как эти школы оставались вне государственной системы образования, то в них было возможно преподавание на родном для учеников языке идиш[624].

Другой важнейшей структурой оказалось «Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев России» – ОРТ. Оно было создано в 1880 г., после 1906 г. руководство общества сосредоточилось на профессиональном образовании евреев и поддержке ремесленных кооперативов. В годы войны ОРТ взяло на себя как профессиональное образование детей беженцев, так и помощь беженцам в трудоустройстве[625].

В годы войны заметно выросло значение «Общества здравоохранения евреев» – ОЗЕ, которое было создано в 1912 г. ОЗЕ приняло на себя заботы о медицине для беженцев, обеспечение их продовольствием и жильём[626].

Три этих общества составили костяк ЕКОПО и действовали за счёт его средств. Если руководящие структуры этих обществ и самого ЕКОПО состояли из известных еврейских общественных деятелей, то их деятельность на местах осуществлялась в основном молодыми еврейскими социалистами. Структуры, оказывающие помощь беженцам, не только обеспечивали социалистам минимальный заработок, но и открывали возможность прямого контакта с еврейскими низами, более того, в ситуации, благоприятной для агитации. Подобной тактики придерживались и большевики в больничных кассах, а также другие российские социалисты в различных общественных структурах, созданных во время войны[627].

Средства для помощи беженцам поступали из нескольких источников. Первым источником были пожертвования тех, кого социалисты называли «еврейской буржуазией». Все еврейские (и нееврейские) добровольные организации существовали за счёт годовых взносов своих членов. Однако в ЕКОПО годовые взносы были заменены на самообложение[628]. Таким образом, впервые в среде еврейских организаций произошёл переход от добровольных пожертвований к самообложению, очень близко стоящему к прогрессивному подоходному налогу. Средства для ЕКОПО также активно собирались заграницей, в основном в Америке. Именно во время войны был создан «Совместный Распределительный Комитет», известный под именем «Джойнт». Но наиболее заметным источником средств для ЕКОПО были го-

---

[624] Об ОПЕ см.: Horowitz B. Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late-Tsarist Russia. Seattle, 2009. Zipperstein S. Transforming the «Heder»: Maskilic Politics in Imperial Russia // Jewish History: Essays in Honour of Chimen Abramsky / Eds. A. Rapoport-Albert & S. Zipperstein. London, 1988. P. 87–109.

[625] Об ОРТе см.: Shapiro L. The History of ORT: A Jewish Movement for Social Change. New York, 1980.

[626] Об ОЗЕ см.: Позин Г. М. Общество хранения здоровья еврейского населения. Документы, факты, имена. СПб., 2007. Spektor S. OZE – ha-hevrah le-shmirat bruit ha-yehudim be-rusiyah // Yahadut zmanenu. Vol. 6. 1990. P. 151–183.

[627] О связи между оказанием помощи населению и его политизацией см.: Mendelsohn E. Zionism in Poland. The Formative Years, 1915–1926. New Haven, 1981. P. 46–48. Zipperstein S., The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First World War // Studies in Contemporary Jewry. Vol. 4. 1988. P. 23–24.

[628] Sverdlova M. «Ha-vaad ha-yehudi le-ezrat nifgaei ha-milhamah» (ekopo) be-rusiyah, 1914–1916 // Yahadut zmanenu. Vol. 4. 1988. P. 285–286.

сударственные субсидии[629]. Государство оказывало помощь беженцам через «Татьянинский комитет помощи пострадавшим от военных действий». Этот Комитет не только создал собственные структуры на местах, но и выделял средства «этническим» организациям помощи беженцам: полякам, литовцам, латышам, армянам и евреям; последним – через ЕКОПО[630].

Впоследствии, в августе 1915 г., было создано Особое совещание по устройству беженцев при Министерстве внутренних дел. Особое совещание не только распределяло бюджет «этническим» организациям в зависимости от количества беженцев, находящихся на их попечении, но и включало в себя представителей этих организаций[631].

Таким образом, представители евреев, хоть и не демократически избранные, оказались участниками государственного установления, которое пропорционально распределяло средства среди представителей различных национальностей. Эти государственные средства позволяли нескольким еврейским организациям, объединённым в ЕКОПО, оказывать содействие евреям на местах. Данное содействие касалось не только специфических вопросов обеспечения беженцев питанием и жильём, но и тех сфер, в которых самостоятельная еврейская деятельность предполагалась и в мирное время – образование, здравоохранение, трудоустройство.

В целом, можно сказать, что на практике сложилась структура, поразительно близкая к схемам национально-персональной экстерриториальной автономии: политический и организационный центры в лице Политического бюро и ЕКОПО, самостоятельная еврейская деятельность на местах в сферах образования, здравоохранения и трудоустройства, государственное финансирование этой деятельности, основанное на пропорциональном распределении средств, дополнительное финансирование за счёт самообложения евреев.

Национальная квазиавтономия, сложившаяся во время Первой мировой войны, в которой принимали участие все еврейские политические партии, создала необходимые условия для того, чтобы сразу после Февральской революции начались подготовительные работы к созыву Всероссийского еврейского съезда, который должен был сформулировать требование еврейской экстерриториальной автономии и представить его Всероссийскому Учредительному собранию.

---

[629] См.: Слиозберг Г. Дела минувших дней. Т. 3. Париж, 1934. С. 330–331.

[630] О Татьянинском комитете см.: Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113. См. также: Цовян Д. Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2005.

[631] Об Особом совещании см.: Ильин А. В. Об Особом совещании по устройству беженцев, 1915 – февраль 1917 г. // http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1137988 (дата обращения 16.05.2015). Белова И. Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2013. № 12. С. 51–62. Вероятно существование «этнических» организаций помощи беженцам, финансируемых за счёт государства, отразилось также и на политике большевиков в национальном вопросе в конце 1917 – начале 1918 годов. Резонно предположить, что создание Комиссариата по делам национальностей с отдельными комиссариатами по делам поляков, литовцев, армян, мусульман и евреев произошло под влиянием того факта, что структуры, занимающиеся поддержкой этих национальностей, уже сложились во время войны.

И. В. Лукоянов,
Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия

Прогрессивный блок: история создания

В советской историографии Прогрессивный блок изображался рядом авторов как псевдооппозиционная контрреволюционная организация либералов (А. Я. Аврех, Е. Д. Черменский)[632]. В. С. Дякин и В. И. Старцев, наоборот, рассматривали появление блока как реакцию либералов на военные неудачи, как настоящую оппозицию самодержавной власти[633]. В постсоветское время Ф. А. Гайда сделал акцент на развале либерального движения как в организации, так и в тактике и результативности, изобразив блок как малоуспешное предприятие[634].

Представления А. Я. Авреха и Е. Д. Черменского получили неожиданное развитие у С. В. Куликова. Он, исходя из своих общих убеждений о «либерализме» Николая II, ничем, однако, не подкреплённых, изобразил Прогрессивный блок детищем А. В. Кривошеина, якобы стремившегося таким путём к установлению «парламентаризма» в России[635]. Для сенсационного заключения автору оказалось достаточно датировать «списки» нового кабинета (сохранившиеся среди бумаг А. В. Кривошеина) февралём 1915 г., из чего был сделан вывод о первенстве «правительственного либерализма» над общественным[636]. Однако факты не подтверждают столь смелых интерпретаций политических событий, разыгравшихся в Петрограде летом 1915 г. Лучше оценить их с точки зрения взаимоотношений законодательной и исполнительной властей, их состояния.

С началом Первой мировой войны прекращение думских сессий нарушило прежний баланс между законодательной и исполнительной властями в пользу правительства. Наметившееся было в начале 1914 г. проправительственное большинство в нижней палате так и не оформилось, вопрос был отложен под лозунгом «всё для победы». Однако провозглашённое публично «единение» понималось в Совете министров как возможность действовать без Думы, используя знаменитую ст. 87 Основных законов, а либералами – как временное приглушение борьбы с самодержавной властью, но никак

[632] Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 42; Черменский Е. Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 99–100.

[633] Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 96–97; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 147–148.

[634] Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.

[635] Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого режима (1914–1917). Рязань, 2004. С. 83.

[636] Куликов С. В. Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. СПб.-Кишинёв, 2001. С. 268.

не полный отказ от неё. Иначе говоря, политический кризис был лишь делом времени, он сдерживался не только военными действиями, но и прекращением обычных думских сессий.

Положение же дел в правительстве оставляло желать лучшего. В историографии обычно считается, что влияние премьера И. Л. Горемыкина было незначительным, роль действительного главы кабинета играл А. В. Кривошеин. Вероятно, такая оценка преувеличивает его действительные возможности. Кроме того, претендент на премьерство вёл себя очень осторожно, не делая даже дружественных жестов в сторону либералов.

С осени 1914 г. начались интриги внутри кабинета. Похоже, затягивавшаяся война вызвала желание сделать некоторый шаг навстречу недовольному обществу, активизировавшемуся в конце 1914 г. в связи с проблемами снабжения армии. Комбинация выглядела следующим образом: предполагалось получить от царя согласие на отставки нескольких министров, как минимум, Н. А. Маклакова (можно предположить, что это место «присмотрел» для себя А. В. Кривошеин) и обер-прокурора Синода В. К. Саблера (его должен был заменить А. Д. Самарин). Председателем Государственного совета вместо умершего 9 августа 1914 г. М. Г. Акимова намечался А. Г. Булыгин[637]. Поэтому «списки кабинета», датируемые С. В. Куликовым началом 1915 г., относиться к этому времени не могли. Стоял ли за этой интригой А. В. Кривошеин, неизвестно. Но он как минимум был осведомлён о ней. Активно же действовали И. Л. Горемыкин и В. Н. Орлов, глава военно-походной канцелярии Николая II. Но самодержец, несмотря на обещания, так и не принял решения о перестановках в начале 1915 г. Однако отложенное решение свидетельствовало как минимум об одной проблеме – отсутствии единства в Совете министров при готовности вести интриги друг против друга. Ничто не напоминало комбинацию: новое правительство – новая группировка депутатов в Думе с учётом того, что А. В. Кривошеин пока не претендовал на роль премьера. Он, судя по всему, активизировался в апреле 1915 г., но чрезмерно осторожно (характерны его расплывчатые разговоры с коллегой, министром финансов П. Л. Барком об ответственности кабинета за свою политику). Тогда он предполагал созвать Думу, чтобы возложить на неё часть ответственности – эта идея далеко отстояла от необходимости создания в палате проправительственного большинства.

К лету 1915 г. «единение» дало уже серьёзные трещины. Усилилась требовательность оппозиции к власти в связи с начавшимися поражениями русской армии, причём нельзя сказать, что они носили инспирированный характер: проблемы снабжения вооружённых сил стояли всё острее, и правительство с ними явно не справлялось. В обществе появился лозунг «ответственного министерства», выдвинутый прогрессистами. Но кадеты его не поддержали, так как не видели возможности обеспечить нужное большинство для такого кабинета в октябристско-правой Думе.

Одновременно усиливался разлад в правительстве. Некоторые члены кабинета вернулись к идее персональных перестановок (С. Д. Сазонов). Отставка И. Л. Горемыкина не предполагалась, пока речь шла о солидарном давлении большинства кабинета и М. В. Родзянко на Николая II с целью уво-

[637] Кризис самодержавия... С. 547–549; РГВИА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 25. Л. 17 об.–18; Там же. Л. 27 об.–28.

лить четырёх министров (И. Г. Щегловитов, В. А. Сухомлинов, Н. А. Маклаков, В. К. Саблер).

Царь согласился, смена четырёх сановников произошла в первой половине июня 1915 г. Перемена существенно изменила лицо правительства: из него ушли наиболее одиозные для общества фигуры. Невзирая на политические убеждения новичков, все они выражали готовность работать с обществом и прислушиваться к его пожеланиям (в том числе придерживавшиеся правых взглядов Н. Б. Щербатов и А. Д. Самарин). В это же время активизировались народные избранники, настаивавшие на скорейшем начале полноценной думской сессии. И. Л. Горемыкин же продолжал прежнюю линию на управление страной без Думы и стал искать для неё в палате опору, помимо правых, в лице Национальной фракции, а именно в П. Н. Балашове, который при этом превысил свои полномочия, выступая от имени фракции по важным вопросам, не обсудив их предварительно с коллегами[638]. Левые националисты во главе с А. И. Савенко протестовали, П. Н. Балашов неуклюже оправдывался. Раскола фракции сразу не произошло, но трещина наметилась. Получается, что правительство и правая часть Думы объединились в противодействии немедленному созыву палаты. Это были контуры несостоявшегося «чёрного блока» (от октябристов направо), который, как выянилось, уже не мог стать большинством в Думе.

Николай II не возражал против быстрого созыва Думы, И. Л. Горемыкин тормозил, ссылаясь на неготовность законопроектов, А. В. Кривошеин находился на стороне премьера. 26 июня 1915 г., когда Совет министров обсуждал вопрос о дате, глава Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) высказался за 27 июля, предложив в вопросе о сроках сессии «опереться на правые партии, кончая октябр [истами], как делал П. А. Столыпин» и «договориться с ними о деятельности»[639]. То есть, это была модернизированная идея «чёрного блока» И. Л. Горемыкина, расширенная участием октябристов. Однако коллеги не поддержали «двух премьеров», выступив за более раннюю дату созыва думской сессии – 19 июля. Перспективы нового думского большинства, судя по записям, вообще не обсуждались.

С другой стороны, думское большинство, стремившееся ускорить начало сессии, усиливало этим противостояние с частью кабинета и его главой. Было очевидно, что сессия станет не демонстрацией «единения», а даст старт острой критике власти. Одновременно в палате происходила перегруппировка: октябристы всё больше смотрели налево, а не направо – как бы хотелось И. Л. Горемыкину и А. В. Кривошеину. Сессия Думы открылась 19 июля, на ней сразу прозвучала резкая критика правительства и требование «ответственного министерства» (П. Н. Милюков). А. В. Кривошеин сразу выразил недовольство таким оборотом дел в Совете министров («они зарываются»)[640]. Появились слухи о быстром завершении думской сессии (палата, естественно, была против). Это означало, что глухое противостояние переходит в от-

---

[638] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245 (ОО. 1915 г.). Д. 307 а. Л. 78.

[639] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 190–191.

[640] Заседание Совета министров 16 августа 1915 г. // Совет министров... С. 221; Яхонтов А. Н. Тяжёлые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 72.

крытый конфликт думского большинства с правительством. Возможно, атака Думы и подчёркнутое нерасположение И. Л. Горемыкина к «обществу» вызвала в Царском Селе желание несколько смягчить позицию, для чего сместить премьера. А. В. Кривошеин, очевидно, получил намёк и начал манёвры. Косвенным свидетельством этого является назначение 27 и 28 июля товарищами министров членов нижней палаты В. М. Волконского и В. В. Мусина-Пушкина, лично близких А. В. Кривошеину и принадлежавших к правому центру Думы – то есть, строго в русле прежнего заявления «грядущего премьера»[641]. Тут-то и появились списки будущего кабинета, хорошо известные в историографии[642]. От кадетской партии обсуждались только кандидатуры В. А. Маклакова, а также во многом формально вышедшего из её рядов М. В. Челнокова. То есть, при сохранении прежней цели – правооктябристского большинства – в отношении кадетской партии был сделан жест, означающий приглашение в проправительственное большинство наиболее умеренной части партии, склонной к сотрудничеству с самодержавной властью.

О том, что мысль о создании «блока между партиями, занимавшими центральное (у А. В. Кривошеина – от октябристов направо. – *И. Л.*) положение в Государственной Думе и Государственном совете, впервые возникла у того же Кривошеина», сообщил в мемуарах В. И. Гурко, но с оговоркой: «мне сдаётся»[643]. Свидетельство мемуариста находится в прямом противоречии с поведением А. В. Кривошеина и его инициативами.

В. И. Гурко подробно описал первое собрание организаторов будущего блока. Его инициатор П. Н. Крупенский переговорил «с наиболее видными представителями думских фракций, от кадет вплоть до умеренно правых» и некоторыми членами Государственного совета, пригласил их в ресторан «Контан» на Мойке. То есть, даже первое действие не совпадает с планами А. В. Кривошеина: здесь нет и намёка на правооктябристское большинство. Далее В. И. Гурко перечисляет участников встречи: М. М. Ковалевский, барон В. В. Меллер-Закомельский, М. А. Стахович, П. Н. Милюков, В. А. Бобринский, И. Н. Ефремов, В. В. Шульгин. Действительно, все не правее национальной фракции.

Разумеется, П. Н. Крупенский, имевший репутацию политического маклера, не стал бы действовать исключительно по собственной инициативе. Действия депутата были, скорее всего, инспирированы А. В. Кривошеиным, оживившимся в поисках проправительственного большинства в перспективе собственного премьерства. Отсюда и готовность вести диалог с кадетами, а также стиль комбинации, при котором её главный инспиратор остаётся в тени. Очевидно, что с И. Л. Горемыкиным «теневой премьер» к этому времени уже разошёлся: номинальный глава правительства явно готовил «чёрный» проправительственный блок. А. В. Кривошеину же пришлось спешно сдвинуться влево. Но, как оказалось, недостаточно.

На первой встрече сначала «разговор был общего характера», но затем П. Н. Крупенский, временно покидавший собрание, вернулся «и в большом

---

[641] Кризис самодержавия... С. 561.

[642] Дякин В. С. Указ. соч. С. 103; Черменский Е. Д. Указ. соч. С. 98; Гайда Ф. А. Указ. соч. С. 109–116.

[643] Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 684–685.

возбуждении сообщил», что Николай II решил возглавить армию. Сообщение произвело «огромное впечатление»: в прежней Ставке во главе с великим князем «видели некоторый корректив к ультраправым течениям, поддерживаемым государем»[644].

Откуда П. Н. Крупенский узнал о готовящейся смене верховного главнокомандующего? 11 августа 1915 г. это стало известно М. В. Родзянко, причём в форме, не допускавшей сомнений – от самого царя. М. В. Родзянко вернулся от Николая II разбитым, потрясённым, с ним даже случился сердечный приступ[645]. До этого он успел побывать в Мариинском дворце, где шло заседание Совета министров. Записки А. Н. Яхонтова объясняют цель приезда М. В. Родзянко: «Требует от пр[авительст]ва решительных действий против царского решения...»[646] Однако холодный приём, оказанный визитёру со стороны И. Л. Горемыкина и А. В. Кривошеина, не оставлял шансов на осуществление этого предложения. Очевидно, что неудача подтолкнула поиск ресурсов для сопротивления царскому решению в другой ветви власти – законодательной. Думцам стало ясно, чего им следует добиваться – правительства, единомышленного с ними, чтобы совместно противостоять безумным, как им казалось, решениям царя. То есть, блок – для создания «правительства доверия».

Примерно в те же дни, когда начались подготовительные заседания для образования будущего Прогрессивного блока, в правительстве происходила группировка министров – противников премьерства И. Л. Горемыкина, инспирировал которую А. В. Кривошеин. 12–13 августа пятеро членов кабинета сговорились, что будут настаивать на назначении главой правительства А. А. Поливанова, 17 августа А. В. Кривошеин предложил кандидатуру и. о. военного министра Николаю II, добавив к этому инициативу ввести в состав кабинета общественных деятелей, в частности, А. И. Гучкова. Историки сразу же усмотрели в этом провокацию со стороны главы ГУЗиЗ: очевидно, что комбинация Поливанов-Гучков являлась неприемлемой для царя[647]. А. В. Кривошеин, предложив её, таким образом расчищал дорогу для своего премьерства. Но зачем ему понадобилась эта интрига, если он сам ещё в конце июля явно получил какой-то намёк о грядущем возвышении, а А. А. Поливанов никак не демонстрировал амбиций и только после длительных уговоров согласился возглавить кабинет «если ему это предложат»? Скорее всего, настоящим соперником «фактического премьера» оказался реальный глава правительства И. Л. Горемыкин, неожиданно почувствовавший вкус к власти. Не рискуя противостоять ему прямо в качестве конкурента и выставив А. А. Поливанова, А. В. Кривошеин, скорее всего, одновременно пытался найти поддержку в законодательных палатах. Такое решение более всего походило на жест отчаяния: попробовать сохранить октябристов в правительственном лагере, втолковав Николаю II, что раскол между Советом министров и Думой к хорошему не приведёт. Здесь он также просчитался.

---

[644] Гурко В. И. Указ. соч. С. 686.

[645] Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. XVII. Берлин, 1926. С. 104.

[646] Совет министров... С. 218; Яхонтов А. Н. Указ. соч. С. 63.

[647] Старцев В. И. Указ. соч. С. 158–159.

А. В. Кривошеин ещё и опоздал: параллельно развивалась инициатива кадетской партии по объединению депутатов. В своих мемуарах П. Н. Милюков взял её на себя («меня называли “автором блока”»), позднее он также считал, что это – «кульминационный пункт моей политической карьеры»[648]. Мемуарист сообщил, что переговоры о создании блока стартовали 9 августа (вероятно, на квартире М. В. Родзянко)[649]. Одновременно он пишет о Думе, «успевшей объединиться и найти своё большинство» ещё до начала летней 1915 г. сессии, а свои попытки составить программу законодательной деятельности для этой «объединённой» палаты относит к маю-июню 1915 г.[650] По большому счёту он прав: появление объединённой оппозиции являлось следствием процессов, протекавших в стране и в российском «парламенте», включая в себя военные неудачи, кризис правительства и растущее недовольство общества.

Формально история появления Прогрессивного блока выглядит так. 6 августа 1915 г. состоялся Совет старейшин, который высказался против прерывания сессии, впоследствии эту дату кадеты объявили днём рождения Прогрессивного блока[651]. 12 августа «на квартире одного из членов верхней палаты» (В. В. Меллер-Закомельского) началось оформление Прогрессивного блока[652]. В этот же день инициаторы объединения избрали комиссию из депутатов Думы и членов Госсовета для выработки текста соглашения между фракциями. Несмотря на многочисленные разногласия, собравшиеся сходились на необходимости «правительства доверия» и длительных сессиях палат. Фигура А. В. Кривошеина как премьера вызвала сильные возражения в левой части депутатского объединения. Военные неудачи и отставка Николая Николаевича подстегнули желание найти компромисс.

15 августа И. Л. Горемыкин принял наиболее умеренных членов будущего Прогрессивного блока и попытался отколоть их от оппозиции правительству[653]. Восьмерых своих собеседников, самым «левым» из которых был октябрист С. И. Шидловский, а самым «правым» – националист В. В. Шульгин, премьер убеждал объединиться вокруг царя. Это была попытка осуществить на практике идею думского большинства по типу столыпинского (вправо от октябристов), выдвигавшуюся А. В. Кривошеиным за полтора месяца до того. В ответ он услышал общее пожелание своей отставки. Объединённое дворянство устами С. А. Панчулидзева также отвергло идею «чёр-

---

[648] Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 177.

[649] Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010. С. 82.

[650] Милюков П. Н. Указ. соч. С. 176, 179–180.

[651] Дякин В. С. Указ. соч. С. 100.

[652] Скорее всего, эта встреча стала первой, конспект которой сохранился в бумагах П. Н. Милюкова и был опубликован без даты (Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. № 1–2 (50–51). С. 122–126). Основанием для предложенной датировки – 12 августа – может служить фраза, брошенная А. И. Шингарёвым: «Последнего человека убрали» (С. 125), явно относящаяся к отставке великого князя Николая Николаевича. Об этом депутат, как представляется, вряд ли мог знать до 11 августа 1915 г. Запись П. Н. Милюкова следующей встречи датирована 14 августа (С. 126). Обмен мнениями же 11 августа 1915 г., по свидетельству В. И. Гурко, проходил в совершенно ином составе.

[653] Милюков П. Н. Указ. соч. С. 187.

ного блока»[654]. Таким образом, на правительственных планах депутатского объединения был поставлен жирный крест.

24 августа состоялось подписание совместной декларации фракциями прогрессивных националистов (28 депутатов), центра (34), левых октябристов (22), октябристов-земцев (60), прогрессистов (38) и кадетов (54). Государственный совет представляли группа центра, академическая и кружок внепартийного объединения. Всего же у блока в Думе было 236 депутатов из 397, оставшихся к концу четвёртой сессии. Если же учесть, что обычно вместе с блоком голосовали небольшие национальные фракции (18 депутатов) и независимая группа (14), то преимущество блока выглядело подавляющим. Ему противостояли всего 52 правых и 57 националистов, т. е. менее трети всех депутатов[655]. В Государственном совете, наоборот, правые сохраняли за собой доминирующие, но оказавшиеся весьма шаткими позиции. Блок мог рассчитывать в верхней палате на 87 голосов (45,54 %). Противники блока собирали до 100 голосов. При этом надо учитывать, что правые переживали не лучшие времена, их ряды таяли. Получалось, что противодействие антиправительственному объединению даже в верхней палате носило не вполне уверенный характер, а судьбу законопроектов, которые могло инициировать новое объединение, фактически решала бы небольшая группа независимых членов Государственного совета. Это исключало устойчивый политический курс как верхней палаты, так и всей законодательной системы в целом.

Пристальное внимание к деталям создания Прогрессивного блока позволяет предположить, что его оформлению предшествовало несколько инициатив по созданию разных депутатских объединений с несовпадающими целями и составом. Уже упоминавшаяся деятельность П. Н. Балашова координировалась И. Л. Горемыкиным, а не А. В. Кривошеиным. Глава кабинета, как показывает ход событий, к этому времени охладел к идее провести А. В. Кривошеина в премьеры, о чём он почти вслух говорил в 1914 г., и скорее всего пытался создать опору в палатах для себя. А. В. Кривошеин, по-видимому, поздно понял это, его же намерение создать в Думе другое большинство явно запоздало. С другой стороны, это означало, что в правительстве тесное сотрудничество А. В. Кривошеина с И. Л. Горемыкиным меняется на их борьбу, которую первый неизбежно проигрывал, так как лишился одной из своих важнейших опор – Ставки. Наконец, для страны это означало, что политика «единения» переходит в двойное противостояние правительства и думского большинства, а также внутри Совета министров, что по сути означало сильный политический кризис.

---

[654] Бородин А. П. Пётр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013. С. 225.

[655] Черменский Е. Д. Указ. соч. С. 112.

Е. М. Михайлова,
Чебоксарский кооперативный институт,
филиал Российского университета кооперации, Россия

Правые партии Поволжья и Государственная Дума в 1914–1917 гг.: отношения в преломлении военного времени

К началу Первой мировой войны правые партии и организации находились в довольно сложном положении. Времена революционных потрясений, когда имперская власть остро нуждалась в правомонархическом движении как в опоре, прошли. Как отмечал Ю. И. Кирьянов, власть в этот период уже не столько помогала, сколько терпела правых, помня об их деятельности в годы революции[656]. Внутренние противоречия движения способствовали падению его влияния в обществе и нарастанию между ними отчуждения. «Две трети интеллигентного общества и купечества – за них (оппозиционеров. – *Е.М.*), горожане вторят статьям левых газет, большинство бюрократии – тоже за них»[657], – писал в годы войны председатель Астраханской народно-монархической партии (АНМП) Н. Н. Тиханович-Савицкий.

Наряду с этими процессами внутри движения нарастал раскол, связанный с различной позицией правых о месте и роли Государственной Думы в политической системе империи. Принципиальные различия в позициях правых организаций в отношении к высшему представительному органу проявились сразу же после её учреждения. Государственная Дума воспринималась как новый «бюрократический нарост», способствующий отчуждению власти от народа и расхождению интересов провинций и центра. Как писал профессор Казанского университета, председатель местного Царско-народного русского общества В. Ф. Залеский, западноевропейский парламентаризм «насаждён» в Россию через Государственную Думу[658], и это противоречит духу соборности Руси. В газете Астраханской народно-монархической партии «Русская правда» председатель партии Н. Н. Тиханович-Савицкий писал, что конституционализм приведёт к тому, что «в управители страной всегда проскакивают при помощи разных обещаний, подкупа и других средств более ловкие, богатые и честолюбивые люди, ничего общего с интересами бедного народа не имеющие. При конституционном управлении царь не имеет почти никакого значения; это тот же президент, как в республике, только наследственный»[659].

Подобное отношение к институту парламентаризма не могло не повлиять на неоднозначный характер участия правых организаций Поволжья

---

[656] См.: Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2 тт. М., 1998. Т. 1. С. 20.

[657] Правые в 1915 – феврале 1917 г. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / Публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 188.

[658] Залеский В. Ф. Парламентаризм и его оценка на Западе. М., 1906. С. 1.

[659] Русская правда. 1905. 16 ноября.

в думских избирательных кампаниях. Более отчётливо это проявилось при выборах в IV Государственную Думу. Правые организации Казанской и Саратовской губерний довольно активно включились в предвыборную кампанию, стремясь обеспечить думское представительство[660]. Астраханская народно-монархическая партия, использовавшая ранее, во время выборов в 1907 г. тактику обязательного участия членов правых организаций в избирательных кампаниях[661], на этот раз бойкотировала выборы. Н. Н. Тиханович-Савицкий писал, что если монархисты не могут составить подавляющего большинства, то следует «дать гг. министрам левую Думу из социалистов и кадетов, преимущественно из социалистов», что левая Дума желательнее Думы октябристской и националистической, так как «правительство вынуждено будет её распустить»[662].

Правые партии Поволжья провели в IV Думу 5 депутатов (из 50 депутатов от Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской, Саратовской и Астраханской губерний), что составило 10 %. Вместе с националистами это число доходило до 11[663]. Однако Ф. Н. Казин от Казанской губернии, В. И. Лентовский и В. И. Харитов от Пензенской, Н. Н. Лихарев от Саратовской, И. Е. Пулин от Симбирской губерний – не были активистами движения.

Царский манифест от 20 июля 1914 г. с призывом к единению всего народа перед врагом и оставлению всех внутренних распрей был встречен правыми партиями с патриотическим воодушевлением. «Великая война», как была названа Первая мировая война современниками, а правыми – как «Вторая Отечественная война», отодвинула многие разногласия и противоречия. Поволжскими правыми партиями и организациями проводились верноподданнические манифестации, крестные ходы и парады, призванные поднять патриотический дух. 17 июля 1914 г., перед самым началом Первой мировой войны, по инициативе правых монархистов в г. Саратове состоялась манифестация против действий Австрии, «кинувшей нам дерзкий призыв», как сообщала пресса, участие в ней приняло до 20 тыс. человек. По инициативе саратовского отдела Союза имени Михаила Архангела (СМА) в марте 1915 г. прошло торжественное шествие в связи с взятием Перемышля, а в сентябре 1916 г. прошёл военный парад[664].

Поволжские правые партии и организации внесли свой вклад в дело помощи фронту. Ушли на фронт добровольцами сын члена саратовского отдела СМА П. Ф. Федорова Алексей, многие члены кружка «Беркут» – молодёжной правой организации Казани[665]. Сын председателя Казанского

---

[660] Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 876. Л. 93–95; Алексеев И. Е. Чёрная сотня в Казанской губернии. Казань, 2001. С. 253–260.

[661] См: Русская правда. 1907. 27 января, 4 февраля.

[662] См.: Тиханович-Савицкий Н. Должны ли монархисты принимать участие в выборах в IV Государственную Думу. Астрахань, 1912. С. 8.

[663] Боиович М. М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии): Четвёртый созыв 1912–1917 гг. М., 1913; Иванов А. А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914-февраль 1917). СПб., 2006. С. 170–171, 174–175, 184, 194.

[664] См.: Волжские вести. 1914. 19 июля; 1915. 18 марта; 1916. 18 сентября.

[665] См.: Саратовское вече. 1916. 13 марта; Алексеев И. Е. Черносотенные и умеренно-монархические организации Казанской губернии, 1905–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997. С. 209.

отдела Русского собрания А. Т. Соловьева Борис погиб в мае 1915 г. в Галиции[666].

Саратовский отдел СМА летом 1915 г. собрал 1000 пудов жести, более 256 пудов чугуна, свыше 21 пуда меди и 14 пудов разных металлов и передал областному военно-промышленному комитету. Кроме этого, отдел также организовал пошив белья и сбор пожертвований для российских солдат – деньгами, бельём, тёплыми вещами[667]. Активное участие в сборе тёплых вещей и табака для российских солдат принимало казанское Общество православных русских женщин[668]. В целях борьбы с дороговизной правые стали открывать потребительские лавки, где продукты первой необходимости продавались по закупочным ценам[669].

Политическая работа, уступившая место военно-хозяйственной стороне деятельности поволжских правых в начальный период войны, вновь оживилась к лету 1915 г.

В ходе переписки между председателем Одесского Союза русских людей Н. Н. Родзевичем и председателем АНМП Н. Н. Тихановичем-Савицким для подготовки всероссийского совещания и выработки «инструкции, что надо делать и как надо теперь держаться монархическим организациям»[670] была достигнута договорённость о созыве так называемого «малого съезда» в Саратове. Однако в работе совещания в Саратове не принимали участия ни члены Фракции правых Государственной Думы, ни члены Правой группы Государственного совета[671].

Целями совещания в Саратове в августе 1915 г. стали «отпор конституционалистам и революционерам» и «восстановление единства всего монархического лагеря»[672]. Участники совещания отправили телеграмму Николаю II. Они полагали, что власть нуждается в человеке, который сумел бы «пресечь яд революционной смуты, главным возбудителем которой является левая печать и ...Государственная Дума», ставшая в последнее время «гнездом крамолы и революции, устами Милюкова и других проповедуя возмущение и насильственный переворот»[673]. Саратовское совещание приняло документы: «Пожелания», «Обращение к Правительству», «Обращение к членам монар-

---

[666] См.: Алексеев И. Е. Во имя Христа и во славу Государеву (история «Казанского Общества Трезвости» и Казанского отдела «Русского Собрания» в кратких очерках, документах и комментариях к ним): В двух частях. Часть I. Казань, 2003. С. 66; Он же. На страже Империи. Вып. IV. Казань, 2011. С. 181; Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012. С. 588.

[667] См.: Саратовское вече. 1916. 9 октября; Там же. 1914. 12 октября.

[668] См.: Алексеев И. Е. Русское национальное движение в Казанской губернии и Татарстане: конец XIX – начало XXI веков (опыт словаря). Казань, 2004. С. 115.

[669] См.: Волга. 1916. 7, 20 сентября.

[670] Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2 тт. М., 1998. Т. 2. С. 441.

[671] См.: Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. С. 310.

[672] См.: Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. С. 10.

[673] Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде. С. 11–12; Правые партии. Т. 2. С. 443–444; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 227–228. Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 698.

хических организаций»[674] с призывом «всех монархических союзов и правых деятелей к самой усиленной работе для оказания противодействия, по мере сил своих, преступной смуте, поднятой левыми, в тяжёлое для государства время»[675]. «С кафедры Государственной Думы льются революционные и бунтовщические речи», – отмечалось в «Обращении к членам монархических организаций». В «Обращении к Правительству» члены Думы характеризовались как «подкупные и безответственные депутаты»», через которые «синдикатчики, банки, разные промышленники и богачи» рассчитывают «издавать подходящие для себя законы для обирания населения». Ещё более категоричная позиция в отношении к Думе звучала в «Пожеланиях»: «... Между тем, Государственная Дума за эти $1^1/_2$ месяца не только не внесла в страну успокоения, но растревожила её до последней степени. Государственная Дума была пособником нашему врагу лучшим, чем вся его артиллерия». В числе первоочередных шагов в противодействии революции рассматривался роспуск Государственной Думы и предлагалось передать власть лицу, облечённому неограниченными полномочиями, чтобы оно, «стоя твёрдо на страже исторических устоев русского государства, в корне пресекло всякие попытки к смуте»[676].

Как уполномоченный саратовского совещания, Н. Н. Тиханович-Савицкий подготовил конфиденциальные обращения «Генерал-губернаторам, начальникам областей, губернаторам и градоначальникам» и «Ко всем монархическим союзам и деятелям», в которых властям предлагалось принять все меры для противодействия, как указывалось в документе, «преступной смуте, поднятой левыми», а монархическим организациям – прекратить «раздоры» между собой и объединить силы в борьбе с надвигающейся революцией. Значительное место в обращениях отводилось Думе. «В то время, когда все помыслы и деяния наши должны быть направлены к одному – к непременной и скорейшей победе над свирепым врагом, – подчёркивалось в нём, – в это время внутри страны нашей большинство интеллигенции и наиболее самостоятельная часть торгово-промышленных классов, искусно направляемые партией к.-д., возглавляемые Государственной Думой и поддерживаемые левой и еврейской печатью, подняли в стране смуту, требуя различных внутренних преобразований». Указывалось: «Руководители поднятой смуты рассчитывают втайне воспользоваться тяжёлым положением страны, лишить Государя самодержавной власти и передать управление государством в руки безответственных, собранных с бору да с сосенки, членов Государственной Думы»[677]. Дума обвинялась в пособничестве немцам и призывах к бунту.

Н. Н. Тиханович-Савицкий призывал на борьбу с нараставшим революционным движением. 28 августа 1914 г. он направил особые телеграммы членам Государственного совета П. Н. Дурново, И. Г. Щегловитову, Ю. Ф. Са-

---

[674] См.: Государственный архив Астраханской обл. (ГААО). Ф. 745. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 68 об; Правые партии. Т. 2. С. 454–458; Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде. С. 17–18; Михайлова Е. М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика. Дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2007. С. 299–304.

[675] ГААО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

[676] Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде. С. 13–15; Правые партии. Т. 2. С. 454, 456–457.

[677] ГААО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 1. Л. 71–71 об.; Правые партии. Т. 2. С. 445; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 232–234.

марину, а также правым членам Государственной Думы П. Н. Балашову и Н. Е. Маркову, где вновь звучала мысль о необходимости роспуска Думы[678]. В связи с созданием Прогрессивного блока за подписями председателя и секретаря совещания Н. П. Тихменева и Н. Н. Родзевича 30 августа 1915 г. были направлены телеграммы И. Г. Щегловитову, Н. Е. Маркову и П. Н. Балашову с призывом «содействовать скорейшему прекращению позорных попыток членов высших государственных учреждений злоупотреблять доверием самодержца, пользуясь полученной от него властью, для расшатывания исторических устоев государства»[679].

Среди правоконсервативных партий Поволжья этого периода следует отметить практически единственную партию, которая вела активную партийную работу – Астраханскую народно-монархическую партию. В деле организации провинциальных совещаний правых её поддерживал саратовский отдел СМА. Другие поволжские правоконсервативные партии и организации, довольно активные в момент формирования, практически отошли от политической деятельности. Главным требованием АНМП в этот период стало введение в стране военного положения. В телеграммах царю Н. Н. Тиханович-Савицкий неоднократно подчёркивал необходимость установления твёрдой власти. «Государь! – писал он 9 сентября 1915 г. – Прикажи связать левую печать; прекратить ведомую по указке главарей союзов земств и городов незаконную, постыдно-обманную агитацию Думы, земств, биржевых комитетов, разных съездов, большинство членов которых даже не понимает обсуждаемых вопросов; не допусти беззаконных собраний и занятий членов Думы после роспуска, иначе поднятая ими смута не опадёт и отразится на армии. Прикажи оставить политику уступок...»[680] Телеграмма, отправленная 11 сентября 1915 г., содержала обвинения городских дум, земств, биржевых комитетов, «фрондирующей, истеричной интеллигенции и корыстных промышленников» в революционной пропаганде, и заканчивалась словами: «Не Дума нужна, а диктатура, Государь»[681]. Копии этой телеграммы были отправлены Председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, членам Государственного совета И. Г. Щегловитову, А. А. Бобринскому, Ю. Ф. Самарину и в газеты «Свет», «Земщина», «Русское знамя», «Петроградские ведомости».

Категоричный тон заявлений Н. Н. Тихановича-Савицкого имел под собой определённое основание. Известно, что АНМП предотвратила поставку для фронта крупной партии некачественного товара[682]. 8–11 сентября 1915 г. в г. Астрахани и уездах имели место беспорядки, связанные с разгромом лавок и складов «мучников» преимущественно с немецкими фамилиями, получившие значительный размах после сходных майских беспорядков в Москве[683]. В других городах также проходили организованные и стихийные антинемец-

---

[678] См.: Правые партии. Т. 2. С. 460.

[679] Цит. по: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 230.

[680] См.: ГААО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

[681] См.: ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 8; Правые партии. Т. 2. С. 465; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 235; Михайлова Е. М. «Не Дума нужна, а диктатура, Государь»: Астраханская народно-монархическая партия накануне и в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 17–30.

[682] См.: Степанов С. А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 324.

[683] См.: Правые партии. Т. 2. С. 767; Кирьянов Ю. И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137–150.

кие выступления. Тема «освобождения от немецкого засилья» поднималась в Государственной Думе, где по инициативе правых были образованы специальные комиссии[684].

Вслед за саратовским совещанием в Нижнем Новгороде 26–29 ноября 1915 г. прошло Всероссийское монархическое совещание, призванное объединить крупные провинциальные правомонархические организации и обсудить важнейшие вопросы, в том числе, о работе Думы и Госсовета.[685] Организовавший свою работу в рамках пяти секций – о современном политическом моменте, экономической, национальной, о взаимном объединении правых организаций, школьной, – съезд провозгласил лозунг – «Всё для победы», подчёркивая, что «первенствующий долг правительства и всех государственных учреждений состоит во всяческом усилении боевой мощи, снабжения и численного состава российских войск»[686].

Постановления совещания касались всех сфер общественной жизни. Думские депутаты и представители Государственного совета, создавшие Прогрессивный блок, характеризовались совещанием как «орудие международного заговора против России», обвинялись в государственной измене и против них предлагалось начать уголовное преследование[687].

В 1915 г. АНМП сконцентрировала усилия на борьбе с левой печатью и либералами в Думе. В письме к Николаю II от 20 марта 1916 г. (с грифом «Секретно. Только для руководителей монархических организаций») Н. Н. Тиханович-Савицкий обвинял Земгор, военно-промышленный комитет, а также Думу в «восстановлении населения против власти» и призывал закрыть союзы и распустить Думу. Одним из путей выхода из кризиса лидер астраханских правых видел в кодификации Основных законов. Для «освобождения России из конституционной петли» он предлагал изменить п. 2. ст. 108 Основных законов Российской империи. Новая редакция статьи чётко определяла бы меру ответственности министров и представителей власти для «обуздания провокации левых членов Государственной Думы»[688]. Правым депутатам Думы и членам Правой группы Государственного совета (Н. Е. Маркову, Г. Г. Замысловскому, И. Г. Щегловитову, Н. А. Маклакову) Н. Н. Тиханович-Савицкий предлагал три варианта проекта по пересмотру Основных законов: с радикальными, средними и незначительными изменениями. «Но в каждом, – писал он, – надо оставить лазейку, допускающую дальнейшее совершенствование их в порядке Верховного управления». За несколько дней до революции он убеждал Г. Г. Замысловского: «Пока не добьёмся исправления их (Основных законов. – *Е. М.*), – не добьёмся ничего, толчение воды в ступе»[689].

---

[684] Циунчук Р. А. Национальный вопрос в Государственной Думе накануне и в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 101–102.

[685] См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Г. 1915. Д. 63. Л. 1–5; ГААО. Ф. 745. Оп. 1. Д. 3. Л. 41–42; Д. 4. Л. 40 об.

[686] См.: Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде. С. 37.

[687] См.: Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде. С. 61.

[688] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах (Публ. Ю. И. Кирьянова) // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 93; Правые партии. Т. 2. С. 551–552, 612.

[689] Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху. С. 408.

В мае 1916 г. им были разработаны «Основные положения народных монархических союзов», в которых был представлен правоконсервативный взгляд на актуальные вопросы общественно-политической ситуации в стране. Был также поднят вопрос о Государственной Думе. «Положение» начиналось словами «народу нужен царь самодержавный, богачам нужны – конституция и парламент...» Категорически выступая против ограничения самодержавия путём создания ответственного перед Думой правительства, Н. Н. Тиханович-Савицкий даже проводил социальные идеи: «Требование богачами конституции вполне понятно, – она в их интересах: когда Государь будет ограничен и министры будут в зависимости от Думы, то банки, капиталисты и т. п. при помощи поставленных из своих людей или подкупленных членов Государственной Думы и Государственного совета начнут проводить нужные им законы, поддерживающие их интересы и взгляды, совершенно противоположные интересам и взглядам средних и низших классов трудящегося населения, которое попадёт в полную зависимость от богатых»[690].

В условиях кризиса осени 1916 г. председатель АНМП вновь предлагал распустить Государственную Думу и Главный комитет Земгора, сформировать новый комитет, назначенный правительством, приказать губернаторам открыто поддерживать правых гласных и правых деятелей. В январе 1917 г. Н. Н. Тиханович-Савицкий в телеграмме, отправленной министру внутренних дел А. Д. Протопопову, опять предложил решить вопрос об ответственности министров в предлагаемой им редакции. Вслед за этой телеграммой последовал целый ряд других обращений к министрам, членам Правой фракции Государственной Думы и Правой группы Государственного совета с требованиями принять решительные меры для предотвращения революции. Председатель АНМП предлагал ввести в печати военную цензуру, поставить деятельность союзов земств и городов под военный контроль и передать власть «сильно правым» военачальникам. 23 февраля 1917 г., в день начала революции, он отправил последнюю телеграмму А. Д. Протопопову с призывом решительно пресечь действия революционеров по «захвату кооперативов» и возможности использования их для выборов в Думу (копии – И. Г. Щегловитову, министрам, депутатам Государственной Думы, членам Государственного совета).

Таким образом, в контексте нарастающего в период Первой мировой войны системного кризиса правые партии Поволжья всё чаще стали выдвигать требования применения решительных мер для предотвращения революции, вплоть до роспуска Государственной Думы как не оправдавшей доверия и способствующей революционизированию общества.

[690] Правые партии. Т. 2. С. 553.

И. В. Рябухин,
Пермский национальный исследовательский университет, Россия

Депутатский запрос как инструмент политического давления в годы Первой мировой войны

В период с 1906 по 1917 г. в Российской империи функционировала система дуалистической монархии, складывались парламентские институты, выстраивалась схема взаимодействия между исполнительной и законодательной ветвью власти. Наиболее ярко попытки Государственной Думы влиять на ситуацию в стране проявились в годы Первой мировой войны, когда депутаты стремились взять в свои руки не только бюджетный процесс, но и контроль над действиями исполнительной власти в плане обеспечения продовольствием городов, военного производства, цензуры, деятельности общественных организаций, оказывавших помощь фронту.

Следует отметить, что дореволюционные исследователи, являясь современниками и участниками происходивших событий, не успели аналитически оценить деятельность Думы в годы Первой мировой войны. В советский период была создана шаблонная оценка деятельности IV Думы (новый революционный подъём и Первая мировая война как канун революции), поэтому говорить о эффективной деятельности депутатского корпуса не приходилось. Авторы фактически не рассматривали депутатские запросы или же использовали их для иллюстрации кадетской тактики[691]. Следующий этап в историографии связан с началом деятельности современного российского парламента. По мнению И. К. Кирьянова, к характерным чертам нового этапа в развитии историографии дореволюционной Государственной Думы можно отнести смену методологической парадигмы, расширяющееся применение междисциплинарного подхода[692] в исследованиях, посвящённых различным аспектам деятельности Государственной Думы Российской империи[693]. Кроме того, именно в этот период выходит в свет множество монографических исследо-

[691] См., например: Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988; Зайчиков Г. И. Думская тактика большевиков. 1905–1917 гг. М., 1975; Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977 и др.

[692] Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 4.

[693] См., например: Селунская Н. Б., Бородкин Л. И., Григорьева Ю. Г., Петров А. Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996; Кирьянов И. К., Корниенко С. И., Решетников Д. Г. Создание информационной системы «Российские парламентарии начала XX века»: первый этап // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 33. М., 2006. С. 94–101; Кирьянов И. К., Корниенко С. И., Рябухин И. В., Сметанин А. В. Информационная система «Стенографические отчёты Государственной Думы, 1906–1917» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 35. М., 2008. С. 131–133 и др.

ваний, в которых с разных сторон анализируется деятельность «народного представительства», в том числе и упоминается о существовании такого вида парламентской активности как запросы, однако без их подробного анализа[694]. Депутатский запрос в годы Первой мировой войны никогда не становился предметом самостоятельного анализа исследователей. Вместе с тем Дума четвёртого созыва подготовила 225 интерпелляций, тогда как третьего – только 199 за все пять лет существования. В целом, представляется необходимым разделить всю запросную деятельность депутатов Думы четвёртого созыва на два периода. Первый – это первая и вторая сессии, второй – деятельность Думы во время Первой мировой войны. В статье предпринята попытка определить место и роль депутатского запроса в годы Первой мировой войны.

Военный период в деятельности IV Думы характеризуется снижением запросной активности. Так, в четвёртую сессию было инициировано всего 50 интерпелляций. Из них 29 были направлены по ст. 40 Учреждения Государственной Думы, которая позволяла обращаться к министрам и главноуправляющим для уточнения тех или иных моментов в их деятельности. Депутаты полагали, что таким образом возрастает вероятность получения объяснений министров, а основным аргументом во всех прениях по запросам становилась война[695]. При этом вопросы общее собрание задавало чаще всего по экономической и инфраструктурной тематике в связи с ухудшением снабжения в городах, эвакуацией и т. д.[696]

17 запросов депутаты предлагали направить в спешном порядке. В общем собрании Думы 14 запросов были приняты и направлены соответствующим министрам, которые дали разъяснения по 4. Всего министры представили свои ответы Думе по 12 интерпелляциям. Из общего количества запросов 15 так или иначе касались военной сферы, в основном нарушений законодательства и прав населения со стороны военных администраций. Сохранялся интерес к рабочим – 8 интерпелляций посвящены забастовкам и правам тру-

---

[694] См., например: Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и её депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995; Демин В. А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996; Козбаненко В. А. Партийные фракции в I и II Государственных Думах России. 1906–1907. М., 1996; Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998; Зорин В. Ю., Кулешов С. В., Аманжолова Д. А. Национальный вопрос в Государственных Думах России: опыт законотворчества. М., 1999; Кошкидько В. Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905–1917). М., 2000; Лукоянов И. В. У истоков российского парламентаризма. СПб., 2001; Малышева О. Г. Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2001; Рыбка О. Ю. Государственная Дума в системе государственной власти России в начале XX столетия. М., 2001; Циунчук Р. А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004; Аронов Д. В. Законодательная деятельность российских либералов в Государственной Думе (1906–1917 гг.). М., 2005; Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005; Усманова Д. М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005; Лукоянов И. В., Любомирова Е. Ф., Соколов А. Р. Государственная Дума в России. 1906–1917: Историко-документальное издание. СПб., 2006 и др.

[695] См., например: Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1915–1916 гг. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 534–537; 785–789; 1183–1185 и др.

[696] Там же. Стб. 881–883; 1813–1831 и др.

дящихся. Незакономерности депутаты разбирают в 14 заявлениях о запросах, а действия, в том числе и местных администраций, в 6. В связи с большим количеством запросов, поданных в порядке ст. 40, фактически сходит на нет деятельность комиссии по запросам, которой в четвёртую сессию было передано для подготовки заключения всего три интерпелляции. Коллегиальный орган провёл только три заседания, а после создания Прогрессивного блока в августе 1915 г. фактически прекратил своё существование[697].

Обсуждая запросы, депутаты всё чаще высказывали критику по отношению к правительству, которое, по мнению народных избранников, намеренно игнорировало Думу. При этом правые постепенно сдвигались на центристские позиции, где всякую активность теряли октябристы. Показательно в этом плане депутатское заявление № 171, инициированное трудовиками при поддержке социал-демократов. Интерпелляцию предлагалось направить председателю Совета министров, военному министру и министру внутренних дел «по поводу допущенных чинами военной цензуры сокращений в произнесённых некоторыми членами Государственной Думы речах в общем собрании»[698].

При отстаивании спешности запроса проявились все характерные для левых черты в данном виде думской активности. «Почти невыносимо сейчас заниматься какими-нибудь вопросами, кроме главного. Мы переживаем один из страшных моментов русской истории, и те события, которые происходят сейчас на фронте, подавляют нашу мысль, уничтожают возможность заниматься очередными делами. Но запрос, который мы вносим сегодня, имеет непосредственное отношение к тому, что происходит в стране. Несмотря на весь ужас совершающегося, несмотря на то, что вся сила и вся воля нации должны быть сейчас скованы воедино, и несмотря на то, что всё население должно до конца знать правду и сознавать положение страны, продолжается та же самая политика скрывания, обманывания и лганья!» – заявил один из авторов интерпелляции А. Ф. Керенский и последовательно начал разбирать в своей речи все случаи «лжи» со стороны правительства[699], чем вызвал несколько замечаний председателя общего собрания, в связи с тем, что «говорил не по вопросу о спешности».

Социал-демократ Н. С. Чхеидзе даже предпринял попытку перетянуть на сторону инициаторов запроса прогрессистов и кадетов: «Здесь у нас речь идёт об иммунитете депутатского слова, и поэтому приходится коснуться вопроса вообще о свободе слова. Между тем, этот вопрос весьма не нейтральный, можно сказать, он даже вопрос программный и партийный, ибо вы знаете, что в программах некоторых фракций Государственной Думы этот пункт фигурирует не как простое предложение, а как боевой пункт»[700].

В свою очередь, традиционным противником спешности выступил правый депутат Н. Е. Марков, который в целом согласился с необходимостью запроса, однако отметил, что «надо его передать в комиссию, там рассмотрят, действительно ли были такие случаи, когда следовало оглашать те или другие речи членов Государственной Думы, и они не были оглашены. Без этой проверки, просто в силу увлечения ораторским красноречием наших

[697] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1915–1916 гг. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 148–149.

[698] Там же. Стб. 148.

[699] Там же. Стб. 534–537.

[700] Там же. Стб. 537.

достопочтенных членов Думы Чхеидзе и Керенского, будет неосторожно принимать спешность запроса»[701], – убеждал общее собрание Н. Е. Марков, и с небольшим перевесом в 32 голоса запрос был направлен в комиссию[702]. Последняя так и не подготовила по нему своего заключения.

Тем не менее, тема применения цензуры оставалась актуальной для Думы и депутатов. Уже в последнюю сессию четвёртого созыва на втором заседании было внесено три запроса (№№ 220, 221 и 222), которые касались применения военной цензуры при печатании в газетах речей членов Государственной Думы[703]. Инициаторами интерпелляций выступали кадеты, социал-демократы и трудовики. Обсуждение состоялось на 4-м заседании общего собрания. При этом основной упор был сделан ораторами не на теме интерпелляций, а на взаимоотношениях между Думой и правительством и, конкретно, его Председателем Б. В. Штюрмером[704].

Появилась в риторике депутатов и ещё одна особенность, которая наиболее ярко проявилась после начала дела военного министра В. А. Сухомлинова. Народные избранники стали в своих речах искать и изобличать «изменников». «Здесь делали попытки провести аналогию между Сухомлиновым и Штюрмером. Сухомлинов ушёл под влиянием Думы в прошлом году, здесь многие утверждали, – очевидно, питают надежду на то, что может уйти и Штюрмер под вашим давлением. Будем надеяться», – заявил социал-демократ М. И. Скобелев, рассуждая о том, что «истерзанная страна» ждала Думу, чтобы услышать правду, а «вместо правды в глаза ей зияюще взглянули белые места, ещё более взволновавшие обывателя, уже давным-давно истомившегося жить в атмосфере слухов и всяких догадок»[705].

Резче всех в своих оценках был А. Ф. Керенский, речи которого, единственного из всех ораторов, при официальном печатании стенографического отчёта были подвергнуты цензуре[706]. В частности, он фактически обвинил «в измене» весь правый фланг Думы[707].

Интересна реакция консервативных ораторов на подобные выступления. В частности, депутат Н. Е. Марков упрекнул левых не только в разговорах о мире, но и задал им вопрос, который наглядно показывает отношение консервативной части «народного представительства» к запросной деятельности как к средству контроля над деятельностью правительства. «Я вас спрашиваю: почему же вы, законодатели, вы, которых закон обязывает пресекать всякие нарушения закона, почему же вы не прибегаете к единственному законному и разумному способу, раз вы верите, что действительно министры совершают преступления? Почему же вы не внесли до сих пор запросов?»[708] – заявил Н. Е. Марков.

---

[701] Там же. Стб. 539.

[702] Там же. Стб. 541.

[703] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1916–1917 гг. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 136–140.

[704] Там же. Стб. 166, 169.

[705] Там же. Стб. 174–175.

[706] Там же. Стб. 179–185.

[707] Там же. Стб. 182.

[708] Там же. Стб. 199.

Необходимо отметить и то, что менялись думские настроения правых и их союзников националистов. Если в начале полномочий, несмотря на внутрипартийные разногласия, они пытались сохранить единство в деятельности фракции, то к августу 1915 г. ситуация становится прямо противоположной. Так, при обсуждении спешности запроса о незакономерных действиях властей «в связи с забастовкой рабочих на фабрике Костромской большой льняной мануфактуры», инициированного социал-демократами, по мотивам голосования выступил граф В. А. Бобринский, который, по сути, призвал проголосовать не только за спешность, но и за немедленное принятие запроса по существу, без дальнейшего обсуждения[709]. Данный случай является беспрецедентным в истории всех четырёх созывов, когда левые депутаты аплодировали правому оратору, и запрос был принят единогласно и без обсуждения[710].

Показательна и реакция министров на выступления депутатов. Так, разъяснения во время обсуждения запросов, посвящённых применению цензуры к речам депутатов, опубликованным в газетах, пожелал сделать военный министр Д. С. Шуваев. Он рассказал депутатам о росте военного производства, работе по улучшению снабжения армии. «По моему глубокому убеждению, как старого солдата, гг., из того, что приходится наблюдать, каждый день мы приближаемся к победе, каждый день приближает нашего коварного, дерзкого врага к поражению»[711], – отметил Д. С. Шуваев. Похожую позицию высказал и другой чиновник – морской министр И. К. Григорович. «Государственная оборона повелительно требует нашей совместной с вами дружной работы», – заявил он с думской кафедры, чем вызвал единодушную одобрительную реакцию большинства народного представительства[712]. Примечательно то, что, критикуя Б. В. Штюрмера, Дума фактически поддерживала министров, непосредственно отвечавших за ведение боевых действий. При этом главным мотивом выступлений большинства высших сановников в представительном органе становится не обсуждаемый предмет, а неизбежность победы над врагом, и депутаты не подвергали министров критике за подобные отступления.

Нередки были случаи, когда министры просто отказывались давать разъяснения по запросу, ссылаясь на формальные основания, или же обещали сообщить Думе исчерпывающие сведения в ближайшее время[713].

Зачастую министры предпочитали отвечать на вопросы, а запросы, даже если они были приняты в спешном порядке, игнорировались. При этом единственная формула перехода была принята уже в конце четвёртой сессии, после того как были заслушаны объяснения Председателя Совета министров Б. В. Штюрмера, министра земледелия и представителя военного министра[714] по двум интерпелляциям, поданным в порядке ст. 40 Учреждения

---

[709] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1915–1916 гг. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 547–548.

[710] Там же. Стб. 548.

[711] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1916–1917 гг. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 203.

[712] Там же. Стб. 204.

[713] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1915–1916 гг. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 789.

[714] Там же. Стб. 1831–1856; 4226.

Государственной Думы и касавшимся принятия мер к сокращению посевов и обеспечению населения продуктами питания. И председатель правительства, и военный министр ограничились указанием на то, что все данные сообщил уже министр земледелия и все необходимые мероприятия проводятся, в результате чего разъяснения были признаны неудовлетворительными[715].

После образования прогрессивного блока критика правительства становится постоянным элементом парламентской практики, вне зависимости от того, кто возглавляет правительство. Показательно в этом плане внимание Думы к якобы неправильному назначению товарища министра внутренних дел, которое рассматривалось в двух интерпелляциях – № 224 и № 225, поданных уже после отставки в ноябре 1916 г. «изменника» Б. В. Штюрмера. При этом наибольшее возмущение у кадетов, инициаторов запроса № 224, вызывал не факт нарушения закона при назначении на столь ответственную должность, а сама персона чиновника[716]. Фактически с уходом Б. В. Штюрмера основной персоной, на которой сосредотачивалась думская критика, стал А. Д. Протопопов. Похожая ситуация повторилась и при обсуждении заявлений № 223 и № 226, которые касались введения законов по ст. 87 Основных государственных законов. «Уйдёт Протопопов, назначен будет вместо него Иванов пли Петров – положение улучшится? Ваши законодательные функции упрочатся? Вас распускать не будут? гг., мне кажется, достаточно иллюзий»[717], – заявил князь С. П. Мансырев.

При этом народные представители намеренно игнорировали просьбы, поступавшие от министров. Так, временно управляющий министерством внутренних дел и военный министр просили снять с очереди их разъяснения по запросу, направленному им и касавшемуся обеспечения свободы деятельности всероссийских Земского союза и Союза городов[718]. Однако инициатор запроса – фракция кадетов – сочла нужным пойти по другому пути. «Не желая переносить обсуждение данного вопроса в закрытое заседание, так как полагаем, что обсуждение его требует публичности, мы наше предложение снимаем», – заявил лидер кадетов П. Н. Милюков[719].

Тем не менее, основным вопросом последней сессии оставалось обеспечение продовольствием как армии, так и населения городов. В частности, в течение четырёх заседаний обсуждались депутатами вопросы к министрам земледелия, военному и морскому, а также к председателю Совета министров по данной теме, а представители социал-демократов уже фактически с трибуны Думы призывали к революции[720].

Сами интерпелляции были приняты депутатами единогласно. Кроме того, парламентарии приняли формулу перехода к очередным делам, предложенную изначально фракцией октябристов и поддержанную прогрессивными националистами и кадетами. Фактически это был перечень мер, которые

---

[715] Там же. Стб. 4227.

[716] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1916–1917 гг. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 314.

[717] Там же. Стб. 1002.

[718] Там же. Стб. 1245–1246.

[719] Там же. Стб. 1247.

[720] Там же. Стб. 777.

необходимо было предпринять правительству для налаживания ситуации с продовольствием[721].

Примечательно, что последнее рабочее заседание Государственной Думы, проходившие 25 февраля 1917 г., также было полностью посвящено интерпелляциям. Планировалось заслушать разъяснения министров по вопросам снабжения продовольствием, разрешения «замешательств на транспорте» и обеспечения топливом учреждений, а также рассмотреть ещё 7 запросов. Однако депутатами были заслушаны только разъяснения министра земледелия относительно положения продовольственных дел в империи, причём сам вопрос был подан только 24 февраля. Особо чиновник обращал внимание Думы на то, как будет организовано продовольственное снабжение Петрограда в ближайшее время[722]. Интересно, что левые не прерывали оратора, давая ему договорить, и в целом общее собрание выслушало министра с максимальным вниманием, а кадет Н. В. Некрасов в конце резюмировал, что «острую фазу кризиса мы пройдём»[723].

Во время обсуждения разъяснений министра было принято «законодательное предположение 32 членов Государственной Думы о передаче дела снабжения населения продовольствием городским и земским общественным самоуправлениям», которое депутаты почти единогласно признали спешным и передали комиссиям по городским делам и по земскому самоуправлению, с установлением им срока рассмотрения до 28 февраля 1917 г. После этого заседание было решено прекратить, чтобы «дать возможность комиссиям начать работать прямо сейчас»[724].

Таким образом, Дума впервые в своей практике использовала законодательные инструменты как способ среагировать на объяснения министров по интерепелляциям, начать принимать оперативные меры. В целом, в годы Первой мировой войны чётко обозначается целый ряд тем, которые интересуют народных избранников. Среди них цензура, снабжение городов продовольствием, назначение министров и взаимоотношения внутри правительства. В годы войны между правительством и Думой начинает складываться специфическая схема взаимоотношений, отличная от предыдущих созывов Думы, когда «народные избранники» использовали запрос чаще как средство выражения своих политических взглядов и способ захватить трибуну, нежели для контроля и оперативной реакции на действия правительства. Депутаты Думы четвёртого созыва в свою очередь предпринимали попытки посредством интерпелляции получить оперативную информацию от правительства о происходящем в стране и даже на основе разъяснений министров начать законодательную работу. Однако министерская чехарда, нежелание чиновников идти на контакт с депутатами приводят к ситуации, когда количество запросов вырастает максимально при минимуме реакции со стороны министров. В ситуации экономического и политического кризиса в годы Первой мировой войны наибольшую эффективность показали именно вопросы, а не запросы, на которые чиновники практически не отвечали. При

[721] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. 1916–1917 гг. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 801–803.

[722] Там же. Стб. 1741–1747.

[723] Там же. Стб. 1748.

[724] Там же. Стб. 1754–1756.

этом Дума в годы Первой мировой войны фактически принимала интерпелляции без какого-либо обсуждения с целью максимально ускорить процесс и получить какую-либо информацию от правительства.

Запросная деятельность IV Думы носила, в основном, оппозиционный характер и приобрела такие черты как директивные мотивировочные части депутатских заявлений, внимание к незначительным нарушениям местной администрации. По сути, депутаты не ждали разъяснения по конкретному факту, а априори признавали деятельность чиновников незакономерной.

Н. С. Сидоренко,
Челябинский государственный педагогический университет, Россия

Парламентская деятельность уральских депутатов в годы Первой мировой войны

Столетие Первой мировой войны определило повышенный интерес исследователей к истории IV Государственной Думы[725] и её региональной составляющей. В данной статье предпринята попытка анализа парламентской деятельности депутатов от уральских губерний, представлявших один из крупнейших промышленных и культурных регионов страны.

Уральские депутаты – 31 член Думы (от Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний) представляли интересы около 10% населения страны[726]. Партийный состав уральских депутатов отличался от общей расстановки политических сил в IV Государственной Думе. Особенностью её было доминирование сторонников прогрессизма (9 из 16 депутатов), выделение национальной группы (4 депутата), представлявшей интересы мусульманской части населения региона. 13 человек составляли депутаты, прошедшие от земств, съездов землевладельцев и духовенства[727].

Уральские депутаты-прогрессисты активно включились в тактику «склонения правительства к политике реформ», поддержав и кадетские законопроекты, запросы и намерение создания «конституционного умеренного левого центра», и требование «обновления правительства»[728]. Депутаты правых фракций заняли проправительственную позицию, высказали осуждение запросной тактики либеральных фракций. Их поддержали местные консервативные комитеты: «Сколько внесено запросов, сколько истрачено слов и народных денег... Русский народ, несущийся в этом поезде реформ, от быстроты его кричит – помилосердствуйте!.. остановитесь, дайте заработать на хлеб и запастись им в дорогу»[729].

Начавшаяся война заставила депутатов скорректировать позиции. На июльской однодневной чрезвычайной сессии обеих палат уральские

---

[725] Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная Дума, 27 февраля – 3 марта 1917 гг. 2-е изд. Спб., 2005; Иванов А. А. Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны: 1914 – начало 1917. Спб., 2004; Циунчук Р. А. Национальный вопрос в Государственной Думе накануне и во время Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 91–109 и др.

[726] Полное географическое описание нашего Отечества (Урал и Приуралье). Пг., 1915. Т. 5. С. 3–16.

[727] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия третья. Пг., 1915. Стб. 291–331.

[728] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. 1. Стб. 509–518; Там же. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 1. Стб. 1512–1513.

[729] Пермяк. 1914. 27 янв.

депутаты поддержали правительство и принятие новых законов и кредитов, связанных с ведением войны. На январской 1915 г. сессии Думы с заверением в единодушной готовности крестьян страны положить все силы свои до последней капли крови во имя защиты Родины выступил пермский депутат-националист А. Перевозчиков[730]. Уфимский депутат – председатель Мусульманской фракции – К. Тевкелев заявил о снятии на время войны некоторых из выдвигавшихся ранее религиозных и национальных вопросов и готовности мусульман поддержать общую борьбу: «В настоящую войну, когда опасность угрожает целости Российского государства и благополучию всех её граждан, чувства и мысли мусульман не могут быть настроены иначе, как только в один тон с чувствами и мыслями всех российских граждан» [731]. Уфимский депутат В. И. Хаустов выступил от имени социал-демократической фракции. В озвученной им декларации, хотя и в более мягких выражениях, чем в политических прокламациях, прозвучал протест против войны[732].

Выработка новой тактической линии либеральных фракций проходила сложно: в дискуссиях на заседаниях ЦК ведущих думских партий и фракционных совещаниях. Уральские депутаты приняли активное участие в этой работе. Так, на декабрьском (1914 г.) заседании ЦК Конституционно-демократической партии (КДП) пермский депутат В. А. Степанов, член кадетского ЦК, поддержал мнение Ф. И. Родичева о том, что политика «единения» не должна рассматриваться как «устранение» от дел, что партия должна не молчать, а именно говорить, чтобы восстановить политику единства[733]. Мнение о необходимости возобновления работы Думы в условиях военного времени поддержали уральские депутаты-прогрессисты: А. А. Бубликов и И. В. Титов (секретарь фракции) – участники совещаний фракции в марте – апреле 1915 г.[734]. Выработка будущей программы и тактики работы в Думе потребовала проведения специальных конференций и опроса мнения местных либеральных комитетов. Большинство уральских либералов высказалось в пользу возобновления работы Думы. Об этом информировал секретаря Кадетской фракции Государственной Думы К. К. Черносвитова уфимский депутат IV Думы Г. В. Гутоп, об этом свидетельствовали и донесения губернских жандармских управлений[735].

Уральские делегаты приняли активное участие в работе июньской 1915 г. конференции КДП. Высказанные ими положения отражали различие мнений, характерное для партии в целом. Позицию левого течения на усиление конфронтации с властью и возможность пожертвовать Думой представил уральский делегат Л. А. Кроль[736]. Он высказал сомнение и в целесообразности основного тактического лозунга – «министерства доверия» – мотиви-

---

[730] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия третья. Пг., 1915. Стб. 133.

[731] Там же. Стб. 370–375.

[732] Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Кн.1. Семнадцатый год. М., 1992. С. 57, 361.

[733] Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. Т. 2. М., 1997. С. 490.

[734] См. Вишневски Э. Прогрессивный блок // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 1999. № 1. С. 3.

[735] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 27. Ч. 86 Б. Л. 2.

[736] Съезды и Конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. / Отв. ред. В. В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 143.

руя это ростом симпатий на местах лозунгу прогрессистов «ответственного министерства», а также необходимости увязки его с требованием политической амнистии. «Есть одно требование, которое может поднять энтузиазм, – заявил он, – это политическая амнистия как условие доверия министерству» [737]. Против такой позиции и обострения отношений с правительством высказался делегат от Пермского комитета, отставной генерал-лейтенант, бывший депутат III Думы – А. Ф. Бабянский. Он считал необходимым при определении будущей программы и тактики работы в Думе выдвижение не только политических требований, а ясной и широкой деловой программы: «Надо ясно выразить, что Дума нужна для содействия правительству. Затем в самой Думе чувство безопасности не должно позволить заниматься одними речами. Нужна будет усиленная работа в комиссиях – подобно тому, как это делается в германском рейхстаге...» [738]

В выработке программы и тактики прогрессистов на частных совещаниях фракции в июне 1915 г. активное участие принял А. А. Бубликов. Его позиция в значительной степени определялась причастностью к Совету съездов представителей промышленности и торговли, где он был членом Исполнительного комитета [739]. В мае 1915 г. («майское совещание») Совету удалось добиться созыва особых совещаний под председательством военного министра с участием представителей Государственной Думы и промышленности с целью участия в снабжении армии за счёт частных предприятий. Но Совет стремился к преобразованию Совещания в Комитет государственной обороны (КГО) – своеобразный переходный инструмент создания «ответственного министерства». В совещаниях Бубликов особо настаивал на принятии соответствующего законопроекта, хотя не был поддержан большинством участников [740].

«Патриотическую тревогу» депутатов либеральных фракций поддержала часть цензового общества. Состоявшиеся в июле 1915 г. съезды Всероссийского союза городов (ВСГ), Всероссийского земского союза (ВЗС), военно-промышленных комитетов приняли резолюции с требованием возобновления работы Государственной Думы и «объединения правительственных и общественных сил» [741]. Решения центральных съездов в той или иной степени получили поддержку уральского региона, где появилась сеть отделов этих общественных организаций [742].

Возобновление заседаний IV Думы ознаменовалось наступлением либеральной оппозиции. В центре работы Думы оказался вопрос о кабинете общественного доверия – прогрессистами было выдвинуто требование со-

---

[737] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии... Т. 3. Кн. 1. С. 185.

[738] Там же. С. 159–160.

[739] Николаев А. Б. Бубликов Александр Александрович // Государственная Дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 68.

[740] Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 90.

[741] Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел отеч. и заруб. истории. М., 2003. С. 57–59.

[742] Жук А. В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны, 1914–1918. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 26–27.

здания «ответственного министерства». Уральские депутаты-прогрессисты А. А. Бубликов и И. В. Титов заявили, что «правительство в данном его составе при настоящих силах не в состоянии будет принять действенных мер для развития производительных сил страны» [743]. От имени нерусских депутатов Думы с требованием уравнения в правах всех народностей страны выступил лидер Мусульманской фракции К. Б. Тевкелев. Он подчеркнул значение данного вопроса «в деле отражения врага и победы над ним...» [744]

Обсуждение вопроса о реформе правительства вышло за рамки Думы, захватило земскую общественность, в том числе провинциальную [745]. С мест в адрес уральских депутатов шли телеграммы в поддержку не только законотворческой, но и политической активности. Так, представители Уфимского городского самоуправления направили телеграмму Г. В. Гутопу с ходатайством о «возбуждении вопроса об упразднении в стране чрезвычайной и усиленной охраны» [746].

Создание во второй половине августа 1915 г. Прогрессивного блока стало фактором дальнейшей эволюции думской тактики уральских депутатов. Отношение к блоку было различным. Вошли в него и активно включились в проведение его программы и тактики депутаты-кадеты и прогрессисты. С осторожностью присоединилась часть уральских депутатов умеренно-правых и националистов, вероятно, подчинившись фракционной дисциплине. Об этом можно судить по сохранившейся корреспонденции депутата З. М. Благонравова. На следующий день после своего выхода из Фракции националистов и умеренно-правых и присоединения к Фракции прогрессивных националистов он спешил сообщить в Пермь: «Вся надежда возложена на Гос[ударственную] Думу, но она едва ли оправдает их» [747].

Позиция уральских депутатов-мусульман определилась в начале 1916 г. Поскольку Мусульманская фракция не получила приглашение для участия в блоке, её отношение к нему определялось политической программой и тактикой его деятельности [748].

Проводя линию блока, уральские депутаты поддержали законопроекты, выдвинутые кадетской фракцией: о подоходном налоге, о волостном земстве и другие. Одновременно в их выступлениях усилилась политическая направленность. Характерной в этом отношении была речь А. А. Бубликова при обсуждении внесённого правительством законопроекта о введении цензуры в условиях военного времени. Законопроект был подвергнут критике, направленной не столько на содержательную его сторону, сколько на вопрос управления делом цензуры – на «стратегию цензуры», а также в поддержку поправки, предложенной кадетской фракцией. Она касалась требования

---

[743] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 672; 1110.

[744] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 187.

[745] Оренбургское слово. 1915. 25 авг.

[746] Уфимский край. 1915. 17 июля.

[747] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 32; Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 202.

[748] Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906–1917 гг. Сб. док. и материалов. Сост. Л. Ямаева. Уфа, 1988. С. 207–208.

ограничения цензуры только областью военных действий. Депутат, аргументируя необходимость гласности в вопросах работы тыла, в то же время критиковал бывшего военного министра, что выходило за пределы регламента работы Думы [749]. Пропагандистский эффект выступления помог достичь желаемого – поправка Кадетской фракции получила поддержку большинства Государственной Думы [750]. Наступательный характер тактики блока на фоне растущего напряжения в стране привёл к приостановке работы четвёртой сессии 3 сентября 1915 г. Однако эта мера не привела к снижению накала противостояния Думы и правительства. Сторонники блока, в том числе уральские депутаты, перенесли внимание на использование внедумских методов деятельности. В сентябре 1915 г. Оренбург посещал прогрессист Е. Г. Колбинцев, в октябре – М. И. Гродзицкий. На встречах с избирателями они поднимали вопросы о войне, о работе Земгора, призывали граждан к сближению с земствами для «полезного сотрудничества и контроля» [751].

Меры, направленные на расширение связи с массами, предпринимали и уральские депутаты-кадеты. В заседаниях ЦК КДП В. А. Степанов отмечал: «Надо, чтобы наши единомышленники в стране ближе вглядывались в работу партии и блока, не старались противопоставлять их друг другу и ссорить между собою, а, наоборот, давали поддержку блоку со стороны страны» [752]. В сентябре 1915 г. В. А. Степанов был избран председателем специальной рабочей комиссии ЦК, задачей которой было привлечение рабочих на сторону блока и мер по предотвращению забастовочного движения во время войны [753]. Наряду с поддержкой вопросов, выдвинутых резолюциями съезда представителей ВПК: о биржах труда, создании примирительных камер на время войны и ряда других мер, В. А. Степанов, не без колебаний, высказался против отклонения правительственного закона о милитаризации [754].

В провинциальных комитетах, в том числе на Урале, были силы, настроенные более решительно. На VI съезде КДП в феврале 1916 г. уральские комитеты представлял Л. А. Кроль, член Екатеринбургского комитета, председатель рабочей комиссии Уральского ВПК. Критикуя основной тактический лозунг партии «министерство доверия», он заявил о том, что «в широких кругах понятие ответственного министерства уже установилось... от нас, на Урале начинают отпадать и налево, и направо, – к прогрессистам»; «законодательная часть программы блока нас не интересует. Важнее вопрос: какое министерство могло бы переменить существующие методы управления страной». Делегат настаивал на необходимости для партии больше прислушиваться к голосу демократии и не отказываться от возможности использования революционных методов борьбы [755].

---

[749] См. Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 1682–1686.

[750] Там же. Стб. 1696.

[751] Уфимский край. 1915. 15 авг.; Оренбургское земское дело. 1915. 9 окт. С. 15.

[752] Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998. Т. 3. С. 295.

[753] Там же. С. 159.

[754] Там же. С. 322.

[755] Съезды и конференции конституционно-демократической партии... Т. 3. Кн. 1. С. 272–273.

Заседания Думы возобновились 9 февраля 1916 г. Посещение Думы императором несколько смягчило начало работы, но уже в ходе обсуждения правительственной декларации нового премьера Б. Штюрмера оппозиция усилила «давление на власть». «Декларация правительства темнее ночи», – бросил реплику с места А. А. Бубликов[756]. К. Б. Тевкелев от имени Мусульманской фракции обвинил власть в том, что она, «призвав страну к единению, сама не только не пошла к ней навстречу, но даже вступила с нею в борьбу с энергией, достойной иного, лучшего применения». Поддержав требования Прогрессивного блока, он указал на задачу уравнения в правах всех народов России[757].

Участие уральских депутатов-прогрессистов в прениях по бюджету на 1916 г. было использовано в целях развёрнутой критики внутренней политики правительства и методов управления страной. Общая линия думского большинства нашла отражение в выступлении пермского депутата А. А. Бубликова. В его речи прозвучала настороженность в связи с теми глубокими сдвигами в области управления страной и экономикой, которые произошли под влиянием военного конфликта. Особое опасение он высказал относительно роста государственных монополий[758]. Не игнорируя положительный эффект данной политики в условиях военного времени, позволивший получить казне семимиллиардный доход, он высказал свои опасения, прежде всего, на будущее послевоенное время.

В ходе постатейного обсуждения бюджета депутатами был поднят вопрос приоритетов экономической политики: «Старый вопрос: сельское хозяйство должно стать в основу плана будущей экономической политики или фабрично-заводское?»[759] И. В. Титов подверг критике программу, которую предложил министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев, обвинив его в том, что он «поведал, в сущности говоря, то же самое, что остаётся нереализованным в течение девяти приблизительно лет»[760]. Позицию депутата поддержал А. А. Бубликов: «В нашем отношении к промышленной и торговой деятельности страны, нам надо, гг., научиться любить эту деятельность, не воевать с нею, а пестовать, холить её и развивать»[761]. Оба депутата заявили о создании условий для привлечения частной инициативы, в сферу промышленного производства и торговли.

Вне Думы депутатами прилагались усилия в продвижении проекта создания Высшего экономического совета – инициативы Совета съездов представителей торговли и промышленности, получившей поддержку Особого совещания по обороне и Совещания министров. А. А. Бубликов как член исполнительного комитета Совета входил в состав депутации для вручения мотивированной записки в адрес премьер-министра. В Думе И. В. Титов в заключении своего выступления отметил неудовлетворённость медлительностью правительства по созданию Высшего экономического совета: «Это

[756] См.: Гайда Ф. А. Указ. соч. С. 186.

[757] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 1407.

[758] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 2027.

[759] Там же. Стб. 3764.

[760] Там же. Стб. 3764.

[761] Там же. Стб. 3808.

вопрос нашего будущего развития после войны, – подчёркивал он, – благо на это возлагается очень много надежд»[762].

Работа пятой сессии (1 ноября 1916 г.) началась в условиях обострения социально-экономических трудностей, вызванных затяжным характером войны и ростом недовольства действиями правительства. Прогрессисты были намерены использовать её для решительного натиска на власть, кадеты пыталось удержать участников блока на прежних позициях[763]. Уральские депутаты-прогрессисты поддержали формулу перехода к очередным делам, требовавшую устранить влияние «тёмных сил», создать кабинет, готовый «в своей деятельности опираться на Государственную Думу и провести в жизнь программу её большинства»[764]. Эта формула означала требование общественного министерства. Либералы, в их числе В. А. Степанов, уже начинали обсуждать возможные кандидатуры министров.

Подготовленные правительством к началу работы сессии законопроекты оппозицию не интересовали. Она перешла к активной тактике запросов, стремясь возложить всю ответственность за возникшие трудности на правительство. «До тех пор у нас не будет порядка, пока не будет ответственного правительства» – заключительная фраза выступления вятского депутата-прогрессиста С. А. Калинина в ходе обсуждения одного из запросов была наиболее типичной[765].

В поддержку правительства и с критикой тактики блока выступили депутаты правых фракций, оставшиеся в меньшинстве. Вятский депутат Н. В. Жилин (член комиссии по борьбе с дороговизной) отметил отсутствие у сторонников блока чётких представлений о способах разрешения назревших задач, что в таком случае придаёт запросам, в первую очередь, политический характер [766]. Н. В. Жилин призвал депутатов в сложившейся критической ситуации «безотлагательно и совместно с правительством общими силами выработать закон для борьбы с дороговизной»[767].

Критике был подвергнут уральскими правыми и спешный кадетский законопроект о волостном земстве. Вятский депутат, волостной судья К. А. Тарасов заявил, что «в принципе я его приветствовал бы, как крестьянин, там говорится, что новое управление даётся крестьянскому населению»[768]. Его поддержал другой вятский депутат К. Е. Городилов: «Разве можно проводить волостное земство без согласия сельских и волостных сходов, когда всё население взято на войну? Вы обидите и оскорбите этим крестьян-воинов, защитников родины. Разве не обидно нашим воинам, что вы без их согласия проводите

---

[762] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 3762.

[763] Съезды и конференции конституционно-демократической партии... Т. 3. Кн. 1. С. 354; Селецкий В. Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 320.

[764] Государственная Дума: Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. СПб., 1917. Стб. 396.

[765] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. СПб., 1917 С. 780–781.

[766] Там же. Стб. 703.

[767] Там же. Стб. 711–712.

[768] Там же. Стб. 1068.

столь важный закон?»[769] Принятие этого законопроекта рассматривалось им как преждевременное ещё и потому, что его реализация вызовет большие денежные расходы, которые тяжким бременем лягут на тех же крестьян-воинов и членов их семей. В результате разногласий внутри самого Прогрессивного блока и в Думе в целом законопроект был принят только в первом чтении.

Между тем, давление на Думу «организованной общественностью» всё более усиливалось. Состоявшиеся нелегально в декабре 1916 г. съезды ВЗС и ВСГ, несмотря на запрет, успели принять политические резолюции с требованием ответственного министерства. Против резолюции прогрессистов и Прогрессивного блока в поддержку этих съездов и принятых решений выступили уральские депутаты правой фракции, правой независимой группы[770]. Вятский депутат, протоиерей С. А. Попов от имени Фракции независимых правых заявил о несогласии со вступлением общественных организаций на путь политической борьбы. Отстаивая позицию группы, он заявил, что видит задачей православного духовенства «в дни кровавой битвы страждущей родины» не участие в политической борьбе, а выполнение промысла Божия «быть ангелом хранителем мощи духа народного»[771].

16 декабря 1916 г. заседания Думы были отложены и возобновились 14 февраля 1917 г. Оппозиция вновь перешла в наступление, используя тактику запросов. В центре внимания оказался вопрос о состоянии продовольственного дела в стране. Стремясь к объективности, К. Е. Городилов напомнил думцам, что ещё в феврале 1916 г., когда продовольственный вопрос достиг своей остроты, закон о твёрдых низких ценах на хлеб, «который погубил страну... убил всю торговлю и всё земледельческое хозяйство», приняла «сама Государственная Дума». Он также отметил, что на Особом совещании по продовольственному вопросу ключевые позиции принадлежали кадетам: «Нас, крестьян, не допускали туда...» Перефразируя известную фразу П. Н. Милюкова, он высказал мнение, что именно грубый просчёт, или коварный расчёт Прогрессивного блока привёл к той тяжёлой ситуации с продовольствием, которая сложилась в стране в настоящее время...»[772]

У уральского депутата были реальные основания для критики действий Прогрессивного блока. Современные исследования показали, что одной из причин продовольственного кризиса, возникшего в годы Первой мировой войны, было введение твёрдых цен на зерно и муку для закупок и заготовок, необходимых армии. При нараставшей инфляции и сокращении рынка потребительских товаров держатели хлеба отказывались продавать его по твёрдым ценам[773]. Критике была подвергнута уральскими правыми депутатами

---

[769] Там же. Стб. 1061, 1070–1072.

[770] Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 155–157; 159–160.

[771] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. СПб., 1917. Стб. 636.

[772] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. СПб., 1917. Стб. 1570–1571.

[773] Корнилов Г. Е. Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 509; Мичурин А. Н. Продовольственный вопрос в Государственном совете и вопрос о единстве «Прогрессивного блока» во время парламентского кризиса осенью 1916 г. // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2. 2010. Вып. 3. С. 109–114.

деятельность на основе постановления «О развёрстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной», одобренная либералами. Реализация постановления на местах подверглась массовому бойкоту, что в совокупности с расстройством транспорта, безответственностью чиновников дезорганизовало продовольственное снабжение. На последствия постановления обратил внимание Думы вятский депутат К. А. Тарасов: «Между крестьянами и между землевладельцами не нужно бы делать такой розни и не нужно кидать упрёков, как позволил себе в комиссии член Государственной Думы Львов-2 (Н. Н. Львов. – *Н. С.*). Если, говорит, не вымести у крестьян из житниц всё зерно, так мы, говорит, едва ли сохраним армию... Что нас, гг., дальше ожидает, если мы будем дальше продолжать один на другого валить вину...» [774]

Таким образом, парламентская деятельность уральских депутатов отражает как общие направления, так и ряд специфических, связанных с их партийно-политическим составом и устойчивыми связями с региональным избирателем. Значительная часть уральских депутатов поддержала Прогрессивный блок. Это определило их повышенную активность в Думе и вне её в стремлении к «организации общественности». Однако это сказывалось на политизации парламентской деятельности и росте противоборства между Думой и правительством. В условиях социально-экономического кризиса это ослабляло позиции режима, создавая шанс революционной развязке конфликта. Ослабленная и немногочисленная уральская группа правых, как и фракция в целом, оказались в политической изоляции и не смогли оказать правительству действенной поддержки.

[774] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия пятая. Стб. 1672–1673.

А. С. Соколов,
Рязанский радиотехнический университет, Россия

IV Государственная Дума и вопросы денежно-кредитной политики России

В январе 1914 г. при поддержке влиятельного главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина на пост управляющего министерством финансов был назначен Пётр Львович Барк. В воспоминаниях он писал, что А. В. Кривошеин был наиболее подходящим кандидатом для занятия должности председателя Совета министров. А. В. Кривошеин отстаивал преимущественный приток капиталов в сельское хозяйство, расширение ипотечного и краткосрочного сельскохозяйственного кредитов, что должно было, с одной стороны, частично удовлетворить требования поместного дворянства, а с другой – дать новый импульс столыпинской аграрной реформе. Политика кабинета Горемыкина-Кривошеина получила название «нового курса». Его несостоятельность выявилась в течение первого же полугодия 1914 г. Наладить отношения с IV Государственной Думой не удалось. Попытки найти средства для сельскохозяйственного кредита не дали результата из-за положения на международном денежном рынке, которое обострялось в связи с явным приближением войны [775].

Министр финансов П. Л. Барк начал проводить курс на выделение крупных сумм на нужды обороны и «производственные мероприятия в экономической области» [776]. Однако несмотря на предпринятые шаги, IV Государственная Дума с недоверием встретила нового министра финансов, что проявилось в ходе бюджетных прений в Думе в апреле 1914 г. Бюджетная речь П. Л. Барка подверглась резкой критике. Прогрессист А. С. Посников считал, что министр финансов выступил «без связи и плана», кадеты называли его речь «дешёвыми словами», октябрист С. И. Шидловский говорил, что она «скучна, аляповата» [777].

Поскольку П. Л. Барк понимал, что война неизбежна, он приказал перевести все российские деньги из немецких банков-корреспондентов в Париж и Санкт-Петербург, а также ликвидировать российские депозитные счета в Берлине, где большая группа уполномоченных банковских служащих за два – три дня изъяла русских ценных бумаг на 20 млн. золотых руб. [778] Всего до начала войны П. Л. Барк смог вернуть в Россию примерно 100 млн. руб. [779]

Начавшаяся Первая мировая война заметно ухудшила экономическое положение России, довольно быстро приведя к расстройству финансовой

---

[775] Дякин В. Четвёртая Государственная Дума // Народный депутат. 1990. № 18. С. 97.

[776] Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 15.

[777] Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 65.

[778] Сироткин В. Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М., 1997. С. 22

[779] Федоров Б. Г. Все министры финансов России и СССР 1802–2004. М., 2004. С. 178.

системы. Россия была в числе первых государств, которые перевели денежное хозяйство на исключительное использование неразменных бумажных денежных знаков. Начало войны вызвало панику среди населения, вырос спрос на наличные деньги. Золото и серебро стали быстро исчезать из обращения. В этих условиях потребовались решительные шаги правительства. Уже 23 июля 1914 г. по представлению министра финансов П. Л. Барка Совет министров, ссылаясь на исключительные обстоятельства военного времени и особые экономические условия, принял решение о приостановлении размена кредитных билетов на золото[780].

27 июля 1914 г. Государственным советом был принят закон «О некоторых мерах финансового характера ввиду обстоятельства военного времени». Этот закон отменил эмиссионное законодательство, действовавшее с 1897 г., и приостановил размен кредитных билетов на золото. Лимит необеспеченной эмиссии, составлявший в довоенные годы 300 млн. руб., был сразу поднят до 1,5 млрд. руб., исчезли из обращения золотые монеты, затем из обращения постепенно выпала серебряная монета и медные деньги. Разменная монета всё шире замещалась в обороте бумажными марками достоинством от 1 до 20 копеек. Денежное обращение стало почти полностью бумажным. По мнению члена Совета Госбанка И. Н. Назимова, эта мера была принята публикой сочувственно, т. к. появление марок парализовало сетования на численную недостаточность разменных знаков[781]. В декабре 1915 г. в обращении появились разменные казначейские знаки.

В народном хозяйстве возник дефицит денежной наличности. Так, из Риги в шифрованной телеграмме министру внутренних дел сообщали: «Приостановка заводов и фабрик вследствие неполучения банками денег и невыдачи вкладов рабочим грозит серьёзными осложнениями»[782]. Начало войны, несмотря на крупные выпуски денег в 1914 г., не сопровождалось однако, сколько-нибудь заметным падением покупательной силы рубля. Как отмечал профессор Л. Н. Юровский, «те изменения, которые война вызвала в народном хозяйстве, в течение первого времени не только не вызвали сжатия торгового оборота, но даже сопровождались расширением его»[783]. Золото после прекращения размена кредитных билетов ушло из обращения в накопление, и соответствующая сумма должна была быть заменена в обращение бумажными деньгами. Поэтому увеличение количества кредитных билетов в 1914 г. на 1282 млн. руб. не сразу вызвало инфляцию. С 1913 по 1916 г. количество денег в обращении увеличилось в 4 раза[784]. Тем не менее, до 1 января 1916 г. правительство трижды увеличивало размер эмиссии Государствен-

---

[780] Общее количество денежных знаков в обращении к 1914 г. составляло 2, 402 млн. руб. На 1 января 1914 г. в обращении находилось золотой монеты на 494,2 млн. руб., банкового серебра – на 122,7 млн. руб., разменного – на 103,1 млн. руб. и медной монеты – на 18,1 млн. руб.

[781] Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 242.

[782] Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Книга 1. М., 1999. С. 322.

[783] Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избр. статьи. М., 2008. С. 51.

[784] Бокарев Ю. П. Рубль в эпоху войн и революций // Русский рубль. Два века истории XIX –XX вв. М., 1994. С. 176.

ного банка. В течение 1916 г. эмиссионное право Государственного банка было дважды увеличено на общую сумму в 3 млрд. руб.[785] Денежные средства не обеспечивались ни товарами, ни золотым запасом. Таким образом, существенное расширение платёжеспособного спроса не сопровождалось увеличением товарного предложения. Напротив, под влиянием военных закупок приходящаяся на гражданское население товарная масса резко сократилась.

Руководство финансового ведомства прилагало большие усилия к тому, чтобы путём регулирования денежного механизма противостоять неблагоприятным тенденциям. Для финансирования дефицита государственного бюджета в максимальной степени были использованы налоговые источники. До конца 1914 г. были изменены ставки обложения по 12 видам косвенных налогов и введены два новых налога (с железнодорожных грузов, налог на хлопок). Повышены ставки косвенного налогообложения на сахар (на 14%), табак (25–167%), спички (56–100%), керосин (50%)[786]. Были увеличены ставки обложения по всем видам прямых налогов, введён налог на телефонные аппараты[787]. Для финансирования войны было усилено прямое налогообложение крестьянства. Одновременно, стремясь остановить инфляцию, власти стали накладывать административные ограничения на рост аграрных цен, тогда как цены на промышленные изделия росли достаточно быстро. Тем самым создавалась ситуация скрытой инфляции, сопровождающейся незаинтересованностью производителей в выпуске и реализации продукции, быстрым нарастанием дефицитов и попытками властей ответить на экономический вызов административными методами. 31 июля 1914 г. был издан циркуляр министра внутренних дел, в котором предлагалось решать производственные проблемы при помощи таксирования (установления цен органами власти). Несогласованность в установлении цен привела к спекуляции, дезорганизации транспорта. Это подрывало заинтересованность крестьян в реализации хлеба – на вырученные деньги мало что можно было купить, т. к. цены на промышленные изделия росли, а их поставки в деревню сокращались[788]. При общем падении покупательной стоимости рубля зерно превращалось в валюту, которую крестьяне не спешили выбрасывать на рынок. В августе 1916 г. Особое совещание по продовольствию решило распространить твёрдые цены на частные сделки. В IV Государственной Думе А. И. Шингарев предложил обратиться к крестьянам с призывом жертвовать хлеб для нужд войны. Крестьянские депутаты были возмущены тем, что помещики зовут крестьян к жертвам. При голосовании по вопросу о соблюдении твёрдых цен и хлебной развёрстки Дума раскололась: «за» голосовали 114, «против» –17, воздержались 87 депутатов[789]. После ожесточённых споров, расколовших, и правительство, и Прогрессивный блок, Совет министров постановил ввести твёрдые цены на все закупки, одновременно повы-

---

[785] Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 138.

[786] Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. История налогов в России IX – начала XX века. М., 2006. С. 266.

[787] Сабанти Б. М. История финансов России. Л., 1985. С. 25.

[788] Мау В. Реформы и догмы. М., 1993. С. 20.

[789] Черменский Е. Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1974. С. 225.

сив их на 11–23 %. Это было ниже установившихся цен и невыгодно производителям[790]. Экономический товарообмен между городом и деревней встал на грань краха.

Другим важным источником покрытия военных расходов были внутренние займы, с помощью которых правительство получало необходимые средства и в то же время ослабляли негативные последствия выпуска бумажных денег. Необходимость обращения к облигационным займам на внутреннем рынке возникла в стране буквально в первые недели войны. В конце сентября 1914 г. по инициативе П. Л. Барка, активно поддержанного С. Ю. Витте, на заседании Комитета финансов было принято решение о выпуске первого военного займа на сумму в 500 млн. руб. Среди населения было размещено около 20 серий билетов Государственного казначейства на сумму 25 млн. руб. каждая. IV Государственная Дума поддерживала политику выпуска внутренних займов. При обсуждении бюджета 1916 г. А. И. Шингарев выступил в их поддержку, заявив, что рассматривает займы в качестве желательной альтернативы денежной эмиссии. Кадетский оратор призывал министра финансов активнее обращаться к международным денежным рынкам[791]. До 1917 г. было выпущено 6 внутренних займов для покрытия военных расходов на 8 млрд. руб., принёсших в казну около 7,4 млрд. рублей. Помимо внутренних, российское правительство активно прибегало к внешним займам у союзников (Англия, Франция) в форме правительственных кредитов, используемых для закупки и оплаты заказов по производству вооружения и обмундирования для русской армии. В результате предпринятых действий покрытие военных расходов бумажно-денежной эмиссией в 1914 г. составило 67 % бюджетного дефицита, а в 1916 г. эта доля снизилась до 26 %.

Крах политики «внутреннего мира» между царской администрацией и промышленно-торговыми кругами, произошедший после январской (1915 г.) сессии IV Государственной Думы, привёл к сокращению производства. Между тем спрос городского и сельского населения резко возрос. Существенные изменения в доходах бюджета вызвало решение о прекращении продажи водки. Либеральные деятели предложили эту меру, проведя расчёты того, насколько улучшатся производительность труда и здоровье народа, если не давать ему спиртных напитков. По воспоминаниям Н. В. Савича, Председатель Государственной Думы Родзянко в речи при открытии одной из сессий Думы сказал фразу: «И пьянство павшее по манию царя»[792] Отрицательные последствия этой кампании не были приняты в расчёт, а они заметно перевешивали положительный эффект. Недополучив около миллиарда от продажи спиртных напитков, государство решило компенсировать эти средства, напечатав на эту же сумму бумажные деньги.

Инфляционный процесс усиливался и в результате снижения объёма золотого запаса Государственного банка в связи с выполнением союзнических финансовых обязательств. Из подвалов Государственного банка российское золото перекочёвывало в Англию и США в качестве платы за кредиты на производство вооружения. Первая отправка состоялась осенью 1914 г.

---

[790] Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. М., 2006. С. 570.

[791] Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 99.

[792] Савич Н. В. Воспоминания. СПб.- Дюссельдорф:, 1993. С. 137.

на сумму 8 млн. фунтов стерлингов (около 80 млн. руб.)[793]. Всего в Англию было послано 643 млн. руб.

Ежедневный расход на нужды войны в 1914 г. составлял 10–12 млн. руб., а во второй половине 1915 г. уже 28 млн. руб. Количество бумажных денег (кредитных билетов) в обращении с 1665 млн. руб. в канун войны выросло к началу 1917 г. до 9103 млн. руб., т.е. в 5,6 раза[794]. К 1915 г. официальный курс рубля снизился до 80 коп.; к концу 1916 г. – до 60 коп. Реальная покупательная способность рубля к 1917 г. упала вчетверо – до 27 копеек к довоенному уровню, в то время как рост индекса цен в 7 раз превысил уровень 1914 г. К 1917 г. затраты на войну достигли 30,5 млрд. руб. или примерно 9 расходных бюджетов 1913 г. Эмиссия бумажно-денежных знаков к моменту Февральской революции покрывала 34% военных расходов[795]. Война развязала те процессы, которые позже переросли в безудержную гиперинфляцию. Первоначально гиперинфляция развивалась на основе крушения золотомонетного стандарта, нарушения баланса между спросом и предложением, а также в связи с образованием излишка бумажных денег у населения. Однако со временем на первое место стали выходить процессы разрушения рыночных отношений. Русская финансовая система оказалась неспособной выполнить огромные требования большой войны.

---

[793] Петров Ю.А. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 54.

[794] Петров Ю.А. Финансовое положение до февраля 1917 г. // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 380.

[795] Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России IX – начало XX века. М., 2006. С. 263.

К. А. Соловьев,
Институт российской истории РАН, Россия

Государственная Дума в годы Первой мировой войны: к историографии вопроса

Первую мировую войну в отечественной историографии никогда не забывали. «Забытой» она стала «с лёгкой руки» М. Н. Покровского, который так её аттестовал в скором времени после Версальского мира[796]. Иначе говоря, войну «забыли» её же участники и современники. Для них мировой конфликт стал лишь прелюдией тех потрясений, которые радикально изменили жизнь всей страны. Н. И. Кареев впоследствии вспоминал: «От моего возвращения в Петербург из немецкого плена в августе 1914 г. до начала революции в феврале 1917 г. прошло два с половиной года, которые остались какими-то бледными в моей памяти: так заслонили их собою грандиозные события двух революций 1917 г.»[797].

О Государственной Думе в годы Первой мировой войны писали ещё тогда, когда не знали, чем закончится это мировое столкновение. И всё же было бы ошибкой утверждать, что тема исчерпана и остаётся лишь подводить итоги сказанному. Круг рассмотренных сюжетов широк, но круг вопросов, волновавших депутатов начала XX века, был существенно шире.

Как это чаще всего и случается, историографическая традиция складывалась благодаря мемуарной литературе, которая глядела на события военных лет преимущественно из эмиграции, пережившей и революцию, и Гражданскую войну. Volens nolens автору воспоминаний приходилось отвечать на ключевой вопрос – что предопределило крах «старого порядка». События были недавние, что с неизбежностью переводило дискуссию в публицистическое русло. В конфликтной среде Русского зарубежья надо было найти виноватого. Бывшие депутаты Думы (А. А. Бубликов[798], П. Н. Милюков[799], М. В. Родзянко[800]) практически единодушно снимали с себя всякую ответственность за потрясения 1917 г., перелагая её на правительство и верховную власть.

П. Н. Милюков предложил целостную концепцию развития событий в России в 1914–1917 гг., существенно повлиявшую на все последовавшие

---

[796] Шевырин В. М. Россия в Первой мировой войне (новейшая отечественная историография): обзор // Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: Сб. обзоров и рефератов. М., 2013. С. 27.

[797] Цит. по: Носков В. В. Война, в которую мы верим: начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 326.

[798] Бубликов А. А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 15–43.

[799] Милюков П. Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 3–29.

[800] Родзянко М. В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922. С. 55–59.

историографические построения. По его оценке, война стала причиной тотальной дезорганизации жизни страны. Чрезвычайная ситуация того времени требовала учреждения фактической диктатуры, что и произошло во многих воюющих странах. Российская монархия, не сумевшая договориться с думским большинством и органически неспособная к подобному диалогу, с этой задачей не справилась. Именно это предопределило развитие политического кризиса в 1915–1917 гг. и нарастание социального недовольства. В итоге политические выступления совпали с массовыми. Из этого и родилась Февральская революция. Тогда, в феврале 1917 г., Государственная Дума была вынуждена возглавить солдатский бунт и рабочие демонстрации. Обретя свой центр, волнения в Петрограде обрели качественно иной характер. Депутаты становились революционерами «поневоле». Их «выбрала русская революция»[801].

Эта интерпретация находила поддержку в эмигрантской историографии[802]. И всё же далеко не все её представители удовлетворялись подобными объяснениями. Они продолжали искать виновных: чаще всего членов думской оппозиции, которые как будто бы по мере своих сил плели заговоры против исторической власти[803].

С. П. Мельгунов, исследуя причины Февральской революции, обратился к теме дворцовых переворотов. Он невысоко оценил «труды» «заговорщиков», которые от слов никак не переходили к делу[804]. Мельгунов разоблачал и другой миф: будто бы император и его ближайшее окружение вынашивали планы сепаратного мира с Германией[805]. Коснулся исследователь и масонских организаций. При этом он отрицал их значимую роль в Февральской революции[806]. По мнению Мельгунова, она застала врасплох все политические силы[807]. Однако, распутывая «клубок» интриг, заговоров и слухов, Мельгунов невольно погружает читателя в особый мир петербургских «высших сфер», представители которых увлечённо строили иллюзорные планы, уверенные в возможности их скорой реализации. И эта уверенность порой переходит к читателю.

Объяснение драматических событий военных и революционных лет можно было искать и в иной плоскости, стараясь вникнуть в логику исторического процесса. Так, согласно статье П. Б. Струве, «мировая война... имела демократическую идеологию. Страшно напрягши экономические силы всех стран, участвовавших в войне, она вызвала на сцену новые силы или, по крайней мере, в огромной степени усилила некоторые прежние. В ведении этой войны государства, как никогда прежде, апеллировали к народным массам. Это была, по самому характеру своему, народная и демократическая война и потому-то она частично закончилась рядом революций». В итоге рухнули немецкие империи, распалась Османская, Францию и Англию ждала демократизация их

---

[801] Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 26–40.

[802] Яковенко Б. В. История великой русской революции. Февральско-мартовская революция и её последствия. М., 2013. С. 156–163.

[803] Катков Г. М. Февральская революция. М., 2006. С. 439–446.

[804] Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Paris, 1931. С. 218.

[805] Он же. Легенда о сепаратном мире. Paris, 1957. С. 494.

[806] Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и в эмиграции. М., 1998. С. 184–186.

[807] Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. Paris, 1957. С. 140.

избирательного законодательства и, наконец, перестала существовать старая Россия, совмещавшая самодержавие с цензовым представительством[808].

Действительно, проблему виновности правительства (или, например, оппозиции) в событиях Февраля 1917 г. сложно отнести к строго научным. Есть же вопросы, которые до сих пор стоят перед историографией. Война – это ускоритель застаревших кризисных процессов или же «благодатная» среда для возникновения новых? Обстоятельства военного времени – случайность, которую невозможно было предвидеть, или же запрограммированный системный сбой? Война способствовала зарождению новой политической, правовой реальности или же подвела итоги старой?

Советская историография по преимуществу отвела войне роль декораций, на фоне которых разворачивались кризисные явления, характерные и для довоенного времени.

И всё же фактор войны трудно было проигнорировать. Нужно было найти его особое, марксистское прочтение, что было и сделано М. Н. Покровским, который интерпретировал внутреннюю политику России в годы войны как столкновение торгового и промышленного капитала. Торговая буржуазия, которую представляло ближайшее окружение императора, склонялась к миру с Германией. Промышленная (в лице, прежде всего, лидеров Прогрессивного блока) – требовала продолжения войны – даже ценой смены режима[809]. Их борьба спровоцировала события в феврале 1917 г. Именно поэтому «мы ничего не поймём в Февральской революции 1917 г., если позабудем, что её исходной точкой была война»[810]. Это т. н. концепция «двух заговоров» в несколько видоизменённых формах получила своё развитие в работах Е. Фокина[811], Б. Б. Граве[812], И. И. Минца[813]. М. Балабанов отмечал, что буржуазия, боровшаяся за власть, прежде всего, стремилась предотвратить революцию[814]. Схожую точку зрения отстаивала Б. Б. Граве[815]. В. П. Семенников заменил торговый капитал на правомонархические силы, действовавшие заодно с пронемецки настроенными банкирами и «металлургами». В остальном он придерживался точки зрения Покровского[816]. С. А. Пионтковский, следуя логике последнего, полагал, что самодержавие было верной «служанкой», прежде всего, финансового капитала[817].

Некоторое смещение акцентов имело место в «Истории Гражданской войны», фактическим редактором которой был И. И. Минц. В этой работе об-

---

[808] Струве П. Б. Избранные труды. М., 2010. С. 433.

[809] Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России (XIX и XX вв.). М., 1924. С. 185.

[810] Он же. Октябрьская революция. М., 1929. С. 109.

[811] Фокин Е. Февраль 1917 г. М., 1932. С. 10.

[812] Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М. -Л., 1926. С. 382.

[813] История ВКП (б) / Под ред. Е. Ярославского. М.-Л., 1929. Т. 4. С. 16.

[814] Балабанов М. Царская Россия XX в. Харьков, 1927. С. 201.

[815] Граве Б. Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.-Л., 1926. С. 382.

[816] Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции. М.-Л., 1926. С. 139; Он же. Романовы и германские влияния. М.-Л., 1929. С. 85.

[817] Пионтковский С. А. Очерки истории России XIX – XX вв. Харьков, 1928. С. 266.

рисовывалась ситуация глубочайшего кризиса империи, обуславливавшего неизбежность революции. Россия вступила в Первую мировую войну будучи «наёмником англо-французского капитала» и «полуколонией западноевропейских стран». При этом, посылая солдат на фронт умирать за чужие для них интересы, царское правительство умышленно обескровливало революционное движение[818]. И всё же действовавшая власть не вполне справлялась со стоявшими перед ней задачами. Это побуждало некоторых представителей буржуазии (т. е. Прогрессивного блока) ставить вопрос об ограничении самодержавия[819]. Со временем причин для этого становилось всё больше. На протяжении войны в России нарастали признаки разрухи[820]. В этих условиях буржуазия радикализировалась[821]. Думская оппозиция представляла собой значимую угрозу для власти. Дабы иметь возможность усмирить её, нужно было пойти на мир с Германией. По мнению авторов «Истории Гражданской войны в СССР», царское правительство к этому было готово[822]. Буржуазия не могла бы стерпеть подобное развитие ситуации и стала готовиться к насильственному захвату власти – дворцовому перевороту[823]. Однако революция пришла раньше, чем «верхам» удалось осуществить свои планы[824].

Эта модель в несколько упрощённом виде была перенесена в «Краткий курс истории ВКП (б)». В этом издании Первая мировая война, конечно же, характеризовалась как империалистическая. Участие России в ней объяснялось экономической зависимостью от стран Антанты[825]. Согласно «Краткому курсу», все буржуазные (в том числе, и мелкобуржуазные) партии поддержали войну[826]. Таким образом, она стала своего рода испытанием для социалистов всех направлений, которые продемонстрировали свою «истинную» классовую сущность. Лишь большевики остались верными «до конца делу социализма»[827]. Война стала испытанием и для царизма. Он показал свою полнейшую беспомощность. В ближайшем окружении императора стали задумываться о сепаратном мире. Это было неприемлемо для буржуазии, которая, предупреждая возможные переговоры с немцами, начала готовиться к перевороту[828]. Но случилось нечто иное – революция, совершённая столичным пролетариатом[829]. Однако рабочие и солдаты были обмануты эсерами и меньшевиками, которые вовсе не стремились к заключению скорейшего мира, а намеревались продолжать войну[830].

---

[818] История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 12–13.

[819] Там же. С. 16.

[820] Там же. С. 28–33.

[821] Там же. С. 53.

[822] Там же. С. 56.

[823] Там же. С. 57.

[824] Там же. С. 58.

[825] История Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Краткий курс. М., 1938. С. 156.

[826] Там же. С. 157.

[827] Там же. С. 166.

[828] Там же. С. 167.

[829] Там же. С. 169.

[830] Там же. С. 170.

Иными словами, в «Кратком курсе», в сущности, воспроизводилась «теория двух заговоров». Историографическая конструкция Покровского, «скрипя» под давлением постепенно накапливавшегося фактического материала, в сущности, оставалась господствующей. Отказ от неё требовал нового идеологического «обрамления» для исторических исследований. Возникла тема «властебоязни» российской буржуазии, которая будто бы демонстрировала свою политическую беспомощность как прежде, так и в годы Первой мировой войны. Эту точку зрения отстаивал Е. Д. Черменский. По его оценке, господствующий класс в царской России был неоднороден, и правительство было вынуждено проводить «бонапартистский курс», лавируя между помещиками и буржуазией, чьи интересы представляло думское большинство. Последняя же самостоятельной значимой силы не представляла[831].

Схожим образом оценивал ситуацию в предреволюционной России и Э. Н. Бурджалов[832]. По причине экономических трудностей нарастало рабочее и, соответственно, революционное движение[833]. Буржуазия в лице Прогрессивного блока пыталась предотвратить революцию[834], но в сложившихся обстоятельствах она (как, впрочем, и всегда) оказалась беспомощной[835]. По словам Бурджалова, «в конце 1916 – начале 1917 гг. революционный пролетариат России вёл авангардные бои с самодержавием. Но уже близился час решающего сражения. Революционный кризис, охвативший всю страну и все слои населения, дошёл до крайней черты»[836]. И именно пролетариат, ведомый большевиками, сыграл ключевую роль в событиях Февраля 1917 года[837].

И всё же в советской историографии в весьма узком «коридоре возможного» поставленные вопросы дискутировались. Так, в интерпретации В. Я. Лаверычева российская (прежде всего, московская) буржуазия в годы Первой мировой войны была настроена весьма оппозиционно и была готова зайти довольно далеко в противостоянии с властью. Она пошла на союз с «мелкобуржуазными партиями». Представлявшие её интересы левые октябристы и прогрессисты оказались даже левее кадетского центра[838]. Московская буржуазия была подлинной вдохновительницей «проектов» дворцового переворота[839]. Он должен был предотвратить надвигавшуюся революцию. Но буржуазия опоздала с осуществлением своего замысла[840].

А. Я. Аврех усматривал причину падения монархии в самой логике исторического процесса – в неминуемом разложении этого института,

---

[831] Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. М., 1965. С. 501, 503.

[832] Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 20–26.

[833] Там же. С. 26–35.

[834] Там же. С. 48–50.

[835] Там же. С. 56.

[836] Там же. С. 94

[837] Там же. С. 10, 135–136; Лейберов И. П. Деятельность петроградской организации большевиков и её влияние на рабочее движение в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 302.

[838] Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967. С. 145–146.

[839] Там же. С. 161.

[840] Там же. С. 172.

который «изолировался» даже от тех классов, на чью поддержку обычно полагался. По мнению автора, это естественным образом вытекало из кризиса «третьеиюньской системы». Характерно, что Аврех рассматривал этот процесс, практически не связывая его с обстоятельствами военного времени[841]. При этом исследователь невысоко оценивал роль думской оппозиции в событиях Февраля 1917 г. По его мнению, «рахитичная» российская буржуазия в военные годы показала политическое бессилие[842]. История же Прогрессивного блока – это «мелодраматическая эпопея» «антиреволюционной стратегии российского либерализма на заключительном этапе его существования»[843].

В свою очередь, В. И. Старцев напрямую связывал активизацию оппозиции в 1915 г. с неудачами на фронте. Революционных выступлений в этот момент не было, а «общенациональный кризис... находился ещё в самой ранней стадии своего развития». Либеральная оппозиция, используя поражения России в своих политических целях, боролась за власть, имея весьма действенные рычаги влияния на положение в стране. Таким образом, исследователь определил думских лидеров как самостоятельную политическую силу, сыгравшую немалую роль в падении режима[844].

И эмигрантская, и советская историография, исследуя деятельность Государственной Думы периода Первой мировой войны, основное внимание уделила Прогрессивному блоку, его противодействию правительству, его роли в падении монархии. Интерес к нему случайным не назовёшь. О нём писали газеты тех лет, о нём рассуждали министры и придворные. И всё же нельзя свести думскую работу к заседаниям бюро Прогрессивного блока. На неё можно было взглянуть и с другой стороны, вникнув в особенности функционирования системы, имеющей собственную логику развития.

По мнению В. С. Дякина, судьба режима была предрешена и до войны. Он балансировал над бездной и едва ли это могло продолжаться долго. С началом же войны система приближалась к своему краху с нараставшей скоростью[845]. Её социальная база стала более ограниченной[846]. Возможности для манёвра – меньше[847]. Мысль о роковых колебаниях верховной власти проводится во многих исследованиях[848]. Дякин же ставил вопрос шире: о кризисе государственных институтов (в том числе, и Думы), которые в условиях военного времени демонстрировали свою предельную неэффективность.

Современный исследователь стоит перед необходимостью системного анализа, который обессмысливает вопрос о правых и виноватых, который позволяет рассмотреть Прогрессивный блок в контексте давнего противостояния власти и общества.

---

[841] Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 245–249.

[842] Он же. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 252–253.

[843] Там же. С. 251.

[844] Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 262–263.

[845] Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 615–616.

[846] Кризис самодержавия. 1895–1917. Л., 1984. С. 575.

[847] Там же. С. 698.

[848] Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 17–20.

Их взаимоотношение – как раз ключевая проблема книги В. М. Шевырина, которая в своих выводах напоминает греческую трагедию. Война пробудила русское общество, способствовала созданию влиятельных и весьма деятельных союзов. Они, в свою очередь, стремились к сотрудничеству с властью, от которого, впрочем, не отказывалось и правительство. Проблема была в трагическом недопонимании общественности и «высших сфер». Они говорили о национальном единении, подразумевая под ним принципиально разные вещи. Они будто бы шли пожимать друг другу руки, но с неизбежностью сталкивались лбами. Неразрешимая дилемма, стоявшая перед русской общественностью, была ярко и образно отражена в известнейшей статье В. А. Маклакова «Трагическое положение»: нельзя терпеть безумного шофёра, но крайне опасно вырывать у него руль, когда едешь по горному серпантину[849].

Принимая эту метафору, можно утверждать, что любой выбор власти или оппозиции ухудшал ситуацию. Его отсутствие – тоже. Столь драматичная картина не принимается многими исследователями. Они возвращаются к поиску виновного, в роли которого чаще всего выступает российская общественность: её деструктивная деятельность стала причиной катастрофических явлений 1917 г.[850]

И всё же однозначный вердикт – редкость в современной историографии. Политический процесс начала XX в. никак не напоминает сказочное столкновение сил добра и зла. Впрочем, и происходившие столкновения перемежались соглашениями, временными договорённостями. И всё же современные исследователи всё чаще обращают внимание на неготовность сторон к полноценному диалогу. Согласно работам Ф. А. Гайды, кадеты представляли собой радикальную политическую силу, не склонную к компромиссам с правительством и нацеленную исключительно на захват власти[851]. Чем слабее представлялась бюрократия, тем сильнее казалась думская оппозиция, лидерами которой стали кадеты. В 1916 г. они пытались использовать Прогрессивный блок как «таран» в борьбе с правящим режимом[852]. По мнению автора, свою «лепту» в дело дезорганизации власти и управления они внесли[853]. Однако в феврале 1917 г. либеральная оппозиция шла «на поводу» у улицы и не могла быть субъектом политической борьбы, а, следовательно, полноценным участником переговоров с властью. Подчиняясь инстинкту самосохранения, она неслась по «течению», заданному стихией толпы[854].

Данный подход вполне вписывается в традиции политической истории, для которой любое изменение – следствие целенаправленной деятельности конкурентов, борющихся за власть. Ей посвящены исследования С. В. Кули-

---

[849] Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2003. С. 130–132.

[850] Холяев С. В. Организация Государственной Думой и Земгором совместного наступления на правительство в ходе обострившегося внутриполитического кризиса (сентябрь 1915 – июнь 1916 гг.) // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2013. С. 117–123.

[851] Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 372.

[852] Там же. С. 375–376.

[853] Там же. С. 376–377.

[854] Там же. С. 269.

кова, который однако не считает возможным игнорировать «фактор стихийности», большое внимание уделяет противоречиям, имевшим место в бюрократической среде. И всё же для него Центральный военно-промышленный комитет – штаб революции, а ключевую роль в её осуществлении сыграл альянс революционной и общественной контр-элит[855]. С данной точкой зрения солидаризируется Б. Н. Миронов[856]. К этому выводу автор пришёл, проанализировав различные теории революции. По его оценке, теория модернизации и институциональная концепция лучше подходят к событиям 1917 г., нежели марксистское или мальтузианская интерпретация. Вместе с тем, поиск глубинных причин революции даёт представление о её предпосылках, но не объясняет механики, а это событие – прежде всего, результат борьбы элит, ставивших своей целью свержение монархии[857].

Едва ли кто-либо рискнёт отрицать роль тех лиц, кто волею обстоятельств оказался в водовороте событий 1916–1917 гг. Однако в этот период слишком стремительно менялась конъюнктура, слишком был ограничен «горизонт» предвидения будущего, чтобы можно было выстраивать политическую стратегию хотя бы на среднесрочную перспективу. Чаще всего приходилось отвечать на вызовы самого последнего времени, пересматривая за считанные сутки (а иногда и часы) всё то, что замышлялось и обсуждалось многие годы. В этой связи в высшей степени показательно, что по оценке А. Б. Николаева, Государственная Дума, сыгравшая важнейшую роль в Февральской революции, «втянулась» в неё и стала её «штабом» лишь 27 февраля 1917 года[858].

Работы, посвящённые Думе в период Первой мировой войны, так или иначе выходят на тему политического кризиса предреволюционного времени. По умолчанию подразумевается, что Таврический дворец – своего рода штаб оппозиционной общественности, которая претендовала на известную долю участия во власти. Разнообразие оценок в значительной мере сводится к тому, как определить эту «долю» и как интерпретировать депутатскую тактику политической борьбы. При всей обоснованности такого подхода он не позволяет ответить на многие вопросы, стоящие перед современным читателем.

Редкий исследователь забывает упомянуть об особых совещаниях. Однако остаётся «за скобками» – какова была роль депутатов в их работе? При всей популярности разговоров о попытках дворцового (или же военного)

---

[855] Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 183–185; Он же. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 394–401.

[856] Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX вв. М., 2012. С. 654–659.

[857] Там же. С. 563–648.

[858] Николаев А. Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерк истории. Рязань, 2002. С. 247–248; Он же. «Протокол заседаний: совещания Государственной Думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной Думы и Временного комитета Государственной Думы 27 февраля – 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2013. С. 236–238.

переворота, на сегодняшний момент трудно с определённостью сказать, как члены Думы и Государственного совета взаимодействовали с генералитетом, со Ставкой? Современные исследователи практически не касаются проблематики межпарламентской дипломатии, хотя она очень волновала Государственную Думу военных лет. Давний вопрос о соотношении Думы, с одной стороны, и Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, с другой, далёк от разрешения. Не вполне ясно, кто из них был ведущим, а кто – ведомым. И безусловно заслуживают особого внимания народные избранники, добровольцами ушедшие на фронт.

Наконец, в большинстве статей и монографий депутаты выступают, прежде всего, в качестве представителей оппозиции. Конечно, Дума была важным игроком в политическом противостоянии, но к этому её роль явно не сводилась. Ведь даже в период войны никто не отказывал ей в законодательных полномочиях. Депутаты, как и прежде, участвовали в комиссионных работах, привлекались правительством для разработки законопроектов и, наконец, заседали в особых совещаниях. Изучение их повседневной работы позволит оценить Думу как государственный и политический институт, деятельность которого чаще всего оставалась незаметной и для современников, и для исследователей. Может быть, как раз благодаря этому, станет понятно, как взаимодействовавшие (и далеко не всегда безуспешно) стороны – депутаты и министры – с неизбежностью столкнулись друг с другом.

С. В. Холяев,
Ярославский государственный технический университет, Россия

В союзе с Государственной Думой: Земгор на острие политического конфликта (сентябрь 1915 – июнь 1916 гг.)

Либералы развернули борьбу с правительством осенью 1915 г., в тяжёлый для России момент поражений армии на фронтах[859]. Критика правительства строилась ими так, что внешне это выглядело как стремление к решению военных задач, на практике же общество подводилось к политическим выводам, к мысли о необходимости проведения в России коренных реформ. Например, провозглашалась задача шире привлекать народ к работе для войны, ибо «ведомая нами война является войной народной», и правительство, утверждали либералы, если не будет опираться на общественное доверие, неминуемо приведёт страну к гибели[860].

И углубление кризиса, его окончательная политизация в сентябре 1915 г., во многом связывались с деятельностью Объединённого комитета Земского и Городского союзов (Земгора). Земский и Городской союзы, входившие в Земгор, одновременно являлись органами и конфронтации, и сотрудничества различных оппозиционных партий. С одной стороны, они существовали как самостоятельные организации, а с другой стороны – собирались в те же сроки и работали по одной повестке, имели объединённый комитет во главе с князем Г. Е. Львовым. Всероссийский союз городов находился под контролем кадетов. Руководителем Союза был левый кадет М. В. Челноков – московский городской голова. В ЦК Союза было 5 кадетов, 4 прогрессиста и лишь один октябрист. Во Всероссийском земском союзе позиции кадетов были намного слабее, здесь доминировала группа земцев-октябристов, старавшаяся ослабить влияние кадетов (граф В. В. Мусин-Пушкин, Н. И. Тучков, С. Н. Маслов, С. А. Лопухин, В. Ф. Шлиппе)[861]. Последующее обострение политической ситуации сплотило разнородные силы, и межпартийные противоречия постепенно отошли на второй план.

Государственная Дума в 1915 г. ещё не успела проявить особую оппозиционность: в начале сентября она была распущена и очередная сессия ожидалась только весной следующего года. Поэтому все усилия оппозиционных партий при таком обороте событий направлялись на радикализацию Земгора и его подчинение думским партиям. Земский союз воспринимался обществом как организация, выполняющая громадную практическую работу, необходимую и ценную для армии и тыла. И потому умеренные элементы,

---

[859] Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 289.

[860] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 14.

[861] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Лл. 73 об., 74 об.

искренно мечтавшие о победе над врагом, но неудовлетворённые происходившим в тылу, связывали свои ожидания на благоприятный исход войны именно с Земгором.

Правительство и некоторые руководители армии с тревогой наблюдали за действиями обоих Союзов. Ещё в апреле 1915 г., задолго до перерастания конфликта в открытую стадию, ими был поставлен вопрос о необходимости ограничить доступ в действующую армию общественных деятелей, получавших командировки от всероссийских Земского и Городского союзов, так как на фронт от имени данных организаций неоднократно приезжали кадеты и даже члены ещё более левых партий (социал-демократов, меньшевиков), по их мнению, «скомпрометированные в политическом отношении, как видные деятели революционного движения», что вносило «известную долю разложения и недовольства в ряды войск» [862].

В сентябре 1915 г. съезд Земского и Городского союзов, который состоялся сразу после отправки Думы на долгие каникулы, избрал делегацию с целью осведомления Николая II о настроениях страны и достижения договорённости с государем о даровании обществу ответственного министерства. Показательно, что Земский союз изначально проявил себя более радикальной организацией, чем Государственная Дума, собираясь просить у царя не министерство доверия, как депутаты, а ответственное правительство. Но планы земцев так и остались планами, поскольку глава государства делегацию не принял [863].

Таким образом, фактическую борьбу с властью начал Земгор, но его борьба была борьбой за Государственную Думу, за право Думы сформировать правительство. И следующей значимой вехой в данной борьбе стал очередной съезд общеземского и общегородского Союзов, собравшийся в Москве 12–14 марта 1916 г. Съезд, вместо решения деловых, хозяйственных вопросов, которые призван был рассматривать, сосредоточился на критике правительства. Правительство обвинялось в том, что оно «проявляет вредную деятельность, мешая работе общественных организаций» [864].

Консервативные круги, поддерживающие правительство, в свою очередь, отлично видели недостатки, присущие Земгору, и подчёркивали, что его повседневная работа наглядно подтверждает экономическое бессилие и хозяйственную беспомощность либеральной оппозиции. Газеты «Биржевые ведомости» и «Голос Руси» сообщали, какие финансовые средства тратило государство, в лице ненавистного либералам правительства, на материальное содержание обоих Союзов – более полумиллиарда рублей. Земгоровцы подвергались правыми силами осуждению за то, что, называясь всё время общественными организациями, в реальности жили за счёт казённых средств. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов замечал, что формально ни Земский, ни Городской союзы не могут быть признаны законно существующими организациями, ведь положения о них не существует – они являются никому не подчинёнными и бесконтрольными. Министр говорил о максимальной терпимости, проявленной к ним правительством: принцип формальной

[862] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 791. Л. 23–23 об.

[863] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 73–73 об.

[864] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1051. Л. 1–1 об.

законности оно принесло в жертву принципу благожелательности к общественным организациям. «Это, несомненно, весьма показательный факт для суждения о том, как правительство относится к этим организациям»[865].

С позицией Протопопова солидаризировался и кумир либеральной общественности, бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Общественные организации, по его наблюдению, приобрели за время войны самостоятельность и развитие, которых никогда раньше не имели: «Большинство этих организаций существовало за счёт государственного казначейства, само не располагая никакими средствами, и забывало о своём назначении помогать деятельности правительства»[866].

В отличие от предыдущего, сентябрьского, мартовский съезд 1916 г. был настроен более непримиримо по отношению к власти. Подчёркивалось, что смертельный удар германскому милитаризму может быть нанесён лишь при полном единении всех сил страны. Но эта задача не может быть «осуществлена доколе безответственная власть совершенно не считается с волей большинства Государственной Думы»[867].

Кадеты остались довольны прошедшим съездом, выделяя критическую его часть, говоря о том, что их разговоры сильнее пушек, так как вселяют недоверие к правительству не только в широких массах народа, «но и в составе членов самого правительства»[868]. Неформальный лидер Прогрессивного блока П. Н. Милюков подчёркивал перед делегатами съезда, что объединение всех общественных сил необходимо для одоления не только врага (Германии и её союзников), но и «для внутреннего устроения», под которым кадетский вождь понимал устранение правительства[869].

Съезд Земгора выполнил свою задачу, выведя борьбу с властью на новый уровень противостояния, и отошёл на некоторое время в тень. Теперь уже на передний план выходили депутаты, и одной из стоявших перед ними задач являлось законодательное закрепление полномочий Земгора. Государственная Дума возобновила работу 16 мая 1916 г. Весенне-летняя сессия была направлена на принятие законопроектов, позволяющих сохранить общественные союзы и после войны. Думе в её противостоянии с властью были необходимы общественные организации, так как они позволяли оппозиции нарастить «мышечную массу» и создать стройную и дисциплинированную структуру, объединяющую все слои населения, чтобы заставить правительство принять думские требования[870].

Вопрос о необходимости создания единой, цельной системы общественных организаций поставил ещё мартовский съезд Земского и Городского союзов, предложивший создать на основе общественных организаций систему теневых государственных органов, объединяющих дееспособные силы нации из основных слоёв населения. Под прикрытием работы на оборону страны, земский съезд предлагал создать целый ряд новых всероссийских союзов

---

[865] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 157.

[866] Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 360.

[867] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 110.

[868] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1051. Л. 5 об.-6.

[869] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 115.

[870] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 1; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1051. Л. 2.

(по образцу земско-городского), включая крестьянский, рабочий, кооперативный и торговый союзы, а также привлечь организации, сформированные по национальному признаку из поляков, латышей, литовцев, евреев, финляндцев и народов Кавказа. Из этой среды позднее мог выделиться некий высший орган, являвшийся бы для всех единым направляющим центром, «как бы штабом общественных сил всей России»[871].

Государственная Дума занялась материализацией данного плана, добиваясь в законодательном порядке сохранения союзов в послевоенный период. Зная о желании правительства закрыть союзы по завершении войны, Дума, при поддержке деятелей обоих союзов, намеревалась закрепить за ними такие вопросы, которые станут крайне важными для общества в тот момент, когда закончится война. Основные усилия органов общественной самодеятельности намечалось направить на предоставление широкой помощи жертвам войны. Депутаты надеялись, что любая попытка прекратить их деятельность приведёт к сильнейшему возмущению в обществе[872].

В высших эшелонах власти поняли намерения Думы, и попытались сорвать её планы. Новый Председатель правительства Б. В. Штюрмер, сменивший И. Л. Горемыкина, полагал, что при образовании постоянно действующих Земского и Городского союзов на основе проекта Думы, в России оказались бы два правительства, причём правительство общественное «было бы независимо не только от Государственной Власти, но и вообще от Государства». При изменении земского строя, предложенного Думой, земские учреждения из органов местного хозяйства, действующих под надзором правительственной власти, превратились бы в органы местного управления, независимые от власти, а реформа городского строя отдавала бы городскую жизнь, во всём её хозяйственном и административном целом, в полное распоряжение адвокатов, журналистов и других наименее устойчивых слоёв городского населения. Штюрмер считал, что курс, выбранный либералами, объективно вёл страну к анархии. В случае прихода либералов к власти сохранение национального единства страны казалось ему крайне проблематичным[873].

В июньском докладе, направленном Николаю II, Штюрмер подчёркивал: позиция, занятая Государственной Думой, не вызывала бы опасений, если бы можно было с уверенностью полагать, что Государственный совет «является безусловно цельной государственной единицей, вполне обеспечивающей государственные интересы. Но этого, к сожалению, сказать нельзя, так как стремления и задания... “Прогрессивного блока” Государственной Думы нашли себе весьма ощутительную поддержку среди многих достаточно влиятельных членов Государственного совета...» Главой оппозиционного движения в докладе назывался В. Н. Коковцев, официально считавшийся беспартийным, но по личным настроениям примыкавший «к числу особенно непримиримых сторонников “Прогрессивного блока”». Возглавляемая им группа не ограничивалась личным содействием прохождению «прогрессивных» думских законопроектов, но и усиленно побу-

[871] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1051. Л. 2 об., 4 об., 5.

[872] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 229. Л. 74.

[873] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.

ждала к тому же всех сомневающихся и колеблющихся. Вследствие этого Штюрмер оценивал ситуацию в законодательных учреждениях как непростую для правительства, требующую особого внимания и неослабного наблюдения с его стороны[874].

В 20 числах июня Государственная Дума была снова распущена и её заседания возобновились осенью. Ей предстояло сыграть значительную роль на завершающем этапе конфликта, в последние четыре месяца, предшествовавшие началу революции (с осени 1916 г.), когда в среде общественных организаций ведущая роль тогда перешла от Земгора к Центральному военно-промышленному комитету (ЦВПК), непосредственно принимавшему участие в подготавливаемом Гучковым дворцовом перевороте. Лишь ещё два раза «организация князя Львова» попадала в центр событий. Первый раз – в декабре 1916 г., когда Земскому и Городскому союзам не дали провести легальные съезды, жёстко направленные против власти[875]. А вторично – в начале февраля 1917 г., когда думские оппозиционные круги полагали неизбежным роспуск Думы, и кадетские лидеры во главе с Милюковым видели в Земгоре возможного организатора народных выступлений – структуру, способную вывести народ на улицу в защиту Государственной Думы[876].

К декабрю 1916 г. ситуация обострилась до предела. 9 и 11 декабря Земский и Городской союзы планировали принять на своих съездах решения, выходящие за пределы обозначенных для них функциональных обязанностей. Полиция, выполняя распоряжение министра внутренних дел А. Д. Протопопова, предотвратила легальное проведение этих собраний. Однако съезды выполнили намеченную задачу, нелегально приняв заранее заготовленные резолюции, и разослали их по всей стране[877].

Резолюция Земского съезда под председательством князя Г. Е. Львова в очередной раз требовала создания правительства, ответственного перед народным представительством. Объявляя «Отечество в опасности», она призывала Государственную Думу, опираясь на организованный народ (под которым понимала подконтрольные либералам общественные организации), «довести начатое великое дело борьбы с... политическим режимом до конца. Ни компромиссов, ни уступок»[878].

Государственная Дума посвятила заседание 16 декабря 1916 г. обсуждению комплекса вопросов, касающихся разгона правительством заседаний общественных организаций. И здесь основную речь произнёс А. И. Коновалов – лидер Фракции прогрессистов, резко осудивший действия правительства. «Этот акт глумления над общественными силами России в момент величайшей борьбы даёт нам новое свидетельство о полной отчуждённости власти от народа, о полной к нему враждебности и ставит перед нами во весь рост грандиозную проблему власти»[879].

---

[874] ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–2 об.

[875] Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 605–606.

[876] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 19–19 об.

[877] Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Минск, 2004. С. 405; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 375.

[878] Спиридович А. И. Указ. соч. С. 405.

[879] Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчёты. Т. IV. М., 1995. С. 205.

Из случившегося Коновалов делал конкретный и ясный вывод: главная опасность стране угрожает теперь не извне, от немцев, а изнутри – от собственного правительства. «Государственная Дума твёрдо и ясно указала на разъедающие язвы государственной жизни... Долг Государственной Думы неуклонно, настойчиво продолжать борьбу с действующим режимом. Пусть будет доведена эта борьба до конца, пусть ведётся она неустанно и пусть не будет никаких уступок, никаких компромиссов на этом пути. Задача страны облегчить Государственной Думе эту её борьбу» [880].

Наиболее важной в речи Коновалова стала мысль о необходимости направить энергию активной части социума против внутреннего политического режима: «основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над врагом внутренним» [881]. В то же время сам депутат отчётливо понимал, что положение в стране является менее трагичным, чем он пытался это представить в своей речи. «Господа, когда раздаётся... крик отчаяния – “Отечество в опасности”, вся страна понимает, что... это не есть предвидение какого-нибудь сокрушительного нового удара со стороны врага, которому будет противопоставлен отпор нашей доблестной могучей армией; это не есть сознание опасности от недостатка живой силы страны и материальных ресурсов, – в них недостатка всё же нет» [882]. Значит, Коновалов понимал, что борьба либералов с правительством объяснялась не обстоятельствами войны, а сугубо политическими причинами: отстраненностью либералов от рычагов государственного управления.

Любопытно то место в выступлении Коновалова, где он стремился показать представителей Городского союза, глав самоуправлений – городских голов, в качестве жертв произвола полиции. «Я был свидетелем в Москве тех деяний, которые творила власть в декабрьские дни, 9, 10 и 11 числа... Господа, я припоминаю тот момент, когда, прибыв к зданию Городского союза, где должен был собраться съезд, я увидел отдельные группы городских голов, съехавшихся со всех концов России, тысячи вёрст, быть может, проехавших, чтобы прибыть на это совещание, они толпились на тротуаре, и полиция не допускала их войти в самое помещение (голоса слева и в центре: позор)» [883].

Коновалову и другим представителям Прогрессивного блока пришлось выслушать в ответ несколько критических выступлений от депутатов из правого меньшинства. Самым запоминающимся из них было выступление Г. Г. Замысловского, представлявшего русское население Виленской губернии: «Со стороны формальной разгон съезда правительственной властью есть, безусловно, деяние законное, потому что раз в Москве военное положение, то не может быть никаких сомнений в том, что власть имела право это сделать. Что касается существа вопроса, то власть, если она мало-мальски себя уважает, не может допустить, чтобы собирались съезды, которые прямо заявляют, что цель собрания – борьба с этой властью. Понятно, что власть такой съезд должна немедленно распустить. Это логика вещей» [884].

---

[880] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1744. Лл. 5, 7.

[881] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1744. Л. 6.

[882] Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчёты. Т. IV. М., 1995. С. 204.

[883] Там же. С. 203.

[884] Там же. С. 221.

Речь Замысловского сопровождалась неоднократными выкриками из зала недовольных приверженцев думского большинства, но оспорить справедливость его возражений им было крайне сложно. «Вы ведёте вашу борьбу с правительством во имя законности, вы говорите, что правительство попирает закон. Но если под этим лозунгом ведётся ваша борьба, то вы сами должны, прежде всего, закон соблюдать. А что же вы делаете? Этот самый пресловутый московский съезд, которому вы теперь собираетесь выражать своё одобрение, прямо призывает к неисполнению закона... Вы сами не уважаете закона. Вы говорите о законности, а в первом пункте повестки у вас сказано: объединение мероприятий по обороне государства. Разве относятся ваши речи к этому пункту... повестки? Они к этому пункту никакого отношения не имеют... Что же, это называется уважением к закону? Вы прямо попираете закон. У вас, конечно, готтентотская мораль; вам всё возможно, а другим ничего нельзя;... ораторам не из блока нельзя говорить с этой кафедры, потому что вы их постоянно перебиваете. Нет, господа, правительство поступило совершенно правильно, что тех, кто хотел с ним бороться, оно разогнало» [885].

В начале 1917 г. Г. Г. Замысловский заявил, что Земский и Городской союзы представляют собой второе правительство, находящееся в руках Прогрессивного блока [886].

В этой связи представляет немалый интерес письмо Н. Н. Тихановича-Савицкого, направленное Николаю II 30 декабря 1916 г. Отправитель письма – купец, председатель Астраханской народно-монархической партии (в прошлом председатель Астраханского отдела Союза русского народа). В жандармском управлении ему дали показательную характеристику: «В дело партии ушёл весь, в ущерб своим торговым делам» [887]. В письме на примере Астраханской губернии показан механизм взаимодействия столичных лидеров общественных организаций со сторонниками на местах: «В Астрахани, например, губернатор заявил городскому голове, что в Москве съезд не разрешён, – Львов телеграфировал всем – “приехать во что бы то ни стало”. И приказ этого второго правительства был исполнен. Вернувшись со съезда, городской голова, собрав гласных на незаконное частное собрание, сообщил им, что, несмотря на разгон съезда полицией, они всю ночь совещались... на совещании говорили о необходимости заранее наметить временное правительство, а также власти на местах» [888].

Тиханович-Савицкий подчёркивал, что «Главный комитет Союза земств и городов... пользуясь попустительством властей, открыто готовит государственный переворот. Городские головы, председатели земских управ и другие лица... для того подобранные, получают на московских съездах, явных и тайных, указания, как возбуждать местных гласных, а через них и население». Для изменения положения лидер АНМП просил императора требовать от местных властей, чтобы они запрещали возбуждать население против правительства, а лиц, продолжавших обострять недовольство, привлекали

[885] Там же. С. 221.

[886] Кирьянов Ю. И. Указ. соч. С. 418.

[887] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 244. Л. 194.

[888] Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 2. М., 1998. С. 605.

к ответу по закону, добавляя: «Помните, государь, что положение опасно необычайно, не только в смысле проигрыша войны, но и опасно и для вас, и для династии»[889].

В январско-февральские дни 1917 г. многие кадетские депутаты, фактически смирившись с роспуском Думы, искали ответа на вопрос: каким образом принудить правительство к уступкам общественности после её разгона. Если Председатель Государственной Думы, октябрист М. В. Родзянко видел преемника Думы в борьбе с властью в организации объединённого дворянства, то кадеты связывали «бездумское» будущее с общественными организациями, и, особенно, с Земским и Городским союзами.

По словам видного кадета Ф. И. Родичева, Земский и Городской союзы охватили около 20 млн. рабочих и служащих. Невозможно, чтобы правительство вступило в резкий конфликт со столь влиятельными организациями, и добилось прекращения их деятельности. В них «легально» протекает самая нелегальная деятельность либеральных групп. К ним перейдёт роль «осведомителей общественного мнения» и руководителей революционных действий против власти, поскольку либералы твёрдо намеревались выводить народ на улицы[890].

Таким образом, Земгор приобрёл важное значение в проводившейся либералами антиправительственной борьбе. Но в практической деятельности его тактический курс всегда был радикальнее общей политики Государственной Думы. В результате на момент максимального обострения противостояния либералов с правительством, Земско-Городской союз пытался усилиями, в том числе наиболее радикальной либеральной партии прогрессистов, вовлечь Государственную Думу в прямой конфликт с имперской властью. Но к 1917 г. левый фланг оказался на периферии оппозиционного спектра либеральных сил, и потому полностью потенциал Земгора мог раскрыться только в условиях досрочного роспуска Николаем II IV Государственной Думы, ожидавшегося в начале февраля 1917 г. Однако император не решился на подобную меру, и Земгор не стал проводником общелиберальной политики.

---

[889] Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 2. М., 1998. С. 604–605, 606.

[890] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Лл. 19–19 об.

Р. А. Циунчук,
Казанский федеральный университет, Россия

Мусульманская фракция IV Государственной Думы накануне и в годы Первой мировой войны

В поздней Российской империи (конец XIX в. – 1917 гг.) под влиянием имперской политики и этноконфессионального общероссийского дискурса возникают конструкты «мы», «не мы», «свои», «иные», «другие», «чужие», применяемые к русскому православному, католическому, протестантскому, иудейскому, мусульманскому населению и другим этноконфессиональным и региональным группам. Мусульмане Европейской России (поволжские и крымские татары, азербайджанцы, башкиры) к началу XX в. воспринимались как лояльные «иные» – «другие»; мусульмане Северного Кавказа – как «иные», а инородцы-мусульмане Степных областей и Туркестана трактовались как «иные»-«чужие».

Мусульманский вопрос к началу XX в. объективно не мог не занять особого места. По Первой переписи 1897 г. число российских мусульман превышало 13,9 млн. человек[891]. К 1912 г. Департамент духовных дел насчитывал их до 16,2 млн., а неофициальные источники и мусульманские депутаты Думы доводили численность мусульман до 20–25 млн. Народы России, традиционно исповедовавшие ислам, проживали в нескольких крупных регионах, один из которых был внутренним – Волго-Уральский (4–5 млн. чел.), а другие – окраинными: в Кавказском (3–4 млн.), в Казахстане, в Средней Азии (7–10 млн.), а также в Крыму и в Сибири. Мусульмане поддерживали связи с единоверцами за рубежом, а мусульмане окраин имели соплеменников в сопредельных державах. Поэтому с началом Первой мировой войны (исподволь ещё в её канун) мусульманское население России оказалось в поле сложнейших внешнеполитических коллизий и внутриполитических процессов. Все эти процессы в заметной мере отразились в деятельности первого представительного общеимперского органа – Государственной Думы.

В 1906 г. Государственная Дума стала политической площадкой, где обозначились все главные этнополитические и конфессиональные вопросы Российской империи, в том числе, мусульманский вопрос в контексте представительства окраин и востока Европейской части России. Проблема мусульманского представительства в Государственной Думе Российской империи ныне всё активнее входит в сферу интересов международного и российского исследовательского сообщества и уже имеет некоторую ис-

[891] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 11а, 4-й доп. полутом, СПб., 1907. С. XVIII.

ториографию[892]. Впрочем, специальных работ о мусульманском вопросе в Государственной Думе в 1914–17 гг. пока ещё не появилось.

Избирательную модель изначально выстраивали «по двойному стандарту», нормативному для 51 губернии и области Европейской России (250 тыс. человек на 1 депутата) и увеличенному – 350 тыс. человек на 1 депутата для окраин (Кавказ, Степной край, Туркестан). Реальные же нормы отличались даже в 6–8 раз, например, 121 тыс. чел. на одного депутата от русской Олонецкой губернии и 1564 тысячи для избирания одного депутата «мусульманина-инородца» от Ферганской области. Таким образом, нормы избрания «мусульман-инородцев» Азиатской части империи многократно отличались от норм избрания в Европейской России. Значительной части мусульман Азиатской части империи касался языковой ценз: в члены Государственной Думы не могли избираться лица, не знающие русского языка. Не в пользу мусульман было проведено деление даже низовых волостных и уездных избирательных съездов по конфессиональному принципу, первоначально на Кавказе (между азербайджанцами и армянами), затем и для православных и мусульман в Волго-Уралье. Для разделения избирателей практиковалось создание специальных русских и «инородческих» избирательных (почти везде мусульманских) округов в Степном крае и Туркестане, а затем и на Кавказе.

Такая система, особенно после изменения избирательного закона 3 июня 1907 г., когда Казахстан и Центральная Азия полностью были лишены представительства, а представительство Кавказа сократилось вдвое, радикально уменьшала число депутатов от мусульманских народов.

В этом контексте главной заслугой Думы в политической жизни мусульманских народов стала возможность создания думской Мусульманской фракции, которая развернула широкую презентацию интересов мусульманского сообщества и стала центром политической жизни исламских народов Российской империи.

По своей организации Мусульманская фракция представляла собой межрегиональное этноконфессиональное объединение депутатов. По своей политической сущности она была национально-демократической группой, консолидировавшей немалую часть депутатов Думы вокруг демократических требований национального и религиозного равноправия. В I Думе во фракции было 22 мусульманских депутата. Во II Думе – уже 36. Несмотря на сокращение мусульманского представительства в III – IV Думах до 10

---

[892] Циунчук Р. А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность Мусульманской фракции в Государственной Думе России 1906–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997; Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906–1917 гг. Сб. док. и матер. Сост. Л. Ямаева. Уфа, 1998; Кэмпбелл Е. И. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки. № 4 (122). М., 2001; Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). Казань, 1999; Усманова Д. М., Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005; Циунчук Р. А. Мусульманская фракция в Государственной Думе России // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сб. научн. статей. СПб., 2012. С. 73–86; Исхаков С. М. Отношение российских мусульман к Первой мировой войне // Российская история. 2014. № 5. С. 109–121; Циунчук Р. А. Национальный вопрос в Государственной Думе накануне и во время Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 91–109, Campbell E.. The Muslim Question and Russian Imperial Governance. Bloomington, 2015 и др.

(в IV – до 6), мусульманский вопрос поднимался фракцией так же часто, как и в I – II Думах.

В III Думе Мусульманская фракция дала жёсткий отпор попыткам нагнетания ксенофобии вокруг создаваемых властью при помощи крайне правых пантюркистского, панисламистского и даже панмонголистского (Пуришкевич)[893] вопросов. Казанский адвокат Садри Максудов объяснял с думской трибуны, что польский и еврейский вопросы как бы уже «выдохлись» и поэтому нужно создать другой, новый инородческий вопрос[894], обвинить наше просветительское и культурное движение в связи с какими-то иностранными государствами». Бывший заведующий русско-татарским училищем депутат Гайса Еникеев объяснил, что «призраками инородческого сепаратизма оправдываются всяческие чрезвычайные мероприятия, а «вокруг этого мифического инородческого сепаратизма сколько народу кормится и как ловко многие выслуживаются»[895]. Депутаты, освоив парламентские технологии, всё больше работали в комиссиях, вырабатывали новую тактику: использовали любые законопроекты для выступлений со своими комментариями, вопросами, внесения поправок и специальных запросов.

IV Государственная Дума стала под давлением власти ещё более политически и национально однородной (впрочем, политическая однородность оказалась, как выяснилось уже к 1915–1916 гг., ещё одной имперской иллюзией). Закон 3 июня 1907 г. и административное давление на выборах привели к тому, что численность всех национальных фракций ещё более сократилась как в абсолютных цифрах, так и в относительных пропорциях. В IV Думу было избрано 7 мусульман. Депутат Дагестанской области и Закатальского округа врач М. М. Далгат числился примкнувшим к Фракции прогрессистов, Мусульманская фракция была самой малочисленной по сравнению со всеми Думами предшествующих созывов, но в её составе были уже опытные политики: юристы И. А. Ахтямов (Уфимская губерния) и М. Ю. Джафаров (Бакинская, Елисаветпольская и Эриванская губернии), счетовод волостного правления Г. Х. Байтеряков (Уфимская губерния), директор суконной фабрики и заведующий училищем Г. Х. Еникеев (Оренбургская губерния), председатель волостного суда и уездный земский гласный М. Г. Миннигалеев (Самарская губерния), отставной гвардейский полковник, земский деятель, депутат I – III Дум К.-М. Б.-Г. Тевкелев (Уфимская губерния)[896]. Пять депутатов были татарами – И. А. Ахтямов, Г. Х. Байтеряков, Г. Х. Еникеев, М. Г. Миннигалеев, К.-М. Б.-Г. Тевкелев, М. Ю. Джафаров – азербайджанцем, а М. М. Далгат – лезгином. Высшее образование имели И. А. Ахтямов и М. Ю. Джафаров, остальные (кроме Г. Х. Байтерякова и М. Г. Миннигалеева) имели среднее образование. Почти все члены фракции (кроме М. Г. Миннигалеева) вошли в думские комиссии: И. А. Ахтямов (по судебной реформе, по запросам, по печати), Г. Х. Байтеряков (земельная), М. Ю. Джафаров (бюджетная и переселенческая), Г. Х. Еникеев (по народному образованию, по печати, по вероисповедальным вопросам), К.-М. Б.-Г. Тевкелев (по местно-

---

[893] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Третий созыв. Сессия четвёртая. Ч. 4. СПб., 1911. Стб. 2910, 2908.

[894] Там же. Стб. 2936,2932.

[895] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 655–656.

[896] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. Справочник. 1913. Вып. 6. СПб., 1913. Стб. 176, 180.

му самоуправлению, по военным и морским делам, продовольственная). Депутат III и IV Дум Г. Х. Еникеев был избран товарищем секретаря III Думы. Председателем фракции был её старейшина К.-М. Б.-Г. Тевкелев, секретарём – И. А. Ахтямов. Мусульманская фракция продолжала использовать тактику, выработанную ещё в III Думе с целью использовать любые возможности для выдвижения национальных требований и внесения запросов, для пропаганды этих требований и укрепления связей фракции с избирателями, для координации национального движения.

Члены Мусульманской фракции выступили уже при обсуждении правительственного заявления, которое сделал в Думе председатель Совета министров В. Н. Коковцов, объявивший государственными принципами «единство и нераздельность империи, первенство в ней русской народности и веры православной», добавив при этом, «что под сенью русского двуглавого орла достаточно простора для спокойной жизни всех народностей» [897]. В. Н. Коковцову с трибуны ответил депутат И. А. Ахтямов: «На перемену политики правительства по отношению к инородческому вопросу мы рассчитывать не можем... нам в лучшем случае обещают благожелательное отношение, нас готовы терпеть под сенью двуглавого орла» [898]. И. А. Ахтямов заявил, что у Мусульманской фракции вызывают озабоченность состояние дел в народном образовании и планы распространения землеустроительных законов 1910–1911 гг. на окраины, где переселенческая политика направлена против традиционного землепользования коренных народов. От имени фракции он перечислил необходимые для мусульманского населения политические реформы: неотложный пересмотр «избирательного закона», поскольку «закон 3 июня 1907 г. лишил громадное большинство мусульман возможности участия в народном представительстве», обеспечение для всех народов «самостоятельности и свободы в области культурно-просветительской деятельности» и широкое участие всего мусульманского населения в земском и городском самоуправлении, серьёзное реформирование «законодательства, регулирующего духовные школы и духовное управление» [899]. «Выведите нас из положения граждан второго сорта... Дайте нам под сенью русского двуглавого орла возможность культурно развиваться и работать на пользу общества наравне со всеми русскими гражданами» [900], – закончил свою речь И. А. Ахтямов. Требования отмены избирательного закона 1907 г. убедительно обосновал председатель фракции К.-М. Б.-Г. Тевкелев, подчеркнувший, что «закон ставит нас, мусульман, в худшее положение», поскольку «Степной край, Туркестанский край, Закаспийская область совершенно лишены права представительства», а выборное «право кавказских мусульман сужено до того, что весь кавказский мусульманский край может посылать в Государственную Думу лишь 2 представителей». Он констатировал, что во внутренней России ненормальным является предоставление права министру внутренних дел «делить съезды избирателей на отделения по национальным признакам» [901]. При обсуждении сметы военного ведомства

[897] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. Часть 1. СПб., 1913. Стб. 261.

[898] Там же. Стб. 371.

[899] Там же. Стб. 372, 373, 374.

[900] Там же. Стб. 374, 375.

[901] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 2206.

отставной полковник К.-М. Б.-Г. Тевкелев доказывал необходимость финансирования мусульманского духовенства в армии, а при обсуждении состояния здравоохранения в Уральской области подсчитал, что в киргизских степях на полмиллиона жителей приходится только 3 врача, проживающих в степных районах[902]. Адвокат М. Ю. Джафаров требовал распространения земского самоуправления на кавказские губернии и пересмотра городового положения в отношении мусульман[903]. Правые старались скандализировать обсуждение национальных вопросов. Так при обсуждении вопроса об отводе русским переселенцам участков казённой орошаемой земли в Туркестане, правый депутат Н. Е. Марков доказывал, что нужно исключить «из числа лиц, имеющих право заселять эти орошённые земли, представителей местных национальностей, киргизов, сартов и т. п.» Депутат М. М. Далгат назвал его аргументы «зоологическими»[904].

Острейшей проблемой думской полемики являлось национальное школьное дело. Ознакомившись со сметой Министерства народного просвещения, заведующий известным мусульманским медресе «Хусаиния» в Оренбурге Г. Х. Еникеев заявил: «Из этой сметы мы ясно видим, что Министерство народного просвещения не находит нужным делать какие бы то ни было ассигнования на поддержание и развитие родной грамоты и литературы у инородцев... стоит против национальной самобытности, против национального самосознания, против самоопределения и против национальной культуры у инородцев»[905]. Затем он дал оценку всей национальной политике правительства: «Все министерства, имеющие касательство к инородцам, действуют в этом пункте совершенно согласно, и наше конституционное правительство отличается от доконституционного только тем, что теперь давление стало более сильным, более решительным, более грубым, образуя стройную систему черносотенно-полицейско-миссионерской опеки, охватившей жизнь инородцев со всех сторон»[906]. От имени Мусульманской фракции была выдвинута программа для урегулирования учебных дел мусульманской школы[907]. Мусульманская фракция, отстаивая национальные и религиозные интересы своих избирателей, использовала думскую трибуну для разоблачения широкой антимусульманской кампании, развернувшейся в России ещё в период деятельности III Думы под лозунгами борьбы против якобы нарастающего мусульманского сепаратизма, панисламизма и панмонголизма. Депутат М. Ю. Джафаров ещё во время Балканской войны в 1913 г. выступил против навязывающегося обществу представления, что там, якобы, идёт борьба с исламом: «Идёт борьба не с исламом, а борьба балканских славянских государств с турецким государством»[908]. Г. Х. Еникеев раскрывал истинную причину начавшейся борьбы против мифического панисламизма, указывая, что главная причина репрессий против наиболее активной части мусульманского общества, включившейся в политическую жизнь России, это политика «ограничения инородцев в правах, удержания их в невежестве, в чёрном теле, материальное и духовное их ослабление,

[902] Там же. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 1844–1846, 2529–2534.

[903] Там же. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 518.

[904] Там же. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 2296, 2303.

[905] Там же. Стб. 653.

[906] Там же. Стб. 655.

[907] Там же. Стб. 655–666.

[908] Там же. Ч. 2. СПб., 1913. Стб. 18.

обезземеленье, искоренение родного языка, родной литературы, искоренение религиозных, племенных, бытовых особенностей»[909].

Члены Мусульманской фракции приняли активное участие в организации IV Всероссийского мусульманского съезда, который прошёл практически в канун Первой мировой войны – 15–25 июня 1914 г. в Петербурге. Съезд высказался за отмену избирательного закона 1907 г., предложил организовать мусульманские управления для Туркестана и Северного Кавказа, поддержал внесённые в Думу предложения по развитию национальной школы[910]. Таким образом, в первые полтора года деятельности IV Думы (1912–1914 гг.) напряжение вокруг обсуждения национального вопроса нарастало, заметно росла думская активность мусульманской фракции, начинало меняться отношение части депутатов к нуждам народов России. Национальный вопрос в империи становился всё более заметным компонентом политической борьбы.

Начало Первой мировой войны создало иллюзию общеимперского общенационального единства, проявившегося поначалу в думских голосованиях по военным и бюджетным вопросам, однако уже через год в связи с неудачами на фронте и падением военно-патриотического энтузиазма национальный вопрос становился всё более острым и актуальным. Выступивший с декларацией правительства после неудач кампании 1915 г. И.Л. Горемыкин заявлял: «Внутренняя политика наша должна быть проникнута началом беспристрастного и благожелательного внимания к интересам всех верных России граждан без различия племени языка и веры»[911]. В ответ депутат М.Ю. Джафаров взял слово, чтобы сделать заявление от имени Мусульманской фракции о происходящих в тылу Кавказского фронта массовых погромах и убийствах местных мусульман. Он сообщил: «Под шум войны над мирным мусульманским населением творились и продолжают твориться ужасы. Жизнь и имущество его ничем не гарантированы. Вымогательство, грабежи и убийства мусульман сделались здесь обычным делом. Об указанных беззакониях были поставлены в известность местные и центральные высшие власти. Но это, к сожалению, не изменило положения мусульман»[912]. Стали известны и подробности событий в Карсской и Батумской областях, значительную часть населения которых составляли исповедующие ислам турки, аджарцы, лазы и др. В Карсской области оказались разграбленными 320 селений, а в Батумской области – 160, а число убитых мирных жителей исчислялось сотнями. В Ардаганском округе чиновники и участковые начальники вымогали взятки, угрожая объявить мусульман изменниками. В Думе было оглашено письмо депутата I Думы отставного офицера З. Аджарского, который сам в августе 1914 г. по поручению губернатора «формировал мусульманскую сотню для участия в рядах нашей армии против общего врага», о насилиях над ним самим и убийстве 32 жителей[913]. Трагические события в Карсской и Батумской областях стали предметом специального думского запроса[914]. Социал-демократ А.И. Чхенкели сообщал, что многие невин-

---

[909] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия первая. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 655.

[910] Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 45–48.

[911] Государственная Дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 10.

[912] Там же.Стб. 153, 154.

[913] Там же. Стб. 2755, 2754, 2751.

[914] Там же. Стб. 650.

ные все ещё в тюрьме, а «большое количество мусульман сослано административным порядком в Сибирь и внутренние губернии»[915]. Лидер Мусульманской фракции К.-М. Б.-Г. Тевкелев (Уфимская губерния) признавал, что мусульмане отправили на фронт «своих отцов, сыновей, братьев», но в этот драматический момент «правительство наносит очень чувствительный удар их религиозному и национальному чувству»[916]. Фактически в годы войны даже лояльные мусульмане всё же воспринимались как «иные»-«чужие».

Особая страница в истории российских мусульман в период Первой мировой войны – события 1916 г. в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах, где при мобилизации местного инородческого населения на военно-тыловые работы произошло восстание местного населения, которое было жестоко подавлено. Закрытое заседание Думы 13 декабря 1916 г. было посвящено запросам, внесённым трудовиками, мусульманами, прогрессистами и другими депутатами[917], по поводу этих трагических событий. Лидер думских трудовиков адвокат А. Ф. Керенский (Саратовская губерния) как инициатор запроса о конфликте прямо обвинил в случившемся правительство, доказывая, что «причиной всего того, что произошло в Туркестане, является исключительно царская власть, объявившая и проведшая в жизнь беззаконное высочайшее повеление, беззаконным порядком, с нарушением всех элементарных требований закона и права»[918]. Конфликт фактически выводил местных инородцев за пределы правового поля, делал их враждебными «чужими» и способствовал созреванию предпосылок для последующей гражданской войны[919].

Надо отметить, что Мусульманская фракция IV Думы поддерживала регулярные контакты с другими национальными группами и представителями народов, координируя вместе с ними свои политические шаги. Примером такого сотрудничества является внесённое в Думу 20 июля 1915 г. председателем Мусульманской фракции К.-М. Б.-Г. Тевкелевым, совместное заявление латышских, литовских, эстонских, армянских, еврейских и мусульманских депутатов с требованиями «обеспечения входящим в состав России народностям гражданского и национального равноправия», устранения всяких административных стеснений, направленных против отдельных народностей и отмены «в законодательном порядке всех ограничений законов, связанных с вероисповеданием или национальностью»[920]. Фракция готовила также внесение в Государственную Думу специального законопроекта, который бы содержал «требование отмены правоограничений по отношению к инородцам»[921]. Вокруг фракции сгруппировались наиболее деятельные силы мусульманского прогрессивно-реформаторского движения. В декабре 1914 г. в Петрограде под председательством депутата Думы И. А. Ахтямова прошёл съезд представителей мусульманских общественных организаций, избравший Центральный комитет российских мусульманских обществен-

---

[915] Там же. Сессия четвёртая. Пг.,1915. Стб. 1479–1481.

[916] Там же. Сессия третья. Заседание 1. Пг., 1915. Стб. 34.

[917] Там же. Сессия четвёртая.Пг., 1916. Стб. 1423–11424.

[918] Цит. по: Зорин В. Ю., Кулешов С. В., Аманжолова Д. А. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М., 1999. С. 197.

[919]Центральная азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 292.

[920] Государственная Дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 187.

[921] Там же. Стб. 4925–4926.

ных организаций, заметную часть которого составляли члены Мусульманских фракций I – IV Дум (И. А. Ахтямов, С.-Г. Ш. Алкин, Б. Б. Каратаев, К.-М. Б.-Г. Тевкелев и др.)[922]. В начале 1916 г. при фракции было организовано Совещательное бюро, которое стало интеллектуальным, информационным и координационным центром национального движения, или как назвал его в своей книге «Идель-Урал» (изданной в 1933 г. в эмиграции) известный татарский политик и учёный Гаяз Исхаки, «невидимый национальный центр, управляющий всеми национальными делами тюрко-татар»[923]. Совещательное бюро принимало участие в разработке документов и проектов, выдвигаемых фракцией, обсуждало предполагаемые выступления и заявления членов фракции. Так в заседании Думы 15 марта 1916 г. при обсуждении сметы Министерства народного просвещения фракцией было внесено самое обстоятельное, по сути дела, программное заявление по вопросам реорганизации национального образования, в постановочной части которого отмечалась необходимость его скорейшего реформирования, поскольку: 1) преподавание на родном языке является основным орудием воспитания и обучения; 2) одной из существенных гарантий правильной постановки учебно-воспитательного дела является подготовка учителя, владеющего языком, знающего историю, литературу и быт народа и поставленного в надлежащие материальные и правовые условия; 3) существующие административные ограничения вредно сказываются на народном образовании и несовместимы с правом каждого человека на образование; 4) всякая школа должна быть свободна от какой бы то ни было политики и миссионерства; 5) неблагоприятные условия, в которые поставлены школа и жизнь отдельных народностей, препятствует не только их духовному и материальному развитию, но и благосостоянию всей России; 6) игнорирование элементарных правовых и насущных потребностей народностей, входящих в состав государства, неизбежно вызывает национальную рознь, чем нарушаются жизненные интересы единой России[924].

Деятельность Мусульманской фракции и её Совещательного бюро вызывала резкое недовольство правых сил. Епископ Уфимский и Мензелин-

---

[922] Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 50.

[923] Исхаки Г. Идель-Урал. Н. Челны, 1993. С. 44.

[924] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 3417–3418. В заявлении фракции предлагалось немедленно осуществить следующие преобразования: 1) отменить все законодательные и административные нормы, ограничивающие учебное дело мусульман; 2) ввести преподавание на родном языке, использовать его также для внешкольного и дошкольного воспитания, включить русский язык в программу начальной школы; 3) предоставить частным лицам и обществам право открывать и содержать национальные школы; 4) обеспечить школы учителями и учительницами, в совершенстве владеющими языком, историей, литературой народов; 5) открыть за счёт государства специальные педагогические учебные заведения и педагогические курсы с местными языками преподавания; 6) учредить кафедры национальных языков и литературы в высших учебных заведениях для подготовки преподавателей учительских семинарий и институтов, а также лекторов учительских курсов; 7) проводить педагогические съезды учителей отдельных районов для обсуждения учебно-воспитательного дела; 8) предоставить право участия представителям мусульманского населения в органах, ведающих мусульманскими школами; 9) в местностях с мусульманским населением предоставить мусульманам право занимать места инспекторов народных училищ; 10) «сумма, ассигнуемая из государственного казначейства на народное образование, должна быть распределена равномерно и часть её, приходящаяся на долю мусульман, должна вполне соответствовать потребностям мусульманского населения в образовании».

ский Андрей (Ухтомский) в донесении директору Департамента духовных дел писал: «Теперь всей мусульманской массой руководит Мусульманская фракция Государственной Думы и можно сказать без преувеличения, что это своего рода мусульманское министерство внутренних дел ныне руководит жизнью грамотных мусульман и организует всё русское мусульманство в одну компактную массу... Прошу Ваше превосходительство обратить внимание на мало известное правительству бюро при Мусульманской фракции Государственной Думы... в этом “бюро” имеются представители от всех наиболее видных центров мусульман, на это “бюро” собираются средства среди мусульман и очень большие; члены этого “бюро” совершают поездки по России, недавно такой член “бюро” Максудов (из Казани) объехал всех киргизов, работающих в тылу на армию и обучал их искусству подавать всякие петиции»[925].

Тем временем думская оппозиция, объединившись в 1915 г. в Прогрессивный блок, включает в свою программу прекращение преследований за веру, восстановление украинской и еврейской печати, отмену ограничений для поляков и разработку проекта автономии Польши[926]. Мусульманская фракция стремилась к сотрудничеству с думской оппозицией, поддерживала при голосованиях прогрессистов. Как и другие оппозиционные силы, Мусульманская фракция возлагала ответственность за глубочайший политический и социальный кризис в стране на самодержавное правительство. Выступая от имени Мусульманской фракции, К.-М. Б.-Г. Тевкелев по поводу разъяснений членов очередного правительства говорил: “Неспособность власти понять и оценить настроение страны, упорное нежелание предоставить народу свободу... привели к той полной дезорганизации тыла, которая теперь наблюдается во всех областях нашей жизни... Мы, мусульмане, утверждаем, что, несмотря на благожелательные заявления бывшего Председателя Совета министров, политическая власть в отношении нас осталась в эти дни такой же, как была она в мирное время. Разница заключается в том, что тяжесть угнетающей дух и подавляющей бодрость политики ощущается мусульманами гораздо сильнее и переживается ими несравненно острее, чем в мирное время”[927]. Председатель Мусульманской фракции К.-М. Б.-Г. Тевкелев обозначил чёткую тенденцию на ухудшение положения мусульман в годы разразившейся мировой войны: массовые насилия и убийства мусульман в Карсской и Батумской областях, аресты и высылки по доносам и произволу властей мусульман в Закавказье и в Закаспийской области, закрытие школ и просветительских учреждений, назначение главой мусульман европейских губерний России «лица абсолютно непопулярного»[928]. Председатель Мусульманской фракции считал, что всё это делалось с ведома и при поддержке властей, стимулировавших антимусульманскую активность уже в первые месяцы войны, когда «в одной из густонаселённых мусульманами губерний устраивается шумный антимусульманский миссионерский съезд, на котором выносятся резолюции о необходимости борьбы с исламом... некоторые миссионерствующие епи-

---

[925] Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. Речь на 2-м Всероссийском Мусульманском съезде (1917 г.). Казань, 1917. С. 15–16.

[926] Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. Л., 1967. С. 107–108.

[927] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 1407.

[928] Там же. Стб. 1409–1408.

скопы выступают с печатными брошюрами и публичными речами, в которых поносят ислам, объявляя его безнравственной, вредной и опасной для государства религией»[929]. Заявление Мусульманской фракции заканчивалось следующим призывом: «Власть должна немедленно же провести меры, указанные здесь большинством Государственной Думы. Вполне присоединяясь поэтому к пожеланиям, высказанным Прогрессивным блоком, мы, вместе с тем, со своей стороны предлагаем провести в жизнь следующие необходимые и неотложные, с нашей точки зрения, меры: отменить все ограничения, связанные с принадлежностью к вероисповеданию или национальности; провести закон о переходе из одного вероисповедания в другое, изменить положения о выборах в Государственную Думу»[930]. Имперское и национальное всё более жёстко противостояли друг другу, конфликт Думы с правительством продолжал нарастать. Ответом власти были объявления перерывов в работе Думы; последний указ о перерыве думских заседаний был подписан императором Николаем II 25 февраля 1917 г.

Таким образом, подводя итоги деятельности Мусульманской фракции в годы Первой мировой войны, можно сделать вывод, о том, что она ставила главной своей целью презентацию национальных и региональных интересов на общеимперской политической арене, выступала за последовательную демократизацию имперской национальной политики, требовала законодательного утверждения национального и конфессионального равенства, отмены всяческих ограничений, поддерживала развитие законодательного народного представительства и развитие местного самоуправления на принципах всеобщего и равного избирательного права. Мусульманская фракция, поддержав в начале Первой мировой войны верховную власть и армию, ожидала встречных шагов от правительства, однако нерешённость мусульманского вопроса и остро проявившееся в конфликтах в Закавказье в 1914–1915 гг., а также в Туркестане и Степном крае в 1916 г., восприятие мусульман как «чужих» стало весомой причиной углубления общенационального конфликта и причиной распада Российской империи[931].

---

[929] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1916. Стб. 1407–1408.

[930] Там же. Стб. 1410.

[931] Циунчук Р. А. Национальный вопрос в Государственной Думе накануне и во время Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 109.

А. А. Чирков,
Институт российской истории РАН, Россия

Военная комиссия IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны

Поражение Российской империи в русско-японской войне стало одним из факторов формирования новой политической системы, органической частью которой являлась Государственная Дума. Эта война также привела к кризису вооружённых сил Российской империи. Основные законы Российской империи, а именно 96 ст., позволяли Думе рассматривать вопросы по дополнительному финансированию Военного и Морского министерства и определение размера контингента новобранцев. I и II Государственные Думы не уделили должного внимания военно-морским вопросам. Только депутаты III Думы использовали свои полномочия, чтобы влиять на реформы Военного и Морского министерств. Впервые в структуре Государственной Думы появилась специальная Военная комиссия по государственной обороне.

По инициативе октябристов в III Думе была создана военная комиссия, которая завоевала большой авторитет и имела определённое политическое значение. После выборов изменилось равновесие сил в IV Думе, что вынудило октябристов уступить руководящие должности в ряде комиссий, в том числе в Комиссии по военным и морским делам (КВМД)[932]. В 1912 г. в неё входило 44 депутата[933], руководство было сформировано 11 декабря 1912 г., председателем был избран лидер националистов П. Н. Балашов. Многие отрицательно оценивали его деятельность в качестве председателя[934]. Действительно, в это время наблюдается значительное снижение посещаемости заседаний Комиссии[935], по сравнению, когда её председателем был А. И. Гучков. Это можно связать с требованиями нового председателя и сменой руководства Комиссии[936]. Даже сам Балашов часто пропускал заседания. Товарищами председателя были избраны октябрист Н. В. Савич и националист

[932] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 115. Оп. 2. Д. 4. Л. 48.

[933] В 1914 г. фракционный состав КВМД изменился следующим образом: по одному представителю от Польско-литовско-белорусской группы и Мусульманской фракции, 18 мест у национал-центристской коалиции, у фракции земцев-октябристов – 7 представителей, два члена «Союза 17 октября», 7 депутатов от фракции правых, 3 – прогрессиста, один член фракции Народной Свободы, и четыре представителя Независимой группы. Во время 2 сессии из комиссии выбыли – Ф. Н. Безак, П. Н. Крупенский 1-й, Г. А. Лашкарев, М. К. Сафонов, К. М. Шаховский. На их места были избраны – В. Н. Белевцев, А. П. Горсткин, А. Д. Зарин, А. Г. Ратьков-Рожнов, И. Ф. Половцов.

[934] Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 631.; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 218. К. 305. Д. 3. Л. 329.

[935] Иногда на заседаниях присутствовало всего 14 членов из 44. (См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 5. Д. 444. Л. 157.)

[936] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3339. Л. 1, 9.

Ф. Н. Безак. 1 августа 1913 г. Ф. Н. Безак отказался от звания члена Государственной Думы и его место в руководстве КВМД занял его коллега по фракции А. А. Потоцкий. Секретарём был избран член Комиссии от октябристов Э. Л. Беннигсен[937]. Стоит отметить, что всё руководство в своё время входило в состав Комиссии по государственной обороне III Думы. Такой состав руководства КВМД формально сохранился до 1915 г.

В июне 1914 г. Дума завершила вторую сессию. 9 июня 1914 г. П. Н. Балашов отчитался о деятельности КВМД, и в связи с тем, что она стала играть большую роль, просил секретаря Думы усилить состав делопроизводителей[938]. 24 июня 1914 г. уничтожались все секретные доклады КВМД[939]. После начала Первой мировой войны Дума не собиралась до 1915 г. Не было заседаний у КВМД и в третью сессию Думы, которая проходила с 27 по 29 января 1915 г.

Первая мировая война привела к политическим изменениям в стране. Первое значительное проявление сближения политических противников произошло в Комиссии по военным и морским делам в 1915 г. В июле 1915 г. была созвана Государственная Дума на четвёртую сессию, тогда Общее собрание решило увеличить число членов КВМД с 44 до 67[940] депутатов[941]. Именно тогда в Комиссию вошли представители оппозиции[942]. Увеличилось количество членов Кадетской фракции (если перед войной в КВМД был всего один кадет, то в июле 1915 г. их стало 8), впервые в комиссию вошли представители социал-демократов и трудовиков.

Председателем КВМД был избран кадет А. И. Шингарев[943]. Избрание Шингарева стало определённым показателем объединения различных политических сил в Думе[944]. Новый председатель КВМД не имел никакого отношения к Военному и Морскому министерствам[945], он даже не интересовался деятельностью Комиссии по государственной обороне в III Думе[946]. Шинга-

---

[937] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 444. Л. 1–1 об.

[938] Там же. Д. 451. Л. 262–262 об.

[939] Там же. Л. 272–275.

[940] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия четвёртая. Пг., 1915. Стб. 196.

[941] В 1916 г. было принято решение, что КВМД будет состоять из 66 депутатов.

[942] Теперь в КВМД было восемь представителей Конституционно-демократической фракции, у фракции земцев-октябристов – 11 мест, три депутата от «Союза 17 Октября», 8 – правых, 7 – прогрессистов, двое членов Трудовой группы, 6 – от Группы центра, два представителя Социал-демократической фракции, 15 представителей от Национальной фракции (через некоторое время 6 депутатов из них уже будут себя относить к Группе националистов-прогрессистов), 2 члена от Независимой группы, и по одному депутату от Польского коло, Мусульманской группы и Польско-литовско-белорусской группы.

[943] Изначально председателем был избран В. В. Шульгин (38 голосов – «за», 19 – «против», 4 воздержались), но он заявил, что не считает себя достаточно осведомлённым для руководства Комиссией в переживаемое время, и в связи с этим отказался от предлагаемой ему должности. КВМД снова приступила к голосованию, при первой подаче голосов ни у одного из кандидатов не оказалось требуемого Наказом абсолютного большинства. Только с третьей попытки был избран А. И. Шингарев, за его кандидатуру проголосовали всего 33 члена Комиссии, 30 голосов были против.

[944] К примеру, В. М. Пуришкевич проголосовал за кандидатуру А. И. Шингарева, хотя ещё 1908 г. считал его политическим врагом (См.: ОР РГБ. Ф. 218. К. 306. Д. 2. Л. 34.) .

[945] Савич Н. В. Воспоминания. СПб., Дюссельдорф. 1993. С. 163.

[946] Падение царского режима / Под ред. П. Е. Щеголева. Т. VII. М. 1927. С. 34.

рев был более активным председателем, чем Балашов, он изучал законопроекты и часто вносил поправки. Но как представителю оппозиции, которая критиковала военную комиссию за её чрезмерную секретную деятельность, ему не удалось изменить этот принцип. К тому же Шингарев не мог справиться с демаршами депутатов без помощи Председателя Думы М. В. Родзянко[947].

Должность товарища председателя сохранил Н. В. Савич, который за свою деятельность в III Думе стал неплохим специалистом в военно-морских вопросах[948]. Вторым товарищем председателя КВМД был избран националист[949] В. В. Шульгин, отношение которого к армии заключалось в том, что он отбывал воинскую повинность в сапёрной бригаде в Киеве, а в первый год войны находился в действующей армии. Секретарями были избраны Э. П. Беннигсен, И. Т. Евсеев и А. А. Потоцкий[950]. К декабрю 1916 г. из состава 1915 г. в КВМД сохранили членство 50 депутатов, Комиссию покинул Председатель Думы М. В. Родзянко и депутаты Н. А. Хомяков, И. Т. Евсеев, Н. Е. Марков 2-й, А. Д. Протопопов и др.[951]. Их заменили другие депутаты[952], одним из которых был А. Ф. Керенский[953].

На первом заседании обновлённой Комиссии по военным и морским делам 21 июля 1915 г. выступил член Комиссии и по совместительству Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко. Он заявил, что необходимо как можно скорее рассмотреть законопроект об Особом совещании[954]. Стоит отметить, что одним из инициаторов создания подобного совещания был сам Родзянко, который весной 1915 г. в Ставке предложил эту идею главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу[955]. Так становятся более понятными мотивы избрания М. В. Родзянко в КВМД и его активное участие в судьбе этого законопроекта. По убеждению Родзянко, Особое со-

---

[947] Часть депутатов отказалась выслушать приглашённого министра путей сообщения А. Ф. Трепова, и для разрешения конфликта А. И. Шингарев был вынужден обратиться за помощью к Председателю Думы М. В. Родзянко. (См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 403–404.; Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. XVII. Берлин, 1926. С. 149).

[948] ОР РГБ. Ф. 218. К. 305. Д. 3. Л. 329–330.

[949] После раскола фракции националистов он относился к думской группе националистов-прогрессистов.

[950] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. Л. 1–1 об.

[951] Н. О. Янушкевич, Д. Г. Стоянов, А. П. Савватеев, В. М. Пуришкевич, А. А. Орлов-Давыдов, М. И. Пападжанов, С. Т. Неежмаков, В. В. Милютин, А. М. Маслеников, Н. Л. Марков 1-й, Н. В. Катанский, Н. К. Волков.

[952] В. П. Басаков, С. В. Величко, Б. А. Голицын, С. Ф. Грибунин, И. И. Дмитрюков, Д. В. Закржавский, Н. Н. Львов 1-й, С. П. Мансырев, А. П. Мельгунов, Н. Н. Рычков, В. И. Самчук, А. П. Сидоров, С. М. Аджемов, А. М. Александров, Г. Т. Алферов.

[953] В партийном составе КВМД соответственно произошли изменения: у Фракции Народной свободы – 8 мест, у правых и у Русской национальной фракции по 9 представителей, 5 членов Группы националистов-прогрессистов, 6 депутатов от Группы центра, 10 членов фракции земцев-октябристов, 7 – прогрессистов, 4 депутата от «Союза 17 октября», двое представителей от Трудовой группы, два члена Социал-демократической фракции и по одному депутату от Польского коло, Мусульманской фракции, Польско-литовско-белорусской группы и от Независимой группы.

[954] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. Л. 1 об.

[955] Родзянко М. В. Крушение империи. С. 92.; Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г. Т. 1. М., 1924. С. 154.

вещание по обороне должно было решить проблемы со снабжением армии. Предполагалось, что в Совещание должны входить представители военного ведомства, законодательных учреждений и промышленников, руководил бы Совещанием военный министр.

Докладчиком по этому вопросу был избран Н. В. Савич. Комиссия обсуждала этот проект с 24 по 30 июля 1915 г. Левые и кадеты были обеспокоены «диктаторскими полномочиями» военного министра, с чем частично согласился докладчик, и в итоге это привело к децентрализации прав Совещания. Н. В. Савич предложил создать четыре совещания вместо одного и сформулировал их названия. Социал-демократ А. И. Чхенкели обратил внимание, что основной недостаток проекта заключается в том, что в Особое совещание по обороне входят представители Государственной Думы, а это, по его мнению, является «посягательством на права законодательных учреждений»[956]. Этот довод поддержал председатель Комиссии А. И. Шингарев и другие кадеты, которые опасались, что Дума потеряет контролирующие полномочия. Кадеты настаивали на исключении членов Думы и Государственного совета из состава Особого совещания, считая, что смешение законодательной и исполнительной власти опасно[957]. Марков 2-й считал, что исключить нужно только председателей Думы и Госсовета. Представитель военного ведомства ответил на это замечание тем, что было бы хорошо, если бы депутаты не только надзирали, но и помогали. Н. В. Савич, как докладчик, настаивал на включение в состав Совещания депутатов и председателей законодательных учреждений. В итоге, ни Шингареву, ни Маркову 2-му не удалось переубедить докладчика, и большинство Комиссии решило поддержать в этом вопросе Н. В. Савича.

29 и 30 июля 1915 г. КВМД рассматривала окончательную редакцию положения Особого совещания, где встал вопрос о вхождении в его состав представителей Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК). В этом вопросе компромисса достичь не удалось. Большинство КВМД соглашалось включить в состав Совещания четырёх представителей ЦВПК, но левые и кадеты настаивали на разделении представителей на группы: двое от рабочих, один от научно-технических кругов и один от промышленников. Большинством в один голос было принято это предложение[958]. Н. В. Савич считал, что Комитет сам должен решать, кто будет его представителями в Совещании, и отказался быть докладчиком в Общем собрании по этому вопросу, ввиду того, что принятое большинством Комиссии решение не совпало с его мнением. Вследствие этого, по указанному вопросу был избран содокладчиком Комиссии кадет В. А. Степанов[959].

В итоге, законопроект был принят. До начала Первой мировой войны Военная комиссия по государственной обороне Государственной Думы сохраняла свой авторитет и значимость как посредника между армией и обществом. Особое совещание по обороне и другие совещания включали в себя представителей различных общественных сил и стали более представитель-

---

[956] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. Л. 52.

[957] Там же. Л. 83 об.

[958] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. Л. 187.

[959] Там же. Л. 192 об.

ными, чем военная комиссия Думы. В то же время КВМД, приняв законопроект, передала часть своих полномочий особым совещаниям. А с учётом того, что Совет министров широко использовал 87 ст. Основных законов, то КВМД фактически лишилась львиной доли своих полномочий. Стоит отметить, что все представители Думы в Особом совещании по обороне, кроме депутата Н. Н. Опочинина, в своё время входили в состав Военной комиссии по государственной обороне Государственной Думы[960]. Члены Комиссии, участвующие в деятельности Совещания, использовали полученную там информацию и пользовались его авторитетом. Отказ левых партий участвовать в деятельности особых совещаний способствовал укреплению доверия между представителями исполнительной власти и законодательных учреждений. Работа особых совещаний была более стабильной, в отличие от Государственной Думы, деятельность которой император мог приостановить в любой момент. Право представителей Думы сохранять свои полномочия в особых совещаниях даже после роспуска палаты позволяло парламентариям постоянно контролировать исполнительную власть.

КВМД фактически стала площадкой для обсуждения общих вопросов о положении дел на фронте, где депутаты могли высказывать свои пожелания, но они были необязательны к исполнению. Чтобы придать вес своим доводам, члены Комиссии изучали технические аспекты, получали неофициальную информацию с фронта и сами посещали места боевых действий. Все полученные знания и опыт направлялись на решения определённых проблем.

В России в это время было создано несколько новых видов противогазов, от качества которых зависели жизни военнослужащих. Для выявления уровня качества противогазов были созданы различные экспертные комиссии и общественные совещания, что чрезвычайно замедляло появление этих средств защиты на фронте. Солдаты и офицеры были обеспокоены этим и писали письма депутатам. Члены КВМД изучили этот вопрос детально, ряд депутатов рассматривали эту проблему ещё в Особом совещании по обороне, и в других специальных комиссиях при военном министерстве. КВМД пыталась разобраться, почему военное ведомство медлит с полномасштабным внедрением одного вида противогаза, а отправляло небольшие партии различных видов без инструкции по их применению, что приводило к путанице. Споры разгорелись вокруг противогазов Горного института и противогаза Зелинского. Член комиссии В. А. Степанов, по специальности инженер, сообщил, что у противогаза Горного института неудобная форма загубников, сам он не выдерживает тряски, плохо выдерживает перевозку и сырость, следовательно он опасен. Что касается изобретения профессора Н. Д. Зелинского, то оно лишено таких недостатков. А. И. Шингарев добавил к этому, что противогаз Горного института содержит такое соединение, через которое нельзя выдыхать, «ибо вещество портится от выдыхаемой углекислоты»,

[960] Отметим, что в Особом совещании по обороне почти все представители Государственной Думы в своё время входили в состав КВМД – Н. Н. Львов, Д. Н. Сверчков, А. Д. Протопопов, Н. Е. Марков 2-й, В. В. Шульгин, А. И. Шингарев, Н. В. Савич, А. А. Добровольский, И. И. Дмитрюков, П. Н. Крупенский, Б. А. Энгельгардт, П. Н. Милюков, М. В. Родзянко, Д. Н. Чихачев, С. М. Аджемов, В. А. Степанов, И. Н. Ефремов, М. Д. Калугин. Единственный представитель Думы в Особом совещании, который не входил в состав думских военных комиссий, был Н. Н. Опочинин.

а аппарат Зелинского хорош именно тем, что через него можно выдыхать, тем самым даже увеличивается действие противогаза. Генерал М. А. Беляев успокаивал комиссию фактами о том, что на фронте есть многослойные марлевые повязки, компрессы, пропитанные специальным веществом, и противоцианидные маски, таким образом, по мнению военных, в армии есть определённые средства защиты, а на данный момент необходимо проводить испытания противогазов, чтобы достичь английского и французского уровней защиты. Изначально представитель ведомства даже заявлял, что противогаз Зелинского не так хорош[961], как это представляют депутаты, но после ряда высказанных профессиональных замечаний он согласился, что противогаз Зелинского имеет преимущество над другими видами[962], а насчёт противогаза Горного института заверил, что он дорабатывается, и если при испытаниях будет выявлена опасность, то этот тип противогаза не попадёт в армию.

Комиссия не могла понять, почему противогаз Зелинского не был принят на вооружение, если он прошёл все испытания, имея незначительные недостатки, тогда как противогаз Горного института провалил испытания и до сих пор претендует на поставки в армию. После того как член Комиссии В. А. Бобринский сказал, что доклад представителя министерства был ужасен, М. А. Беляев не выдержал и сделал заявление, что его, как и всю армию, убеждали в хорошем состоянии противогазов Горного института и он поверил в это. Беляев напомнил о своём докладе в Особом совещании о проведённых испытаниях противогазов, где он подтвердил, что противогаз Зелинского лучше остальных, но после него выступали определённые силы (фамилии он отказался называть), которые ложными данными убедили Совещание, что необходимы дополнительные испытания. Михаил Алексеевич сообщил КВМД, что он корил себя из-за того, что на том заседании его доклад не произвёл должного впечатления. В действительности, противогазы Горного института имели поддержку принца А. П. Ольденбургского, который был верховным начальником санитарной и эвакуационной части, чью точку зрения в Особом совещании отстаивали его приближённые П. Ф. Иорданов и Н. А. Иванов[963]. Предполагалось, что противогазы Горного института будут названы в честь принца[964]. Именно принц Ольденбургский и его управление всячески тормозило внедрение в армию изобретение профессора Н. Д. Зелинского[965]. Часть членов КВМД знала о протекции

[961] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 123.

[962] Там же. Л. 123 об.

[963] На заседании Особого совещания по обороне от 30 января 1916 г. генерал от инфантерии М. А. Беляев сообщил, что по результатам опытов лучшим оказался противогаз Зелинского. После него выступили член Государственного совета и по совместительству помощник верховного начальника санитарной и эвакуационной части П. Ф. Иорданов и приват-доцент Н. А. Иванов (впоследствии Иванов был назначен начальником II противогазового отдела Управления принца Ольденбургского и начальником IV отдела Химического комитета при Главном артиллерийском управлении). Иорданов и Иванов доказывали ошибочность проведённых опытов, и указывали на преимущества противогазов, которые показали неудовлетворительные результаты. (См.: Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 2. М., 2013. С. 72.)

[964] Фигуровский Н. А. Очерк развития русского противогаза во время империалистической войны 1914–1918 гг. М.-Л., 1942. С. 43, 46.

[965] Там же. С. 57.

А. П. Ольденбургского Горному институту. Комиссия высказала пожелания, чтобы изготовление противогазов происходило в одном месте, и было изъято из ведения Управления принца Ольденбургского[966]. Особенно было отмечено, чтобы противогазы Горного института по возможности на фронт не попадали и чтобы в армии был один вид противогазов для однообразного использования его в войсках. Комиссия просила Генеральный штаб, чтобы он больше озаботился увеличением производства противогазов в России. Но, к сожалению, пожелание Комиссии не были учтены, и противогазы Горного института попали на фронт, а в июле 1916 г., после газовой атаки, одна из дивизий понесла большие потери, и только после этого противогазы Горного института были изъяты из обращения. Уже в ноябре 1916 г. А. И. Шингарев объявил КВМД, что вопрос о противогазах был решён в Особом совещании при Военном министерстве, и та ситуация, когда на фронте оказывалось 6 разных типов противогазов без инструкций, а нижние чины не умели с ними обращаться, была решена. Противогаз Зелинского-Кумманта был признан самым целесообразным, и только противогазы этого типа стали отправляться на фронт[967].

Сталкиваясь с коррупцией и злоупотреблениями властью, которые в военное время приводили к человеческим жертвам, Комиссия использовала все свои ресурсы, чтобы решить эти проблемы. В ряде вопросов предложения КВМД не были приняты во внимание Военным министерством, что приводило и к техническому отставанию. На одном из заседаний член Комиссии Э. П. Беннигсен сообщил, что по имеющимся у него сведениям германская армия широко использует «автоматические ружья», и предложил Военному министерству озаботиться применением этого оружия в российской армии. Военный министр заверил депутатов, что министерство подробно рассмотрело вопрос о внедрении автоматических винтовок и пришло к выводу, что Германия незначительно их использует, а командированный во Францию полковник В. Г. Федоров[968] нашёл преимущества автоматических винтовок сомнительными, и высказывался за увеличение числа ручных пулемётов вместо внедрения автоматических винтовок. Депутаты не оставляли этот вопрос и неоднократно на следующих заседаниях интересовались производством автоматических винтовок, но уже другие представители военного ведомства ссылались на заключение В. Г. Федорова как разработчика подобного оружия[969]. Вопрос о внедрении в российскую армию автоматических винтовок ещё долгое время сохранял свою актуальность. В годы Первой мировой войны на вооружение было поставлено около 3200 экземпляров подобного оружия. Практика показала перспективность развития автоматических винтовок, которые в мобильности, эксплуатации, экономичности и по другим характеристикам превосходили ручные пулемёты.

---

[966] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 128 об.

[967] Там же. Л. 409.

[968] Владимир Григорьевич Федоров известный российский и советский оружейный конструктор. Действительно, В. Г. Федоров, побывав во Франции, пришёл к выводу, что «не автоматическую винтовку, а именно ручной пулемёт нужно было в первую очередь разрабатывать для русской армии». (См.: Федоров В. Г. В поисках оружия. М., 1964).

[969] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 29 об.

КВМД допускала и ошибки, к примеру, изначально члены Комиссии выступили с предложением призвать инородцев в армию[970]. Генерал М. А. Беляев был против, т. к. с этим было связано множество проблем, к примеру, многие инородцы не знали русского языка. Но военный министр А. А. Поливанов считал предложение полезным и пообещал комиссии заняться этим вопросом. Когда попытки призвать инородцев привели к беспорядкам, КВМД всю вину возложила на исполнительную власть, т. к. она не дала возможности законодателям утвердить это решение[971].

Социальные изменения, вызванные войной, экономическим и политическим кризисами, вынуждали КВМД расширять область своей деятельности. Сразу после того, как представители левых партий вошли в Комиссию, они пытались обратить внимание на рабочий вопрос, но большинство членов Комиссии изначально пренебрегало им. В феврале 1916 г. всё изменилось. Беспорядки на Путиловском заводе, который выполнял заказы для фронта, вынудили Комиссию изучить рабочий вопрос. В итоге КВМД заняла довольно интересную позицию. Большинство Комиссии согласилось с умеренными левыми, что необходимо улучшить материальное положение рабочих[972], при этом сохраняя поддержку правительства в его жёстких мерах. Комиссия осудила действия начальника Петроградского военного округа Н. Е. Туманова за то, что он не выполнил свой ультиматум и не отправил на фронт взбунтовавшихся рабочих[973]. Комиссия имела и определённый опыт в вопросах об эвакуации и беженцах. Была даже создана специальная подкомиссия. Опыт был небольшим и не совсем удачным. КВМД выразила пожелания, чтобы вопросами беженцев занималось правительство, и чтобы на местах беженцев встречали чиновники из их собственных губерний. Комиссия дальновидно предлагала отправлять ресурсы из эвакуированных губерний в столицу и в Москву. В то же время Комиссия считала необходимым ограничить доступ в крупные центры беженцев и раненых солдат[974]. Таким образом, КВМД пыталась уменьшить социальную напряжённость в крупнейших городах страны. Но и эти пожелания не были услышаны исполнительной властью.

Многие предложения КВМД оказались не востребованы, что вызывало недовольство у депутатов. Большинство членов Комиссии, до и после создания Прогрессивного блока, попыталось объединить усилия, несмотря на политические разногласия, и делало всё от них зависящее ради победы.

---

[970] РГИА. Ф. 1278. Л. 454.

[971] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 453 об.; Падение царского режима / Под ред. П. Е. Щеголева. Т. VII. М., 1927. С. 34.

[972] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 43 об.

[973] Там же. Л. 35 об.–38 об.

[974] Там же. Д. 447. Л. 357 об.–358.

Р. Юрковский,
Варминско-Мазурский университет, Польша

Польские депутаты Государственной Думы и Государственного совета и их деятельность в начале Первой мировой войны[975]

Канун Первой мировой войны был не лучшим периодом для польско-русских отношений, а также для польских политических кругов, настроенных на сотрудничество с Россией. Такая ситуация сложилась, прежде всего, из-за отказа Государственного совета поддержать 12 мая 1914 г. законопроект о самоуправлении в Царстве Польском[976]. Важно, что этот проект, рассмотрение которого началось ещё в 1905 г., в июне 1913 г. всё же был принят Государственной Думой[977]. Вероятно, с ним готовы были согласиться также Николай II и Председатель Совета министров Российской империи В. Н. Коковцов, которые по настоянию министра иностранных дел С. Д. Сазонова и в связи с ухудшающейся международной ситуацией пришли к выводу, что следует в этом вопросе пойти полякам навстречу[978]. Решение Государственного совета, отклоняющее проект, уже одобренный Думой, вызвало недоумение и возможно даже недовольство в Зимнем дворце[979]. Даже такие неприязненно настроенные по отношению к полякам журналы как «Голос Москвы»[980] и «Гражданин» (последний в лице князя В. Мещерского) подвергли осуждению результаты этого голосования[981]. 5 июня 1914 г. император направил даже специальный рескрипт на имя министра внутренних дел, в котором рекомендовал повторное внесение в Государственную Думу всего проекта, отвергнутого Государственным советом. Четыре дня спустя этот законопроект поступил в канцелярию Государственной Думы[982], однако война остановила дальнейший ход этого дела.

В такой ситуации Польское коло в IV Государственной Думе, в котором в начале работы насчитывалось 9 членов, в знак протеста рассматривало вариант коллективного отказа от мандатов, чего всё же не произошло, но два депутата – председатель Коло Юзеф Свежинский (Радомская губерния)

---

[975] Все даты в статье даются согласно т. н. старому стилю.

[976] Государственный совет // Голос Москвы. 14. V. 1914; Речь. 13. V. 1914 г.; Samorząd odrzucony // Gazeta Warszawska. 26 V 1914.

[977] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Первая сессия. Ч. III. Спб., 1913. Стб. 2106–2107.

[978] Сазонов С. Воспоминания, Париж, 1927. С. 373.

[979] Николай II выразил это во время аудиенции членов правительства в Петергофе 18. VI. 1914 года (Показания Ивана Щегловитова от 26. IV. 1917 г. [в:] Падение царского режима, Стенографические отчёты допросов и показаний данных в 1917 году Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Ред. П. А. Щоголев, Т. II, Л., 1924. С. 437).

[980] Правительство и Государственный совет // Голос Москвы. 22 V 1914.

[981] Książę Mieszczerski o samorządzie // Gazeta Warszawska 3 VI 1914

[982] Голос Москвы. 10 VI 1914.

и активный сторонник местного польского самоуправления Мариан Киниорский (Варшавская губерния) в июне 1914 г. сложили с себя депутатские полномочия, после чего в Польском коло осталось 5 депутатов. В Государственном совете, в общей сложности, в начале 1914 г. было 11 польских депутатов – 6 от губерний Царства Польского, 3 – от Виленской, Ковенской и Гродненской губерний и 2 – от курии представителей промышленности и торговли. Решение Государственного совета, принятое за два месяца до начала войны, уничтожающее подготовленный в течение нескольких лет проект правительства, принятый после долгих дискуссий Думой, было политическим шагом, который значительно ограничивал влияние двух крупных польских политических партий, направленных на поиск сотрудничества с Россией: Национально-демократической партии (т. н. эндеция) и Партии реальной политики (т. н. реалисты или угодовцы).

В июле 1914 г. в Варшаву приехал профессор А. Погодин (1872–1947 гг.), славист, который в 1902–1908 гг. работал в Варшавском университете и считался приятелем поляков. В ответ на польское выступление, касающееся налаживания сотрудничества с Россией, он сказал открыто и без обиняков, что „у поляка только один друг, т. е. он сам, а остальные граждане русского государства относятся к польскому делу безразлично»[983].

Когда 19 июля 1914 г. Германия объявила войну России, ни правительство, ни император, ни две парламентские палаты, совсем не были готовы по-новому решить польский вопрос. Польские депутаты в Государственной Думе и в Государственном совете опередили правительство и русских политиков. 26 июля 1914 г., на чрезвычайном заседании Думы[984], депутат В. Яронский внёс официальную декларацию Польского коло[985], а на IX сессии Государственного совета[986] в тот же день похожую декларацию внёс ковенский депутат А. Мейштович. В. Яронский был единственным депутатом Польского коло, находящимся в это время в Петербурге (остальные уехали на парламентские каникулы). Декларация Польского коло подчёркивала судьбоносный характер момента «столкновения славянства с германским миром», и одновременно указывала на трагическую ситуацию польского народа, «лишённого независимости и возможности свободно раскрыть свою волю». Этот трагизм, по мнению депутата В. Яронского, заключается не только в превращении польских земель в арену войны и во всех связанных с ней ужасах, но кроме того в том факте, что «разорванный на три части польский народ увидит своих детей во вражеских лагерях»[987]. Польский депутат с некоей

---

[983] Цит. по: Kidzińska A. Stronnictwo Polityki Realnej 1905–1923, Lublin 2007, s. 171.

[984] Императорский указ об одноразовом, чрезвычайном созыве Государственной Думы // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем Сенате, 1914, I отделение, № 188, С. 2052.

[985] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Чрезвычайная сессия. Заседание 26.VII.1914 г., СПб. 1914 С. 21. Польский текст: Powstanie II Rzeczypospolitej, Wybór dokumentów 1866–1925. Warszawa, 1981. S.219–220.

[986] Императорский указ об одноразовом, чрезвычайном созыве Государственного совета // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем Сенате, 1914, I отделение, № 190, С. 2054.

[987] Государственная Дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Чрезвычайная сессия. Заседание 26.VII.1914 г. СПб., 1914; Powstanie II Rzeczypospolitej, Wybór dokumentów 1866–1925. Warszawa, 1981. S. 220.

застенчивостью всё же предлагал: «Несмотря на разделение нашей земли, мы должны составлять одно целое, через чувство и доброжелательность по отношению к славянам. Занятие такой позиции, кроме правого дела, диктует нам наше политическое чутьё». Декларировалось также, что польско-русские дискуссии следует отсрочить на послевоенный период, «поскольку значительность времени, которое переживаем, должно передвинуть на задний план всякие внутренние счёты». Этот тезис также подкреплялся ссылкой на Грюнвальдскую битву: «Пусть с Божьей помощью славянство, под эгидой России, победит тевтонцев, похоже как пять столетий назад это сделали под Грюнвальдом Польша и Литва!» Воззвание заканчивается призывом, обращённым к России: «Чтобы пролитая нами кровь, и ужасы этой братоубийственной для нас войны, привели к соединению разорванного на три части польского народа» [988].

В Государственном совете Алксандр Мейштович выступал похожим образом: «Жертвы, которые понёс польский народ во время настоящей войны, будут особенно велики <...> потому что польскому народу, разделённому между тремя державами, придётся бороться в рядах враждебных армий» [989]. Его декларация была ещё более осторожной, чем Виктора Яронского, в ней не было требования объединения польских земель: «Поляки выполнят свою обязанность и начнут бой, чтобы отбить прусский Drang Nach Osten, припоминая известное сражение, в котором рядом с поляками и литовцами храбро боролись смоленские полки. Кровь поляков прольётся во имя доброго дела <...> также для того, чтобы похоронить вечные польско-русские распри для устойчивого вечного согласия поляков с русскими» [990]. Обе декларации польских депутатов в начале Первой мировой войны опередили не только русское правительство, но вышли на день раньше первой совместной прокламации «главнокомандования немецкой и австро-венгерской восточной армии», которая провозглашала, что обе армии несут полякам свободу, независимость, свободу вероисповедания, уважение к религии и «освобождение от московского ига» [991].

Декларацию, внесённую Виктором Яронским, высоко оценил руководитель эндеции Роман Дмовский: «Никогда в жизни ни один наш политический шаг так меня не порадовал. Мой друг, келецкий депутат, сказал в своей декларации то, что следовало сказать в данный значительный момент. Высказал наше стремление к объединению польских земель, представил программу войны за польское дело и поставил её в форме, которая лишала оружия противников войны, русских германофилов, путём сильного подчёркивания нашей солидарности с Россией» [992].

После собственных деклараций и указанных воззваний с противоборствующей стороны, польские политики в Варшаве и Петербурге ожидали решения русского правительства или самого Николая II. Но никакого заявления не прозвучало. 1 августа 1914 г., т. е. спустя 6 дней после польских

---

[988] Там же.

[989] Księga tęczowa Polaków. Zbiór dokumentów niedyplomatycznych od 8 sierpnia 1914 roku do 4 kwietnia 1915 roku. Warszawa, 1915. S. 9.

[990] Там же.

[991] Powstanie II Rzeczypospolitej... s. 220–221.

[992] R. Dmowski, Polityka polska i odbudowa państwa. Warszawa, 1925. S. 154.

деклараций, верховный главнокомандующий российской императорской армии великий князь Николай Николаевич издал манифест «К полякам», в котором пообещал воссоединение всех польских земель. Среди всех трёх воззваний оно было наиболее продуманным и обещало больше, чем остальные. Её наиболее весомая часть звучала следующим образом: «Полтора века назад живое тело Польши было разорвано на части, но её душа не умерла. Она жила надеждой, что придёт время воскресения для польского народа и для братского примирения с Великой Россией. Русское войско несёт вам блаженную песнь данного примирения. Пусть сотрутся границы, разделяющие на части польский народ. Пусть польский народ соединится в одно целое под скипетром Русского Императора. Под этим скипетром возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении»[993].

Данное воззвание произвело достаточно сильное впечатление не только в польской политической среде, но также и в массе польского населения. Даже польские помещики из западных губерний, к которым оно прямо не относилось, потому что говорило только о землях Царства Польского, приняли её с энтузиазмом. «Воззвание великого князя Николая Николаевича, обещающее автономию Польши, вызвало мой энтузиазм. Я хотел бы вступить в русскую армию и бороться за автономию Польши. Тогда я слепо верил в эти обещания»,[994] – вспоминал Ежи Мантейффель-Шоеге, польский помещик из Курляндской губернии. Для некоторых помещиков, например, Чапских из Минской губернии, воззвание великого князя давало возможность для нового отношения к русским. Мария Чапская вспоминала: «Такого языка мы не знали. Таких обещаний со стороны царской России никто из нас не ожидал. Мы приняли их с доброй верой, даже энтузиазмом. Впервые отец организовал в Пржилуках приём для русских, которые, как правило, никогда не приглашались в польские дома»[995]. Волна верноподданических писем и телеграмм из Царства Польского и западных губерний заполнила канцелярии местных губернаторов и самого Зимнего дворца. Словно никем не замечалось, что воззвание не имело статуса государственного документа, что его не визировал ни Председатель Совета министров Российской империи, ни тем более царствующий император. Однако не вызывает сомнений, что это воззвание великого князя и позднейшие два дополняющие являлись основой для активных действий польских политиков, связывающих с Россией надежды на восстановление польского государства.

Граф Сигизмунд Велепольский, депутат Государственного совета от Царства Польского, был принят 28 августа 1914 г. Николаем II. В ответ на слова благодарности за воззвание великого князя император засвидетельствовал, что тот помнит о своих польских подданных и уже скоро поляки получат от России значительно больше, чем это обещано манифестом великого князя Николая Николаевича. К этим обещаниям присоединились французский и английский послы, которые подтвердили, что для госу-

[993] Powstanie II Rzeczypospolitej... S. 223–224.

[994] Manteuffel-Szoege R. Inflanty, Inflanty, wspomnienia rodzinne zebrał R. Manteuffel-Szoege. Warszawa, 1991. S. 169.

[995] Czapska M. Europa w rodzinie. Wstęp Philippe Ariès. Posłowie Konstanty Jeleński. Warszawa, 1989. S. 256.

дарств, «находящихся в союзе, важной является реализация российских обещаний»[996].

Но вскоре стало совершенно ясно, что своих обещаний царь выполнять не собирается и на этой декларации всё и закончилось. Как писал в своих воспоминаниях М. Родзянко, «на следующий день после публикации воззвания к полякам начались странствия делегаций крайне правых к царю <...>, повсеместным было опасение, что признание Польше автономии может привести к расчленению государства и отделению от него Царства. Этот аргумент убедил царя, потому что министру внутренних дел было поручено задание охлаждения растущего народного чувства у поляков»[997].

Воззвание великого князя было для русского правительства неожиданностью. Вероятно, для многих даже неприятной неожиданностью. Акция с адресами вызвала здесь реакцию совсем другую, чем ожидали поляки. Император быстро забыл об обещаниях, данных С. Велепольскому, о чём стало известно уже осенью 1914 г. Поэтому в декабре 1914 г. министр внутренних дел Н. Маклаков, как враг какой-либо автономии для Царства Польского, разослал губернаторам циркуляр, объясняющий, что «воззвание не касалось Надвислянского края, а лишь земель, которые пока не принадлежат Русской империи, и которые только будут завоёваны в ходе войны»[998]. Продолжалась традиционная ограничительная политика по отношению к польскому населению. Новой проблемой стала ситуация в Восточной Галиции, части Австро-Венгрии, занятой русскими войсками осенью 1914 г., где новый военный губернатор граф Григорий Бобринский, общаясь с польским населением, прибегал к особо суровым мерам, не обращая внимания на протесты польских политиков из лагеря эндеции. Он не принимал логики и аргументов, что на этой территории должна возникнуть Польша, объявленная великим князем, находящаяся в унии с Россией. В такой ситуации суровость и жестокость российских властей вызывала заметную неприязнь поляков к России.

С осени 1914 г. до начала 1915 г. при Совете министров прошли дискуссии по проектам автономии для Царства Польского. Они проходили при отсутствии поляков, а значит и при отсутствии польских депутатов. В связи с этим обозначим только основные аспекты дискуссии. Группа противников автономии, или даже введения ограниченного местного самоуправления была наиболее сильной и влиятельной. К ней принадлежали: Председатель совета министров И. Горемыкин, заместитель председателя Б. Штюрмер, министр внутренних дел Н. Маклаков, министр юстиции И. Щегловитов, министр просвещения Л. Кассо и граф М. Таубе. Идею автономии поддерживали министр иностранных дел С. Сазонов, заместитель министра А. Нератов, министр сельского хозяйства А. Кривошеин и военный министр В. Сухомлинов. Позиция этих министров была обусловлена, в первую очередь, практическими аспектами: во-первых, в министерстве иностранных дел опасались использования этого вопроса государствами Тройственного союза, во-вторых, учитывали влияние польской эмиграции в Европе и в США.

---

[996] Kidzińska A. Stronnictwo Polityki... S. 178.

[997] Родзянко М. В. Государственная Дума и февральская революция 1917 года // Архив Русской Революции. Т. VI. Берлин, 1922. С. 23.

[998] Grossfeld L. Sprawa polska w pierwszej wojnie światowej // Ruch robotniczy i ludowy w Polsce (1914–1923). Warszawa, 1960. S. 66.

В свою очередь военное министерство было заинтересовано в лояльности поляков и спокойствии в тылу фронта. Министр С. Сазонов по поручению премьер-министра в начале ноября 1914 г. представил свой проект. Весьма ограниченный после протестов противников автономии, он был преобразован в правительственный проект, получивший благосклонность царя. Проект предполагал, что будущий Польский край (избегалось название Польша) будет создан из губерний варшавского генерал-губернаторства и земель, захваченных Германией и Австрией. Вопрос о политическом устройстве был оставлен до времён окончания войны[999]. Также был подготовлен проект министра Н. Маклакова и князя П. Енгалычева (с 23 декабря 1914 г. являвшегося варшавским генерал-губернатором), который 18 февраля 1915 г. был оформлен в Совете министров как «Главные принципы строя Польского края»[1000]. Согласно этому проекту автономия сводилась к обычному местному самоуправлению, в небольшой степени отличающемуся от земства по законам 1890 г. Этот проект никоим образом не удовлетворял польских политиков, даже тех, которые принадлежали к самому пророссийскому лагерю. Он вызвал политическое противодействие польских депутатов. Граф С. Велепольский, который имел доступ к Николаю II, во время аудиенции 27 апреля 1915 г. передал ему меморандум по польскому вопросу, согласованный с Национальным польским комитетом[1001]. Этот документ включал шесть основных принципов, на которых польские политики хотели основывать автономию польских земель. Главное – это должна быть территориальная автономия с собственными законодательными учреждениями и национальным правительством[1002]. Последствием этого меморандума было совещание, созванное по поручению царя 21 мая 1915 г., в котором, кроме премьер-министра, министра внутренних дел, министра просвещения (П. Игнатьева) и варшавского генерал-губернатора П. Енгалычева, участвовали тоже поляки: члены Государственного совета граф С. Велопольский, И. Щебеко, депутаты Государственной Думы: Ян Гарусевич, Любомир Дымша; остальные польские политики (Е. Добецкий, В. Грабский и Р. Дмовский) были членами Государственного совета и Дум прежних созывов[1003]. Все поляки защищали программу, представленную графом С. Велепольским, но ничего не добились. И. Горемыкин признал встречу лишь как совещание «информационное для российского правительства», и ни один из министров не ответил по существу на польские требования. Это вызвало очередное ходатайство неутомимого С. Велепольского к Николаю II, в результате которо-

---

[999] Toporowicz W. Sprawa polska w polityce rosyjskiej 1914–1917. Warszawa, 1973. S. 114.

[1000] Там же. С. 116–118.

[1001] Этот комитет был создан 25 ноября 1914 года под руководством Сигизмунда Велепольского. Состоял из 27 человек, принадлежащих к энденции и реалистам. Среди действующих депутатов Думы к нему принадлежали: Ян Гарусевич, Виктор Яронский, Юзеф Наконечный, а из депутатов Государственного совета – Сигизмунд Велепольский, Игнацы Щебеко, Константин Скирмунт.

[1002] Меморандум члена Государственного совета гр. Сигизмунда Велепольского от 27 апреля 1915 года // Русско-польские отношения в период мировой войны. С предисловием М. Г. Валецкого. Текст подготовлен для печати Н. М. Лапинском, Москва-Ленинград 1926. С. 50–53.

[1003] Российский Государственный Исторический Архив, Санкт Петербург (РГИА), Ф. 1276. Оп. 10. Д. 71. Л. 95–112.

го дело продвинулось в том смысле, что всё же была создана польско-русская совместная комиссия. Само название комиссии определяло круг вопросов, которые она должна была обсудить, то есть порядок осуществления начал, возвещённых в воззвании Верховного главнокомандующего от 1 августа 1914 года[1004]. Польские представители в этой комиссии (Р. Дмовский, Е Добецкий, В. Грабский, Ян Гарусевич, И. Щебеко и С. Велепольский), как и месяц назад, безуспешно пытались убедить русских членов комиссии (7 человек под руководством государственного секретаря С. Крыжановского), что автономия польских земель даст России одни выгоды, «создавая западный бастион защиты российского императорства, а также других славянских стран от политической и экономической экспансии Германии»[1005]. Но это вновь не принесло ожидаемых результатов, русские бюрократы строго придерживались проекта, выработанного Н. Маклаковым и П. Енгалычевым, который обеспечивал Царству Польскому слегка расширенное местное самоуправление по земскому образцу. Комиссия не сформулировала никаких общих положений. Впрочем, завершение её работы выпало на время внезапного отступления российских войск из Царства Польского, под напором германо-австрийского наступления. В таких условиях любая декларация российского правительства имела лишь пропагандистский характер.

При этом удивительно, что 1 августа 1915 г., когда после проигранной битвы под Горлицами российские войска со 2 мая заметно отступили, премьер-министр Иван Горемыкин, открывая III сессию Государственной Думы, поднял польский вопрос, говоря: «Его Императорское Величество поручил Совету министров разработать проект законов, признающих право Польши на организацию собственной национальной, культурной и экономической жизни, основанной на автономии под скипетром императоров России и с соблюдением государственного единства»[1006]. Учитывая, что 5 августа 1915 г. российские войска покинули Варшаву, декларация премьер-министра И. Горемыкина являлась лишь очередным устным обещанием, которое для поляков на польских землях уже не имела никакого значения.

В свою очередь, данная декларация для польских депутатов, с момента оформления Прогрессивного блока в Думе[1007] и Государственном совете[1008], предоставляла новые возможности и формы действия. В Государственном

[1004] Протокол Высочайшего учреждённого совещания для предварительного обсуждения вопроса о порядке осуществления начал возвещённых в воззвании Верховного главнокомандующего от 1 августа 1914 года // РГИА, Ф. 1162. Оп. 4. Д. 57. Л. 2. (Заседание комиссии состоялось 22–27, 29–30. VI. 1915 года).

[1005] Там же. Л. 3–6.

[1006] Seyda M. Polska na przełomie dziejów. Fakty i dokumenty. Poznań – Warszawa, 1927. T. 1. S. 545.

[1007] Прогрессивный блок был создан в Думе 25 августа 1915 года и объединял 236 депутатов из общего числа 397, участвующих в заседаниях Государственной Думы в августе 1915 года (более подробно см.: Демин В. А. Прогрессивный блок // Государственная Дума Российской Империи 1906–1917, Энциклопедия, Москва 2008, С. 500–501.

[1008] По мнению Е. Новиковой, «Прогрессивный блок в Государственном совете был создан 1 августа 1915 года в результате соглашения трёх групп депутатов: кадетов и прогрессистов, кружка внепартийного объединения и группы центра – октябристов и более правых» (Е. Э. Новикова, Государственный совет в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. Из истории кризиса «верхов» накануне Февральской буржуазно-демократической революции. Дисс. на соиск. учён. степени канд. ист. наук. М., 1985. С. 57).

совете 19 августа 1915 г. был избран состав пяти так называемых особых совещаний, куда вошли также поляки. В Особом совещании по вопросам обороны оказался И. Щебеко, в Совещании по вопросам обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу – А. Мейштович; по вопросам устройства беженцев (создано 1 сентября 1915 г.) – К. Скирмунт и Ч. Карпинский.

Закулисные договорённости по поводу вступления польских депутатов Государственного совета в Прогрессивный блок освещал «Дзенник Петрогродски» («Dziennik Piotrogrodzki») – польская газета, издаваемая в Петрограде. В сентябре 1915 г. в ней сообщалось, что сложившаяся ситуация была вызвана тем, что Польское коло в Государственном совете хотело занять активную позицию по отношению к оппозиции, возникшей в обеих законодательных палатах. Поляки в Государственном совете, со времени начала их избирания в эту палату, всегда принадлежали к так называемой Группе центра. Когда возник Прогрессивный блок, вся Группа центра присоединилась к нему, и поляки оказались перед свершившимся фактом. Надо отметить тот факт, что руководство Группы центра даже не связывалось по этому вопросу с польскими депутатами[1009]. По этой причине отношение поляков из Государственного совета к Прогрессивному блоку было весьма сложное. Польские представители формально поддерживали блок, но с оговоркой, что «оставляют за собой право на отдельное выступление и голосование в Государственном совете по тем вопросам, в которых были наиболее заинтересованы, т. е. в проблематике польско-русских отношений»[1010].

Польские депутаты обеих парламентских палат, вскоре после выступления премьер-министра И. Горемыкина, выступили 13 августа 1915 г. вместе с группой русских депутатов со специальным меморандумом в Думе и Государственном совете, в котором требовали отмены всех «административных распоряжений против поляков в области политических, гражданских и вероисповедных прав»[1011]. Тут речь шла о положениях, ограничивающих поляков и католиков, принятых после 1863 года в западных губерниях в качестве наказания за Январское восстание. Важнейшим требованием являлась отмена запрета на оборот земель поляками и разрешение на свободный доступ к службе в государственных учреждениях. В меморандуме отмечалось, что «в Литве и на русских землях количество поляков составляет два с половиной миллиона и им принадлежит почти половина земельной собственности»[1012].

Это заявление имело большое значение для всего польского пророссийского лагеря, поскольку в военной ситуации поддержка такого обращения могла стать жестом доброй воли правительства и обеих палат по отношению к польскому населению, а тем самым могла бы усилить позиции сторонников России, которые были значительно ослаблены после манёвров правительства вокруг вопроса об автономии Царства Польского. Но Дума не проявляла желания заняться требованиями польских депутатов – дебаты постоянно откладывались, и наконец заявление не получило законодательного продол-

[1009] Dziennik Piotrogradzki, 10. IX. 1915.

[1010] Новое время, 1. IX. 1915 г.

[1011] Toporowicz W. Sprawa polska w polityce... S. 204.

[1012] Kumaniecki K. W. Odbudowa państwowości polskiej 1912-styczeń 1924. Warszawa. 1924. S. 30.

жения[1013]. К нему вернулся виленский депутат Государственной Думы граф Л. Путткамер в феврале 1916 г., когда на заседании Думы он ещё раз внёс заявление об отмене ограничений, но встретился с резким сопротивлением русских националистов из западних губерний. Против выступил также министр юстиции А. Хвостов, который считал, что отмена ограничений приведёт к «развитию опасного для России „полонизма“»[1014].

Польских депутатов Государственного совета из Царства Польского охватывало также военное законодательство, касающееся выборов в Государственный совет из губерний, занятых врагом. В 1915 г. заканчивались полномочия 6 выборных польских депутатов. С. Годлевский, Ч. Карпинский, С. Лещинский, И. Щебеко, граф С. Велепольский и С. Велиовейский должны, согласно положению о выборах, покинуть Государственный совет осенью 1915 г., потому что с момента последних выборов в 1912 г. прошли предусмотренные законом три года. Но выборы из-за германской оккупации, конечно же, не могли состояться, поэтому потребовалось создание правового прецедента на период войны. Уже в середине июня 1915 г. было обсуждено в правительстве объявление специального правового акта, продлевающего мандаты этих депутатов до конца войны. 12 июля 1915 г. И. Голубев как член Законодательной комиссии Государственного совета направил заявление министру внутренних дел Н. Щербатову с вопросом: если бы Государственный совет одобрил идею продления полномочий, смог бы тогда Совет министров, согласно § 54 Закона о Государственном совете, принять на себя разработку проекта такого права, или это должен сделать сам Государственный совет?[1015] На заседании Совета министров 14 июля было принято решение, что этим вопросом будет заниматься Государственный совет, в котором на заседании Законодательной комиссии был подготовлен соответствующий проект, рассмотренный 21 июля 1915 г., «О временном отступлении в действии Государственного совета от законов о выборах членов Государственного совета среди населения Царства Польского»[1016]. На пленарном заседании Государственного совета 24 июля 1915 г. проект был принят единогласно[1017], а 25 июля был передан в канцелярию Думы с просьбой к Председателю Думы М. Родзянко как можно скорее рассмотреть его в нижней палате. Законодательная комиссия, работавшая под председательством Н. Антонова, 3 августа 1915 г. дала положительное заключение, и проект 11 августа 1915 г. был принят Государственной Думой[1018]. Он стал правовым актом 22 августа 1915 г., после того, как свою подпись под ним поставил царь Николай II[1019].

Год спустя аналогичным юридическим решением были продлены полномочия трёх польских членов Госсовета из Виленской, Ковенской и Гродненской губерний: С. Лопацинского, А. Мейщтовича и К. Скирмунта, по-

[1013] Spustek I. Polacy w Piotrogrodzie 1914–1917, Warszawa, 1966. S. 313.

[1014] Там же. S. 315.

[1015] РГИА, Ф. 1276. Оп. 10. Д. 8. Л. 144.

[1016] РГИА, Ф. 1278. Оп. 5 (1915 г.). Д. 807. Л. 3.

[1017] Государственный совет. Стенографические отчёты. Одиннадцатая сессия. Заседание 5. 1915 г. С. 55.

[1018] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5 (1915 г.). Д. 807. Л. 6–9.

[1019] Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем Сенате, 1915 г.. I отделение. № 233. С. 1768.

скольку губернии от которых они были выбраны, оказались в значительной части заняты немцами. Проект продления их полномочий был внесён в Законодательную комиссию Государственного совета 17 февраля 1916 г.[1020], а 14 марта 1916 г. был принят на пленарном заседании этой палаты[1021]. Дума проголосовала за него 4 апреля 1916 г.[1022], а царь утвердил 8 апреля 1916 г.[1023]. Германская оккупация западных губерний лишила избранных от них дворян-землевладельцев доходов от имений. Возник вопрос об их финансовом обеспечении во время работы в Государственном совете в Петрограде.

Константин Скирмунт, хотя никогда не был государственным чиновником, но с 1910 г. имел чин коллежского асессора, а с 1911 г. – придворный чин камергера[1024]. А. Мейштович с 1904 г., после торжества открытия в Вильнюсе памятника Екатерине II, получил чин камер-юнкера[1025]. Таким образом, они оба имели придворные чины при царском дворе. К. Скирмунт обратился к государственному секретарю С. Крыжановскому с просьбой о «возмещении из средств Государственной казны ущерба, который был нанесён ему в связи с принуждённым продлением сессии Государственного совета»[1026]. Ссылаясь на письмо С. Крыжановского, он обращался в августе 1915 г. к премьер-министру И. Горемыкину с письмом, в котором ходатайствовал о предоставлении одноразовых субсидий. Премьер-министр согласился, и это решение затем утвердил Николай II. О решении императора, назначившему ему 3 500 рублей «одноразовой выплаты», премьер-министр информировал К. Скирмунта в сентябре 1915 г.[1027]. Несколько позднее с подобным ходатайством к С. Крыжановскому обратился А. Мейштович. В октябре 1915 г. государственный секретарь информировал премьер-министра: «о исходатайствовании возмещения ему, в путях Монаршей личности, убытков, понесённых в связи с преждевременным прекращением сессии Государственного совета»[1028]. Похоже, как в случае с К. Скирмунтом, император согласился на одноразовую сумму 2 500 рублей, о чём премьер-министр И. Горемыкин проинформировал государственного секретаря в письме от 28 октября 1915 г.[1029]

На протяжении всего 1916 г. польские депутаты продолжали активную законодательную работу, выдвигали также другие проекты, например, уско-

---

[1020] РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 8. Л. 191–192.

[1021] Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия двенадцатая. Заседание 2. 1916 г., С. 775–777.

[1022] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 838. Л. 15.

[1023] Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем Сенате, 1916 г., I отделение, № 108, С. 837.

[1024] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 803. Л. 10. 1 января 1917 года получил IV гражданский чин реального советника.

[1025] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 746. Л. 6.

[1026]РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 803. Л. 22.

[1027] Там же. Л. 25.

[1028] РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 746. Л. 11.

[1029] Там же. Л. 12. Такую же сумму получил Станислав Глезмер – депутат Государственного совета от курии торговли и промышленности. Следует отметить, что оба члена Госсовета стали затем министрами в свободной Польше – Константин Скирмунт – министром иностранных дел (1921–1922), а Александр Мейштович – министром юстиции (1926–1928).

рения работы над уставом Царства Польского, дискутировали по некоторым аспектам польского вопроса, поставленными в программе Прогрессивного блока и выступали после деклараций премьер-министра Б. Штюрмера и министра С. Сазонова (известная речь Яна Гарусевича 22 февраля 1916 г.). До момента объявления Германией и Австро-Венгрией так называемого акта 5 ноября 1916 г., провозглашающего создание под их эгидой польского государства, в России ничего в польском деле не было решено ни русским правительством, ни законодательными палатами (впрочем, у них и не было полномочий решать такие серьёзные вопросы как изменение политического устройства).

Только 19 ноября 1916 г. новый премьер-министр А. Трепов сказал в Думе: «Мы хотим восстановить свободную Польшу в её этнографических границах и в неразрывной связи с Россией»[1030]. Поляки также после германо-австрийского акта от 5 ноября 1916 г. дождались наконец-то официального поднятия польского вопроса Николаем II. Только в новогоднем приказе по армии и флоту от 12 декабря 1916 г. император сказал, что одной из целей войны для России является «создание свободной Польши, состоящей из трёх сегодня разорванных районов»[1031]. Однако это были лишь объявления. Дальнейшие действия царского правительства, Думы и Государственного совета, к сожалению, ничего не изменили – основным барьером был здесь вопрос признания независимости Польши. Этот барьер сломало только Временное правительство в воззвании «К полякам», опубликованном 18 марта 1917 г., которое прямо говорило о «независимой и суверенной Польше». Нужно согласиться с мнением, что нерешённость в годы Первой мировой войны национальных вопросов, первым среди которых стоял польский, и восприятие их как «чужих»-«других» стали «весомой причиной углубления общенационального конфликта и распада Российской империи» [1032].

[1030] Речь Председателя Совета министров, статс-секретаря А. Ф. Трепова // Правительственный вестник. № 249, 1916.

[1031] Niepodległość, t. VI (1932), z. 3 (14). S. 450

[1032] Циунчук Р. А. Национальный вопрос в Государственной Думе накануне и в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 109.

Первая мировая война и Государственная Дума

Материалы Международной научной конференции

Казань, 17–18 октября 2014 года

Редактор Нарбут В. В.

Корректор Романосова Т. Д.

Компьютерная вёрстка Дерр Л. А.

Подписано в печать 15.09.2015
Формат 60x90/16. Печ. л. 15,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 124

Подготовка оригинал-макета и изготовление тиража:
ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104